

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тверской государственный университет»

На правах рукописи

Голубева Ольга Васильевна

ТЕОРИЯ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ ВЫВОДНОГО ЗНАНИЯ:
ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД

Специальность 10.02.19 – теория языка

Диссертация на соискание учёной степени доктора
филологических наук

Научный консультант:
Заслуженный деятель науки РФ
д.ф.н., профессор Залевская А.А.

Тверь 2016

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
---------------	---

Глава 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ВЫВОДНОГО ЗНАНИЯ

1.1. Фундаментальная процедурная база процесса опоры на выводное знание	14
1.1.1. Логико-философские основания процесса выведения умозаключения	15
1.1.2. Современные направления реконструкции процессов формирования вывода	20
1.2. Феномен процесса понимания с опорой на выводное знание в рамках когнитивного направления в науке	27
1.2.1. Особенности процедуры интерпретации в ходе получения умозаключения	28
1.2.2. Категориальные основы процесса формирования выводного знания	33
1.3. Исследование процесса понимания с опорой на выводное знание в рамках инференционного подхода	49
1.4. Экспертное знание как фактор осуществления процесса понимания в контексте герменевтических изысканий	56
1.5. Специфика процесса понимания с учётом психологических особенностей познающего индивида	60
1.5.1. Психологические основы инференционной трактовки понимания	60
1.5.2. Психолингвистические основы процесса понимания с опорой на выводное знание	73

1.6. Выводное знание как опора процесса формирования значения	83
1.6.1. Логико-семантический подход к изучению выводного знания. Пресуппозиция	91
1.6.2. Специфика выводного знания с точки зрения прагматики	100
1.6.3. Феномен эвиденциальности в языке как средство указания на источник информации	113
1.6.4. Моделирование процесса опоры на выводное знание при понимании слова / текста	116
1.7. Выводы по Главе 1	132

Глава 2

В ПОИСКАХ ИНТЕГРАТИВНОЙ ТЕОРИИ ПОНИМАНИЯ С ОПОРОЙ НА ВЫВОДНОЕ ЗНАНИЕ

2.1. Когнитивно-дискурсивные предпосылки теории эвиденциальности выводного знания	138
2.1.1. Этимология как когнитивная база процесса формирования выводного знания об объекте	139
2.1.2. Роль функции интерпретации в создании имплицитных опор в процессе понимания	151
2.2. Основы теории эвиденциальности выводного знания	174
2.3. Метод реконструкции процесса понимания с опорой на выводное знание	187
2.4. Выводы по Главе 2	191

Глава 3

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЦЕССА ПОНИМАНИЯ СЛОВА / ТЕКСТА С ОПОРОЙ НА ВЫВОДНОЕ ЗНАНИЕ

3.1. Общие требования к проведению экспериментов	193
--	-----

3.2. Предпосылки опоры на выводное знание в процессе понимания	196
3.3. Анализ результатов исследования при отсутствии вербального контекста	201
3.4. Экспериментальное исследование влияния внешних и внутренних посылок опоры на выводное знание	219
3.5. Модели опоры на выводное знание при понимании текста	257
3.6. Выводы по Главе 3	307
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	310
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	313
СПИСОК СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНЫХ ИЗДАНИЙ	342
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА.....	344

ВВЕДЕНИЕ

Реферируемая диссертация посвящена изучению феномена выводного знания (далее – ВЗ) как необходимого внутреннего источника информации в процессе осуществляемой в естественных условиях речемыслительной деятельности. В настоящей работе ВЗ получило широкую трактовку как знание-переживание (термин А.А. Залевской), или формируемая при активной роли индивида сеть причинно-смысловых связей и детерминированных ими отношений. Узлами подобной сети выступают интегративные смысловые опоры как продукты прежнего перцептивного, когнитивного, эмоционально-оценочного опыта субъекта, выводимость которых обеспечивает объяснение «для меня – здесь – сейчас» передаваемого единицей языка содержания. Правдоподобие такой опоры опосредовано её эвиденциальным характером, т.е. в процессе познания и общения индивид пропускает воспринимаемое через собственный внутренний мир, «видит» наиболее релевантные для него здесь и сейчас признаки объекта благодаря ранее сформированным «свидетельствам» оперирования знаниями – языковыми и энциклопедическими.

Актуальность исследования обусловлена неослабевающим на протяжении многих лет интересом в ряде отраслей науки к проблеме ВЗ. В русле сложившегося логико-семантического подхода к выведению имплицитно представленной в значении информации рассматривается понятие пресуппозиции как неустранимой скрытой посылки истинного вывода об объективно заданных свойствах референта (работы Е.В. Падучевой, Н.Д. Арутюновой, Ю.Д. Апресяна, В.А. Звегинцева, Ф. Шленкера, Р. Столнекера, М. Симонс и других). Такой посылке присущи: экзистенциальный характер, обеспеченный предметностью мышления индивида, категориальная обобщённость на лексическом и грамматическом уровнях, фактуальная опосредованность, обусловленность логическими процедурами выведения, осознаваемость.

Глубокое изучение феномена имплицитного компонента значения, процесса формирования вторичных значений единицы языка осуществляется в

рамках теории имплицатур, разработанной Г.П. Грайсом, основоположником прагматического направления в лингвистике. Современные исследования с позиций прагматики отражены в теории релевантности Д. Спербера и Д. Уилсон, Р. Карстона, теории имплицатур К. Баха, теории значения «по умолчанию» С. Левинсона, научных трудах Дж. Киеркиа, Л. Хорна, Ф. Реканати, М.Л. Макарова и других учёных, в рамках которых имплицатура рассматривается как семантический и/или прагматический компонент значения, выводимый при учёте контекста ситуации с опорой на принцип кооперации и вытекающие из него коммуникативные постулаты (максимы) общения (научные труды Е.В. Падучевой, М.Л. Макарова, Д.Спербера и Д. Уилсон и т.д.).

Развитие науки позволило включить рассмотрение имплицитного ВЗ в сферу психологических, нейропсихологических и психолингвистических изысканий. Сформировавшийся инференционный подход к процессу понимания даёт возможность изучить ВЗ, определяемое как инференция, или когнитивный процесс, протекающий осознаваемо / имплицитно и выявляемый в рамках ментального моделирования (см. работы Ф. Джонсона-Лэрда, Р. Звана, Д. Каннемана, Б. Тверски, К. Становича и других), на уровне нейронной структуры мозга (П. Тагард, Ф. Мартенсон и другие). Задействование инференций позволяет вывести причинное основание (causation), сформированное за счёт продуктов переработки прежнего опыта индивида, определяемых как «свидетельства» (evidences), прецеденты, и соответствующих мыслительных процедур (работы Й. Вонг, И.Е. Куриленко, посвящённые моделированию процессов понимания в рамках создания искусственного интеллекта, IT технологий).

Разнообразие современных научных теорий, посвящённых проблеме ВЗ, определяет необходимость, во-первых, обобщить результаты различных научных подходов, во-вторых, разработать интегративную теорию опоры на ВЗ в процессе идентификации индивидом значения слова / текста. В целом потребность в поиске новых, интегративных подходов к изучению языка признаётся многими учёными в рамках когнитивного направления в лингвистике

(труды А.В. Кравченко, Й. Златева, С.Дж. Коули и других), в психолингвистике (А.А. Залевская, Н.О. Золотова, П.П. Дашинимаева, Н.В. Мохамед, С.В. Чугунова и др.), в герменевтике (Н.Ф. Крюкова, Е.В. Ильина, И.В. Соловьёва, М.В. Оборина и др.). Такая теория могла бы выступить в качестве определённого этапа создания междисциплинарной объяснительной базы научного описания феномена понимания как процедуры и результата задействования перцептивного, когнитивного, эмоционально-оценочного опыта субъекта.

Объектом исследования выступает ВЗ как имплицитный внутренний источник релевантной «для меня – здесь – сейчас» информации, составляющий субъективно важный смысловой потенциал, передаваемый единицей языка. Единица языка (вслед за Н.И. Жинкиным, А.А. Залевской) в работе определена как вербально заданное с разным объёмом содержания (слово / текст) средство активации речемыслительных механизмов при выходе на образ мира индивида.

Предметом исследования является эвиденциальное смысловое переживание значения единицы языка с опорой на широкий круг языковых и энциклопедических знаний, реализуемое посредством процедур причинно-следственного характера при прямой / многоступенчатой активации «свидетельств» / примеров переработки прежнего (индивидуального и социального) мультимодального опыта. Под эвиденциальным смысловым переживанием (далее – ЭСП) понимается субъективно создаваемая в процессе речемыслительной деятельности интегративная смысловая опора, отражающая прежний опыт установления причинно-смысловой связи / связей между внешне заданными посылками и внутренне формируемым контекстом осуществления понимания значения при учёте ведущей роли индивида как инициатора установления такой связи.

Теоретическую основу исследования составляют результаты научных изысканий, посвящённых изучению значения слова с учётом имплицитного, выводного потенциала (теории пресуппозиции и имплицитности, когнитивные изыскания В. Эванса, Дж. Олвуда, И. Крекиеса и др.); исследованию процесса

понимания значения в психолингвистике (см. труды Л.С. Выготского, А.Н. Леонтьева, А.А. Леонтьева, Н.И. Жинкина, А.А. Залевской, Р.М. Зимней, И.А. Новикова, В.А. Пищальниковой, В.В. Красных, И.А. Стернина, Т.М. Рогожниковой, В.А. Садиковой, Н.О. Золотовой, Н.В. Мохаммед, Н.И. Кургановой, А.Г. Сони́на и др.); специфике семиозиса в естественных условиях познания и общения (Ч.С. Пирс, У. Эко, Ю.С. Степанов, А.Ю. Нестеров, Н.А. Черняк и др.), в том числе в рамках изучения и перевода текста (М.М. Бахтин, В.Н. Топоров, В.А. Мидовидов и др.); особенностям герменевтического подхода к процессу понимания (М. Хайдеггер, Ф. Шлеймахер, В. Дильтей, Х.-Г. Гадамер, Н.Ф. Крюкова и др.); логико-лингвистическим процедурным основам опоры на выводное знание (Е.К. Войшвилло, Е.В. Падучева, М.Л. Макаров, Й. Вонг, Д.В. Зайцев и др.); инференционному моделированию процессов понимания языка (Г.П. Грайс, Ф. Джонсон-Лэрд, Т. ван Дейк, Дж. Лакофф, Д. Спербер, Д. Уилсон и др.); психологическим и нейропсихологическим предпосылкам понимания–объяснения (Л. Барсалоу, С. Косслин, П. Тагард и другие); проблемам категоризации и концептуального моделирования в когнитивной науке о языке (Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Н.Н. Болдырев, Л.В. Бабина, В.Б. Гольдберг и др.); прецедентности в лингвокультурологии и когнитивной лингвистике (Ю.Н. Караулов, В.И. Карасик, Г.Г. Слышкин, Д.Б. Гудков, Н.А. Голубева и др.); специфике антропонимически переданного знания (А.В. Суперанская, Н.Н. Запольская, А.С. Щербак и др.).

Гипотеза исследования заключается в том, что процесс опоры на ВЗ представляет собой эвиденциальное смысловое переживание значения единицы языка, динамический процесс его объяснения «для меня – здесь – сейчас», в ходе которого активируется внутренний имплицитный потенциал («свидетельство» установления причинно-смысловой связи), открывающий доступ к активации прецедентных установок смыслового «видения» наиболее релевантных признаков, включённых в образное представление о потенциальном референте, и способов контекстного обоснования их значимости, а также к глубинным процедурным основаниям смыслоформирования, инициатором

задействования которых является активный субъект процессов познания и коммуникации.

Целью исследования является теоретическое и экспериментальное обоснование эвиденциальности смыслового переживания значения, базирующегося на выводимых «свидетельствах» прежнего опыта, интегрирующих языковые и энциклопедические знания.

Достижение названной цели предполагает решение конкретных *задач*: 1) проанализировать научную базу изучения феномена ВЗ с учётом различных подходов в логике, лингвистике, психологии и теоретически обосновать возможность решения проблемы ВЗ в рамках интегративного психолингвистического подхода; 2) проанализировать фундаментальные принципы осуществления процесса понимания с опорой на ВЗ; 3) рассмотреть предпосылки процесса понимания с опорой на широкий круг ВЗ (объективные и субъективные, языковые и неязыковые); 4) определить параметры ВЗ, в том числе причинность, эвиденциальность его специфики; 5) обосновать необходимость разработки теории эвиденциальности ВЗ и применения метода реконструкции процесса понимания с опорой на ВЗ; 6) изучить механизмы формирования интегративной структуры эвиденциальной смысловой опоры понимания; 7) выявить принципы реализации эвиденциальной опоры на ВЗ в процессе понимания; 8) дать системное описание процедуры согласования внешних и внутренних посылок в ходе понимания на базе полилучевой модели опоры на ВЗ с учётом внешних условий целесообразности этой опоры.

Материалом исследования стали результаты психолингвистических экспериментов при общем числе испытуемых 2961 человек (студентов вузов, сотрудников ряда организаций г. Смоленска); обработано 11185 реакций, изучена 581 проекция текста. Полученные экспериментальные данные позволяют обосновать основные положения теории эвиденциальности выводного знания.

По результатам проведенного теоретического и экспериментального исследования на защиту выносятся следующие положения.

1. Опора на ВЗ является объективной необходимостью для обеспечения успешности понимания как правдоподобного объяснения «для меня – здесь – сейчас». Она представляет собой установление причинно-смысловой связи между идентифицируемой в текущей ситуации познания и/или общения единицей языка (словом / текстом) и разнообразным прошлым опытом субъекта.

2. Фиксация такой связи происходит посредством маркеров-ассоциатов, множество которых составляет ассоциативно-смысловое поле потенциальных причинно-смысловых связей. Подобная процедура естественного смыслоформирования опирается на принцип субъективной причинности, обеспеченный способностью человека выступать активным участником процессов познания и коммуникации, аккумулировать опыт в виде своеобразных «свидетельств» личной причастности – прямой или косвенной.

3. Фиксируемая посредством имплицитного маркера причинно-смысловая связь задаёт выход на формируемую в естественных условиях интегративную эвиденциальную опору осуществления процесса понимания. Создание такой опоры обусловлено «мультимодальным внутренним контекстом» (термин А.А. Залевской) процесса познания и общения как совокупным продуктом опыта взаимодействия с миром, динамической самоорганизующейся системой, в рамках которой возможна реализация глубинных смысловых отношений.

4. Признание индивида главной действенной силой, обеспечивающей осуществление процесса познания и коммуникации, позволяет предполагать, что особенности перцептивно-когнитивно-эмоционально-оценочных линий переработки поступающей по различным каналам информации предопределяют стратегии осуществления процесса понимания с опорой на ВЗ. Причинность устанавливаемых смысловых связей в ходе реализации стратегий понимания обеспечивается универсальной процедурной основой причинно-следственного характера, формируемой в естественных условиях речемыслительной активности.

5. Процесс понимания с опорой на результаты прежнего опыта индивида по идентификации значения воспринимаемой единицы языка включает «свидетельства» прошлых контекстных представлений опыта взаимодействия с объектом. Такие «свидетельства»-примеры хранят скрытые признаки, менее значимые *ad hoc*, но в совокупности составляющие объяснительный потенциал, или контекстное «бытие» предыдущего опыта понимания, что обеспечивает возможность пересечений эвиденциальных смысловых переживаний различных людей и опосредует разделяемость продуктов предыдущего опыта.

6. Совокупность выделенных многими субъектами и отмеченных маркерами наиболее значимых черт, причинно связанных с контекстами прежнего представления, позволяет выделить прецедентный ракурс их смыслового «видения». Такой ракурс обеспечивает устойчивую установку социально принятого приписывания объекту обусловленных прошлым перцептивным, когнитивным, эмоционально-оценочным опытом признаков / характеристик и отражает ведущую роль субъекта в процессе понимания с опорой на ВЗ.

7. Активная позиция индивида как свидетеля происходящего, объясняющего «для меня – здесь – сейчас» смысл воспринимаемого с опорой на собственный опыт, обуславливает устойчивую процедурную установку / способ оптимальной организации потенциального контекстного «бытия»: как переживаемого заново процесса причинного обобщения, поиска новых объяснительных оснований. Такая установка получает конкретное воплощение посредством схем организации контекстного подкрепления.

8. Полилучевая модель опоры на ВЗ в процессе понимания слова / текста отображает реализацию стратегий согласования внешних и внутренних причинных посылок. Близость эвиденциального (перцептивного, когнитивного, эмоционально-оценочного) опыта прежних переживаний автора и читателя, а также схожесть языковых средств экспликации итогов таких переживаний определяют разную степень необходимости опоры на ВЗ при осуществлении речемыслительной деятельности.

Научная новизна исследования состоит в следующем: 1) представлено широкое толкование феномена ВЗ как внутреннего релевантного источника информации с учётом различных уровней осознаваемости, разных подходов к проблеме значения единицы языка, специфики внутреннего контекста процесса понимания; 2) сформулировано теоретическое обоснование эвиденциального смыслового переживания значения единицы языка в естественных условиях познания и общения, а также принципа субъективной причинности опоры на прежние «свидетельства» речемыслительной деятельности; 3) предложена трактовка индивида как активного «свидетеля» смысловых опор на основе разнообразного опыта, активируемого на различных уровнях осознаваемости результатов данного процесса; 4) создана экспериментальная доказательная база опоры на ВЗ при понимании–объяснении «для меня – здесь – сейчас», что позволяет индивиду выбрать подходящий ракурс смыслового «видения» свойств реального / потенциального референта, дополнив выводимый из наличных условий набор признаков прошлым опытом подобных переживаний; 5) определена динамическая структура эвиденциального смыслового переживания как интегративной опоры, задействуемой в процессе понимания, характеризуемой нелинейностью и спиралевидным характером межуровневых переходов; 6) выявлены динамические процедуры активации ВЗ в процессе понимания текста, обращение к которым обусловлено степенью значимости опоры; 7) разработана полилучевая модель опоры на ВЗ в процессе понимания, опирающаяся на специфику соответствующих стратегий и включающая учёт как понимаемого (внешней посылки), так и объясняющего «для меня – здесь – сейчас» правомерность установленных связей (внутренней посылки / опоры).

Для проверки рабочей гипотезы наряду с общенаучными *методами* исследования (в том числе теоретического анализа интегративного типа) использовался ряд экспериментальных методов и методик: выделение набора ключевых слов, свободный ассоциативный эксперимент, смысловое «дотраивание», дефинирование, определение смыслового содержания текста, моде-

лирование процессов понимания. В качестве основного предложен метод реконструкции процесса понимания с опорой на ВЗ как система процедур, отражающих этапы согласования внутренних и внешних посылок в ходе понимания–объяснения.

Теоретическая значимость исследования обоснована тем, что доказано существование глубинного уровня формирования ВЗ, обоснована эвиденциальная природа накапливаемого активным субъектом опыта. Применительно к тематике исследования использованы результаты изысканий Тверской психолингвистической школы, когнитивной лингвистики и психологии, прагматики, логики, что позволило обобщить современные тенденции изучения ВЗ, изложить основные положения наиболее значимых теорий и концепций, обосновать необходимость интегративного (психолингвистического) подхода к проблеме, раскрыть глубинные истоки эвиденциальности, предложить новый взгляд на проблему понимания значения в естественных условиях познания и общения.

Практическая ценность работы состоит в возможности применения разработанной концепции в теории и практике лингвистических и междисциплинарных изысканий, связанных с психолингвистическим подходом к значению. Методологическое обоснование может помочь в подготовке лекционных курсов по теории языкознания, текстологии, психолингвистике, в исследовательской практике, подготовке диссертационных работ.

Апробация работы. По теме работы опубликованы две монографии (общий объём 23 п.л.) и 47 статей и тезисов докладов, из них 20 в изданиях, рекомендованных ВАК (объём 10 п.л.). Основные результаты, описанные в диссертации, представлены на 24 международных, всероссийских научных, научно-практических конференциях и семинарах.

Глава 1

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРОЦЕССА ФОРМИРОВАНИЯ ВЫВОДНОГО ЗНАНИЯ

На современном этапе развития науки изучение процесса формирования и активации ВЗ признаётся основой понимания (the bedrock of comprehension) [Harvey, Goudvis 2007: 105]. В естественных условиях познания и общения без опоры на ВЗ «понимание происходить не может или оказывается ущербным» [Залевская 2005: 331]. Итоги такого процесса позволяют сформировать функциональные опоры, представляющие ту часть знания, которая имплицитна, скрыта [Sperber, Wilson 2005: 471] и составляет прежний опыт субъекта. Такая результативная деятельность чувствующего, мыслящего и сопереживающего индивида делает его способным создавать правдоподобный вывод–объяснение «для меня – здесь – сейчас». Смысловая опора подобного вывода представляет собой осознаваемо / неосознаваемо активируемое «свидетельство» обретения разнообразного опыта (вербального и невербального), задающее внутреннее смысловое «видение» фрагмента образа мира субъектом и имплицитируемого единицей языка.

Реальность имплицитной опоры на ВЗ при идентификации значения слова / текста признаётся *de facto*, однако нерешённость задач теоретического описания механизмов формирования и процессов задействования такой опоры не позволяет дать системное обоснование того, как люди, выступающие активными переживающими «свидетелями» происходящего, способны достигать понимания в ходе коммуникации. Решению данной проблемы и посвящено настоящее диссертационное исследование.

1.1. Фундаментальная процедурная база процесса опоры на выводное знание

Несмотря на сравнительно редкое обращение к формально-логическим выводам в речи [Макаров 2003: 125], теоретические основы выведения умозаключений и логические формулы проверки их истинности / ложности соста-

вили фундаментальную базу современных подходов к реконструкции процесса понимания с опорой на ВЗ. Моделирование такого процесса основано на дуализме точек зрения в отношении данного феномена: как формально-логического, истинного и как вероятностного, правдоподобного вывода с меньшей предсказуемостью, задаваемой социокультурной конвенцией.

Формально-логический подход связан с универсальной логической моделью «понятие – рассуждение – умозаключение», где первое – это «мысль о существенных признаках или сущности предмета», которая становится строительным материалом для высказываний-суждений, а последнее выводимо из посылок рассуждения [Анисов 2002: 23]. Конечный вывод обретает силу необходимости, исходя из заданной логикой истинности посылок или правдоподобия продуктов опоры на опыт речемыслительной деятельности. Возможность переноса языка логики в сферу описания реальных условий протекания познавательных процессов является задачей современных исследований в области искусственного интеллекта и IT технологий.

1.1.1. Логико-философские основания процесса выведения умозаключения

Структурной особенностью модели логического вывода является наличие импликации, которая определяется как операция, состоящая в образовании сложного высказывания из двух простых посредством логической связки, имеющей символическое обозначение. Она выражает важнейшее свойство правильных рассуждений (из истинных посылок нельзя получить ложный вывод), что является фундаментальным принципом всей дедуктивной логики [Рузавин 1997: 56–67]. Суждение, скрепляемое такой связкой, подразумевает необходимость условия истинности посылки для получения истинного следствия. Логическое следование трактуется как формула, где заданы все логические связки и все переменные формулы имеют истинные значения. В современных подходах в логике понятие логического следования используют для обозначения факта, что высказывание является следствием множества выска-

званий [Войшвилло, Дягтерев 2001: 96]. Эта гипотеза соответствует важнейшей интуиции релевантной логики, определяющей следование как отношение информационного толка [Зайцев 2012: 14–16].

Опора на понятийную отнесённость определила фундаментальное разделение логических умозаключений в качестве двух векторов движение мысли: от общего к частному, от частного к общему, также комбинацию такого движения – от частного к частному. Подобная дифференциация позволяет определить два основных типа вывода: дедуктивный и индуктивный, которые стали основой различных вариантов. Итогом трансформации этих типов посредством введения дополнительных этапов при создании вывода стали абдуктивные умозаключения, открытые Ч.С. Пирсом.

Классические дедуктивные заключения тесно связаны с понятием категориальных суждений, предполагающих непосредственные выводы, выводы в виде квадрата противоположностей и силлогизмы [Ивин 2004: 93], трактуемые как умозаключения, выведенные из двух посылок. Основным критерием для подобных выводов становится истинность / ложность посылок и следствия: при истинности посылок, обработка которых соответствует логическим правилам, следствие будет истинным. Структура такого умозаключения не только представляет собой общую формулу «посылка – следствие», соотносимую с условной конструкцией «если – то», но и является типовым логическим высказыванием о связях и отношениях между субъектом и предикатом. Основными свойствами дедуктивных теорий стали непротиворечивость, полнота, независимость аксиом, разрешимость.

Примером неклассической логической системы является математическая (символическая) логика, включающая логику высказываний (пропозициональную логику) и логику предикатов, трактующих предложения естественного языка не с позиции смысла / содержания, а исходя из истинности / ложности (см.: [Агарева, Селиванов 2011]). Ч.С. Пирс определял дедукцию как необходимое математически точное рассуждение (*necessary reasoning*), зависящее от нашей веры в способность извлекать значение знака и мыслить в це-

лом [CDPT 2003]. Дедуктивные выводы приложимы к идеальному пониманию вещей, схожи со схемой и нацелены на отыскание связей и отношений, эксплицитно и имплицитно заданных правилом вывода. Они имеют посылкой обобщение (правило) и его частную реализацию (случай), что ведёт к включению частного в категорию (результат) [Васюков 2006: 185].

Основной проблемой, которую трудно преодолеть при помощи дедуктивного вывода, является субъективность оценки истинности / ложности выводов, их вероятностный, интуитивный характер. Поэтому, «если дедукция выражает отношение логического вывода, то индукция характеризует отношение степени подтверждения между высказываниями», выступая «правдоподобным заключением, полученным путём установления степени его подтверждения релевантными посылками» [Рузавин 1999: 76, 308]. Отсюда индуктивные выводы – это процессы, благодаря которым человек строит вероятностные умозаключения [Андерсон 2002: 320] об истинности выявленного качества для всех подобных объектов [Пирс 2001a: 77].

Современные разработки в разных отраслях науки немислимы без изучения и обобщения эмпирического материала, что привело к появлению вероятностной / индуктивной логики, где моделируются логические отношения между высказываниями через подтверждения одного другим как вероятностной функции (см.: [Финн 2010a; 2010б]). Присутствие вероятностей в индуктивном выводе ставит задачу их исчисления. Так, известная предписывающая модель рассуждения построена на теореме Т. Байеса (формуле исчисления вероятностей), помогающей математически оценить правдоподобие выдвигаемой гипотезы. При байесовском подходе выделяются три типа вероятности: априорная (до рассмотрения доказательства), относящаяся к посылкам; условная, применяемая к самому доказательству (прямому или «от противного»); апостериорная (после изучения доказательства), что задаёт переход знаний априорного характера к апостериорным в ходе определённой процедуры.

Теорему Байеса и другие нормативные модели исчисления апостериорной вероятности гипотезы оказывается сложным применять для прогнозиро-

вания реальных умозаключений. Так, психологические эксперименты, описанные в [Kahneman, Frederick 2005] и направленные на изучение частных интуитивных выводов респондентов, доказывают, что люди могут игнорировать априорную вероятность события и, как результат, неверно трактовать апостериорную, например, при определении пространственных или социальных характеристик объекта. Значит, математически просчитанный вывод отличается от интуитивно прогнозируемого и не может быть единственно истинным, что ставит проблему психологической роли субъекта в создании умозаключения.

Взаимообусловленность индукции и дедукции вызвала необходимость разработки гипотетико-дедуктивного метода, основанного на выведении заключения по правилам дедукции из посылок, являющихся системой гипотез [Рузавин 2012: 108–125]. Эта система представляет иерархию, где верхнюю позицию занимает общая гипотеза, подтверждаемая логически выводимыми гипотезами более низкого уровня, которые, в свою очередь, проверяются через анализ эмпирических данных. Такая проверка «сверху–вниз» доказывает, что подтверждение эмпирических следствий задаётся системой теоретических посылок. При возникновении рассогласования нет необходимости отказа от выдвигаемой теории, проблема преодолевается путём пересмотра одного из её компонентов через процедуры верификации и фальсификации.

Несомненная важность дедуктивных заключений и правдоподобных выводов, их участие в моделировании процесса познания, тем не менее, не дают исчерпывающего представления о сложных путях формирования умозаключения и его проверки. Своеобразное логическое решение проблемы предложил Ч.С. Пирс, представивший логику как теорию знаков и «одним из первых поставивший вопрос о процессуальности мира и знака» [Лукьянова 2009: 15]. Учёный обосновал возможность существования абдуктивных выводов от частного к частному [Величковский 2006б: 206], обладающих наибольшими объяснительными способностями [Menzies 1996: 311]).

В интерпретации Пирса дедукция, индукция и абдукция – три типа согласия (assent), предполагающие достижение результата и составляющие

комплексный способ вывода (the mode of inference), где дедукция характеризуется выводимостью с математической точностью; индукция – количеством подтверждений, доказывающих истинность вывода; абдукция заключается в изучении фактов и формировании гипотетического объяснения. Учёный понимал абдуктивное мышление как процесс проверки большого количества фактов и выведение по её итогам новой гипотезы из малой посылки, где большая заранее известна как истинная [CDPT 2003].

В отличие от индуктивного абдуктивный вывод правдоподобен, однако, не может претендовать на истинность. Примером абдуктивного умозаключения может стать гипотеза о прошедшем ночью дожде с увиденной мокрой травой в качестве посылки. Этот вывод не трактуется как истинный, он носит правдоподобный характер и не является единственно возможным (траву, например, могли полить из шланга), но он приемлем с учётом дополнений о раскатах грома ночью. С позиций дедуктивной логики оба вывода ложны, так как формально не опираются на посылки [Рузавин 1999: 121; 2012: 126–144]). Однако, несмотря на скорее интуитивность, абдукция признаётся логической операцией, так как опирается на ранее усвоенный опыт, суммируемый в аргументе (посылке). При этом индукция подкрепляет истинность гипотезы эмпирически, дедукция устанавливает правила и критерии [Пирс 2001б].

Такая схема задаёт более совершенную, естественную (naturalistic) модель, объясняющую рождение новой мысли при помощи обретенных релевантных знаний и стратегий поиска аналогий [Gooding 1996: 78–79]. Ч.С. Пирс выделял умозаключения по аналогии в отдельную группу, но существуют мнения, относящие их к абдуктивному типу вывода [Величковский 2006б: 206]. В общем, научная абдукция характеризуется выводимостью (включает процесс вывода), целенаправленностью на создание новых гипотез, выбор релевантной гипотезы (рекомендации) исследования, понятностью (включение всех операций при порождении научных теорий), автономностью (не сводится к другим типам вывода) [Васюков 2006: 186–187].

В целом различные типы вывода представляют фундаментальную процедурную основу выведения умозаключения, задающую помимо эксплицитно представленных компонентов (посылок, следствия, связывающих их отношений) имплицитное знание об истинности или правдоподобии результата. Подобное знание выводимо из задействованной структуры и выступает правилом в случае дедуктивного вывода или правдоподобной установкой о результате абдуктивного умозаключения. Интуитивность абдуктивного вывода позволяет предполагать, что выводимость заключения из малой посылки опирается на сформированный прежде продукт опыта, характеризуемый разной степенью обобщённости.

1.1.2. Современные направления реконструкции процессов формирования вывода

Развитие современной логики делает возможным появление различных теорий, предлагающих модели формирования умозаключения посредством абдукции. Так, процесс создания базы данных интеллектуальной системы исследуется при учёте критериев соответствия, когерентности (согласованности) выдвигаемой гипотезы с имеющимися знаниями при задействовании модели абдуктивного типа вывода [Финн 2011: 318].

Модель процесса достижения истинности при помощи последовательно согласуемых абдуктивных инференций (гипотез) демонстрирует философ Я. Хинтикка, рассматривая явление абдукции в вопросно-ответной форме и соотнося его с диалогом-рассуждением в античной философии. Субъект абдукции приходит к истинному выводу путём длительных рассуждений, направленных избранной стратегией и правилами её реализации. Особую роль играет пресуппозиция, или основа, на базе которой может быть дедуктивно сформирована посылка как в утвердительной, так и вопросительной форме [Hinikka 1999: 101–107]. С нашей точки зрения, важным аспектом этой модели является признание существования имплицитной базы, которая присутствует

в качестве объективного «фона», позволяющего осуществлять контроль за правдоподобием динамически формируемых частных посылок. Такая основа даёт возможность предполагать наличие внутреннего причинно-смыслового потенциала, или багажа знаний индивида, а также релевантность части этих знаний «здесь и сейчас».

Причинность (каузальность) как понятие в логике и философии является центральным в изучении процессов формирования вывода: каузальная импликация «призвана в той или иной степени выразить причинные связи, фиксируемые в условном суждении общечеловеческой логики» [Кондаков 1971: 210]. Каузальный принцип / закон основывается на том, что «каждое явление имеет причину (вызвано, является действием), и одновременно есть причина другого явления... . При более близком рассмотрении причина распадается на (внешние) обстоятельства, при которых нечто происходит, (внутренние) условия, благодаря которым она совершается, и возбуждение, которое служит непосредственным поводом возникновения результата (действия)» [КФЭ 1994: 205]. Подобное триединство факторов, обеспечивающих запуск процесса опоры на причинную основу, даёт возможность предполагать наличие универсальной структуры как ключевого условия вывода; содержательного наполнения его внутренней и внешней базы; целесообразности как обязательного мотива, задающего релевантность и правдоподобие в конкретных условиях получения результата.

Н.Д. Арутюнова считает, что понятие причины, конкретизирующееся в событиях прошлого, является фундаментальной основой эволюции системы знаний. Коррелят слова *причина* в греческом языке означал ‘вина, ответственность за вред, зло’, и толкование «причина–вина» бытовало в русском языке до середины XIX века. Такая интерпретация стала залогом связи соответствующего концепта с рядом ненормативных явлений в семантике и синтаксисе («разбуженная языковой деривацией мысль устремляется на поиск причины») [Арутюнова 1999: 46, 76–77, 108].

История поиска причинно-смысловых корней процесса познания насчитывает века и восходит к античной философии. Глубокое философское изучение причинности осуществил Д. Юм, трактовавший познание с позиций эмпиризма и обосновавший различия разума и опыта. В понимании учёного, причинно-следственная связь не сводима к абстракции «причина – следствие». Она устанавливается опытным путём, «благодаря регулярному появлению и преемственности одного события после параллельного с ним другого события», которое «постепенно конденсируется вначале в стойкую ассоциацию ожидания, затем в привычку, в конце концов – в веру, что первое событие всегда будет сопровождать второе» [Кондрашов и др. 2005: 658–660].

По мнению Юма, познание мира может происходить при помощи живых, ярких перцепций (непосредственных переживаний / впечатлений) и более слабых, «копий наших впечатлений», – идей. Идеи обнаруживают регулярную связь на основе принципов сходства, смежности и причинности, причём лишь с помощью последней «мы можем выходить за пределы свидетельств нашей памяти и чувств». Даже если эта связь не прослеживается, человек способен объяснить произошедшее субъективное «сцепление мыслей, постепенно отдалившее его от предмета разговора» [Юм 2001: 52–59].

Принцип, который ведёт к автоматическому выведению следствия из накопленного опыта, определяется как привычка или навык. Это, в свою очередь, порождает веру в прочность / привычность связи между объектом, знания о котором хранятся в памяти, и другим объектом / явлением. Подобная вера инстинктивна, не является результатом рациональных рассуждений, а основана на переживании / чувстве, чем отлична от вымысла, и является способом представления объекта. Социальная деятельность формирует привычки оценки (ожидания наград и наказаний), т.е. мотивы, оказывающие «постоянное и единообразное влияние на дух, содействуя хорошим поступкам и предупреждая плохие». Необходимость соединения волевых актов с их мотивами видится таким же достоверным, как «и любое рассуждение относительно тел» [Юм 2001: 82–89, 148, 221].

Рассматриваемый опыт эмпирической и социальной активности как необходимая связь между различными объектами и явлениями предстаёт тем самым ВЗ, которое человек получает в ходе познавательной деятельности, обобщает и хранит в памяти во взаимосвязи с определяющими признаками данного объекта / явления. В типологии Юма такое ВЗ имеет разную степень устойчивости: от впечатления до веры в необходимость его существования. Оно выполняет определённые функции: собственно выводная (функция вывода), прогностическая, связующая (сходное мнение о функциях инференций см. в разделе 1.3).

При несомненной важности исследований Юма нужно отметить ряд аспектов, трактовка которых сегодня выглядит неоднозначной. Так, философ отказывает в значимости частным случаям фиксации причинно-смысловых связей, считая, что из единичного нельзя вывести последовательности и необходимости. Вторым спорным моментом является признание приоритета эмпирического над рациональным. Учёный приводит пример шкалы синего цвета, из которой изъят один из оттенков. Признаётся, что пропуск может быть восстановлен (спрогнозирован) без опоры на впечатления, но этот факт считается не заслуживающим внимания исключением [Юм 2001: 56–57]. Несмотря на вносимые развивающейся наукой поправки, работы Юма не потеряли актуальности и позволяют выделить принцип причинности как ведущий в ходе создания опоры на опыт взаимодействия субъекта с миром.

Причинность формирования и активации разнообразных продуктов опыта взаимодействия с миром позволяет британскому философу Д.Ч. Гудингу считать их неотъемлемой частью знаний (языковых и энциклопедических), которые способен репрезентировать объект осмысления. Эти сведения составляют экспертное знание учёного, они репрезентированы в памяти в образной или семантической форме как своеобразные свидетельства (evidence), которые интегрированы в универсальный концепт (the ubiquitous concept [Gooding 1996: 78–79]) или гибридную репрезентацию [Gooding 2010: 16].

Использование такого знания на практике крайне важно благодаря возможности вербализации, позволяющей утверждать тесное взаимодействие когнитивных и языковых структур, скреплённых логическими правилами выводимости. Формирование подобных продуктов-свидетельств происходит благодаря абдуктивной модели опоры на ВЗ (an abductive model of inference), которая предполагает определённый алгоритм: абдуцирование (неосознаваемое, в виде инсайта) новой гипотезы, тестирование, подразумевающее в случае отрицательного результата пересмотр старой и выдвижение новой гипотезы, формальная реконструкция (дедукция) посылки-основы из отобранной гипотезы, выступающая процедурой проверки правдоподобия вывода [Gooding 1996: 96] (о процедуре самоконтроля в речемыслительной деятельности индивида А.А. Залевской см. подраздел 1.5.2).

Достоинство такой модели состоит в том, что она действенна в отношении любых выводов человека, в том числе опирающихся на перцептивную информацию. Однако такая субъективность рассматривается как субъективность учёного, экспертное знание которого, очевидно, должно придать необходимую объективность и правдоподобие выводимым гипотезам. Подобный индивид способен посредством многочисленных примеров опоры на ВЗ (абдуктивных выводов) перейти от перцептивного паттерна-схемы, формируемого в процессе зрительного восприятия, к структурной модели представления знаний о фрагменте мира и далее – к динамической (процессуальной) модели преобразования этих знаний (4D модель трансформации образа).

Д.Ч. Гудинг отмечает, что процесс опоры на ВЗ не рассматривается как аналог перцептивным процессам, несмотря на то, что протекает на разных уровнях осознаваемости. Процесс инферирования опосредован целями и стратегиями учёного по формулированию и решению проблемы, своеобразием продуктов опоры на ВЗ, а также причинно-смысловыми связями между этапами построения модели, выступающими формами контроля логичности и объективности выводимых умозаключений [Gooding 2010: 22–27]. По нашему мнению, алгоритм опоры на ВЗ и модель преобразования перцептивного в ко-

гнитивное Гудинга вполне может быть применима к процессу мышления в обыденной жизни, так как любой индивид, накапливая опыт оперирования знаниями, вполне способен производить обобщения и формировать процедурные установки поиска релевантной опоры (о симуляторе в теории Л. Барсалоу, о пресуппозициях и т.д. см. разделы 1.5, 1.6).

В современных исследованиях, например, компьютерного моделирования динамики познавательной деятельности Й. Вонга, опора на ВЗ предстаёт когнитивным процессом причинного соединения (reasoning) свидетельств опыта (evidences), или посылок (причины), в качестве которых могут выступать знания о событии, объекте, действии, поведении или существовании чего-либо. Система таких элементов представляется в виде динамической каузальной сети, где причинно-смысловые связи позволяют имитировать сложный процесс человеческого мышления (to mimic complex human reasoning). Учёный выделяет бинарную, многокомпонентную (n-арную), цепную, рефлексивную (взаимосвязь причины и следствия), опосредованную (причина связана со следствием через ещё одну причину) схемы каузальных / причинных связей [Wang 2011: 50–51]. Подобные схемы выступают экспликацией логических отношений как «необходимых форм взаимосвязи всех предметов, явлений, процессов в природе и мышлении» [Кондаков 1971: 363–364].

Формирование причинных зависимостей внутри сети опирается на принцип предшествования посылок следствию, которое, включаясь в каузальную сеть, само выступает посылкой нового вывода. Опосредованность предыдущей посылкой (прецедентность) приводит к большей выделенности ряда связей (статичных и динамичных), где первые становятся устойчивым фоном для вторых. Типичность некоторых связей, частотность и доступность ведёт к формированию интуиций (неосознаваемой активации этих связей), а наиболее типичные послылки предстают аксиомами «здравого смысла», или презумпциями, «якорящими» (anchor) умозаключение [Wang 2011: 51–56].

В рамках работ по моделированию искусственного интеллекта опора на предшествующий опыт (прецедентность) позволяет выдвигать новые гипоте-

зы, необходимые для принятия решения. Так, наравне с методологическим аппаратом нетрадиционных логик существуют методы моделирования правдоподобных рассуждений (Case-Based Reasoning), основанные на учёте «прецедентов», т.е. имеющихся в опыте решений схожих задач с адаптацией к текущей ситуации. Извлечение прецедентов связано со способом их представления и организации базы правил, на основе которых принимаются решения в новых проблемных ситуациях [Куриленко 2012: 26–27].

Следовательно, рассмотрев логико-философские основания ВЗ, целью которых является разработка универсальных законов формирования умозаключения, можно сделать вывод, что трактовка основных типов вывода (дедукции, индукции, абдукции) претерпела изменения по сравнению с традиционными подходами, однако, неизменной остаётся общий структурный каркас – универсальная формула «причина / посылки – следствие». Каждый тип умозаключения имплицитно оценивает его достоверности: истинности, вероятности, правдоподобия. Такая характеристика результата суждения выступает выводным знанием, которое априорно подразумевается при задействовании той или иной схемы.

Особую значимость приобретает абдуктивная модель вывода вследствие признания важности малой посылки, на основе которой строится, по мнению Ч. Пирса, гипотетическое объяснение. Такая посылка, очевидно, представляет собой некий продукт прежнего опыта, в том числе перцептивного, трактуемый как впечатление / идея / вера (Д. Юм), свидетельство (Й. Вонг, Д.Ч. Гудинг), прецедент (И.Е. Куриленко и др.). Другими словами, за частной посылкой формулы скрывается некая значимая для субъекта опора, или установка, правдоподобие которой не противоречит большей, обобщённой посылке (стабильному «фону» и т.д.). Важной характеристикой такой выводимой опоры является степень устойчивости, что ведёт к интуитивной активации (в виде инсайта), т.е. на уровне неосознаваемого контроля.

Фундаментальная связь подобных суждений определяется как причинная, что даёт возможность сформировать каузальные / причинные цепочки

при задействовании различных схем и объяснить процесс решения проблемы. Такое решение становится итогом причинно обусловленного континуума выводов, где полученные результаты выступают посылками новых суждений, формируя своеобразную каузальную сеть. Подобная сеть выступает базой, или имплицитным фоном (пресуппозицией, по мнению Я. Хинтиikka), формируемым из продуктов опыта индивида, скреплённых причинными связями.

Названная выше глубинная естественно-логичная процедурная база в психологической трактовке задаёт определение посылки как субъективно необходимой причины и позволяет индивиду выразить знание о причинно-следственной природе мира, опосредующей жизнедеятельность члена социума (underpin human behaviour [Oaksford, Chater 2010: 4]). Универсальность принципа причинности обусловлена тем, что «в мире нет изолированных или обособленных явлений», что делает причинную связь всеобщей, необходимой и последовательной [Войшвилло, Дягтерев 2001: 418, 421].

Таким образом, положения прагматической логики Ч.С. Пирса, эмпиризма Д. Юма, современных направлений в логике, философии, в сфере искусственного интеллекта позволяют предполагать, что универсальная формула создания умозаключения, опирающаяся на принцип причинности, предполагает выведение знания о достоверности результата, о специфике посылок как динамических опор, непрерывно формируемых на базе опыта познавательной деятельности и имеющих разную степень устойчивости.

1.2. Феномен процесса понимания с опорой на выводное знание в рамках когнитивного направления в науке

Способность индивида, обладающего внутренним «видением» бытия и достаточными экспертными знаниями, к созданию правдоподобного умозаключения позволяет предполагать, что поступающая информация предстаёт внешней посылкой (активатором) внутренних ресурсов, которые формируются в ходе речемыслительной деятельности в целом и конкретного акта процесса понимания, в частности. Если установленные логикой процедурные ос-

нования дают возможность рассматривать посылки как условие достоверности результата, без учёта их внутреннего наполнения, то обращение к передаваемому внешним активатором (знаком) содержательному потенциалу, а также к изучению специфики внутреннего мира субъекта процесса понимания позволяют раскрыть особенности посылок умозаключения.

Гипотеза об интерпретационной природе знака, выводимости его значимости, связана с идеей (интерпретантой), порождаемой знаком и определяемой как «навык организма реагировать под влиянием знакового средства на отсутствующие объекты» [Пирс 2001б: 45; Моррис 2001: 72, 76] (прагматическая логика Ч.С. Пирса). Психологическая специфика «человеческого» знака [Леонтьев 1997: 101–104], разнообразие деятельности позволяет «переводить» действительность в знаки посредством специфического кода, при помощи которого она членится, оценивается, оспаривается [Эко 1998: 414–415] (концепция семиотического кода У. Эко). Одним из возможных способов фиксации результатов речемыслительной деятельности является задействование системы языка, что даёт возможность изучать единицы данной системы в качестве репрезентативных концептуального содержания, обладающего интерпретационным потенциалом (когнитивно-дискурсивный подход Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Н.Н. Болдырев, О.К. Ирисханова и др.).

1.2.1. Особенности процедуры интерпретации в ходе получения умозаключения

Признание интерпретационного потенциала неотъемлемой частью природы самого знака определяет возможность достижения понимания через рационально-логическое исчисление смыслов, объективно заданных структурой единицы языка или стоящим за ней концептуальным конструктом. Интерпретация (от лат. *разъяснение, толкование*) рассматривается, прежде всего, как «научная и логическая совокупность значений (смыслов), придаваемых каким-либо образом элементам некоторой теории (выражением, формулам,

символам)» [ФЭС 1983: 215], что позволяет одновременно трактовать этот феномен как деятельность и её результат [Демьянков 1989: 43], процесс получения которого представлен в виде теоретической или когнитивной модели, «внутри которой все входящие стимулы определяются, классифицируются» [БТПС1 2000: 323].

Как логико-рациональная процедура, интерпретация предполагает набор операций по осознаваемому извлечению скрытых смыслов, которые формируют «картотеку» неосознаваемых презумпций. Она создаётся при соотнесении с модельным миром, включённым в рамки внутреннего мира интерпретатора. Понимание в этом случае «базируется на построении возможных контекстов для интерпретируемых выражений и связано с гипотетическим выдвижением вероятных логических выводов, основанных на знании языка, информации из текста, фоновых знаний», т.е. осуществляется как создание и верификация гипотез-экспектаций [Демьянков 1989: 125, 134–143].

Нельзя не учитывать интенции участников общения, способных манипулировать смыслами, т.е. «не просто обрабатывать и/или перерабатывать языковые сообщения, но и производить эти когнитивные действия в интересах тех или иных коммуникантов». В этом случае центральным оказывается процедурное знание, необходимое для совершения таких операций и выступающее основой создания событий (событийность в качестве средства манипулирования массовым сознанием определена как ход создания и организации общения) [Демьянков 2014: 55].

Анализируя природу и особенности процесса интерпретации в целом, можно определить его как отказ от выделенной концептуальной структуры, выступающей базой интерпретации нового концепта, в пользу другой. В качестве связующего звена выступает функция интерпретации. Область аргументов функции состоит из концептов некой концептуальной системы, а область значений – конструируемые из них концепты (их структуры). Отсюда множество интерпретаций возникает благодаря бесчисленным реализациям функции в ходе последовательного, пошагового соотнесения значимых характеристик.

Итогом становятся имплицитные смыслы, осознаваемые при языковой репрезентации [Павиленис 1983: 83, 102, 105, 176, 206–209].

Концептуальная система или «определённая концептуальная, когнитивная модель (картина мира)» коррелирует с языковой картиной мира как системой, где «репрезентируется целостность (слово), которая, в свою очередь, сама репрезентирует мир» [Кубрякова 2004: 43, 59, 67]. Отсюда основой речевой коммуникации выступает «концептуальное взаимодействие, т.е. взаимная активация соответствующих структур знания между коммуникантами, обмен единицами знания в виде сформированных на основе различных типов знания смыслов» [Болдырев 2011: 11]. Подобное взаимодействие предполагает опору на результаты познавательной активности индивида, обретенные в процессах концептуализации и категоризации и выступающие основой интерпретации, трактуемой в широком смысле в качестве мыслительной операции, имеющей целью формирование вторичного знания как на уровне коллективного, так и индивидуального знания.

Н.Н. Болдырев приводит более узкое определение интерпретации как языковой познавательной активности индивида, итоги которой помогают отразить специфику понимания объекта интерпретации. С нашей точки зрения, важным положением разрабатываемой теории представляется выделение трёх путей конфигурации индивидуального знания по отношению к коллективному: в плане объёма, содержания и отношения к интерпретируемому. Такие типы потенциальных преобразований заданы посредством трёх функций языковой интерпретации: селекции, классификации, оценки. Реализация первой открывает различия индивидуальных концептуальных систем, исходя из объёма, особенностей структуры, способов репрезентации знаний о мире, а также средств языковой передачи. Вторая связана с тенденцией ментального познания мира, третья – отражения отношения посредством формирования оценочных суждений об объекте или событии [Болдырев 2014; 2011].

Выделение трёх типов интерпретирующей функции и, соответственно, различных видов языковой интерпретации даёт возможность полагать, что ре-

зультат процесса интерпретации не может считаться предзаданным. Языковая интерпретационная деятельность, опираясь на особенности результатов концептуализации и категоризации, осуществляется в трёх направлениях, каждое из которых, очевидно, должно обнаруживать некоторый приоритет у конкретного индивида. Возникновение подобных предпочтений в ходе опыта его познавательной деятельности неизбежно приведёт к установлению имплицитных связей между необходимым аспектом знаний об объекте интерпретации и результатом их переосмысления. Наличие приоритета какого-либо типа языковой интерпретационной активности и возникновение имплицитных связей связано с проблемой ВЗ, т.е. выявления релевантных путей интерпретационной активности и создание соответствующих предпочтений у субъекта.

Значимость роли индивида в процессе формирования итогов познавательной деятельности подчёркивает О.К. Ирисханова, отмечая, что процесс творческого преобразования охватывает весь комплекс знаний, репрезентированных в языковой форме, позволяя выделить «три зоны лингвокреативности». Онтологическая зона соотносима с изменениями в мире / социуме (естественными и рукотворными), приводящими к появлению нового именованного. Собственно лингвистическая зона включает изменения формы знака, эпистемологическая – изменения языковой картины мира за счёт индивидуальных конфигураций знания. Отсюда «изменения на уровне вербальных знаков произойдут не только и не столько потому, что в мире появился новый объект или событие, а потому, что меняются наши представления об окружающей действительности, и мы хотим вызвать подобные изменения в других» [Ирисханова 2009: 163–166].

Динамизм алгоритмически выверенных когнитивных процессов позволяет рассматривать язык как инструмент, набор соответствующих структур, необходимых для связи с внутренним миром индивида. Динамически развивающееся языковое сознание может быть представлено как когнайзер, особый механизм, обеспечивающий осознаваемую интеграцию знаний языка со знаниями о мире через постоянное приращение смыслов (элементарных единиц

знания). Одним из способов структурного представления языкового сознания признаётся ассоциативно-вербальная сеть, где единицы языка заданы прецедентно, в виде находящихся в пассивном режиме смыслов и соединены с единицами лингвокультурного знания. Связь с обобщённой когнитивной областью может быть прямой, но чаще происходит посредством имплицативных отношений, что определяет операцию импликации как логически исчисляемое «путешествие по ассоциативно-вербальной сети» в активном режиме работы когнайзера. Суждение как реализация имплицативных отношений выступает не только логическим выводом, но и его обоснованием [Караулов, Филиппович 2009: 10, 32–33, 148].

Представленный выше обзор различных научных трактовок процесса интерпретации в рамках когнитивного направления в семантике и лингвокультурологии позволяют сделать ряд выводов.

1. Интегративность процесса интерпретации. Данный феномен выступает когнитивной операцией, позволяющей интегрировать языковое и энциклопедическое знание и задающей различные типы конфигурации индивидуального знания в отношении объекта интерпретации.

2. Структурированность. Интерпретация как процедура, отражающая познавательную активность индивида, в рамках научного описания и моделирования рассматривается в качестве функции, реализуемой в рамках концептуальной базы с учётом соответствующих процедурных оснований (схем, моделей и т.д.).

3. Опосредованность. Процесс интерпретации всегда опирается на определённые предпосылки, в качестве которых выступает обобщённое концептуальное и языковое основание, структурированное в виде своеобразной картины мира, репрезентированной в языке, ассоциативно-вербальной сети и т.д. Второй посылкой, очевидно, должны стать релевантные составляющие индивидуальной концептуальной системы, активируемые средствами языка.

4. Типологическая неоднородность. Процесс интерпретации опосредован знаниями о физическом мире, метаязыковыми выводами, оценочными суждениями индивида.

5. Гипотетичность. Процесс интерпретации рассматривается как правдоподобное суждение, соответствующее логико-рациональной процедуре выведения умозаключения при учёте необходимых контекстов её реализации и задействуемых имплицитных смыслов.

6. Прецедентность / предзаданность. Связи между элементами системы и их потенциальным языковым воплощением обнаруживают определённую устойчивость, которая формируется в процессе обретения опыта оперирования знаниями о мире и ведёт к необходимости задействования имплицитных смыслов, опосредующих итог интерпретации.

Таким образом, когнитивная трактовка феномена интерпретации во многом опирается на логическую процедуру формирования умозаключения, где посылками выступают как внешние активаторы (собственно знаки языка), так и их концептуальные основания (коллективные и индивидуальные). В отличие от логических основ получения умозаключения, задающих процедурные основания, исследования в рамках когнитивного направления позволяют сосредоточиться на структурной и содержательной специфике посылок. Отношения между посылками и результатом определяются как реализация определённого типа интерпретирующей функции. Устанавливаемые в процессе обретения опыта оперирования знаниями о мире смысловые связи носят как прямой, так и имплицитный (выводной) характер.

1.2.2. Категориальные основы процесса формирования выводного знания

Названные выше параметры процесса понимания в рамках когнитивного подхода в изучении языка соотносимы с общим представлением о том, что «слово не только замещает, но и анализирует вещь», с одной стороны, обозначая её признаки, с другой, – обобщая сведения о подобных вещах, т.е.

включает в систему категорий [Лурия 1998: 45–47]. Отсюда презумпция любого суждения состоит в утверждении существования предмета, вхождении его в категорию, соглашении о номинации именем [Арутюнова 1999: 14–39].

Феномен категоризации получил неоднозначное толкование в рамках различных научных подходов. Так, в когнитивно-дискурсивном направлении лингвистики признаётся, что слово репрезентирует «не только мир вещей, но и лингвистические классы, по которым эти вещи распределены в языке» [Кубрякова 2004: 65–67], что позволило определить категорию как «знание и класса объектов, и общего концепта, который служит основанием для объединения этих объектов в одну категорию». Языковые категории трактуются как «определённые формы осмысления мира в языке» (лексические, грамматические, модусные) [Болдырев 2009: 28–46].

В целом языковая картина мира предстаёт метаязыковым конструктом, который характеризуется своеобразием формируемых структурных компонентов (концептуально-тематических областей). С одной стороны, они являются когнитивными схемами восприятия мира и знаний нём, с другой, – областями определения и интерпретации формируемых смыслов. Интерпретирующая функция этих ментальных образований «реализуется в трёх аспектах: 1) в интерпретации объектов и событий, а также в их оценке в пределах той или иной области, 2) в интерпретации объектов и событий за счёт конструирования разных связей между областями и 3) в различных способах структурирования самой концептуально-тематической области, в том числе с помощью языка». Эти области дают возможность истолковать знания о мире и реализоваться творческой активности индивида [Болдырев 2014: 33–38].

Отсюда языковая интерпретация признаётся важной составляющей языковой познавательной деятельности, динамический аспект которой обеспечивается универсальными процессами концептуализации и категоризации. Особое место в осуществлении языковой интерпретации отводится модусным категориям, вторичный характер формирования которых предполагает инферентность, т.е. выведение необходимого смысла с учётом условий реальной

коммуникации [Болдырев 2012: 76]. Например, отрицательные смыслы как определённые характеристики соответствующего концепта не создаются в «числом» виде, для их формирования необходимы дополнительные интерпретируемые концепты, или концептуальные области определения, которые составляют сложную структуру матричного характера [Болдырев 2011: 15]. Такая интегративная структура подразумевает, что потенциально любой компонент может стать концептуальной опорой осмысления доминантной характеристики в естественных условиях коммуникации, что заставляет задуматься о причинных корнях приоритета той или иной области определения и схемы осуществления этого процесса.

Наличие интерпретирующего потенциала лексических категорий как онтологического свойства, заложенного в концептуальном основании и представленного интерпретирующими форматами признаков, обосновывается в научном исследовании Л.А. Панасенко. Реализация подобного потенциала осуществляется благодаря принципу концептуального согласования (такое согласование определяется как логическое или ассоциативное) посредством установления концептуальных связей внутри и между предметными областями, что ведёт к созданию вторичных интерпретирующих значений у лексических единиц [Панасенко 2014: 8–15].

Важным аспектом исследования Л.А. Панасенко, с нашей точки зрения, является положение об интерпретирующем потенциале лексических категорий, который обеспечивается модусами интерпретации и форматами интерпретирующих признаков, в том числе перцепции, экспериенциального опыта, ассоциативного знания и т.д. Перцептивный и эмоционально-оценочный характер признаков объектов, включённых в онтологические категории, в категориях лексических приобретает статус интерпретирующих, т.е. «ментальных “слепков” с человеческого опыта, которые имеют особую значимость для процесса обработки (систематизации) поступающей информации» [Панасенко 2014: 18]. Выбор интерпретирующего признака опосредован спецификой психики и физиологии индивида, итогами его познавательной активности, а

содержательным основанием такого отбора признаётся «формат, характеризующий антропоцентрической релевантностью» [цит. раб.: 17].

Отсюда научная реконструкция процесса языковой интерпретации отражает создание устойчивых тенденций осуществления концептуализации и категоризации благодаря динамическому формированию модусов интерпретации (рамки её осуществления) на базе форматов соответствующих признаков. Знание таких форматов, подкрепляемое многочисленными примерами фактического материала, задаёт схемы согласования внутри- и межкатегориальных связей, предопределяя выбор индивида в схожих контекстах осмысления и демонстрируя приоритетность ряда путей интерпретации.

Задействование такой динамической опоры носит выводной характер, так как в модели «интерпретируемое – интерпретирующее – результат» первый элемент может рассматриваться как исходный концепт и знание о содержательном основании выбора интерпретирующего признака (дополнительно интерпретируемый концепт), а второй должен включать знание об устойчивых динамических предпосылках выбора, т.е. релевантном формате в данном когнитивном контексте. Например, интерпретирующий потенциал категории *Животный мир* в английском языке включает итоги опыта оперирования знаниями о мире и языке, а именно, какие релевантные пути уже существуют для переосмысления: посредством выбора признаков, связанных со звукоподражанием, запахом, размером животного и т.д. Отсюда обретение опыта речемыслительной деятельности невозможно без формирования скрытых установок того, какие пути преобразований признаёт релевантными языковой коллектив и/или отдельный индивид.

Выявление скрытых динамических основ процесса интерпретации в когнитивной лингвистике не противоречит соответствующим изысканиям в области психологии. Так, с позиций психологии признано, что категоризация опирается на преобладание (прецедентность) деятельности индивида, а это позволяет формировать категории на основе опыта, например перцептивной активности (перцептивные категории). Взаимодействие текущих сенсорных

данных и категорий (опыта) осуществляется под воздействием прецедентных установок и ожиданий. Здесь используются и внутренние модели, и текущие свойства органов чувств как два источника интерпретации воспринимаемого [Губанов 1986: 194, 205–208]. Учёные отмечают, что перцептивная основа категорий, подкреплённая опытом активации зон различных модальностей, значительно улучшает запоминание стимула по сравнению с опорой на общую когнитивную информацию [Garoff et al. 2005: 847]. Отсюда вербальный и невербальный опыт индивида формируют устойчивую систему отношений, функционирующую как категориальная система, изоморфная категориальной системе языка [Петренко 2005 15, 51].

Динамическая, несущая психологическую специфику, естественно протекающая категоризация позволяет рассматривать язык как неотъемлемую часть когнитивных способностей человека, которая «складывается в смысловых категориях», получающих в ходе общения конкретно-языковое оформление, задавая общий смысловой «фон» коммуникатора и реципиента [Леонтьев 2008: 27, 51]. Такое толкование, видимо, объединяет не только знание о категориальной отнесённости, но и «историю» включения сведений об именуемом объекте во внутренний мир индивида. Подобная «история» может объяснить связи, лежащие в основе субъективного смыслового «видения» объекта на базе отношений сходства и смежности, части и целого и т.д. Так, главным критерием идентификация слова *dog* как имени класса объектов у маленьких детей является форма, а цвет, функциональность и т.д. выступают критериями детализации. Активация слова другим зависит не только от общей понятийной отнесённости или перцептивных «корней» представлений об объекте, но и от опыта оперирования самим словом, в ходе которого обнаруживается, например, совпадение звучания слов *wombat* и *bat* [Altmann 2001: 137–140].

В психолингвистике процесс категоризации рассматривается при «взаимодействии двух комплементарных направлений: по линии языкового знания (т.е. ИМЕНИ *объекта*) и по линии энциклопедического знания (т.е. *имени ОБЪЕКТА*), а также при сочетании универсальных закономерностей процес-

сов дифференцирования и обобщения и национально-культурных особенностей опоры на специфику языка и на выбор наиболее типичных объектов, действий, признаков, признаков признаков и т.п.» [Залевская 2007: 185]. Включённые во внутренний контекст индивида, языковые и энциклопедические знания неизбежно взаимодействуют, оказываются неразличимыми, обеспечивая слияние слова и обозначаемого им объекта в реальных условиях познания и общения [Залевская 1992: 17], что становится залогом естественной связи категориального знания и знания о референциальной основе.

Обоснование неразрывности актов референции и категоризации открывает глубинные имплицитные основы обоих процессов, позволяющие сообщить «адресату о принадлежности объекта к некоторому классу одновременно с информацией о его существовании» [Барсук 1999: 22]. Имплицитная «идея» о существовании объекта (см. подраздел 1.6.1 о свойствах пресуппозиции) подкрепляется глубинным мысленным образом, который лежит в основе динамического формирования категории, вбирая в себя нерасчленённый комплекс свойств / признаков. Подобный обобщённый образ, «символ предполагаемой семантической единицы репрезентирует в памяти множество соответствующих объектов» и связан с конкретным понятием в процессе понятийного кодирования (установления посредством признаков, в том числе и сенсорных, понятийной отнесённости) [Хофман 1986: 60, 185]. (Общность глубинной основы образов объектов-номинантов также обосновал в теории психосемантики В.Ф. Петренко [Петренко 2005: 54]). Этот диффузный образ предопределяет конкретно-образное «видение» любого объекта, относимого к этой категории [Барсук 1999: 23, 38].

Не ставя целью осуществить детальное освещение различий в научных подходах и не оспаривая достижения каждого из них, мы полагаем, что способность к категоризации, т.е. вычленению из окружающего мира наиболее существенных для жизнедеятельности объектов, их признаков и т.д., объединение в группы согласно ряду принципов, носит фундаментальный характер и реализуется в процессе перцептивной, когнитивной деятельности, а также

накопления опыта эмоционально-оценочных переживаний индивида. Эта способность обеспечивает функционирование познавательных процессов, механизмов обретения опыта, путей переработки информации, опосредует создание нового знания и делает тематические отношения залогом организации объектов по множеству оснований.

Изучение категориальной посылки как неотъемлемой части процесса опоры на ВЗ в когнитивной психологии позволило рассмотреть её как суппозицию (a categorical premise or supposition [Johnson-Laird, Byrne 2002: 667]), или типовую, опирающуюся на опыт субъектов гипотезу, принимаемую как должное в социуме, формируемую на основе ряда предположений и являющуюся ключевым элементом естественной дедукции [Johnson-Laird 1999: 114]. В процессе создания посылок как базы условной структуры модели понимания с опорой на ВЗ отбор аргументов ведётся, исходя из содержательной релевантности, доступности, последовательности обработки в памяти.

Формируемые послылки неодинаковы по степени обобщённости: категориальные представления выступают имплицитным фоном в процессе понимания, неосознаваемо учитываемым производящим умозаключение субъектом [Johnson-Laird, Byrne 2002: 648–668; Johnson-Laird 1999: 122–127], например, в случае общего, малоинформативного вербального портрета [Kahneman, Frederick 2005: 267–276]. Такой фон остаётся как бы «в тени» и эксплицируется только в случае затруднений, вызванных, например, новизной или недостатком воспринимаемой информации. Вторая посылка предстаёт продуктом опыта субъекта, который, с одной стороны, оправдывает отнесение знаний о фрагменте мира к категории, с другой, – является примером «видения» индивидом наиболее важных признаков объекта (о концепции естественно дедуктивного вывода (everyday deductions), опосредованного «наивной каузальностью» (naive causality) [Goldvarg, Johnson-Laird 2001] см. подраздел 1.6.4).

Наличие продуктов, обусловленных опытом разнообразной деятельности, позволяет признать неизбежность опоры на ВЗ в процессе категоризации

знаний о мире. Формируемая на базе опыта опора связывается, например, с присутствием в выстраиваемых категориях «остенсивных и инферентных модусов восприятия и осмысления мира», формируемых в довербальном опыте. Такие модусы позволяют рассматривать категории с двух точек зрения: как отражательные, где преобладающей деятельностью является перцепция, и как номинальные, тяготеющие к инферентному модусу осмысления мира, т.е. когда посредством операции умозаключения человек создаёт как бы заново ментальную интеграцию объекта уже на концептуальном уровне. Поэтому в конкретном имени всегда содержится «доля» инферентности, а в абстрактном – перцептивности [Кубрякова, Ирисханова 2007: 7].

Следовательно, опыт познавательной деятельности позволяет полагать, что накопление результатов многочисленных умозаключений о свойствах объекта может осуществляться по схемам как «сверху–вниз», т.е. обобщённое категориальное знание включает знание о каждом отдельном члене при дополнительной опоре на причинно обусловленное представление о некоем примере / образце, так и «сверху–вниз», через установление этого образца при изучении фактического материала. Итогом становится формирование внутренней интегративной опоры, обладающей содержательной и процедурной спецификой, осознаваемо или интуитивно выводимой в каждом акте осуществления речемыслительной деятельности.

Опосредованная такими связями репрезентация событийного представления знаний об объекте «материализуется», т.е. становится конкретным примером категории (экземплярный подход), который может обобщаться в качестве устойчивого образца (прототипический подход). Сохранение в эпизодной памяти конкретных примеров (процесса обращения с объектом и т.д.), позволяет зафиксировать необходимый объём информации, что поможет гибко оперировать таким примером при решении иной задачи. Психолог Ли Брукс и его коллеги экспериментально доказали, что индивид способен сохранять вариативность знаний о конкретных экземплярах, не превращая их в некий обобщённый образец (см.: [Величковский 2006б: 38–39]).

Возникновение прототипов как установок причинного опредмеченного «видения» членов естественной категории доказывает, что эти феномены создаются в силу универсальной опоры на ВЗ, обеспечивающей адаптацию стоящего за словом содержания к различным когнитивным контекстам, эмоционально-оценочным практикам и образным представлениям, включённым во внутренний мир индивида. Изыскания в рамках когнитивной семантики, позволяющие научно реконструировать процессы концептуализации и категоризации с учётом интерпретационной специфики, также показывают, что языковая проекция протекающих в естественных условиях познания и общения процессов «наследует» способность создавать функциональные опоры. Так, признаётся, что в отличие от понятия прототипа как «лучшего» предметного образца в когнитивной психологии, с позиций когнитивной лингвистики прототип – «это концепт, лежащий в основе формирования категории и определяющий ее структуру и содержание, концепт категории или элемента категории» [Болдырев 2012: 37].

Отсюда формирование динамических опор в процессе оперирования знаниями о мире и языке носит фундаментальный характер и исследуется в когнитивной психологии, лингвистике, психолингвистике, лингвокультурологии (научные теории Э. Рош, Дж. Лакоффа, А.А. Залевской, Е.С. Кубряковой, Н.Н. Болдырева, В.В. Красных, Ю.Н. Караулова, З.Д. Поповой и И.А. Стернина, Г.Г. Слышкина, Д.Б. Гудкова). Признаётся, что прототипические эффекты возникают благодаря увязке категориальных знаний со сведениями о самом ярком образце («категориальном среднем» [Демьянков 1994: 33]) и связаны в теории прототипов Дж. Лакоффа со спецификой базового уровня категории [Лакофф 2004].

Существование прототипических установок как опоры вывода об обладающем наиболее релевантными признаками категории репрезентативе, знание о котором неразрывно связано для субъекта с вербальным означением, доказала психолог Э. Рош в экспериментах по изучению необходимости опоры на суперординату. Однако, вместо слова *птицы* (*birds*) в предложении

Twenty or so ... often perch on the telephone wires outside my window and twitter in the morning (Примерно двадцать ... обычно сидят на телефонных проводах за окном и щебечут по утрам) большинство испытуемых подставили английское слово *воробьи*, демонстрируя тенденцию к предметности и причинности фиксации категориального знания в памяти [Rosch 1978: 39–40].

Гипотеза Э. Рош вызвала немало споров и критических замечаний во многом по той же причине, что и полемика по проблеме значения «по умолчанию» в прагматике: результаты экспликации знаний о прототипе как предметном образце неоднозначны, что позволило в ходе экспериментальных исследований выявить лишь наиболее частотный ответ. Отсутствие абсолютно единообразия в определении предметного образца опосредовало замену термина «прототип» на «прототипические эффекты». По нашему мнению, важность научного открытия Э. Рош заключается в экспериментальном доказательстве предметной специфики мышления и существования общей имплицитной функциональной опоры на перцептивно-предметный опыт субъекта, обобщение которого ведёт к формированию относительно устойчивого образца «видения» лучшего предметного воплощения знаний о категории.

Доказательства того, что человек опирается на широкий круг языковых знаний, а также знаний социокультурного характера, представлены в теории прецедентности, раскрываемой в работах Ю.Н. Караулова, Г.Г. Слышкина, Д.Б. Гудкова, В.В. Красных, Е.А. Нахимовой и др. В лингвистике понятие прецедентности ранее относилось к прецедентным текстам, а имя интерпретировалось как реминисценция, указывающая на данный текст и являющаяся признаком интертекстуального заимствования [Слышкин 2000: 32]. Прецедентные феномены (тексты, имена, высказывания и т.п.) получают смысловую символизацию, т.е. «указывают на некоторую эталонную совокупность определённых качеств» [Гудков 2003: 108], выработанную в ходе оценочной деятельности коллектива, так как «решающим в построении ценностного отношения к тексту оказывается не персональное мнение, а оценочный стереотип референтной группы» [Слышкин 2000: 46].

В целом прецедентный феномен отвечает ряду требований: быть широко известным среди членов лингвокультурного сообщества, актуальным (в познавательном и эмоциональном плане), востребованным для употребления в дискурсе [Красных 2002: 44]. Типологически выделяются глобально прецедентные феномены (имеющие международную известность); национально прецедентные (внутригосударственные); социумно прецедентные, получившие выделенность в ряде социальных, профессиональных, возрастных или иных групп; а также известные в малых группах, например, в отдельной семье (см. труды В.В. Красных, Д.Б. Гудкова). Такая типология свидетельствует об «эволюционировании» феномена прототипа / прецедента: от образца, признанного и в узком кругу лиц, и в масштабе человечества, подтверждая, что «никакое знание не может стать общественным прежде, чем оно пройдет через “индивидуальную” голову» [Леонтьев 1997: 111].

Тенденция к экономии когнитивных усилий, обеспечиваемая созданием прототипических установок, экспериментально подтверждается результатами исследования Е.В. Абросовой [Абросова 2008], на основе которых формируется вывод о том, что решение о правильности языковой формы принимается индивидом с учётом прежнего опыта использования языкового знания, в том числе приводящего к ошибкам. Перемещение исследований прототипичности / прецедентности исключительно в сферу лингвистики (например, концепция грамматической прецедентности Н.А. Голубевой) также подтверждает существование имплицитной, ранее сформированной опоры, в рамках которой феномен прецедентности значения, трактуемый как пресуппозиция существования первичного значения грамматической единицы (формы / средства), опирается на реализацию прецедентной (интерпретирующей) функции, заключающейся в «выражении производного грамматического значения посредством грамматической формы» [Голубева 2014: 50–53].

Прецедентная устойчивость грамматических форм и системно-языковых, а также коммуникативных сфер их задействования отражает вторичный характер фиксируемых процессов и опору на ранее сложившийся опыт опери-

рования знаниями языка. Важное замечание о взаимодействии системы языка и языковой среды как необходимого окружения системы озвучено в [Бондарко 2001], что, с нашей точки зрения, становится питательной средой при формировании по схеме «снизу–вверх» прототипов, которые можно определить как относительно объективные, причинно опосредованные функциональные опоры, обусловленные вербальным / невербальным опытом субъекта.

Так, если из приведённого выше примера Э. Рош изъять глагол *twitter* («щебетать» [Мюллер 1992: 753]), получив предложение *Примерно двадцать ... обычно сидят на телефонных проводах за окном [и щебечут] по утрам*, то ответ *воробьи* станет значительно менее частотным. Наличие внешнего (вербального) контекста сужает для индивида круг вариантов: заданный признак (способность издавать определённый тип звука, размер птички), присущий вероятному кандидату и выводимый из значения глагола, практически исключает, например, ответ *ворона*. Индивиду остаётся воспользоваться внутренним «видением» подсказанного опытом наиболее релевантного примера (*воробьи*) и приписать необходимый признак потенциальному референту.

Словарь русского языка фиксирует некоторую разницу в значениях *щебетать* и *чирикать*: соответственно, «петь (о щеглах, ласточках и некоторых других птицах)» и «о некоторых птицах: издавать высокие звуки, щебетать. Чирикают воробьи» [Ожегов 1992: 753, 886]. Значение английского глагола не содержит такой дифференциации («of a bird: to make a number of short rapid sounds» [LDCE 1992: 1145]), что делает признак, связанный с определённым типом звуков, актуальным и для воробьёв, и для других небольших птичек. Ответ *воробьи*, по нашему мнению, обусловлен имплицитной опорой на прецедентный пример внутреннего «видения» кандидата-образца для англоязычных респондентов, который не столь очевиден для русскоговорящих, в понимании которых воробьи не щебечут, а чирикают.

Отсюда возникновение прототипов / прецедентов как установок причинного опредмеченного «видения» членов естественной категории или коллективной оценки / социально разделяемого мнения доказывает, что эти феноме-

ны создаются в силу универсальной опоры на ВЗ, обеспечивающей адаптацию стоящего за словом содержания к различным когнитивным контекстам, эмоционально-оценочным практикам и образным представлениям, включённым во внутренний мир индивида. Изыскания в рамках когнитивной семантики, позволяющие научно реконструировать процессы концептуализации и категоризации с учётом интерпретационной специфики, также показывают, что языковая проекция протекающих в естественных условиях познания и общения процессов «наследует» способность формировать имплицитные опоры, представленные в виде дополнительных концептов или процедурных оснований их задействования.

С точки зрения психологов, признаётся, что в повседневной жизни мы пользуемся частотами событий, а не их вероятностями [Андерсон 2002: 323–328], чаще руководствуемся положительными примерами и редко прибегаем к отрицательным [Солсо 2002: 434; Андерсон 2002: 317; Величковский 2006б: 249]. Отсюда частотность задействования опоры на ВЗ, её успешность, выделенность в опыте субъекта и разделяемость социумом обеспечивают приоритетность такой опоры и возможность выхода за рамки значений единиц языка. Однако утверждение надличностного характера прецедента / прототипа, трактовка его в качестве идеального инварианта-образца превращает этот феномен в научную абстракцию, устойчивость, стандартность содержания и вербального воплощения которой совсем не гарантированы при обращении к коллективному информанту и могут утверждаться только гипотетически.

В целом прототип / социокультурный прецедент предстаёт одной из форм (наиболее востребованной, но не единственной) репрезентации входящей информации о некоем фрагменте действительности в памяти индивида: перцептивно-образное представление о самом объекте, его части, конкретных манипуляций с ним; как части целого, как устойчивое эмоционально-оценочное переживание субъекта понимания. Такой вывод подтверждается словами И.М. Сеченова, сказанными более 130 лет назад, что всё переживаемое индивидом знание распределяется по соответствующим рубрикам исходя

из *всех возможных* (курсив наш – О.Г.) отношений к другим объектам, не исключая отношения к самому индивиду [Сеченов 1953: 255–256].

Сомнений, однако, не вызывает сам факт формирования прототипических эффектов в процессе естественно протекающей познавательной и коммуникативной деятельности, их наличие и в сфере декларативных знаний, и с учётом соответствующих процедурных оснований. Универсальность процедуры поиска имплицитной опоры обеспечивается функционированием всего комплекса высших психических функций субъекта (восприятие, память, мышление, речь) индивида, который интуитивно выбирает оптимальные пути обработки, хранения, извлечения обретенного опыта как объяснительной опоры «для меня – здесь – сейчас» в ходе речемыслительной деятельности.

Сказанное выше подтверждается рядом исследований, например, в области модусов практических решений силлогизмов (А–В и В–С ведёт к А–С; В–А, С–В задаёт С–А), изучением набора правил о структуре предложения. По мнению Н. Хомского и его коллег, этот набор определён присущей только человеку *врождённой* вычислительной системой (рекурсивным вычислительным механизмом), обеспечивающим *интуитивное* (курсив наш – О.Г.) восприятие и понимание грамматической формы [Hauser et al. 2002: 1569–1571]. При анализе моделей порядка слов экспериментально подтверждено, что прототипические эффекты возникают в ходе опыта задействования синтаксических схем, самая востребованная из которых отражает логику мышления человека, традиционно начинающего построение суждения с субъекта, воздействующего определённым образом на объект [Андерсон 2002: 356] (об универсальных процедурах опоры на ВЗ см. подраздел 1.6.4).

Как отмечает А.А. Залевская, строгое противопоставление различных путей получения знания (например, интуитивного и дискурсивного), уровней осознания осуществления процесса понимания «является очередной научной абстракцией, поскольку в реальной жизни имеет место постоянное взаимодействие анализа и синтеза, сравнения и классификации, протекающих независимо от нашей воли и сознания (по И.М. Сеченову), однако то и дело

оказывается необходимым фокусироваться на каком-то признаке или признаках одной модальности, последовательно рассуждая и осуществляя поиск по выбранному в опыте алгоритму» [Залевская 2015в: 31].

Процесс опоры на ВЗ в естественных условиях познания и общения не всегда соответствует последовательной логически «правильной» модели выведения умозаключения, он протекает на различных уровнях осознаваемости, охватывает весь спектр знаний и переживаний субъекта, что приводит к выбору индивидом многих оснований (перцептивных, когнитивный, эмоционально-оценочных) при объяснении «для меня – здесь – сейчас» причин включения в категорию. В целом подведение под суперординату является многоступенчатым процессом, отражающим продукты не только прямых, но и выводных связей между единицами внутреннего контекста процесса понимания. «Именно цепи опосредующих импликаций лежат в основе упорядоченности знаний об объективном мире в информационной базе человека; в поверхностном ярусе – начальные и конечные элементы этих цепей, восстановление промежуточных звеньев требует обращения к глубинному ярусу и ведёт к актуализации широкого круга выводных знаний» [Залевская 2005: 428].

Глубинными динамическими основами категоризации, позволяющими обобщить разнообразие «видения» субъектом единиц категории при учёте различных признаков, перцептивных, семантических, локальных / глобальных [Хофман 1986: 185] и т.д., может выступать система смысловых отношений (топов). Топ определён как инвариант высказывания [Садикова 2012], «продукт компрессии смысла» [Залевская 2014б: 142], возникающий в доязыковом опыте индивида благодаря высшей степени обобщения и задающий целостное образное представление об объекте как широком классе с учётом множества признаков и ситуаций осмысления (о топах см. подраздел 1.5.2).

Динамическое развитие системы приводит к формированию зон активности и относительного покоя (стабилизации), где последние выступают тематическим фоном, обеспечивающим релевантное подкрепление отнесения к данной системе при помощи причинно-следственных связей, радиально рас-

ходящихся от источника причины в любом направлении и выступающих средствами объяснения находящихся на различных уровнях системы причин [Тогоева 1999: 81]. Асимметрия системы, в рамках которой происходит формирование структур знания об объектах, объясняется тем, что выделенный признак / набор признаков признаётся наиболее релевантным в on-line контексте реализации причинно-смысловых связей и выступает результатом и базой новых выводов.

Следовательно, в ходе познавательной активности индивид способен упорядочить итоги преломления действительности по более или менее чётко сформированным группам (категориям), а «а процесс опознавания воспринимаемых сущностей или осмысления новых сущностей через отнесение их к уже имеющимся группам, характеристики членов которых приписываются этой новой сущности и учитываются на разных уровнях осознаваемости как *выводное знание*, называют *категоризацией*». Результаты «закрепляются в памяти через увязку с вербальными средствами, т.е. имеет место *лексикализация*» [Залевская 2007: 185. Курсив автора] (см. также мнение психолога Л. Барсалоу о том, что процесс переработки знаний о мире включает перцепцию, категоризацию и инференцию [Barsalou 2003: 84]).

Таким образом, прототипические эффекты выступают универсальной установкой поиска релевантных опор категоризации в процессе перцептивно-го восприятия, когнитивной активности, эмоционально-оценочного переживания субъекта. Эта установка создаётся, вероятно, ещё в доязыковом опыте субъекта, она неосознаваема благодаря многократным «доказательствам» действительности в процессе поиска подходящего примера, правдоподобие которого подкреплено опытом. Смысловые опоры, выводимые посредством этой установки, не являются «данными свыше», а создаются в процессе речемыслительной деятельности каждого члена социума. Естественный отбор предопределяет лучший образец «здесь и сейчас», обладающий «конкурентоспособными» характеристиками в прежних примерах опыта. Такая экземплификация внешнего и внутреннего [Залевская 2005: 297] даёт возможность не

только выявить предметный или социокультурный образец, но прогнозировать потенциальный контекст его функционирования, выступающий своеобразным смысловым «видением» лучшего примера в системе категории при учёте роли активного субъекта.

1.3. Исследование процесса понимания с опорой на выводное знание в рамках инференционного подхода

Изучение влияния психологического фактора на способность индивида задействовать обретенный ранее опыт сделало актуальным исследование процесса понимания в естественных условиях познания и общения. Реальность имплицитной опоры на ВЗ при идентификации значения слова / текста признаётся *de facto*, однако нерешённость задач теоретического описания механизмов формирования и процессов задействования такой опоры не позволяет дать системное обоснование того, как люди, выступающие активными переживающими «свидетелями» происходящего, способны достигать понимания в ходе коммуникации.

Одним из подходов, охватывающим широкий круг междисциплинарных изысканий по данной проблеме, является инференционный. Инференционная опора на сформированную в прежнем опыте индивида посылку вывода трактуется как объяснение хода и итога решения проблемы, умение «связать употребляемые словесные знаки с теми разнообразными предметами и явлениями, свойствами и отношениями, которые составляют значение этих знаков» [Войшвилло, Дегтярев 2001: 455]. Инференционный подход опирается на постулат о всеобщности и необходимости причинно-смысловой связи, так как в мире, физическом и социальном, объективно не существует изолированно протекающих явлений. Причинность понимания обусловлена примерами / образцами опыта, разными по степени обобщённости, автоматизм активации и интуитивное правдоподобие которых задаёт реализацию причинно-следственных отношений в естественных условиях познания и общения.

В целом «инференция» (от англ. *inference*) широко используется в научных изысканиях и в самом общем виде трактуется как «процесс формирования мнения или суждения о чём-либо; суждение о смысле какого-то действия, усвоенного в ходе подобного процесса» [LDCE 1992: 536]; «вывод, заключение; подразумеваемое, предположение» [Мюллер 1992: 336].

В ряде областей науки именование «инференция» используется как общий термин, отражающий динамизм, результативность познавательной деятельности и соотносимый с процедурой формирования умозаключения, например, естественной дедукцией (теория ментальных моделей [Johnson-Laird 1999; Johnson-Laird et al. 2012]), индукцией (теория перцептивно обусловленного познания [Barsalou 2008]), абдукцией (теория нейродинамического моделирования [Thagard 2010] и т.д.). В работах по созданию искусственного интеллекта такой вывод признан каузальным, имплицитно моделирующим модель «причина – результат» и рассматривается как установление причинной связи в составе каузальной сети [Wang 2011: 50–51]. Обусловленный подобной связью итог не имеет буквального сходства с причиной, так как является «результатом длинной цепи причинности, где крайние звенья не могут быть идентичны» [Губанов 1986: 41].

В когнитивной и социальной психологии термин «инференция» связывается с феноменом каузальной атрибуции, т.е. приписыванием возможных поведенческих реакций, характеристик, интенций объекту / субъекту с учётом внешних причин (специфики объектов / ситуаций реального мира) и внутренних причин (мнений интерпретатора с опорой на систему социальных норм и оценок). В ходе такого приписывания индивид объясняет происходящее не только «для других», но и «для себя» с опорой на определённое концептуальное содержание, которое формируется в процессе обретения опыта взаимодействия с миром. Внутренние причины-посылки представлены имплицитно, оставаясь знанием «для себя», но могут эксплицитоваться и передаваться вербально, например, глаголами ментального действия. Так, в ответе на вопрос *Почему она пошла в итальянское кафе?* информация о когнитивной ак-

тивности человека эксплицируется (*она знала, что там варят настоящий капучино*) или выводится реципиентом (*она пошла туда выпить настоящий капучино*) с опорой на причинную «историю» размышлений (cause history of reasons), итог которой – скрытое предзнание о движущих силах поведения человека (folk concept of mind and behaviour) [Malle 2011: 85].

Субъективно формируемые продукты познавательной деятельности индивида опосредованы двойственностью систем мышления и различием уровней интеллектуальной обработки (автономного, алгоритмического, рефлексивного [Stanovich 2012 349–352]). Подобная неоднозначность задаёт опору на имплицитную информацию, задействованную интуитивно / обдуманно, исходя из системы мнений, убеждений, эмоций индивида в процессе эвристического поиска или гипотетического рассуждения [Mercier, Sperber 2009: 149–150; Evans 2008: 263–264; Goel 2005]. Успешность таких интеллектуальных усилий связывается с особенностями личности индивида и социокультурной среды [Sternberg 2005: 187].

Этот процесс выступает правдоподобным объяснением хода решения некой проблемы, основные виды которого рассматриваются как эвристический поиск (интуитивное суждение) или осознаваемое гипотетическое размышление (об эвристиках как одном из типов когнитивных предубеждений см.: [Haselton et al. 2009: 733]). Интуитивным признаётся суждение, которое истекает из первоначальной гипотезы без значительного её изменения, например, незнакомец воспринимается как угроза: *a stranger as menacing entails a prediction of future harm* [Kahneman, Frederick 2005: 267. Курсив автора]. Изыскания в нейропсихологии говорят о категориальных (опыте естественно возникающей концептуализации) и перцептивных (о слуховых, визуальных [Barsalou 2008: 624–625]) инференциях, опирающихся на чувственные переживания прежних взаимодействий с объектом (в том числе словом) и позволяющих выйти за пределы перцептивной информации.

Специфика вербального представления итогов, получаемых в процессе опоры на выводимую информацию, не осталось без внимания лингвистов.

Разработка логико-семантического и прагматического подходов сделала возможной соотнести процесс опоры на ВЗ с логическими типами вывода, проблемой истинности / ложности, структурой значения единицы языка. Выделяются формально-логические инференции: логическое следствие, семантическая пресуппозиция, конвенциональная импликатура. Они неустранимы / неподавляемы контекстом [Макаров 2003: 124–126], потенциальны, т.е. составляют буквальный смысл высказывания [Падучева 2004: 101, 109].

В свою очередь, вероятностный вывод / вероятностно-индуктивная инференция [Макаров 2003: 126] неконвенциональна, имеет свойства выводимости, вычислимости, правдоподобия [Падучева 2004: 110], не эксплицируется, выступает средством «додумывания» [Макаров 2003: 124], вызвана трансформациями контекста [Levinson 2000], может рассматриваться как неформальная рациональная стратегия решения задачи [Leech 1983: 30–31] или стратегия понимания [Keene, Zimmermann 2007: 23]. Результаты опоры на выводимую информацию носят частный характер, возникают ситуативно и не являются стабильными семантическими компонентами. Отсюда инференция с позиций прагматики – «стандартная ассоциация, которая не содержится напрямую в значении слова, но связана с ним в сознании языкового коллектива», она относится к выводимым («более дешёвым») компонентам значения [Падучева 2004: 107, 110].

К несомненным достижениям прагматики относятся признание важности неязыковых факторов при формировании имплицитного содержания, например, наличие остенсивного стимула (теория релевантности [Wilson, Sperber 2004]), субъективность выведения скрытой информации, обусловленность языковыми и энциклопедическими знаниями, а также отказ от формально-логической трактовки истинности / ложности. Допущение правдоподобия выводимых сведений обеспечивает смысловую связь элементов дискурса, или «инференции дискурса» (conversational inference [Green 1996: 89–131]), которые, подобно «мостикам» (bridging inferences), соединяют релевантные ad hoc

смыслы, имплицуемые различными знаками, вербальными и иконическими (импликатами), например, в рекламном тексте [Прохоров 2006: 8].

Такие «мостики» формируются вместе с прочтением текста (непосредственные / on-line инференции) или, обеспечивая связность воспринимаемого, возникают после прочтения какого-либо фрагмента (опосредованные / off-line инференции), являясь частью общей ментальной модели понимания [Martolejo-Ramos 2009: 83–85]. Процесс выведения имплицитной опоры понимания слова / текста изучается в рамках теории ментальных моделей Ф. Джонсона-Лэрда (двухступенчатая ментальная модель понимания и модульная модель семантических и прагматических компонентов значения в теории условных высказываний), ситуационных моделей Т. ван Дейка и В. Кинча (трёхуровневая ситуационная модель комплексной обработки информации), в конструктивно-интеграционной теории В. Кинча, теории референции, где процесс формирования подобной опоры представлен в виде каузальной цепочки (каузальная теория С. Крипке), каузальной сети (дескриптивно-каузальная теория М. Девитта, К. Стерелни и т.д.), «мысленного досье» (неокаузальная теория референции А.Д. Шмелева) и т.д.

Выявление скрытых смыслов задаёт необходимость выделения ментальных схем, которые с опытом формируются в сознании носителя языка [Баранов 2007: 452–453], рецептивных схем, обеспечивающих взаимодействие когнитивного и языкового опыта членов социума. Такие схемы предполагают, что переданная эксплицитно информация «рассматривается языковым сознанием как равнозначная другой информации, которая в данном конкретном случае не выражена вербально, эксплицитно» [Стернин 2014: 130–131]. Содержательное разнообразие внутренних посылок предопределяет множество оснований их формирования: «различные аспекты внешнего и внутреннего контекстов, знания социокультурного характера, когнитивные структуры всех уровней, отображающие опыт деятельности в аналогичных ситуациях, элементы перцепции, нормы, принципы, правила языкового общения и взаимодействия в различных группах» [Макаров 2003: 126].

На основании изложенного выше, основные характеристики и типология инференций с позиций различных междисциплинарных исследований может определяться, исходя из своеобразия аспектов «видения» этого феномена: как процесса, обусловленного универсальностью процедур выведения скрытой информации, как продукта разнообразного опыта осуществления речемыслительной деятельности индивидом / социумом, сформированного благодаря психофизическими особенностями личности субъекта / специфике социально разделяемых правил, оценок, знаний (под знанием понимается «организованная информация; ... часть системы или сети структурированной информации», которая «может быть представлена в сознании множеством различных способов, включающих отношения, лексические репрезентации, образы и неврологические компоненты» [Солсо 2002: 297–299]).

В целом результаты междисциплинарных научных разработок в рамках инференционного подхода позволяют сформулировать ряд положений:

1) абдуктивная схема вывода, где посылки представлены с учётом продуктов обретения индивидом разнообразного опыта, предстаёт важной процедурной опорой получения умозаключения (работы Д. Гудинга, П. Тагарда и др.). Представления о дедуктивной модели претерпели изменения, я признавать возможность естественной дедукции (Ф. Джонсон-Лэрд и др.);

2) посылки, в том числе и категориальные, структурно и содержательно обусловлены опытом индивида и квалифицируются как суппозиция (Ф. Джонсон-Лэрд), симулятор и симуляция (Л. Барсалоу), репрезентации различной природы и структуры (Р. Зваан, К. Холиоук, Дж. Хамел и другие), остенсивный символ (Д. Спербер, Д. Уилсон, Р. Карстон) и т.д.;

3) динамический характер процесса понимания позволяет моделировать ход умозаключения с опорой на выводимый релевантный продукт опыта посредством ментальных моделей (Ф. Джонсон-Лэрд и другие), ситуационных моделей (ситуационная модель комплексной обработки информации Т. ван Дейка и В. Кинча, конструктивно-интеграционная модель В. Кинча) и т.д.;

4) объяснение процесса понимания в естественных условиях познания и общения невозможно без учёта принципа релевантности (не типичности!) посылок. Под воздействием некоторого стимула (вербального / невербального) субъект ищет оптимальный, кратчайший и наиболее удобный путь объяснения «для меня – здесь – сейчас», который обусловлен как языковыми, так и энциклопедическими знаниями субъекта понимания, его психофизическими особенностями. Однажды определив такой путь, он создаёт прецедентный продукт собственного (чаще положительного) опыта, включающего и содержательные, и процедурные основания. Такой продукт выступает устойчивой опорой в процессе понимания, индивидуальной или разделяемой (модусы решения силлогизмов Ф. Джонсона-Лэрда, паттерны нейронных связей П. Тагарда, опора на остенсивный стимул в теории релевантности Д. Спербера и Д. Уилсон и др.).

Получаемые при этом результаты являются правдоподобными установками, более важными для субъекта, чем логически истинный вывод. Моделирование соответствующих процессов даёт возможность определить стратегии решения проблемы, исходя из содержательной релевантности, частотности, доступности посылок, что ведёт к структурной асимметрии любой естественно функционирующей системы как интегративной структуры, включающей и разделяемое, и индивидуальное знание.

Среди основных характеристик инференций можно назвать: обусловленность логическими процедурами получения умозаключения, различная степень достоверности / правдоподобия, конвенциональность / индивидуальность, обусловленность контекстом выведения, непосредственность / опосредованность выведения, интуитивность / осознаваемость, имплицитность / эксплицитность, эвристичность / последовательность, учёт специфики переработки знаний (перцептивные, категоральные).

Подобные характеристики дают возможность считать инференцию наиболее близким термином тому, что определяется как ВЗ в настоящей работе. Однако, с нашей точки зрения, несмотря на учёт специфики естественных

условий осуществления понимания, инференционная трактовка не в полной мере охватывает особенности переработки воспринимаемой индивидом информации (по линиям перцепции, когниции, эмоционально-оценочных переживаний), не учитывает специфику значения единицы языка как достояния индивида, чаще рассматривается как осознаваемый процесс, предполагающий ожидаемый «по умолчанию» результат.

Таким образом, опора на достижения в различных областях науки при изучении процесса понимания и ВЗ позволяет осуществить поиск интегративного подхода, что приобретает особую актуальность и выдвигает основной целью создание интегративной теории, рассматриваемой как аспект общей теории понимания.

1.4. Экспертное знание как фактор осуществления процесса понимания в контексте герменевтических изысканий

Отмеченные в предыдущем разделе характеристики ВЗ, связанные с особенностями систем мышления и этапами многоканальной переработки, уровнями осознаваемости, поиском объяснения «для меня – здесь – сейчас», задействованного знания и т.д., позволяют утверждать, что понимание представляет собой многогранный и многомерный процесс смысловой интеграции внешнего и внутреннего, эксплицитного и имплицитного, языкового и энциклопедического, изучение которого вызывает широкий научный интерес (см.: обзор, например, в [Залевская 2005]).

Заслуживающим особого внимания аспектом толкований данного термина в словарях является рассмотрение понимания как деятельности, процесса постижения чего-либо (значения слова, фразы и т.д.), являющегося, во-первых, неуловимым, интуитивным и скрытым примером рефлексии, позволяющим постичь глубинный смысл (события, понятия, идеи), во-вторых, – эксплицитной, гипотетической умственной активностью по осознанию значения вещей путём толкования; в третьих, – сочувственной оценкой другого че-

ловека, особенно его точки зрения или убеждений в отношении чего-либо [БТПС2 2000: 81; Ожегов 1963: 551].

Акцентирование внимания на уровнях осознаваемости процессов понимания вызвано не только спецификой самого акта рефлексии (в естественных условиях этот процесс протекает имплицитно и эксплицируется при возникновении определённых затруднений), но и различием путей получения знания: интуитивного («используемого индивидом в процессах познания и общения при адаптации к естественному социальному окружению») и дискурсивного («в данном случае – научного») [Залевская 2015в: 31; 2015б].

Понимание как интуитивный, внутренний процесс по узнаванию и осмыслению, смысловому восприятию, постижению взаимосвязей внешних (языковых) и внутренних (интуитивных) ещё много лет назад признавалось субъективным экспертным искусством толкования передаваемых языком смыслов (герменевтикой) как необходимым «условием бытия человека» [Щирова, Гончарова 2007: 301].

Герменевтический подход позволил рассмотреть эту деятельность с точки зрения воспринимающего субъекта-эксперта, его внутреннего мира, открывающего категории имплицитного бытия, представление о которых складывается у человека благодаря ранее «высветившимся» элементам (экзистенциальная герменевтика М. Хайдеггера [Хайдеггер 1993: 318–320]). Понимание как постижение, интуитивное толкование текста предполагает задействование «естественной» логики, открывающей диалектическую связь языка и индивидуального мышления автора, грамматического и психологического в контексте исторического целого / герменевтического круга [Шлеймахер 2004: 63–66] (общая герменевтика Ф. Шлейермахера).

Неразрывность мышления и языка признаётся жизненным процессом, где последний выступает универсальной средой понимания, поскольку интерпретатор «живёт в языке», обнаруживая свою причастность к смыслу текста, собственный «горизонт понимания», что позволяет выйти за пределы герменевтического круга [Гадамер 1988: 448–452]. Такая деятельность приводит к

формированию «живого» опыта через «мир видимости», внутреннее событие, задаваемое текстом, «включающее в себе как переживаемое, так и пережитое, как собственный, так и чужой опыт, как переданное, так и сиюминутное» [Дильтей 2001: 100–103] (описательная психология и герменевтика В. Дильтея). Готовность понимать скрытые смыслы Другого предполагает взаимопроникновение автора и читателя, хотя и с сохранением некой дистанции, что позволяет трактовать понимание как «видение живого смысла переживания и выражения, видение внутренне осмысленного, так сказать самоосмысленного явления», в процессе освоения чужих слов, а не слов языка [Бахтин 2000: 229] (концепция полифонизма М.М. Бахтина).

Специфика речемыслительной активности в естественных условиях заставила исследователей признать принципиальное различие понятий «интерпретация» и «понимание», определив первое как «конструкцию / реконструкцию субъектом значения знака как условия его истинности», а под вторым подразумевая «уяснение субъектом способа данности значения знака» как релевантного смысла [Нестеров 2010: 15]. Такая трактовка представляется важной для исследований в области и коммуникации, и гносеологии, потому что задаёт совершенно иные векторы научных изысканий и соответствующий методологический инструментарий.

В ряде современных философских исследований подчёркивается, что интуитивное, целостное, не всегда чётко осознаваемое понимание мира, присутствующее в общем «жизненном» пространстве человека, выступает основой языковой коммуникации, обеспечивая её целенаправленность и прогнозирование возможных результатов. Такая «доонтологичность» бытия понимания обусловлена практической деятельностью, даёт возможность утверждать его глубоко личностный характер, что обеспечивает смысловое проецирование (предметные «наброски» возможностей). В процессе понимания «жизненный» мир «конституируется посредством актов переживания и понимания как мир значений, выступающих в виде типичных представлений об объектах

этого мира», которые наблюдатель должен пережить, проникая в «историю» прошлого опыта Другого [Черняк 2013: 14, 16–20, 37–38].

Обусловленность понимания «предпониманием», интуитивными целостными «предпосылками» мышления связано с нормами, традициями, предрассудками социума, присутствующими в общем «жизненном» пространстве, и становится основой языковой коммуникации, обеспечивая её целенаправленность и прогнозируемость результатов. Отсюда, выступая фундаментальной формой человеческого опыта, позволяющего наделить смыслом и истолковать явления общего «жизненного мира», «из узко-методической процедуры по обнаружению и расшифровке заложенного в различных текстах смысла понимание превращается в метод познания социально-исторических явлений вообще» [Черняк 2013: 4–5].

Современные направления в герменевтике (например, школа филологической герменевтики, созданная Г.И. Богиным) изучают проблему понимания значения слова не просто как лексемы, имеющей словарное значение, а как единицы лексики, обнаруживающей особый смысл в процессе рефлексии над тем, что скрывается за внешней графической оболочкой. Работающими в рамках этой научной традиции учёными исследуются проблемы понимания текста, специфика репрезентации текста в сознании автора и читателя посредством рефлексии как «ипостаси понимания, выступающей в роли связки между опытом субъекта понимания и осваиваемым им гносеологическим образом текста» [Крюкова 2014: 118].

Н.Ф. Крюкова отмечает, что изучение проекций автора и читателя даёт возможность выявить их наиболее значимые характеристики, которые выступают «фундаментом» для адекватной интерпретации читателем авторского произведения. По мнению учёного, развивающаяся традиция научного познания в рамках Тверской школы герменевтики не только не входит в противоречие, а, наоборот, обнаруживает много общего с другими подходами в лингвистике, в частности, с психолингвистическим, благодаря нацеленности на

отыскание скрытых опор понимания и научного объяснения процессов смыслопорождения (см. работы Е.В. Ильиной, И.В. Соловьёвой и др.).

1.5. Специфика процесса понимания с учётом психологических особенностей познающего индивида

Признание субъекта понимания живым, «биологическим» существом позволило соотнести процессы биологического эволюционирования и когнитивных преобразований. Интерпретатор как наблюдатель, являющийся живой системой, обладает независимой способностью взаимодействия с наблюдаемой сущностью и её отношениями. Такая независимость обусловлена нелинейностью живой структуры, способной к самоорганизации и развитию через познание. Взаимодействие с внешним миром обеспечивает ответные реакции, цепочки которых составляют каузальный циклический процесс, где эволюционные изменения связаны с актами рефлексии, задающими изменения живой структуры и способы поддержания цикличности.

В итоге живая система накапливает опыт в виде причинно-смысловых представлений, актуальных и потенциальных, лежащих в основе приспособления, обучения, развития [Матурана 1995: 96–99] (концепция аутопоэзиса У. Матураны, работы А.В. Кравченко и др.). Обзор различных научных теорий позволяет предполагать мультимодальность репрезентируемой в памяти функциональной опоры, опосредованную перцептивной, когнитивной деятельностью и эмоционально-оценочными переживаниями индивида).

1.5.1. Психологические основы инференционной трактовки понимания

Имплицитная, естественно формируемая опора на продукты разнообразного, вербального и невербального опыта индивида не может изучаться без обращения к внутренним ресурсам, процессам работы памяти, мозга, формам кодировки обрабатываемой информации. Всестороннему рассмотрению должны подвергнуться важные антропоцентрические координаты, задающие

представление об индивиде как носителе «живого» знания, обладающем внутренним «видением» мира [Залевская 2014б: 35; 2013г].

Проблема систематизации и хранения итогов субъективной переработки перцептивного, когнитивного, эмоционально-оценочного опыта неразрывно связана с памятью, т.е. «процессами организации и сохранения прошлого опыта, делающими возможным его повторное применение в деятельности или возвращение в сферу сознания» [Психология. Словарь 1990: 264]. В русле современных нейропсихологических исследований этот феномен трактуется как набор нейронов, позволяющий хранить сведения в динамической форме и консолидировать их со временем. Подобная специфика обусловлена полимодальностью того, что переработано мозгом человека (multimedia brain) [Kosslyn, Rosenberg 2004: 237–253]. В целом память должна исследоваться с трёх точек зрения: структуры и работы мозга (нейрофизиологической), личностных особенностей человека, а также социокультурной специфики деятельности этноса в текущий период времени [Rosenberg, Kosslyn 2011: 571] (обзоры научных работ по проблемам памяти см. в [Солсо 2002; Залевская 2005; Аткинсон и др. 2000; Величковский 2006а]).

В зависимости от сроков обработки информации выделяются кратковременная и долговременная память. Динамическим звеном подключения ресурсов памяти при обработке поступающей информации выступает оперативная (рабочая) память (о мультикомпонентной модели оперативной памяти см.: [Baddeley 2002; Baddeley et al. 2009], обзор моделей работы оперативной памяти см.: [Shah, Miyake 1999]). Дифференциация находящейся в долговременной памяти информации определяет основные виды памяти в зависимости от содержательной, структурной стороны архивируемого материала: воспринимаемые знания могут быть закодированы в виде семантических (вербальных) и невербальных репрезентаций (иконических знаков / носителей определённых значений и личностных смыслов [Петренко 2005: 51]).

Невербальные (образные) репрезентации хранятся в эпизодной памяти, которая трактуется как специфическая подсистема, индивидуальное украше-

ние («embellishment») универсальной семантической [Tulving 2002: 5–7], включая разнообразные знания, составляющие глубоко субъективные, часто автобиографичные переживания. Оба вида памяти признаются декларативными (эксплицитными, по мнению Л. Барсалю [Barsalou 2008: 625–626]), т.е. своеобразными наборами осознаваемо зафиксированных свидетельств взаимодействия с окружающим миром. Напротив, недеklarативное (имплицитное) знание включает умения и навыки, прайминг эффекты (запоминание укола иглой и т.п.), знания о правилах, предписаниях и другие неассоциативные типы репрезентаций [Kosslyn, Rosenberg 2004: 242–243].

Структурная организация семантической памяти представлена различными моделями, среди которых наибольшее признание получили сетевые, где активация носит распространяющийся характер, например, модель Дж.Р. Андерсона «Адаптивный контроль мышления» (АСТ – Adaptive Control of Thought) [Anderson et al. 2004: 1037]. Долговременная память может структурироваться в виде внутренних карт систематизации опыта субъектов (internal maps), активация узлов которых ad hoc происходит благодаря паттернам, включающим разнообразную информацию, в том числе заданную вербально (by eye-gaze patterns, posture, tone of voice and language patterns) [Deville 2005: 437]. (О мультимодальности и интегративности хранимых в памяти репрезентаций, связанных с любыми знаниями об объекте и кодируемых в разных областях мозга, см.: [Kosslyn 2005: 335–338]).

Гипотезу о наличии вербальной и невербальной (образной) систем памяти, взаимосвязанных между собой, разработал А. Паивьо в теории двойного кодирования (dual coding theory – DCT). В соответствии с ней обработка и хранение информации ведётся в иерархически организованной концептуальной структуре двойного кодирования [Paivio 1991: 54], которая состоит из двух функционально независимых, но взаимодействующих подсистем: вербальной (verbal) и образной (imagery). Первая имеет дело с семантикой языка, вторая – инициирует образы объектов физического мира [Paivio 2007: 38–40]), их неотъемлемых частей или групп объектов, причём такие образы могут

быть вызваны как самим объектом, так и обозначающим его словом [Clark, Paivio 1991: 152].

Взаимодействие систем характеризуется уровневым характером. Поступающая информация проходит ряд стадий преобразований, где первоначальная сенсорная обработка активирует взаимодействующие единицы репрезентативного уровня (лोलогены, имагены). Эти репрезентации выступают независимыми медиаторами и координаторами между вербальной и образной системами и оказывают влияние как на сенсорно воспринимаемую информацию, так и на конечный продукт, сохранённый в памяти, который может осознаваться через внутреннюю речь или оставаться знанием «для себя» [Paivio 2006]. Поиск референта (слово может вызвать образы ряда референтов, соотносимых с одним денотатом, например, разные столы или варианты одного объекта в различных ракурсах) предполагает соотнесение образа и его описания (референциальный уровень). Ассоциативная обработка задаёт поиск «следов», которые соотносятся с текущей информацией при взаимодействии обеих подсистем (ассоциативный уровень).

Вербальные репрезентации и образы соединяются в сложные паттерны в интеграционной сети и могут задействовать друг друга за счёт механизма распространяющейся активации (*spreading activation*), а не механизмов «снизу–вверх» или «сверху–вниз» [Paivio 1991: 62–69]. К комплексным паттернам относятся эмоции: названия эмоций ассоциативно связаны друг с другом и референциально с системой образов. Связь репрезентаций внутри когнитивной сети задаётся параметром конкретности, отражающим прямую связь с образом референта для слов конкретной семантики или изображений объекта [Connell, Lynott 2012: 452]. Слова абстрактной семантики имплицитно образ референта через вербальный код. Так, *религия* не имеет прямой связи с образом, но может обрести референт при обращении к слову *церковь*, так как образ инкорпорирован в структуру конкретного концепта [Clark, Paivio 1991: 162]. А. Паивьо выдвигает гипотезу концептуальных невербальных / вербальных опор (*DCT conceptual peg hypothesis*), согласно которой структурно

сложный образ, например, *обезьяна на велосипеде* формирует репрезентацию *ad hoc*, хранится в памяти и извлекается словом-стимулом конкретной семантики *обезьяна*, повышая вероятность реакции *велосипед* [Paivio 2006].

Способность слова активировать подобный образ многократно отмечалось психологами и лингвистами на протяжении многих лет. Естественность опоры на образное «видение» стоящего за словом содержания подчёркивал А.А. Потебня, отмечая, что «участие известных представлений в создании новых мыслей» лежит в основе естественного понимания слова, которое «взятое отдельно в живой речи есть выражение суждения, двучленная величина, состоящая из образа и его представления» [Потебня 1993: 79–82, 101].

Образно-конкретное «видение» объекта реального мира обусловлено тем, что наш мысленный образ вбирает в себя нерасчленённый комплекс свойств / признаков, это диффузный образ того, как может быть идентифицирован референт [Барсук 1999: 38]. Другими словами, для понимания денотата личности нужно понять созданный ею образ объекта [Жинкин 1998: 31], обеспечить «взаимопроникновение наглядной внутренней “картинности” и слова» [Залевская 1990: 169] вследствие неразрывной связи перцептивных, когнитивных и эмоционально-оценочных компонентов знания.

Взаимосвязь слова и именуемого объекта посредством образной опоры выдвигает проблему её структуры и содержания. Неоднозначность форм образного представления знаний в памяти обусловлена спецификой образа воспринимаемого объекта как результата чувственного познания, субъективного по содержанию и знакового по форме. Такая динамическая структура позволяет кодировать поступающую информацию в виде нейродинамических моделей и психических образов, локализующихся в адресате и причинно связанных с денотатом [Губанов 1986: 43–52, 57].

Отсюда перцептивный образ, с одной стороны, адекватен объекту, так как форма деятельности, в которой он сложился, уподоблена форме объекта («преобразование информации, поступающей извне, соответствует позиции, которую занимает носитель образа» [Ломов 1985: 86]), с другой – субъекти-

вен, «обеспечивает оперативную, своевременную ориентировку в ситуации и регуляцию приспособленческого поведения» [Зинченко, Вергилес 1969: 27].

Фиксация в памяти результата опыта взаимодействий с объектом, предполагает, что «запоминаемость впечатлений и их повторений связаны друг с другом так же тесно, как эффект с его причиной», а «развитие словесной символизации впечатлений является прирождённой нервно-психической организацией [Сеченов 1953: 258, 303]. «Впечатление причинности» или «перцептивная причинность» формируется в доязыковом опыте субъекта в процессе деятельности («ребёнок не видит причины там, где нет контакта»), способствует созданию модели взаимодействия с объектом и «помогает увидеть схему в хаосе» [Пиаже 1978: 63–81].

Благодаря имплицитным причинно-следственным отношениям, лежащим в основе опоры на прежний разнообразный опыт индивида, происходит причинное соединение физиологических симптомов, опыта продуцирования эмоций (знаний о них) и вывода о наиболее релевантной *ad hoc* при обосновании, например, метонимических отношений в выражении *язык – это речь* [Ungerer, Schmid 1996: 132–139]. Отсюда итоги опыта, полученные в процессе жизнедеятельности и «пропущенные» индивидом через собственный внутренний мир, обретают глубинную причинно-смысловую связь с объектом предметного мира через личностное представление, правдоподобие которого задано практической деятельностью.

По мнению У. Найссера, образ способен эволюционировать на основе всего предыдущего опыта индивида, превращаясь в образ-эталон, который может использоваться повторно, символизирует сознательные / подсознательные предчувствия и желания, предвосхищает ожидаемую информацию и уточняет установку. Такой мысленный образ не является картинкой или копией ранее сформировавшихся перцептов, а выступает планом сбора информации из потенциально доступного окружения посредством схем. Так, для вызывания образа словом у референта нужно активировать схему, где существуют подсхемы для вокализации и зрительного обследования, которая мо-

тивировать активность, обеспечивая сопровождение слова образом [Найссер 1981: 39, 145, 147, 160, 181–183]. Перцептивный образ превращается во вторичную схему чувственных переживаний (second-order mapping) при взаимодействии объекта и организма [Damasio, Parvizi 2001: 138].

Изучение перцептивных и мысленных образов при помощи экспериментальных методик, например функционального магнитно-резонансного исследования образности (fMRI), предпринял С. Косслин, обобщив свои изыскания в теории ментальной образности (mental imagery). Согласно проанализированным подходам к проблеме (см.: [Kosslyn et al. 2006: 4]), перцептивные образы возникают при воздействии информации об объекте на органы зрения (узнавание объекта), тогда как ментальная / мысленная образность, опосредованная зрительной модальностью, задаёт ряд перцептивных репрезентаций, позволяющих на основе прежнего опыта представить объект в его отсутствие [Kosslyn 2005: 334; Borst, Kosslyn 2008: 849; Rosenberg, Kosslyn 2011: 849]. Например, мысленный образ активизируется конструкцией *cleaner than* при интерпретации отношения сравнения и количества [Johnson-Laird 1999: 195], обеспечивая предметное подкрепление с опорой на личный опыт.

Мысленные (ментальные) образы и зрительные перцепты имеют основную схожие репрезентации, так как ввиду нейрофизиологической архитектуры самой зрительной системы в мысленном образе сохраняется перцептивная информация об объекте [Kosslyn 2005: 333–335]. Различия обусловлены задействованием разных участков лобных долей головного мозга при создании этих образов [Borst, Kosslyn 2008: 850–860]. Ментальная образность опосредована социально-культурными особенностями и может стать продуктом реинтерпретаций, позволяющим человеку в каждой конкретной ситуации объяснить «для меня – здесь –сейчас» неоднозначность увиденного. В отличие от фактов, хранящихся в семантической памяти («свёрнутых интерпретаций»), чьё назначение – описывать (describe), мысленные образы позволяют виртуально обрисовать (depict) объект, «увидеть» его целостно, с учётом «живой» перцептивной основы [Kosslyn, Mast 2002: 57–58].

Несмотря на схематичность, вызванную динамикой многократного за- действия образа-опоры (см. представленные выше мнения У. Найссера, А. Дамазио), наличие образной, перцептивной основы (о двуплановости обра- за см. мнение Н.И. Губанова выше) позволяет считать, что образ «кроится» извне и организуется перцептивной деятельностью, обусловлен эмоциональ- но-оценочными переживаниями субъекта. Как результат, этот образ заполнен «живой» чувственной тканью (термин А.Н. Леонтьева), которая, по мнению Ф.Е. Василюка, выступает субстратом формирования образа сознания в це- лом. Модель такого образа представлена в виде объёмного психосемиотиче- ского тетраэдра, вершинами которого являются предметное содержание обра- за, личностный смысл, значение (продукт социокультурного развития обще- ства) и слово (средство вербализации). Вследствие доминирования какой- либо из вершин-«узлов», опосредованных уплотняющейся вокруг них чув- ственной тканью, данный образ получает конкретизацию: предметную «при- вязку», конкретное личностное смысловое переживание, воплощение в рам- ках культуры социума, вербальное именование [Василюк 1993: 7–16].

Модель Ф.Е. Василюка позволяет предположить, что внутреннее «виде- ние» мира индивидом обусловлено чувственной тканью, или «живой» осно- вой вычленения предметного обоснования для любой абстрактной идеи, объ- яснения «для меня – здесь –сейчас» конвенциональным посредством задей- ствования релевантных личностных смыслов и средств вербализации. Такой наполненный чувственной тканью многомерный образ соотносим с понятием полного представления И.М. Сеченова, формируемого в ходе речемыслитель- ной деятельности в качестве «естественной истории предмета, суммы его зна- чений в жизни человека» («чем чаще видится вещь, тем полнее и расчленён- нее становится её образ – представление») [Сеченов 1953: 258, 295–296].

Гипотезу о существовании «специальной зоны, связывающей блоки ин- теллекта и языка» выдвинул Н.И. Жинкин, называя её внутренней речью или «предметно-изобразительным кодом», где «связи предметны, т.е. содержа- тельны», а «понимание – это перевод с натурального языка на внутренний.

Обратный перевод – высказывание» [Жинкин 1998: 159–161]. Эти связи, очевидно, формируются в силу глубинной причинности, что позволяет регистрировать в памяти множество образных представлений об объекте, причём не «не отдельными экземплярами, а слитно», с сохранением частных особенностей [Сеченов 1953: 254, 256–257].

Выделение значимых частей образного представления не противоречит его трактовке как целостного фрагмента внутреннего образа мира, высвечиваемого словом (о психолингвистической теории слова с опорой на концепцию образа мира А.А. Залевской см. раздел 1.5.2). Слово может передавать и «отдельный конкретный признак, воспринятый в рамках целостного перцептивного образа, и обобщённое представление, или схематизированный вторичный образ, бытовой концепт как отражение связей и отношений объектов при их функционировании, вычленяемых средствами умственных операций» [Веккер 1998: 609, 620].

Научные обоснования образности представления различных сведений об объекте (в том числе вербальном), выдвинутые много лет назад И.М. Сеченовым, Ж. Пиаже, Н.И. Жинкиным и другими учёными, подтверждаются недавними нейропсихологическими изысканиями. Так, было доказано, что слово идентифицируется в виде целостного представления: наш мозг распознаёт слова образами-блоками, «не обращая внимания на отдельные звуки и буквы». Этот процесс обеспечен активностью нейронов в небольшой зоне головного мозга, названной областью формирования визуального представления слова (*visual word form area*. Перевод наш. – О.Г.) и расположенной в зрительной коре левого полушария, прямо напротив зоны правого полушария, отвечающей за образное запоминание лиц [Glezer et al. 2015: 4965–4968].

Целостность образа обусловлена перцептивными «корнями» познания (*grounded cognition* [Barsalou 2008: 618]), что получило доказательство в теории перцептивных символических систем (*theory of Perceptual Symbol Systems*) или перцептивной теории знания Л. Барсалоу (*perceptual theory of knowledge* [Barsalou 1999: 577]). Разработанная учёным теория предлагает

объяснение реализации семиотической функции при соотнесении денотата и соответствующего ему физического объекта посредством инференции.

Так, восприятие объекта реального мира предполагает активацию в признаковой зоне (feature zone) признаковых детекторов (feature detectors) в соответствующем задействованной модальности отделе мозга, в результате чего создаётся паттерн / репрезентация реакции на объект, причём членам одной категории будут соответствовать схожие паттерны. Затем специальные соединительные нейроны (conjunctive neurons) в зоне ассоциаций захватывают данную репрезентацию и архивируют её в памяти на основе категориального сходства с информацией о сходных объектах. При извлечении подобных сведений из памяти реактивируется ранее сохранённый опыт взаимодействия со схожим объектом, восстанавливая модально обусловленные признаки этого члена категории. Названные выше нейроны интегрируют сенсомоторный и эмоциональный опыт взаимодействия внутри категории, создавая её мультимодальную репрезентацию [Barsalou 2003: 1180].

В более ранней работе такой продукт переработки получил название «перцептивный символ», не являющийся физической картинкой или мысленным образом, а понимаемый как нейронные репрезентации в отделах мозга, отвечающие за связь с сенсомоторными системами релевантного «здесь и сейчас» аспекта объекта. Эти символы динамичны, имеют схемную, компонентную структуру, различные аспекты которой активируются в зависимости от требований ситуации; они мультимодальны (возможно переключение с одной модальности на другую при восприятии, что предполагает определённые издержки [Barsalou et al. 2004]), способны к интеграции [Barsalou 1999: 583–585]. Такая развёрнутая мультимодальная система, интегрирующая обыденное знание об объекте как члене категории, является репрезентацией самой категории, где компоненты объединены по какому-либо основанию. Этот феномен был позже назван учёным «симулятором», или обобщённым знанием о категории сходных объектов, что даёт возможность интерпретации знаний о

них и с позиции категориальной принадлежности, и индивидуального «видения» (type-token interpretation) [Barsalou 2009: 1282].

Симуляторы трактуются как концепты, имеющие фреймовую структуру, включённые в ситуативную концептуализацию [Barsalou 1999: 582, 587; Barsalou 2009: 1281] и составляющие функциональную концептуальную систему, которая обладает продуктивностью, пропозициональна за счёт реализации категориальных связей, способна к категориальной инференции (categorical inference). Извлекаемое ad hoc воспоминание индивида о каком-либо компоненте объекта порождает множество симуляций (функциональных преломлений симулятора на ситуативном уровне), что является типичным личностным способом восстановления прежнего опыта [Barsalou 2008: 618–620]. Симуляции контекстуализируют репрезентируемые ими категории в ситуации, включая объекты, действия, события, ментальные состояния [Yen, Barsalou 2006: 349–350], являются ситуативно обусловленными, так как лежащие в их основе ситуативные репрезентации признаются отражением «здесь и сейчас» переживаемого индивидом знания.

Важность научных изысканий Л. Барсалоу заключается в экспериментальных подтверждениях перцептивных основ познания и коммуникации. Приобретая опыт, мозг получает установку от любых модальных систем и интегрирует поступающие сведения в единую хранимую в памяти мультимодальную репрезентацию, или функциональный концепт, создаваемый с учётом множества ситуативных проекций. Эти проекции являются интеграцией рассредоточенных в мозге центров обработки информации и представляет симуляцию, впоследствии выводимую как пример прежнего опыта познания и общения [Kemmerer 2014: 296, 306]. (О глубинных перцептивных основах (пространственных осях) познания, обеспечивающих взаимосвязь перцепции и когниции («thought is grounded in the world and in the body»), см.: [Tversky 2009: 201–213]; о важности учёта социального контекста и ситуативной рациональности индивида см.: [Brighton, Todd 2009; Smith, Corney 2009]).

Такая симуляция предстаёт ВЗ и выступает внутренним контекстным условием представления знаний об объекте при идентификации значения именуемого объект слова. Она является потенциальной средой будущих примеров идентификации и поэтому может рассматриваться как потенциальный контекст опоры на ВЗ. Так, фонемы слова вызывают акустические симуляции, продуцирующие соответствующие инференции [Barsalou 2008: 624–625], которые в дальнейшем станут причиной новых выводов. По словам Н.И. Губанова, «мы обмениваемся не перцептивными сигналами, а выводами, которые делаем» [Губанов 1986: 193–195], поэтому людям часто трудно вспомнить слово, но они помнят связанное с ним умозаключение [Аткинсон и др. 2000: 307], или выводимый в конкретной ситуации смысл.

Отсюда разнообразные сведения о мире, потенциально вербализуемые, представлены в памяти субъекта посредством «осознаваемых / неосознаваемых смыслов, существующих в сознании в виде образов, символов, сохраняющих отношения подобия с отображаемыми объектами» [Петренко 2005: 51]. Фиксация этих личностных смыслов возможна благодаря идентифицируемым признакам, присущим объекту или интуитивно приписываемым индивидом на основе обретаемого опыта (примеров опоры на ВЗ / симуляций). Чем чаще активизируется признак, тем в большем числе примеров он фигурирует, тем более важным для объекта он мыслится в конкретной ситуации.

«Компактность» способа хранения информации в долговременной памяти связана с работой коры головного мозга, который функционирует, «подчиняясь закону силы» [Лурия 1998: 122], формируя своеобразный код, который «в рамках доступных ресурсов» помогает мозгу «оптимизировать взаимодействие с окружением» [Величковский 2006а: 119]. Смысловое кодирование вербально заданной информации о событии может сохраняться в памяти в виде ассоциативного «следа». Такой «след» определён как «гипотетическое изменение нервной ткани в результате любой формы стимуляции; знак или признак» [БТПС2 2000: 258], что определяет его как специальный мозговой код фиксации значимой информации об объекте [Солсо 2002: 288].

М. Москович и его коллеги с опорой на теорию множественных «следов» (Multiple trace theory) считают, что «след» какого-либо эпизода в памяти формируется при осознаваемом переживании события. Объединение таких «следов» (cohesion) занимает от нескольких секунд до дней, причём всякий раз, извлекая из памяти прежний «след», мы формируем новый, менее устойчивый. Поэтому устойчивые «следы» являются доминантными по сравнению с недавно сформированными, что объясняет их лучшую сохранность даже при поражениях мозга [Moscovitch et al. 2005: 38–39].

Неоднозначность «следа» и наличие различных связей, в том числе и не отражающих прямых ассоциаций с семантикой слова, между ним и стимулом, а также имплицитный характер этих связей доказываются в современных нейролингвистических исследованиях, целью которых является реконструкция нейронной архитектуры языка. Так, при изучении реакций на вербальные стимулы у пациентов с афазией, вызванной поражением зоны латеральной борозды, затруднения вызывали существительные абстрактной семантики, так как доступ к суперординатному уровню категории, к которой могли быть отнесены слова–стимулы (например, категория «Еда»), оказался невозможен. Пациенты обращались к доступной, субъективно сформированной функциональной опоре (не базового, а субординатного уровня) и демонстрировали ответы, отражающие перцептивно-предметную специфику взаимодействия с именуемым объектом. Пациенты с афазией, вызванной повреждением зрительной коры затылочной части головного мозга, показывали затруднения при встрече с существительными конкретной семантики и давали немногочисленные ассоциации с опорой на обобщённый категориальный признак [Martenson et al. 2011: 455, 468]. У больных амнезией идентификация значения слова опосредована формальным звуковым сходством, тогда как здоровые респонденты демонстрировали ответы, связанные с функциональной спецификой референта при потенциальном имплицировании категориального знания, которое остаётся «в тени» [Schacter et al. 2002: 118].

Из приводимых выше результатов исследований становится очевидным, что поражения различных участков головного мозга накладывают определённые ограничения на формирование и активацию «следов» памяти. Данный факт даёт основание полагать, что у здоровых людей функционально создаваемая смысловая опора может закрепляться любым значимым смысловым «следом», или референтным объекту индексом [Whitten, Graesser 2003: 213–215]. Такой «след» задаёт представление об объекте и может активироваться как самим объектом, так и именующим его словом. Это представление, с одной стороны, носит образный характер и выступает целостным «видением» объекта. С другой стороны, – предполагает схему развёртывания потенциального контекста, исходя из прежнего опыта взаимодействия с объектом. Роль индивида в процессе смыслоформирования заключается в том, что итог понимания обусловлен спецификой путей переработки информации, перцептивных, когнитивных, эмоционально-оценочных. Так, количество не всегда измеряется, а может субъективно оцениваться по шкале «много / мало для меня», обретая эмоциональность [Рябцева 2005: 126].

Таким образом, наличие «следов» задействия прежнего перцептивного, когнитивного, эмоционально-оценочного опыта, выводящих на систему внутренних примеров смыслового «видения», обусловлено результативностью и прецедентностью объединяющих их опор речемыслительной деятельности, так как «в ткань восприятия, не говоря уже о представлении, всегда вплетаются знания, опыт, язык, культура поколений», выводимые из перцептивных сигналов, которые нам посылает слово [Губанов 1986: 193–195].

1.5.2. Психолингвистические основы процесса понимания с опорой на выводное знание

Психологическая специфика человеческой деятельности даёт возможность полагать, что посредством слова человек как бы «взят внутри бытия, в своём специфическом отношении к нему, как субъект познания и действия,

как субъект жизни» [Леонтьев 2001: 89]. Очевидно, что речевая деятельность, прежде всего, основана на результатах субъективного «усвоения опредмеченных в слове способов его употребления» [Леонтьев 1997: 89], где «специфические языковые связи являются частью более общего ассоциативного поля» [Deese 1965: 61], обеспечивающего выход на весь предшествующий опыт индивида (перцептивно-когнитивно-эмоционально-оценочный).

В рамках психолингвистики понимание трактуется как процесс, протекающий на различных уровнях осознаваемости и позволяющий объяснить «для меня – здесь – сейчас» значимость воспринимаемого. Переживая значение слова, индивид обращается к «огромной сети связей, объединяющей продукты переработки вербального и невербального, индивидуального и социального опыта», метафорически трактуемой как живой мультимодальный гипертекст, являющийся «динамической (самоорганизующейся) функциональной системой, которая в процессах познания и коммуникации служит внутренним контекстом, позволяющим находить опоры для разделяемого с другими людьми знания на уровне достаточного семиозиса» [Залевская 2014б: 149; 2013а: 44; 2013б; 2013в; 2013г].

Важную роль в функционировании такого многомерного динамического пространства имеет установление связей по ряду признаков, вербальных и невербальных (перцептивных, когнитивных, эмоционально-оценочных), выступающих содержательным наполнением субъективного «видения» мира. Психолингвистическая теория слова с опорой на концепцию образа мира позволяет определить такое представление как образ мира индивида, так как не существует «другого образа мира кроме образа мира личности» [Леонтьев 2001: 326]. Этот образ «голографичен и многолик, является продуктом переработки перцептивного, когнитивного и аффективного опыта, функционирует на разных уровнях осознаваемости при обязательном сочетании “знания” и “переживания” и лишь в неполной мере поддается вербальному описанию» [Залевская 2005: 243] (о слоях субъективного опыта, фиксирующих образ мира индивида, также см. [Носуленко 2007: 28]).

Опосредованный сетью смысловых связей / признаков и глубинной образной структурой мультимодальный гипертекст должен содержать динамические основания / универсалии членения подобного мегасмыслового континуума. Навигация по гипертексту (термин А.А. Залевской) задаётся при помощи инвариантов высказываний как «базовых смысловых отношений» и опоры на признаки и признаки признаков, что объясняет включение единицы знания «во множество “схем” и “сценариев”, доступ к которым может реализовываться по любому каналу – сенсорному, концептуальному, эмоциональному, вербальному» [Залевская 2014б: 144].

Базовые смысловые отношения (В.А. Садикова [Садикова 2012] называет их «топами») выступают «продуктом компрессии смысла» [Залевская 2014б: 141], фундаментальными динамически сложившимися смысловыми скрепами, опорами коллективного знания-переживания, основами взаимопонимания. Они возникают в доязыковом опыте индивида, неосознаваемо координируют его ориентацию в смысловом пространстве благодаря высокой степени обобщения и обеспечивают целостное образное представление об объекте как широком классе ему подобных с учётом множества признаков и ситуаций осмысления [Залевская 2013а: 133].

Обращение к проблемам понимания передаваемого словом содержания позволяет трактовать решающий этап этой деятельности как идентификацию воспринимаемого слова в естественных условиях познания и коммуникации, предполагающую учёт двух аспектов: процесса и его результата. Процессуальность делает возможным определить идентификацию слова как «актуализацию опор в мультимодальном гипертексте предшествующего опыта для встречного моделирования квантов знания, отвечающих ситуации познавательной деятельности или общения». Результативность ведёт к рассмотрению её как «переживания понятности слова, готовности к его использованию в речемыслительной деятельности» [Залевская 2014б: 156].

Основными механизмами, обеспечивающими понимание для «меня – здесь – сейчас», выступают глубинная предикация, механизм смысловых за-

мен, механизм встречного моделирования / конструирования, механизм опоры на ВЗ, механизм обратной связи. Глубинная предикация (термин А.А. Залевской) определяет установление сходства / различия по множеству оснований, «осуществляется на специфическом “языке мозга” о возможности распространения принципа функционального совмещения на сферу человеческого мышления» [Залевская 2005: 124].

Этот механизм представляет собой констатацию некоторого факта сходства или различия по тому или иному параметру [Залевская 2005: 124] и реализуется через «замыкание динамической временной связи “для себя” на уровне компрессии смыслов с возможной дальнейшей вербальной манифестацией полученного продукта» [Залевская 2014б: 155]. Глубинная предикация не тождественна логическому суждению или пропозиции в лингвистике, так как обеспечивает наиболее эффективный, с точки зрения субъекта, путь объяснения «для себя» и допускает оправданное опытом некоторое отступление от норм и правил построения предложения «для других» при выходе на поверхностный, вербальный уровень коммуникации.

Механизм встречного конструирования задействуется при установлении необходимых связей в гиперсмысловом пространстве, исходя из возможности поиска точек взаимопонимания, позволяющих считать знание разделяемым всеми участниками общения, в ходе естественно протекающих процессов познания и коммуникации. Такое согласование происходит также благодаря механизму смысловых замен, признаваемых индивидом релевантными «здесь и сейчас». Механизм опоры на ВЗ призван объяснить, почему осуществляются такие замены, каковы их перцептивные, когнитивные и эмоционально-оценочные обоснования и процедуры выведения.

Модель процесса речемыслительной деятельности А.А. Залевской демонстрирует этапы вербального представления мысли: диффузный образ результата (процесс и продукт его формирования) – процесс и продукт смыслового программирования – процесс и продукт реализации смысловой программы [Залевская 2005: 39–41; 2015в]. Образ результата выступает осознаваемой

/ неосознаваемой внутренней установкой по интеграции различных фрагментов опыта индивида, которые «находятся в отношении друг к другу в разной степени согласованности и конфликта» [Сазонова 2000: 4–6] и обусловлены внешними условиями коммуникации. Изучение процесса интеграции внутренних и внешних посылок процесса понимания позволило моделировать его развитие в виде гипотетической спирали (спиралевидная модель идентификации слова и понимания текста), дающей возможность, оттолкнувшись от внешних условий, отобразить доступ к образу мира индивида посредством расширяющихся кругов ВЗ (о психолингвистической теории слова с опорой на концепцию образа мира см.: [Залевская 2005; 2014а; 2014б; 2015в]).

Результатом становится проекция текста как «продукт смыслового восприятия» [Залевская 2005: 386], а медиаторами выступают ключевые слова, выполняющие ряд функций, необходимых для автоматических переходов между структурами смыслового пространства, и извлекаемые из памяти «следы» прошлого опыта «как сложный ключ нахождения информации» [Мохамед 2000: 46]. Получаемый интегративный смысл становится опорой, соединяющей взаимосвязанные ментальные репрезентации, активность которых обусловлена внешними и внутренними факторами, а также уровнями формирования модели (модель построения проекции текста Н.В. Мохамед).

Опорными элементами понимания текста на поверхностном уровне могут стать авторский предтекстовый комплекс (М.Л. Корытная, В.А. Балдова), контекст (И.Ф. Бревдо), иные структурные опоры и их внутренние аналоги в виде различных признаков (И.Л. Медведева), образ ситуации (Т.В. Михайлова, С.А. Чугунова). Определённую значимость приобретают когнитивные модели темпоральности, мотивирующие поведение индивида и структурирующие его биологический и лингвокультурный опыт [Чугунова 2009: 5]. В целом с обзорами итогов научных изысканий Тверской психолингвистической школы можно ознакомиться [Залевская 2005; 2014а; 2014б; 2015а].

Моделирование процесса понимания текста в рамках психолингвистики позволяет определить степень согласованности стратегий и языкового опыта

(на базе синтаксического прайминга) участников, а также специфику референциального выбора (модель интерактивной координации [Федорова 2013]). Текст трактуется как основной компонент читательской деятельности, зависящий от уровня имплицитности информации, индивидуально-психических особенностей читателя (экстраверта / интроверта) и выступающий «регулятором свободы выбора стратегии» и условием трансформации индивидуального в универсальное (концепция трансформации универсального комплекса стратегий при понимании слова и текста [Богусловская 2014: 5–7]). Текст может выступать средством речевого воздействия, что опосредовано его суггестивностью, специфической маркированностью компонентов и структур (фонетических, лексических, синтаксических и т.д.), а также художественных образов и социально значимой информации [Шелестюк 2009: 6–7]. Слова, имплицитно включающие большой объём энциклопедического знания или образный потенциал (имена собственные, метафоры, эмоционально-экспрессивные конструкции), являются маркерами имплицитного воздействия на читателя.

Специфика процессов понимания зависит от особенностей самого текста и задействуемых каналов восприятия информации. Так, модель понимания поликодового текста должна отражать действие механизмов «взаимодействия в едином графическом и смысловом пространстве двух гетерогенных составляющих (изобразительной и вербальной)» [Сонин 2006: 9], необходимых для выражения доминантного смысла, также способна воздействовать на человека, в первую очередь, опосредуя визуальное восприятие. Базовым для построения модели признаётся формат рассредоточенной репрезентации, с помощью которой возможна реконструкция нейронных процессов в ходе естественных условий понимания (о процессе интеграции рассредоточенных в мозге центров обработки информации см. также мнение психолога Д. Кеммерера в подразделе 1.5.1).

Такая конфигурация нейронной сети позволяет установить значимые узлы, активируемые в примерах взаимодействия индивида со средой. Компонентами этой когнитивной структуры выступают следы памяти (перцептив-

ные, моторные, эмоциональные), стимулирующие / затрудняющие распространение по сети. Этапы последовательной когнитивной обработки способствуют активации различных репрезентаций и формированию единой ментальной репрезентации понимания текста [Сонин 2006: 9–10]. В целом модель А.Г. Сонины, раскрывающая нейролингвистические основы понимания, отражает процесс активации продуктов прежнего мультимодального опыта индивида («следов» памяти), доказывает нейрофизиологическую (не абстрактно-концептуальную!) природу когнитивных процессов. (О специфике понимания кинотекста см.: [Винникова 2009], иноязычного гетерогенного текста по специальности см.: [Ищук 2009], рекламного текста см.: [Чернышова 2010], о влиянии возрастных особенностей см.: [Кружилина 2014]).

Особую роль должен играть механизм контроля, обеспечивающий проверку итогов в процессе понимания. Наличие внутренней основы, системы мультимодальных смысловых опор предполагает, что обращение к какому-либо из её фрагментов должно быть подтверждено опытом самого индивида. Такой самоконтроль А.А. Залевская связывает с действием принципа обратной связи, «в основе которой лежит СМЫСЛ, реализация или поиск которого направляет оценку получаемого результата как положительного (принимаемого в качестве соответствующего замыслу) или отрицательного (требующего коррекции)» [Залевская 2015в: 20].

Данный принцип действует на всех этапах формирования высказывания посредством петель обратной связи: от пускового момента, задающего общую «идею» в виде образа результата до её вербальной манифестации (о модели речемыслительного процесса см: [Залевская 2005; 2015в]). Отсюда в естественных условиях познания и коммуникации процесс самоконтроля позволяет сформировать функциональные смысловые опоры понимания как итог прежнего опыта оперирования знаниями о мире. Осознаваемость или неосознаваемость такого контроля зависит от степени освоенности путей активации и релевантности опоры *ad hoc*.

Изыскания в психолингвистике как интегративном направлении в науке доказывают, что «для пользования словом необходима его *актуализация* в памяти, благодаря чему становятся доступными связанные с этим словом языковые и энциклопедические знания (в том числе различные виды выводного знания, путь к которому может требовать ряда переходов)», что является достаточным при условии подхода к значению слова как достоянию индивида и обусловленности «когнитивных сущностей» перцептивными корнями и эмоционально-оценочными переживаниями субъекта [Залевская 2007: 185]. Отсюда переживание значения слова как понятого происходит при соотнесении с «простой», «знакомой» единицей, «опорным пунктом внутренней референции», «функционально достаточной, чтобы стать средством выхода на образ мира» [Золотова 2005: 6].

Поиск и фиксация в памяти оптимальных для индивида путей достижения результата в процессе понимания связан с проблемой опоры на ВЗ. Согласно определению А.А. Залевской, ВЗ «точнее было бы называть выводным знанием / отношением, поскольку личностная интерпретация выводимых фактов всегда сопровождается их эмоционально-оценочным переживанием, которое к тому же является мощным фактором, направляющим внимание индивида и нередко заставляющим его делать “не те” выводы, заполняя пробелы между явно выраженным в тексте “не теми” промежуточными переменными» [Залевская 1999: 267]. Задействование подобного знания «всегда присутствует в любом речевом (=речемыслеительном) действии», характеризуется многосторонностью и многоступенчатостью [цит. раб.: 271].

Опора на ВЗ выявляется в ходе экспериментальных исследований, когда, идентифицируя слово, «испытываемые нередко производят смысловые замены или тематические “подмены” и “приписки”, в значительной мере повторяющие средства идентификации слов “для себя”, главное – демонстрирующие продукты перевода слов на смысл, т.е. в памяти сохраняется не столько словоформа, сколько то, что с ней увязывается в индивидуальном опыте познания и общения» [Залевская 2015в: 32] (о концепции единой информационной

базы человека, интерфейсной теории значения слова, психолингвистической теории слова как достояния индивида, голографической гипотезе хранения и функционирования информации см.: [Залевская 2005; 2007б; 2012; 2014а; 2014б; 2015б; 2015в]).

Следовательно, психолингвистические изыскания в сфере изучения процесса понимания с опорой на ВЗ на базе различных текстов как особого вида общения, эксплицитных и имплицитных форм воздействия на читателя позволяют реконструировать прошлые события понимания и пережить их на новом витке познавательной и коммуникативной деятельности. Субъективный имплицитный потенциал индивида составляет его внутреннее «видение» мира, опирающееся на «фундаментальные основы бытия» [Залевская 2013д].

Подводя итоги обзора различных подходов к проблеме понимания, необходимо отметить, что обращение к изучению значения единицы языка как достояния индивида, выявление биологических «корней» познавательной деятельности, стремление вскрыть сущность речезыковых явлений, определить их концептуальные основы и т.д. предполагает разработку новых ориентиров развития научного знания, интегрирующих результаты различных направлений в лингвистике и на междисциплинарном уровне. Примерами являются психолингвистический подход (А.А. Леонтьев, Н.И. Жинкин, А.А. Залевская и др.), подход к языку как биологическому феномену (У. Матурана, В.А. Кравченко и др.), когнитивно-дискурсивная парадигма научных исследований в лингвистике (Е.С. Кубрякова, Н.Н. Болдырев и др.), системно-антропоцентрический подход (В.И. Иванова), направленный на разработку методологии для изучения «речевой системности» [Иванова 2016: 17] и другие современные направления в науке о языке.

Несмотря на различия в трактовках и выборе основополагающих координат научного «видения» путей развития языковой системы интегративные направления позволяют глубже изучить объект исследования, открыть новые грани и выявить действенный инструментарий. Именно возникающие на сты-

ке различных научных парадигм направления, с нашей точки зрения, являются показателем поступательного развития научного знания в целом.

Обзор изысканий в рамках научных теорий в логике, когнитивной лингвистике, междисциплинарного инференционного подхода позволяет выявить основные различия подходов к феномену понимания, что можно представить в виде таблицы (см.: табл. 1).

Таблица 1. Феномен понимания с позиций разных научных подходов

Критерии реализации процесса понимания	Выделяемые характеристики процесса понимания в рамках различных научных подходов			
	<i>герменевтический</i>	<i>когнитивный</i>	<i>инференционный</i>	<i>психолингвистический</i>
Наличие имплицитной опоры	внутреннее «бытие-в-мире», «сплав» субъективного и объективного	метаязыковое концептуально структурированное пространство	перцептивно обусловленная ассоциативно-семантическая сеть (память)	единая информационная база (мульти-модальный гипертекст) как достояние индивида
Субъект понимания	эксперт-интерпретатор	сознание субъекта как когнитивный механизм	воспринимающая живая система	идентифицирующий (переживающий) субъект
Результат понимания	выявление скрытого замысла Другого	логически выводимый концепт-конструкт	амодальная ментальная модель как процедура активации опыта	интегративная опора понимания как свидетельство опыта
Пути экспликации результата	необязательность вербализации	репрезентация средствами языка	репрезентации разных модальностей в памяти	вербальный, невербальный (знание «для себя»)
Характеристики процесса понимания	интуитивность, эвристичность	осознаваемость, рациональность, мономодальность	имплицитность, связь перцепции и когниции	малоосознаваемость, эвристичность, мультимодальность
Процедуры процесса понимания	модель герменевтического круга и др.	когнитивные модели	каузальные схемы, ментальные модели	спиралевидная модель понимания с опорой на ВЗ

Представленные в таблице положения дают возможность полагать, что у исследователя имеется возможность поиска нового интегративного подхода к изучению процесса понимания с опорой на ВЗ, например, в русле психолингвистики. Для разработки такого подхода к проблеме ВЗ необходимо обратиться к изучению роли субъекта в процессе интерпретации, что делает необходимым изменить направление исследования с объекта и содержания на ИНДИВИДА, достоянием которого является слово. Учёт роли индивида заставляет иначе взглянуть на процесс интерпретации, признать его не научной

абстракцией, а актом понимания–переживания значения стимула, релевантным объяснением «для меня – здесь – сейчас», поиском оптимальных путей задействования продуктов речемыслительной активности субъекта.

Таким образом, понимание с позиций различных подходов представляется сложным и многогранным процессом, отражающим необходимость учёта специфики внутреннего мира субъекта, интегрирующего мультимодальные продукты личного и коллективного опыта, процедур его активации, что позволяет обосновать имплицитную причинность, предметность, прецедентность, результативность понимания в реальных условиях речемыслительной деятельности при различии уровней осознаваемости. Изучение данного процесса с опорой на ВЗ открывает новые пути поиска научного обоснования роли индивида как инициатора и активного участника процесса понимания.

1.6. Имплицитность как особенность формирования значения

Значимость опоры на ВЗ для поиска оптимального «для меня – здесь – сейчас» результата в процессе понимания делает необходимым обратиться к феномену значения и определить место выводимого, имплицитного компонента в его структуре. Неоднородность содержательного потенциала, передаваемого словом, разнообразие процедур опоры на продукты обретенного прежде опыта и их осознаваемое / неосознаваемое задействование в процессе понимания обуславливают необходимость исследования тех знаний, которые способна репрезентировать единица языка в процессе речемыслительной деятельности, обеспечивая сближение в слове мыслей говорящего и понимающего [Потебня 1993: 94].

Человек постоянно осваивает мир, его практическая деятельность представляет глобальную коммуникацию, знаковую / кодовую по природе, учреждающую культуру и наполняющую всё вокруг смыслами как блоками значений сообщения [Эко 1998: 416]. Смысл в этом случае рассматривается как «форма общественного опыта, улавливаемая индивидом», выступающая ана-

логом значения в конкретной деятельности [Леонтьев 1997: 142–143]. Трактовка смысла как динамической основы развития значения или, наоборот, признания значения стабильной когнитивной структурой, изменения которой предсказуемы и исчисляемы, является причиной возникновения разных точек зрения на данный феномен в науке.

Термин «значение» определяется неоднозначно, например, как «продукт мыслительной деятельности человека, связанный с редукцией информации сознанием человека в ходе ряда мыслительных операций» [ЯБЭС 1998: 261], как «обобщённая идеальная модель объекта в сознании субъекта, в которой зафиксированы его существенные свойства, выделенные в совокупной общественной деятельности» [Петренко 2005: 25], как «лично переживаемая значимость», «пакет» сенсомоторных, эмоционально-оценочных, семантических компонентов, лишь часть которых стремится к внешнеязыковой объективизации [Дашинимаева 2010: 6–9]. «Трактовка значения слова как совокупности продуктов широкого набора актов глубинной предикации, включающего констатацию фактов сходства и различия по разным аспектам языкового, энциклопедического знаний, с учётом эмоциональных переживаний индивида и выработанных социумом норм и оценок, объясняет способность слова как производного ряда психических процессов (аффективного, наглядно-действенного, понятийно-логического) и как узла пересечения связей по линиям каждого из этих процессов служить средством доступа к единому информационному тезариусу человека, содействовать выходу говорящего или слушающего за пределы непосредственно сообщаемой или воспринимаемой им информации» [Залевская 2005: 124].

Различия приведённых выше определений отражают два основных направления в изучении феномена значения: как относительно стабильного ментального продукта, совокупности итогов познавательной активности, выступающих разделяемым знанием всех для членов языкового коллектива, и как «континуальный процесс, немислимый вне активной “смыслопорождающей” деятельности сознания, протекающей в опоре на объективно существу-

ющие элементы» [Курганова 2012: 14] (интегративная динамическая концепция значения как живого знания Н.И. Кургановой). Трактовка значения как динамического процесса позволяет по-новому взглянуть на проблему разделяемого знания, которое не является «данным свыше» и неизменным, а формируется в динамике благодаря множеству форм репрезентации в сознании каждого члена языкового коллектива, функционирует на разных уровнях осознаваемости, являясь «живым» знанием-переживанием (обзор научных подходов к значению представлен, например, в [Залевская 2014б]).

В целом проблема стабильности / вариативности значения предполагает наличие общей ядерно-периферийной модели представления его структуры. Так, в рамках когнитивных исследований структурное ядро (*structural components*) представляет собой концептуальное единство наиболее общих признаков, например, «причина», «образ действия», «контактность» и т.д. в случае глаголов. Периферийная часть (*idiosyncratic components*) обеспечивает детальную характеристику, которая возникает благодаря разнообразным когнитивным контекстам, обусловленным функциональной спецификой [Wolff, Malt 2010: 7]. Такие контексты могут предполагать схематичное представление, например, когнитивные схемы [Langacker 1999]; матричную модель (*abstract domain matrices*) [Croft, Cruse 2004: 25–26; Болдырев 2009]; ментальные пространства, взаимодействующие с ядерным (*generic space*), что обеспечивает конфигурации при функционировании [Fauconnier 1999: 106–111] и т.д.

Ряд концепций, сформулированных на базе исследований динамики развития значения, подтверждают, что лексическое значение как система лексико-семантических вариантов, объединённых признаковой структурой, может обретать содержательный потенциал благодаря мотивирующей среде – вербальному контексту. Так, в теории лексических концептов и когнитивных моделей В. Эванс выделяет лексические концепты, или семантические единицы (*semantic units*), конвенционально ассоциируемые с языковой формой и являющиеся частью ментальной грамматики индивида. Значение формируется в ситуативных условиях функционирования единицы языка и обеспечивается

релевантным профилем семантического потенциала, или ассоциативно-семантической сети как комбинаций признаков и отношений между ними, ряд из которых обладает бóльшим «весом» в силу контекстного подкрепления [Evans 2006: 491–492].

Схожие взгляды на динамическую структуру значения представлены посредством модели динамического значения И. Кескеса. Учёный предполагает, что речевое общение имплицитно подразумевает взаимовлияние единиц языка и ситуативного контекста, результатом чего становится вербальная кодировка когнитивных и, соответственно, вербальных контекстов прежнего опыта оперирования языком (*lexical units encode the contexts of their prior use*). Наиболее устойчивые представлены в значении в виде смыслового ядра (*the coresense of a lexical unit*), объединяющего семантические и имеющие социокультурную специфику признаки, выделенные в типичных контекстах активации. Текущая конфигурация как итог смыслоформирования (*consense*) осуществляется в конкретном вербально заданном контексте [Kecskes 2008: 393–394].

Наличие обретенного с опытом и выводимого ресурса, т.е. обусловленных широким социокультурным контекстом смыслов (*sense-units*), устойчиво имплицитно подразумеваемых словом и рассматриваемых как потенциал значения (*meaning potential*), утверждается посредством моделей энциклопедической семантики [Allwood 2003: 43–46]. Такая модель отражает значение, включающее всю информацию, которая может быть извлечена из слова как части языковой системы и опыта взаимодействия с миром, т.е. и языковые, и энциклопедические знания. Часть этой информации активируется индивидом в конкретных условиях контекста, обусловлена прежним примером контекстного выделения релевантного признака (общего или частного). Отсюда вербальные контексты функционирования слова позволяют сформировать определённые смысловые образования, которые отражают опыт индивида по оперированию словом, имплицитно активируются им и, очевидно, взаимосвязаны со спецификой средств вербализации.

Исследование влияния психологических особенностей индивида на формирование передаваемого словом содержания позволило иначе взглянуть на структуру концепта как структурированного актуального содержания (смысла), например, признать её перцептивную (образ воспринимаемого слова), когнитивную (когнитивная структура в единстве с актуальным когнитивным признаком, являющимся динамической опорой смыслоформирования), эмоционально-оценочную обусловленность, а также наличие ассоциативного компонента, являющегося результатом прежних интерпретаций и, соответственно, основой для новых [Пищальникова 2005: 187–189].

Присутствие ассоциативного компонента, предполагающего сетевую структуру, подтверждает, что значение окружается своеобразным «облаком» смысловых связей, которые, по словам Ж. Пиаже, обусловлены не простой ассоциацией между объектами, а деятельностью активного субъекта, направленной на обработку и обобщение опыта манипуляций с объектами [Пиаже 2001: 99]. В этом случае также уместно вспомнить высказывание Л.С. Выготского, что «слово не только значит, но и показывает, почему оно значит» [Выготский 2002: 197], раскрывая пространство опосредованных разнообразной деятельностью субъекта смысловых связей как функциональных опор понимания, активируемых на различных уровнях осознания.

Учёт влияния психологических факторов на специфику формирования значения слова позволяет исследовать психологическую структуру значения, отражающую двойственную природу данного феномена: как «объективную, кодифицированную форму существования общественного знания» и «форму его существования в индивидуальной психике, опосредованную системой отношений “владельца” психики к действительности», иначе смысл, который раскрывает способы усвоения знака языка, «распредмечивания» его значения [Леонтьев 1997: 84–89, 273, 298]. Подобная структура характеризует слово как «живой» продукт речемыслительной деятельности человека, значение которого «опирается на личностно переработанные знания и переживания, но контролируется и согласуется с признаковой системой значений, норм, оце-

нок»; системно-языковая представленность значения «может реализовываться не полностью, дополняться за счёт многомерных и многоступенчатых связей по линиям языковых и энциклопедических знаний, субъективно переживаемых и не поддающихся разграничению» [Залевская 2005: 232, 433; 2012].

Динамическая структура значения «живого» слова, формируемого на основе внутреннего гиперпространства, рассматривается как смысловое поле, объединяющее значения и составляющие их смыслы. Такое поле, являющееся условием функционирования живого знания, предполагает наличие структурных и операциональных параметров. Первые опосредованы когнитивно-дискурсивной активностью лингвокультурного сообщества, функционируют на разных уровнях осознания, и определены как стереотипное ядро, когнитивные и признаковые структуры значения. Вторые – раскрывают потенциал смыслового поля с точки зрения смыслоформирования и представлены в виде стратегий, схем, когнитивных операций, задействуемых всеми членами социума, объединяя их в определённый когнитивный тип, «характеризуемый общностью смыслообразовательных процессов» [Курганова 2012: 9–10]. Степень востребованности подобных инструментов смыслообразования позволяет утверждать устойчивую выделенность некоторых из них.

Фундаментальная двойственность «бытия» слова как единицы лексико-семантической системы языка и достояния индивида даёт возможность предполагать значимость роли субъекта, познавательная и коммуникативная активность которого протекает в рамках законов психической деятельности, а также регулирующих норм социокультурного сообщества. Отсюда «человек как субъект процессов именованности и идентификации поименованного трактуется как продукт взаимодействия комплекса “начал” – индивидуального и социального, чувственного и рационального; признаётся также, что и называние, и понимание всегда связаны переживанием именуемого или идентифицируемого» [Залевская 2014б: 94. Разрядка автора].

Выступая достоянием активного субъекта, слово удваивает мир, в который входит, объективный мир непосредственно воспринимаемых предметов и

субъективный мир образов, объектов отношений и качеств [Лурия 1998: 40–45, 115–120; Зинченко 1991: 23–26] с учётом условий возникновения и удовлетворения интенций воспринимающего. Интенциональность как важнейшая психологическая характеристика значения определена в качестве способности индивида идентифицировать акты и содержание своей психики. Понимание опосредовано интенциональными актами (выдвижением / ожиданием и актуализаций / вычленением из памяти и т.д.), а также их эмоционально-оценочным переживанием. Задействование единицы языка в ситуации идёт через имплицуемый ею интенциональный инвариант (эйдос) как способ реализации того или иного значения: существительные обозначают некоторые самостоятельные объекты, способные задать тему речи [Алмаев 2008: 9, 17–18]. Такой образно-смысловой феномен, очевидно, должен рассматриваться как динамическая предпосылка смыслоформирования.

Опора на подобный глубинный инвариант опосредует возникновение множества имплицитных контекстов функционирования слова, что делает возможным для него мгновенно «обрастать» смыслами, включаясь во внутренний контекст индивида. Само действие или образ становятся внутренней формой слов (чувственной тканью), которая сопряжена с языковым означением, и способна ответить на вопросы «как» и «почему», смещая фокус внимания субъекта на глубинную предметность означаемого [Медведева 1999: 94], а также на специфику её внутреннего представления. Ранее осознанные детали, признаки в ходе практической деятельности постепенно переходят в область неосознаваемого, сливаются в целостный образ действия, которое представляется как качественно новая ступень мыслительного процесса. Воображение предполагает дорисовку, добавление несуществующих в данный момент признаков, которые могут быть свойственны объекту, включённому в разнообразный опыт субъекта, определяя своеобразие категориальных процессов [Барсук 1999: 22–24, 49–52].

В результате индивид способен сформировать целостное представление не только о сущностных свойствах объекта, но и о способах взаимодействия с

самим объектом или знаниями о нём. Подобный пример собственного опыта превращается в своеобразную опору, которая иллюстрирует, как потенциально может осуществляться акт идентификации. Частотность задействования такой смысловой опоры, её доступность и релевантность «здесь и сейчас» позволяют субъекту использовать эту опору многократно в качестве своеобразного образца, превращающегося в знание, которое не фиксируется в словарном значении, но выводится благодаря накопленному опыту. Фактически, доступные имплицитные «свидетельства» интеграции различных знаний (языковых и энциклопедических) являются залогом выделенности элементов внутри системы и примерами причинно-смыслового кодирования выводимой из внешнего контекста информации (о концепции семантики опыта и выводного знания П. Виоли, трактующей опыт как базу значения и слово как «инструмент получения ВЗ», см.: [Залевская 2014б: 82–86]).

Следовательно, значение как динамическое единство конвенционального и индивидуального обретает имплицитный компонент, включающий продукт прежнего опыта оперирования знаниями о мире и набор процедур по его выведению. Совокупность таких компонентов-опор формирует сеть причинно-смысловых связей, или «облачный сервис» для поиска кратчайших, «комфортных» и эффективных путей идентификации слова, которые индивид неосознаваемо выбирает в ходе речемыслительной деятельности. Имплицитность как неотъемлемое свойство динамического развития значения, с нашей точки зрения, приводит к естественно возникающей асимметрии системы, когда отдельные её элементы получают бóльшую значимость, функциональную выделенность, устойчиво имплицитную в сознании социума.

Асимметрия, опирающаяся на ВЗ, не нарушает целостности структуры значения благодаря причинности обуславливающих её связей, предопределяющих оправданность отбора того или иного признака / признаков в условиях повторной активации. Она возникает благодаря опыту разнообразной деятельности, в процессе которой индивид усваивает знание об объекте посредством взаимодействия, реального или воображаемого, соотнося объект / его

части с функцией, «которая для большинства объектов является причиной и основанием для самого существования объекта, а наличие признаков мотивировано целью, которой служит объект» [Барсук 1999: 42–44].

Таким образом, благодаря формированию имплицитных смысловых опор идентификации значения слова человек как бы видит в реальности то, что предлагает ему увидеть язык, определяемый в качестве «системы квазиобъектов / знаков (“снятых”, свёрнутых форм закрепления общественно значимых признаков предметов и явлений), где на место реальных отношений поставлена их “видимая форма”» [Леонтьев 2001: 95, 301; 1997: 123]. Эти субъективные опоры можно назвать своеобразными выводимыми контекстами, имплицитно и причинно связанными со словом, неосознаваемо активируемыми при объяснении «для себя» того, что может означать слово *ad hoc*. Это объяснение с опорой на ВЗ эффективно вследствие подкрепления личным опытом оперирования языковыми и энциклопедическими знаниями, отражающим внутреннюю позицию субъекта в «видении» мира.

1.6.1. Логико-семантический подход к изучению выводного знания. Пресуппозиция

Проблема инкорпорированности в структуру значения имплицитного компонента, выводимого с высокой долей вероятности при помощи специальных процедур, решалась в рамках логико-семантического подхода и рассматривалась как аналог логического следования. Являясь дедуктивным по природе, логическое следование опирается на посылку, включающую категориальное знание об объекте и бинарную связку (импликацию), скрепляющую посылку и следствие, выступая условием истинности благодаря эксплицитности родовидовой связи между посылками. Однако связующие звенья, выявляемые при реконструкции опоры на ВЗ, могут не иметь чёткой категориальной специфики, но, тем не менее, устойчиво имплицироваться, обеспечивая выход за рамки фиксированного в словаре значения. К таким феноменам относится

пресуппозиция, или презумпция в терминологии Г. Фреге, которую с полным правом можно рассматривать как ВЗ.

Позаимствованный из логики, термин «пресуппозиция» трактуется как «компонент смысла предложения, который может быть истинным для того, чтобы предложение не воспринималось как семантически аномальное или неуместное в данном контексте» [ЯБЭС 1998: 396]. Использование в семантике привело к определению его как семантического компонента, а priori закрепляемого за единицами языка вне их актуализации и используемого в ходе стандартного (at issue) построения смысла предложения на основе смыслов его частей [Potts 2013]. Такие пресуппозиции «не являются обязательными слоями смысла», они отсутствуют у «подавляющего большинства лексических и грамматических значений» [Апресян 2009: 530].

Изменение подходов к изучению имплицитного единиц языка знания привело к прагматической трактовке пресуппозиции, что связало данное грамматическое понятие с энциклопедическими знаниями (common ground) участников общения, тогда как логические выводы обусловлены утверждаемым в предложении [Yule 1996: 25–26]. Здесь семантическая пресуппозиция коррелирует с прагматической: если определённая дескрипция имеет семантической пресуппозицией наличие референта, то говорящий, используя эту дескрипцию, прагматически верит в наличие такого референта [Stalnaker 2002: 701–711]. Признаками прагматической пресуппозиции как «основания коммуникативной практики» являются знания, имеющие отношение к высказыванию, разделяемые говорящим и адресатом, обеспечивающие уместность высказывания в контексте ad hoc, определяющие необходимые условия для понимания высказывания как утверждения, отрицания, вопроса, а также ассоциируемые со спусковым моментом – лексическим, грамматическим средством выражения в высказывании [Карасик 2013: 215–216].

Исчисление семантической пресуппозиции осуществляется через поиск пропозиции, или «подлинного индекса реального объекта», истинность которого устанавливается принимающим субъектом в соответствии с социальным

или моральным законом, а сама пресуппозиция «подразумевает идею вывода, обладающего силой необходимости» [Пирс 2000: 103–104, 137]. Другими словами, это часть закодированного в отдельном слове (группе слов) значения (лексического, грамматического) [Potts 2013: 3], вплетённая (*hardwired*) в семантику высказывания [von Fintel 2008: 138], чья выводимость «покоится на универсальной процедуре логической дедукции, не зависящей от лингвистических форм» [Звегинцев 1976: 266].

Типология пресуппозиций включает: экзистенциальные (*Тот, кто открыл эллиптическую форму планетных орбит, умер в нищете* имплицитно подразумевает существование этого человека); категориальные, т.е. ограничения на семантическую сочетаемость (пресуппозиция одушевлённости) [ЯБЭС 1998: 396]; фактивные (*она сожалеет, что мне рассказала* → *она мне рассказала*); нефактивные (*он притворялся богатым* → *он не богат*), причём фактивность связана с пресуппозицией истинности, а нефактивность – с её утверждением [Арутюнова 1976: 67–68]; лексические (*она сумела водить* → *она старалась водить*); структурные (*Когда он умер?* → *он умер*); контрафактивные (*если бы я не был занят* → *я занят*) [Макаров 2003: 134].

Выведение семантической пресуппозиции является близкой логическому следованию процедурой по отысканию скрытых посылок. Пресуппозиция и логическое следствие выступают звеньями одной цепи, однако, находятся по разным её концам: пресуппозиция имплицитно вытекает из следствия, которое, в свою очередь, вытекает из пресуппозиции. Различие пресуппозиции и импликации состоит в том, что истинность первой следует как из истинности, так и из ложности исходного высказывания. Что касается импликации, то истинность консеквента и антецедента является обязательным условием. К тому же, правило вывода *modus tollens* выполняется только для импликаций, в отличие от *modus ponens*, подходящего для обеих. Среди общих черт отмечаются логическая необходимость, взаимообусловленность посылок и следствия, а также наличие причинно-следственной структуры вывода.

Являясь объективно заданным семантическим элементом, пресуппозиции связаны в предложении с элементами семантической / синтаксической структуры, что позволяет называть языковые средства активаторами пресуппозиций (triggers) [Yule 1996: 33–37]. Примерами могут быть различные части речи: определённые дескрипции и имена собственные (*Kepler died in misery* → *Kepler existed* [Atlas 2006: 31]); указательные местоимения, как *this*, подразумевающие наличие конкретного объекта референции; предполагающие истинность переданной информации фактивные предикаты, связанные с эмоциями (*взволновать, возмутить, огорчить*, и т.д.); попыткой (*удалось, сумел*), владением знанием (*знать, узнать*), восприятием (*представлять, видеть*); говорением (*сообщить, подтвердить*), частицы (*тоже, разве* [ЯБЭС 1998: 396], *too* [van der Sandt, Geurts 2001: 180]), союзы (*As we wrote this, we presupposed that readers would understand English*) [SEP]; наречия (*Jamie ducked quickly behind the wall* → *Jamie ducked behind the wall*); эмфатически выделенные придаточные «it» и «wh»: *It was the cover that was rotten* → *Somebody spoilt the cover* [Abbot 2000: 1429]; интонация (*HE helped me* → *Somebody helped me*) [Geurts, van der Sandt 2004: 19–21] и т.д.

Всеобщность пресуппозиции доказывается её проецированием (presupposition projection [Chemla, Schlenker 2012: 181–182; Stalnaker 2002]) на ряд семантических контекстов, что позволяет прогнозировать пресуппозиции сложных предложений из пресуппозиций их частей. Устойчивость при проецировании / неотменяемость возникает как следствие опоры на семантическую / синтаксическую структуру единицы языка, которая представляет собой своеобразный каркас вычленения старой и новой информации, потенциальных пропозиций, задающих знание о ранее имевшем место, неоспоримом факте (*has stopped smoking* → *used to smoke* [Schlenker 2009: 3:3]).

Пресуппозиция может отменяться при противоречивости последней здравому смыслу или социокультурным конвенциям, т.е. в так называемом глобальном контексте, где ложная пресуппозиция ведёт к ложности целого. Так, в предложении *Zoologists do not realize that elephants are birds* (Зоологи не

знают, что слоны – птицы) активатор пресуппозиции глагол *realize* (знать, осознавать), предполагает в качестве последней *elephants are birds* (слоны – это птицы). Ложность пресуппозиции заставляет слушающего искать пути интерпретации за счёт локальной аккомодации (*local accommodation*) как условия истинности утверждения: *it is not the case that [elephants are birds and Zoologists believe so]*. Пресуппозиция в таком случае становится частью отрицания, превращаясь в предложение типа *I don't believe that zoologists realize that elephants are birds* (Я не верю, что зоологи знают, что слоны – птицы) [Chemla, Bott 2013]. Возможность адаптации пресуппозиции, направленной на обеспечение ясности смысла, позволяет трактовать результаты проецирования как импликатуры способа выражения (*manner implicatures*), обеспечивающие, по Г.П. Грайсу, реализацию соответствующего постулата. Основная идея заключается в том, что информация, передаваемая, например, глаголом *realize*, опирается как на истинность базовой пропозиции (*кто-то знает что-то*), так и на то, что субъект убеждён в её истинности [Schlenker 2008].

Отменяемость пресуппозиции происходит в результате формирования контекста снятой утвердительности (союзы *чтобы, если, пока*; частицы *разве*; оператора вопроса, сослагательного наклонения, будущего времени и т.д.), лишённого глубинной фактуальности, делающей пресуппозицию непреложной истиной. Например, в случае фактивных глаголов, которые утрачивают пресуппозицию: *я огорчил свою мать женитьбой* → *я женился*; т.е. схематично *X огорчил X-а Y-ом* пресуппозиция *Y имеет место*. Отрицание утверждения *Я не огорчил свою мать женитьбой* не влияет на эту пресуппозицию, но в контексте снятой утвердительности, где будущее время является языковым средством нейтрализации утвердительности, пресуппозиция снимается: *Я не огорчу свою мать женитьбой* = *не женюсь и тем самым, не огорчу* [Падучева 2005: 37–40].

Презумпция осведомлённости о том, что наше употребление языка опирается на знание о предметном мире, отражает специальное отношение существования, которое и есть пресуппозиция, или следующая ступень от логиче-

ского вывода к естественному функционированию языка [Charman 2005: 50–52]. Пресуппозиция становится не только утверждением истинности существования объекта, необходимым энциклопедическим знанием (о ситуации, конвенциях общения), но и задаёт стандартные векторы толкования знаний о потенциальном референте (пресуппозиция признака «взрослый» в лексическом значении слова *холостяк*), сочетаемости слова (презумпция одушевлённости агенса для глаголов *accuse* и *blame*) [Апресян 1995: 19, 29–30].

Пресуппозиция также отражает потенциальную возможность описания свойств референта (предикторирования признаков) различной природы: предметных, опирающихся на перцептивный опыт, например, у глаголов чувственного восприятия, орудийности действия и т.д. [Арутюнова 1976: 205–206; 223]; оценочных, связанных с идиоэтническими пресуппозициями о непреложности нравственных правил (презумпция наказания неотделима от употребления глагола *ought to* в нормативных высказываниях); долженствования, предполагающего побуждение к действию; представлений о стандартности хороших экземпляров одного класса, имплицитруемых прилагательным *хороший* [Арутюнова 1988: 33, 237]. Эта способность во многом обусловлена кумулятивной спецификой пресуппозиций, которые накапливаются, «наследуются» и устойчиво имплицитруются единицей языка вследствие функционирования в актах речемыслительной деятельности [Звегинцев 1976: 293].

Исследование условий существования пресуппозиции обозначило необходимость выделения контекстов её истинности: локального и глобального. В формально-семантической теории динамически изменяемого контекста (*dynamic view of context change*) Ф. Шленкера первый понимается как контекст оценивания (*context of evaluation* [Schlenker 2008: 655–660]), который является совокупностью возможных миров удовлетворения какой-либо пресуппозиции и итогом преобразования общего контекста за счёт конъюнкций. Так, предложение *John has stopped smoking* можно представить как *John used to smoke and he has stopped*. Первая часть выступает набором возможных миров, составляющих базу знаний коммуникантов, где истинно, что *Джон курил*

[Schlenker 2010: 377–381] и является пресуппозицией второй части (*he has stopped smoking*), автоматически удовлетворяемой одним из возможных способов в локальном контексте. В примере *The student has stopped smoking and he is glad of it* локальным контекстом для *has stopped smoking* станет *student*, он выступает источником оценивания по отношению к *he is glad of it* и выводит пресуппозицию *used to smoke*, удовлетворяя ей [Schlenker 2009: 3:3].

Включение лингвистики в парадигму когнитивных исследований позволило рассматривать пресуппозицию как неотъемлемый фон при задействовании идеальных когнитивных моделей («фоновые предпосылки ИКМ») при осмыслении единицы языка. Так, глагол *dissuade* «разубедить, отговорить» предполагает когнитивную модель, которая включает фоновое знание о том, что кто-то сделал что-то, и «относящуюся к “переднему плану” информацию о том, что его убедили не делать этого» [Лакофф 2004: 184–185]. Такое знание может быть индивидуальным когнитивным пространством (микропресуппозиция), коллективным (социумная пресуппозиция) или обретать рамки когнитивной базы (макропресуппозиция) или зоны «пересечения когнитивных пространств коммуникантов» [Красных 2002: 24].

В целом пресуппозиция трактуется как выводимая формально-логическая инференция [Макаров 2003: 126], имплицитная установка фактического характера, предшествующая вербально данному тексту [Арутюнова 1976: 213, 359; Schlenker 2008], конвенциональное языковое / неязыковое предзнание о толковании лексического значения, семантической валентности, специфики речевого акта [Апресян 1995: 29–30; Звегинцев 1976: 272; Макаров 2003: 136], которое задаёт специальные отношения существования объекта, имплицитные именованные или дескрипцией [Арутюнова 1976: 293; Charman 2005: 50–52]. Выделяются открытые и закрытые пресуппозиции, пресуппозиции языка и речи [Звегинцев 1976: 266, 280–293], которые являются общей для участников общения презумпцией, необходимым условием речевой ситуации, обеспечивающим связь диспозиции субъекта с опытом в «природной цепи» (от опыта к диспозиции и от неё – к действию) [Арутюнова 1999: 213]

(об обусловленности пресуппозиции опытом субъекта также см.: [Stalnaker 2002: 701–711; ван Дейк 1989: 21]).

Пресуппозиция запускается различными типами языковых активаторов-триггеров [Abbot 2000; Макаров 2003; Chemla, Schlenker 2012; Atlas 2006]; удовлетворяется в локальном контексте как необходимом условии её аккомодации [Schlenker 2008; Abbot 2000: 1419]; не устраняется при проецировании на отрицание и в ряде других семантических контекстов [Апресян 2009: 548; Beaver, Zeevat 2007; Chemla, Bott 2013; Potts 2013], за исключением контекстов снятой утвердительности [Падучева 2005; Апресян 2010]; обладает свойством транзитивности [Johnson-Laird 1995: 999–1000; Звегинцев 1976: 227–228, 293; Залевская 1999: 270–271].

Этот феномен соотносится с темой высказывания [Звегинцев 1976: 221; ван Дейк 1989: 84–86; Abbot 2000: 1433]; макроструктурой текста, выводимой на основе общей базы знаний участников коммуникации [ван Дейк 1989: 86]; анафорическими замещениями в тексте [van der Sandt, Geurts 2001]; как со старой, так и с новой информацией при непротиворечивости последней [Simons 2007: 1034]. Пресуппозиция хранится в памяти в виде фреймов, сценариев [ван Дейк 1989: 72–73], рассматривается как «потенциальный фонд неявной информации» [Звегинцев 1976: 205], необходимый фон когнитивной модели [Лакофф 2004: 184–185], как индивидуальное / коллективное когнитивное пространство [Красных 2002]. С позиции участников коммуникации, она выступает гипотезой о смысле сообщения, связанной со стратегией слушающего и задающей значения слов в высказывании [Лурия 1998: 206, 279].

Несмотря на разнообразие трактовок пресуппозиции можно выделить следующие параметры характеристики этого феномена (см. табл. 2).

Таблица 2. Основные параметры характеристики пресуппозиции

Параметры характеристики	Подходы к изучению феномена пресуппозиции		
	<i>логико-семантический</i>	<i>прагматический</i>	<i>когнитивный</i>
Уровень осознанности	имплицитный	имплицитный	имплицитный
Характер знания	языковое / неязыковое знание, семантический компонент значения	энциклопедическое разделяемое знание, связываемое в сознании социума со значением	структурированная когнитивная база (фон) индивида / социума
Вид экспликации	выводимость на базе логических процедур	выводимость через логические процедуры	выводимость за счёт когнитивных моделей
Характер устойчивости	неотменяемость, аккомодация за счёт контекстов удовлетворения	необходимость в силу разделяемости знания, общности норм и оценок	устойчивость при опоре на опыт социума / субъекта
Характер информации	факт объективного существования фрагмента мира	факт результативной деятельности социума (нормы, правила и пр.)	фактивная опора на опыт когнитивной активности
Степень достоверности	истинность	высокая степень вероятности	правдоподобие

Определение пресуппозиции как имплицитного выводимого компонента, неразрывно связанного со значением единицы языка, с одной стороны, и с когнитивным пространством индивида / социума, – с другой, предполагает узкую и широкую трактовку этого феномена. Когнитивный подход позволяет рассмотреть пресуппозицию как когнитивную установку имплицитной связи слова с продуктами прежнего опыта, которая носит обязательный и неустрашимый характер. Неподавляемость контекстом обеспечивается знанием непреложного факта существования объекта, совершения действия, наличия признаков и т.д., которые становятся обязательными для потенциального референта. В рамках психологии и психолингвистики такая установка, очевидно, должна соотноситься с глубинным представлением об объекте, интенциональным инвариантом (эйдосом), по мнению Н.А. Алмаева, или глубинным целостным образом в трактовке Л.В. Барсук (см. раздел 1.3).

Таким образом, пресуппозиция, активируемая средствами языка, выступает обобщённой «идеей» о факте существования фрагмента действительности (объекта, действия, признаков и т.д.), знание о котором включает когнитивное событие его представления и (о понятиях «факт» и «событие», где по-

следнее маркирует действительность в виде «зарубки на шкале жизненных уровней», входит в экзистенциальный, ситуативный и интенциональный, личностный контекст, характеризуется предметностью, результативностью (имеет точку осуществления в отличие от ситуации), сценарностью (реальное / виртуальное «видение» объекта) и т.д. см.: [Арутюнова 1988: 171–190]).

Кумулятивный характер пресуппозиции (по В.А. Звегинцеву), наличие переднего и заднего плана (по Дж. Лакоффу) позволяет предполагать, что такая установка имплицитно подразумевает нелинейную структуру и может дифференцироваться по степени обобщённости (от наиболее общих знаний до неких устойчивых аспектов «бытия» объекта). Подобная установка объёмного «видения» объекта в контексте события позволяет называть пресуппозицию «разумным глазом», с помощью которого строится модель понимания [Звегинцев 1976: 206] при помощи логических правил / когнитивных процедур выведения, а также «аксиом здравого смысла», опосредующих речемыслительную деятельность людей [Олдер, Хэзер 2000: 11–12, 223]. Это даёт возможность считать теорию пресуппозиций теорией употребления языка [Звегинцев 1976: 258] и обосновать связь с прагматическим подходом.

1.6.2. Специфика выводного знания с точки зрения прагматики

Тот факт, что пресуппозицию чаще всего невозможно отменить, является её основным отличием от имплицатур Г.П. Грайса, призванных открыть намерения говорящего в конкретной ситуации коммуникации. В целом имплицатуры признаются и семантическим [Падучева 2004: 102], и прагматическим элементом высказывания [Макаров 2003: 130]. Они не входят в фиксируемое в словаре значение, а выводятся при учёте контекста ситуации с опорой на принцип кооперации и вытекающие из него коммуникативные постулаты (максимы) общения [Падучева 2004: 101]. Эти максимы определяются как конвенции правдоподобия, опосредующие условно-правдоподобное содержание (truth-conditional content) высказывания [Wharton 2002: 218]. При-

знаётся, что в реальных условиях коммуникации исчисление (выведение) импликатур трудно достижимо вследствие невозможности проникновения в мысли говорящего [Макаров 2003: 130]. В отличие от семантической пресуппозиции импликатура менее предсказуема, устранима контекстом, принадлежит говорящему и выводится слушающим для обеспечения понимания.

Импликатуры, по Г.П. Грайсу, делятся на конвенциональные (*conventional*), основанные на знаниях говорящих в области значений слов, и речевые (*conversational*), возникающие на базе общедоступных смыслов под влиянием контекста и личностных интенций. Они становятся имплицитной опорой, не требуют вербализации, но обязательно должны быть функционально правдоподобны в конкретной ситуации. Конвенциональность и субъективность подразумеваемого позволяет учёному анализировать знание в свете оппозиции «прямое / предметное (*natural meaning*) vs контекстуальное / коммуникативное значение (*non-natural meaning*)» [Grice 1989: 56].

Первый тип импликатур связан с «взаимодействием организма и действительности» [Dale 1996: 23], становится результатом репрезентации категорий естественного мира в сознании субъекта, что конвенционально закреплено в семантике единицы языка, характеризуется постоянством использования и предполагает соответствующий вывод: *x means that p entails that p* [Grice 1989: 213–215, 220]: значение слова *оспа* имплицитно означает, что характерные пятна на теле являются признаком болезни (*Those spots mean measles*). «Привязанная» к слову импликатура старается проявить себя в стандартном выражении, становится своеобразным мостиком между фиксированным значением и вербализованным высказыванием [Avramides 2001: 117–118]. Она не отменяется последующими высказываниями, конвенциональна, так как вызывается при употреблении определённых единиц языка (например, *but, moreover, still, yet* [Neale 1992: 524]) и часто связывается с их неосновными значениями в лексикографической статье.

Учёные говорят о предзаданности подобной импликатуры, её неосознаваемой активации слушающим [Huang 2011: 39], способности вызывать некий

контекст (evoked content), или известную информацию, которую говорящий желает подчеркнуть [Potts 2013: 26–27], и чем выше объём выводимого содержания, тем меньше оно эксплицируется [Carston, Hall 2012: 482]. Конвенциональная импликатура не совпадает с экспликатурой (буквальным смыслом) высказывания, так как опирается не на универсальные свойства компонентов высказывания, а на социокультурные конвенции (стереотипы, идеалы и т.д.), что предполагает учёт психологической специфики [Charman 2005: 63], например, храбрость как характеристика англичан. Некоторые исследователи, однако, указывают на совпадение понятий «конвенциональная импликатура» и «экспликатура» [Макаров 2003: 130].

В отличие от пресуппозиции конвенциональная импликатура не является в строгом смысле общим знанием, это скорее разделяемое мнение / предубеждение сообщества людей. Она предстаёт результатом конвенции, который актуализируется с поправкой на ситуацию общения. От логического следствия этот феномен отличается опорой на мнение говорящего о правдоподобии высказывания, а не на логическую истинность. Импликатура противопоставляется ассерции в том, что её ложность не предполагает ложность высказывания, а становится средством введения в заблуждение [Падучева 2004: 102].

Второй тип импликатур может возникать под действием коммуникативной ситуации, предполагает понимание как выявление коммуникативных намерений говорящего. Интенциональность поведения позволяет утверждать, что язык несёт «следы» прежнего опыта (is conceptually traceable), которые проявляются в зависимости от требований коммуникации [Dale 1996: 24]. Релевантность «следа» / признака опосредует значение говорящего, или тот контекстный смысл, который он передаёт вербально и который приходится выводить слушающему, чтобы получить представление о смысле сказанного [Levinson 2000: 3].

Речевая импликатура погашаема / отменяема (различное описание одного и того же цвета), вычислима, неконвенциональна (несёт лишь «следы» кон-

венции). Эти импликатуры разделяются на общие и частные (generalized / particularized [Grice 1989: 359]; strong / weak [Wilson, Sperber 2004: 628–630]), где первые не входят в лексическое значение слова, однако, представляют собой устойчиво имплицуемый конвенциональный смысл. Примером являются скалярные импликатуры, конструкция *или ... или*, информирующая слушающего не столько об альтернативности сообщаемого, сколько о колебаниях, неуверенности говорящего. Так, высказывание *The knave stole most of the tarts* (Валет украл почти все пироги) может привести к скалярным импликатурам типа *The knave did not steal all of the tarts* (Валет украл не все пироги), которые отменяемы *The knave stole most of the tarts – in fact, he stole them all* (Валет украл почти все пироги – по правде говоря, он украл все). Однако, пресуппозиция, что валет существует, не может быть отменена, иначе высказывание станет странным *#The knave stole most of the tarts, but there was no knave* (#Валет украл почти все пироги, но он вообще отсутствовал) [SEP].

Частные речевые импликатуры не имеют подобной смысловой устойчивости и являются неким имплицитным продуктом прежнего опыта, который, вероятно, можно рассматривать как субъективную опору на ВЗ, демонстрирующую собственное «видение» скрытого за языковой формой содержания. Так, следующие фразы диалога «*Alan Jones: Do you want to join us for supper? Lisa: No thanks. I'm on a diet*» предполагают выведение частной речевой импликатуры «я не хочу вас видеть» / «у меня есть более важные дела», которые нельзя получить из буквального значения высказывания «я придерживаюсь диеты» или отнести к общей речевой импликатуре «я не ужинаю, так как боюсь поправиться» [Sperber, Wilson 2005: 481–482].

Несомненным достоинством теории Г.П. Грайса является признание факта накопления субъективного опыта оперирования языковыми и энциклопедическими знаниями, который представлен в виде имплицитных связей, реализуемых в определённом контексте. Ещё в середине прошлого века учёный высказывал необходимость изучения психологической специфики речевой деятельности, рассуждая о личностной идентичности (personal identity), трак-

туемой как конструкция, составленная из репрезентаций опыта. Грайс вводит термин «общее временное состояние» / ситуативное состояние («total temporary state» – t.t.s.) для описания процесса понимания. Такие состояния определяются как компрессии (серии) сходного опыта, репрезентированные в памяти и характеризующиеся различной степенью обобщения.

Каждый элемент серии опыта обнаруживает, по крайней мере, одну явную (потенциальную) связь с подходящими сериями, т.е. последовательно активизирует прежние серии той же направленности. Например, серия «общие представления о храбром офицере» содержит «след» памяти о конкретном храбром офицере, которая имеет «след», связывающий с представлением о референте *ad hoc*. Аналогична ситуация с предложением *Кто-то слышит шум (Someone hears a noise)*: прошлый опыт прослушивания подобного шума становится элементом ситуативного состояния (репрезентации), одновременно являясь частью серий подобных состояний. Предложения с неопределёнными или личными местоимениями не могут быть перефразированы структурно, но их значения изменяются в соответствии с подходящими сериями опыта [Grice 1975a: 88–89].

Подобные репрезентации, сохраняющие «следы» чувственного опыта, носят субъективный характер и не тождественны реальному объекту / ситуации, что делает проблематичным утверждать их истинность с формально-логической точки зрения. Так, наблюдая эффект искажения отражающейся в воде палки, человек сохраняет иллюзию преломления в виде ситуативно правдоподобной репрезентации, которая может рассматриваться как накапливаемый личностный опыт общения субъекта с миром (*sense data*), а не точная копия материального объекта [Grice 1975b]. Неравнозначность денотата и представления субъекта о вещи отмечал Г. Фреге, называя последний внутренним образом, возникшим из опыта, пропитанным эмоциями, субъективным, расплывчатым, релятивным, предполагающим смысловую неоднозначность. Смысл, по мнению учёного, существует сам по себе, более объективен и стоит между денотатом (обозначаемым) и представлением. Смыслом дено-

тата выступает суждение, которое строится на понятии *a priori*, вследствие чего может стать достоянием многих [Фреге 1997: 356–361].

Разница между репрезентацией знания об объекте и её лингвистическим описанием достаточно очевидна при рассмотрении глаголов восприятия (*hear, smell, taste*), которые часто соотносятся с объектами, не связанными с чувственным восприятием: *слышать машину* (не звук машины), *вкус торта, запах сыра* (не название вкуса / запаха). Они отражают наши ощущения от взаимодействия с объектом, которые выводятся из сенсорных данных и приобретают характер ментальной репрезентации, а не реального описания сенсорного восприятия. Грайс создаёт новый термин «*visa*» для описания ментальной проекции, выступающей промежуточным звеном между языковым средством фиксации и реальностью. Такие слова не существуют в действительности, это, очевидно, внутренний лексикон, своеобразный словарь перцепции («*the vocabulary of perception*») [Chapman 2005: 57–58], имплицитная опора правдоподобных заключений.

Проблема устойчивости подобных имплицитных смыслов (наличие значения «по умолчанию») вызывает актуальную дискуссию о трактовке скалярных импликатур, задаваемых посредством *some / any, not all, most* и т.п., формирующих своеобразную шкалу сильных и слабых вариантов, которые активируются в соответствии с постулатами общения (см. работы Л. Хорна, С. Левинсона, Б. Гертца, Я. Хуанга, Р. Карстона, Д. Спербера, Д. Вилсон и др.). Предложенная Г.П. Грайсом типология, а также развитие высказанных им идей в современных исследованиях имплицитного компонента значения позволили рассмотреть феномен ВЗ с точки зрения эпистемической силы, правдоподобия, взаимосвязи эксплицитного / имплицитного.

Первая оппозиция связана с устойчивостью / предсказуемостью имплицитной информации. Важной характеристикой становится типичность / стандартность продукта опоры на ВЗ (*default inference*), имплицитного определённой лексической единицей (словами количества, прилагательными и т.д.) и выводимого посредством процедур-эвристик. Так, процедуры (принципы)

вывода импликатур, по С. Левинсону, делятся на три вида (в отличие от четырёх максим Грайса): *I* подразумевает типичность трактовки простых выражений (what is expressed simply is stereotypically exemplified); *M*, напротив, отменяет стандартный подход к нетипично представленному выражению (what's said in an abnormal way isn't normal); *Q* связана с потенциальной возможностью вербализации (what isn't said, isn't), например, *some* имплицитно означает *not all* (*не все*), и если *all* (*все*) не вербализовано, то этот смысл не релевантен.

Подобные импликации – это результаты когнитивной и коммуникативной деятельности индивида, представленные в виде шкалы добавочных смыслов и обеспечивающие привязку дейктичных в смысловом плане выражений к требованиям текущей ситуации. В силу стандартности, такие презумптивные значения, или значения «по умолчанию» (default meanings), возникают локально, т.е. во внутренней речи, до появления пропозиции, и могут быть отменены, если ожидания слушающего, опирающиеся на опыт владения языком, не оправдываются [Levinson 2000: 16–17, 25, 35–38].

Важным достижением исследований С. Левинсона, представленных в теории обобщённой речевой импликации (the theory of generalized conversational implicature) является обоснование того, что единица языка способна активировать устойчивый имплицитный смысловой потенциал, который формируется в процессе речемыслительной деятельности и сохраняется во внутреннем контексте коммуникантов «по умолчанию». Процедуры его активации представляют эвристический поиск оптимальных способов достижения понимания вербально переданного содержания, а именно: интуитивную опору на ВЗ как наиболее правдоподобный пример, поиск путей аккомодации при невозможности такой опоры, признание слова вербальным маркером интенций индивида и средством передачи наиболее релевантных смыслов. Однако возникает проблема разделяемости такого имплицитного знания членами социума, его закреплённости за конкретным вербальным активатором.

Сомнения в устойчивости связи слова и имплицитных смыслов, а также убеждение в слабости эпистемической силы, например, скалярных имплика-

тур высказывает Л.Р. Хорн. Учёный обращает внимание на то, что базовые средства вербализации (например, *some* или *pink*) обнаруживают меньший имплицитный потенциал, чем их маркированные толкования (*not all* и *pale red*). Помимо стандартных противопоставлений *some – not all*, *pink – not red* последние несут дополнительные смыслы / признаки, связанные с намерением говорящего расставить смысловые акценты «здесь и сейчас» нетипичным способом. Определяющими эвристиками выступают *Q* и *R* (комбинации максимум Грайса), обеспечивающие информативность, правдоподобие, релевантность ситуации общения. Это ставит под сомнение трактовку *Q*-принципа С. Левинсоном (*what isn't said, isn't*), позволяя пересмотреть его как «то, что не сказано, может быть выражено в определённых контекстных условиях» при учёте интенций индивида [Horn 2004: 3–26].

Контекстность опоры на ВЗ, зависимость от специфики средств вербализации исследовал К. Бах, предложивший различать контекстно имплицитное и устойчиво имплицитное (*implicit – implicated*). Та часть информации, которую говорящий частично приоткрывает, имея намерение реализовать принцип кооперации, а слушающий принимает в качестве правдоподобной и релевантной условиям общения, рассматривается как имплицитура (*conversational implicature*). Этот феномен трактуется как «додумывание» смысла высказывания за счёт восстановления *ad hoc* очевидно предсказуемых, но эксплицитно не заданных компонентов. В отличие от имплицатуры, подразумевающей новую пропозицию, имплицитура является дополнением прежней. При семантической неполноте высказывания имплицитура выступает способом его завершения (*Jane is late [to catch the train]*) или как результат прагматического расширения (*expansion*), которое делает высказывание правдоподобным в конкретном контексте (*I'll be home later [tonight]*) [Bach 2004: 468].

Выведение имплицитуры происходит интуитивно благодаря наиболее выделенному элементу высказывания, который становится «мостиком» между подразумеваемым и средствами его оптимальной вербализации [Bach 2001: 251–252]. В таких случаях восстановление имплицитной информации будет

опосредовано знаниями языка (синтаксической структурой и семантикой компонентов), а также ситуативным контекстом, который обеспечит необходимое смысловое «достраивание». Концепция К. Баха позволяет утверждать, что опора на ВЗ – это континуальный процесс постоянных смысловых преобразований, который не может происходить вне конкретных условий речемыслительной деятельности. Это ставит под сомнение изучение имплицитного потенциала единицы языка изолированно, без учёта внешних условий коммуникации и внутреннего «видения» индивидом ситуации общения, обеспечивающего правдоподобное «домысливание».

Проблема истинности имплицитной информации рассматривается в теории структурной инференции (*structural inference theory*) Дж. Киеркиа, предпринявшего исследование имплицитного знания, опосредованного семантическими / синтаксическими особенностями единиц языка. Учёный обосновывает гипотезу о том, что правдоподобие, например, скалярных импликатур предопределено знаниями языка и формируется вместе с семантикой высказывания, а не после установления его истинности [Chierchia 2004: 39–40]. Противоположный взгляд высказан в теории условно-истинностной прагматики Ф. Реканати (*truth-conditional pragmatics*), предполагающей два типа компетенций (языковой и прагматической), задействованных в ходе понимания и создающих узкий и широкий контексты толкования при определении намерений говорящего и истинности высказывания *ad hoc*.

Выведение импликатур как смысла высказывания предполагает и установление значения, подразумеваемого говорящим, и восстановление иных фоновых знаний. Выделяются два типа значения: дескриптивное (собственно языковое), формирующееся на базе первичных значений единиц синтаксической структуры высказывания, и прагматическое, опирающееся на знания функциональных особенностей языка и ситуативного контекста. Процесс формирования значений включает три уровня: высказывание как семантико-синтаксическая структура / репрезентация (*linguistic meaning*); снятие рефе-

ренциальной неопределённости (*literal content*); смысловое расширение за счёт речевых импликатур и косвенных речевых актов (*conveyed meaning*).

Отсюда семантика обеспечивает базовую репрезентацию, которая благодаря процессам опоры на ВЗ подвергается прагматической обработке и превращается в правдоподобную пропозицию, отвечающую условиям коммуникации. Так, ответ (*I've had a very large breakfast*) на вопрос о чувстве голода позволяет вывести обобщённую речевую импликатуру *Я не голоден*. Попутно имплицитруется вывод о предполагаемом времени завтрака (временная локация события) как первичное условие прагматического интуитивного правдоподобия высказывания (значение слова «завтрак» включает не только знание о приёме пищи, но и имплицитруемый потенциальный контекст его осуществления) [Recanati 2004: 453–461].

Такую смысловую настройку учёный называет прагматическим насыщением (*saturation*), необходимым для приписывания высказыванию правдоподобного значения в случае невозможности правильного понимания при опоре на прямое значение компонентов. Поиск подходящей прагматической интерпретации называется модуляцией (*modulation*), сопровождающей, например, метонимический перенос (*she wears rabbit* или *she eats rabbit*) [Recanati 2003: 316–319]. Оба процесса неосознаваемы, так как опираются на типичную правдоподобную интерпретацию, и эксплицируются только при несоответствии представлениям слушающего о нормах общения [Recanati 2002: 109]. По нашему мнению, утверждение параллельной активации устойчиво имплицитруемого компонента семантики единиц языка и прагматических условий его «бытия» предполагает внутреннее «видение» субъектом возможного контекста опоры на ВЗ с учётом языковых и неязыковых предпосылок (например, завтрак как приём пищи и знание о прежней ситуации его осуществления).

Взаимообусловленность эксплицитного и имплицитного содержания во внутреннем «видении» субъекта представлена в теории релевантности Д. Спербера и Д. Вилсон. Коммуникация рассматривается как инференционный процесс (*ostensive-inferential communication*), осуществляемый посредством

опоры на релевантные остенсивные стимулы, вербальные и невербальные, которые становятся предметной посылкой понимания, закодированным доказательством намерения говорящего и запускают внутренний процесс поиска решения. Авторы признают принцип релевантности (R-принцип) ведущим в обеспечении необходимого коммуникативного эффекта и минимализации усилий его достижения, а сама релевантность определяется как фундаментальное свойство процессов мышления, памяти, выведения умозаключений.

Процесс инференционного понимания отражает пути интеграции эксплицитной и имплицитной информации. Первым этапом является конструирование релевантной гипотезы относительно эксплицитного содержания, или экспликации (*explicature*), которая рассматривается как буквальное значение вербально заданного остенсивного символа (высказывания), как итог интуитивного понимания, обретающего пропозициональную форму выражения [Huang 2011: 411]. Все экспликации являются комбинацией результатов декодирования и инференционной базы (*inference base*), состоящей из языковых и неязыковых ключей. Выведение приводит к снятию референциальной неопределённости, дейктивности содержания (*pragmatic enrichment processes*).

Вторым этапом признаётся конструирование гипотезы об имплицитных контекстных предпосылках (*assumptions / implicated premises*), т.е. подходящих контекстах понимания экспликации «здесь и сейчас», что предполагает учёт специфики речевого акта и общих представлений об интенциях участников коммуникации. Данный on-line процесс отражает параллельную обработку презумпций релевантности (конвенциональные знания) и личностную релевантность с помощью обратной инференции (*backward inference*), что позволяет учесть имплицитные контекстные посылки выведения экспликации.

Последний этап связан с конструированием надлежащей гипотезы об имплицитных инференциях, результатах прежнего опыта (*hypotheses about implicated conclusions*), т.е. смыслах, которые субъект не высказывает, но подразумевает, а слушающий выводит благодаря разделяемости задействованного знания [Wilson, Sperber 2004: 607–629]. Каждый этап предполагает особые

продукты опоры на ВЗ в виде ситуативных концептов (*ad hoc concepts*), формирующихся при создании гипотезы о значении-намерении говорящего, что определяет понимание как контекстную инференцию (*comprehension as a richly context-dependent form of inference* [Sperber, Wilson 2005: 468]).

Основным механизмом опоры на ВЗ признаётся пропозиция. Коммуникативная пропозиция, или пропозиционально оформленная мысль, может быть отражена средствами языка, но может оставаться «знанием для себя». В случае дискурсивно возникающих выводов она будет иметь ряд отличий от пропозиции, традиционно понимаемой как логическая структура высказывания. Ситуативность (*on-line процесс*) опоры на ВЗ предполагает многоаспектную параллельную обработку информации и является когнитивным преобразованием логической структуры в коммуникативную путём отбора релевантных импликатур и экспликатур [Carston 2002: 134–138] при задействовании механизмов выведения релевантных имплицитных смыслов (*dedicated mechanisms*) в ходе решения конкретных проблем [Sperber, Wilson 2002: 7–8].

В качестве подобного механизма рассматривается каузальная атрибуция, обеспечивающая сверку выводов, интерпретаций, ассоциаций, правдоподобных догадок с вновь поступающей информацией из текста, ситуации общения, а также адаптацию, модификацию, замену, устранение [Макаров 2003: 126], исходя из личных предпочтений (знакомости предмета обсуждения, доступности информации и т.д.) [Wilson, Carston 2007: 230–237]. Субъективным «приписыванием» ситуативно релевантных признаков объясняется толкование метафорических выражений, реализуемое исключительно в процессе опоры на ВЗ (*a wholly inferential process*) [Wilson, Carston 2006: 404].

Несомненным достоинством теории релевантности выступает признание интегративности ВЗ, т.е. учёта как контекстно обусловленных смыслов, так и внутренних установок понимания, обретаемых в процессе речемыслительной деятельности. Результатом становятся релевантные концептуальные образования (*ad hoc concepts*), отражающие процесс динамического согласования внешних и внутренних посылок. Однако, несмотря на важный вклад данной

теории в изучение имплицитного потенциала единицы языка, нерешённой остаётся проблема учёта роли субъекта в процессе смыслоформирования. Этот процесс рассматривается как исчисление устойчивых подходящих вариантов, заданных в виде пропозиций. Возможность иных итогов понимания с опорой на субъективный опыт практически не учитывается, что признано самими учёными, называющими предлагаемый процесс выведения заключений упрощённым (*oversimplified*), а его итоги – типичными смысловыми сужениями (*stereotypical narrowings*) [Wilson, Sperber 2005: 265–266].

В целом человек располагает несколькими видами имплицитного знания (рассмотрение пресуппозиций, импликатур как видов ВЗ см. [Huang 2011]), характеристики которых представлены в таблице (см. табл. 3).

Таблица 3. Характеристика видов выводного знания с позиций лингвистики

Характеристики	Виды выводного знания		
	<i>Пресуппозиция</i>	<i>Импликатура</i>	
		<i>конвенциональная</i>	<i>речевая</i>
Обусловленность фактами опыта	да	да	да
Причинность как залог опоры на факты прежнего опыта	да	да	да
Потенциальный контекст представления	да	да	да
Включённость в разделяемый фонд знаний	да	да	нет
Стандартность средств вербализации	да	да	нет
Устойчивость при проецировании	да	нет	нет
Отменяемость в контексте	нет	да	да

Отсюда в лингвистике имплицитный потенциал получил различное терминологическое обозначение (пресуппозиция, конвенциональная и речевая импликатуры) и изучается по отдельности. Среди характеристик этих видов ВЗ общими выступают фактуальность, причинность опоры на факты прежнего опыта и потенциальный контекст их представления, что позволяет предположить общность принципов их формирования на основе опыта совместной речемыслительной деятельности членов социума.

Таким образом, имплицитный потенциал значения единицы языка формируется, с одной стороны, благодаря предметным корням семантики, которые связаны с наиболее общей идеей о «бытии» объекта, осуществлении действия, обретении признака, являющейся опорой категоризации. С другой стороны, – с активацией потенциальных событийных условий, определяемых в процессе получения опыта оперирования словом, т.е. с воссозданием наиболее правдоподобного контекста приписывания релевантных характеристик, с точки зрения индивида / социума. Двуплановость ВЗ позволяет обозначить два вектора динамического формирования имплицитной опоры: от максимально обобщённой «идеи» существования объекта до смыслового «видения» множества характеристик конкретных объектов; от частных примеров смыслоформирования с опорой на ВЗ до разделяемых образцов опыта социума, правдоподобие которых подкреплено совокупностью контекстов выделения наиболее релевантных признаков.

1.6.3. Феномен эвиденциальности в языке как средство указания на источник информации

Определение ВЗ как внутреннего источника информации, с нашей точки зрения, приводит к исследованию психолингвистических оснований феномена эвиденциальности, изучение которого как грамматической категории представлено в трудах А.Ю. Айхенвальд, В.А. Плунгяна, Т.Н. Астаховой и др.

Эвиденциальность (от лат. *e-* «вне, за пределами» и *videre* «видеть», англ. *evidentiality*) в лингвистике связана с указанием на различные источники получения информации говорящим (прямой / опосредованный доступ). Категория эвиденциальности включает языковые средства (лексические, грамматические) передачи знаний о том, что индивид являлся непосредственным свидетелем происходящих событий (*я видел, слышал* и т.д.). Косвенность информации предполагает, что говорящий не наблюдал ситуацию, но имел / не имел личного доступа к фактам (не наблюдал пожара, но видел его следы и сделал соответствующие умозаключения, слышал от третьих лиц), что эксп-

лицируется при помощи неопределённо-личных, безличных предложений и т.д. без утверждения истинности информации (*говорят, как стало известно, будто бы* и т.д.) [Плунгян 2000: 321–325].

Исследование феномена эвиденциальности (как категории функционально-семантической и модусной) на базе немецкого медиадискурса предпринято в [Астахова 2015]. Автор рассматривает эвиденциальность как исключительно языковое явление и предпринимает попытку систематизировать разноуровневые средства языка, выступающие маркерами прямого и косвенного выражения эвиденциальности, т.е. непосредственного или опосредованного (через собственные выводимые заключения и пересказ чужих слов) указания на источник информации и пути её получения.

Глубокое изучение феномена эвиденциальности с опорой на труды Ф. Боаса, Р. Якобсона предпринято А.Ю. Айхенвальд. Анализ научной работы [Aikhenvald 2013], посвящённой проблеме изучения языковых средств, передающих знания об источнике информации, позволил сделать ряд выводов:

1) эвиденциальность как обращение к источнику информации предстаёт одной из фундаментальных основ познавательной деятельности, отражающей определённое направление мысли в процессе обретения знаний (*expression of knowledge*), формировании вывода и обосновании результата;

2) экспликация языковыми средствами источника информации даёт возможность определить способ обретения сведений: через обращение к прежнему непосредственному (перцептивно обусловленному) источнику; с помощью когнитивной операции умозаключения (инференцию); посредством опоры на мнение другого для подтверждения оценки собственной правоты;

3) грамматическая категория эвиденциальности не исключает выход на продукт опыта субъекта (*evidence*) как источник информации о мире (*internal support*), хотя и не может с ним отождествляться;

4) в качестве вербальных маркеров эвиденциальности (*evidentials*) выступают как лексические (например, глаголы чувственного восприятия и т.д.), так и грамматические средства;

5) эвиденциальность выступает универсальным явлением, присущем множеству языков.

Способность единицы языка передавать знания об источнике информации предзадана как на лексическом, так и грамматическом уровне. Так, среди грамматических средств наиболее ярко знание о наличии информационного ориентира передаётся прошедшим временем глагола. Задействуя глаголы чувственного восприятия (*видел, слышал* и др.), ментального действия (*знал, думал*), говорения (*сказал* и т.д.), человек сообщает не только о соответствующем действии, но и о себе как об участнике некоего события, включённого в его прошлый опыт. Именно указание на прецедентный фрагмент опыта, по нашему мнению, позволяет установить причинно-смысловую связь между понимаемым, переданным единицей языка, и его внутренним объяснением «для меня – здесь – сейчас».

Учёный выделяет ряд типов проявления эвиденциальности в языке, связанных с обращением к перцептивному опыту посредством зрительного или иного вида восприятия посредством органов чувств (*visual, sensory*), через инференцию, опирающуюся на продукт перцептивного опыта (*inference*), при помощи логического вывода, результатом которого становится предположение (*assumption*), посредством косвенной речи (*reported*) или цитирования (*quotative*) [Aikhenvald 2013: 12]. Такая дифференциация даёт возможность не только указать на прежний фрагмент опыта, собственного или разделяемого, который служит опорой для участника коммуникации, но и имплицитно сообщить о путях переработки информации: перцептивных (по линиям органов чувств), когнитивных (посредством мыслительных операций), эмоционально-оценочных (через опору на разделяемые в социуме нормы и оценки либо частное мнение, подтверждающее собственную позицию коммуниканта).

Эвиденциальность признаётся значимым свойством лексической единицы языка, закреплённом в значении. Такой компонент значения имплицитен и, с нашей точки зрения, является выводным, так как задаёт переход к некому сценарию (*script*) прежнего опыта. Так, учёный приводит примеры из

ряда языков аборигенов, где существуют единицы, способные имплицировать время и место прежнего контакта с референтом. На вопрос о количестве жён представитель племени ответил, что их у него четверо, имплицитно передав посредством соответствующих маркеров эвиденциальности, что при последней встрече, жён было именно столько [Aikhenvald 2013: 8, 26].

Признание способности единицы языка имплицировать знания, языковые и энциклопедические, об источнике информации позволяет предполагать причинность устанавливаемой индивидом смысловой связи. Так, предложение *Я слышу, как Джон переходит улицу (I heard John cross the street)* помимо имплицированной процессуальности действия обеспечивает обращение к продукту прежнего опыта «видения» схожей ситуации: походке Джона (тяжёлые шаги, звук удара о тротуар и т.д.) [цит. раб.: 29].

По нашему мнению, имплицитная причинно-смысловая связь между языковым и энциклопедическим выступает результатом идентификации (переживания) значения слова индивидом, который субъективно маркирует для себя, в том числе и словом, продукты собственного опыта речемыслительной деятельности, являющиеся средством доступа к глубинному внутреннему контексту осуществления процесса понимания-переживания. Сказанное выше даёт основания рассмотреть феномен эвиденциальности с позиций психолингвистики, обратившись к исследованию его глубинных оснований.

1.6.4. Моделирование процесса опоры на выводное знание при понимании слова / текста

Взаимообусловленность внутренней и внешней посылок, не возможная без учёта специфики работы памяти, содержания хранимых репрезентаций, процедурных особенностей мышления, а также средств вербализации, позволила учёным реконструировать процессы задействования продуктов разнообразного опыта индивида в ходе речемыслительной деятельности. Разработка моделей процесса понимания с опорой на ВЗ основана на обращении к знани-

ям из области психологии и достижениям логики, позволяющим применить процедуры, характерные для определённого типа вывода.

К числу наиболее известных дедуктивных попыток создания логико-психологических моделей относится теория ментальных моделей и теория значения условных высказываний (theory of the meaning of conditionals) Ф. Джонсона-Лэрда и его последователей. Эти теории позволили говорить об определённом типе мышления (conditional reasoning), обеспечивающим выводимость умозаключения, так как люди делают вывод с опорой на условное высказывание, реальное или гипотетическое [Byrne 2005: 18–19; Byrne, Johnson-Laird 2009]. Рассуждения причинно-следственного типа считаются центральным звеном мышления и обретают реалистичность (naturalness) за счёт семантических и прагматических знаний [Johnson-Laird, Byrne 2002: 646]. Основой умозаключения стала признаваться условная схема высказывания, но в отличие от логики она трактуется как естественный дедуктивный вывод (everyday deduction), опосредованный «наивной каузальностью» (naive causality) [Goldvarg, Johnson-Laird 2001: 565; García-Madruga et al. 2002: 125].

Учёный предположил, что знание в ментальном языке репрезентировано в виде ассерций, или субъективно конструируемых на основе опыта посылок вероятных ментальных моделей. Ассерции задают возможность фундаментального выбора между утверждением и отрицанием, неоднозначны по сложности структуры и отвечают принципу истинности. Индивид минимизирует объём информации в оперативной памяти за счёт создания только истинных ментальных моделей, что даёт возможность не перебирать все логические решения, а фокусироваться на ситуативно подходящих, исключая ложные и нерелевантные альтернативы [Johnson-Laird 2004: 190–198]. Становясь имплицитными в ходе обретения опыта, эти решения рассматриваются субъектом как a priori истинные [Johnson-Laird 1995: 1006].

Вербально модели представляют собой конъюнкции или дисъюнкции, которые завершаются логически опосредованной инференцией [Goodwin, Johnson-Laird 2005: 474–478]. Дедуктивная структура процесса получения за-

ключения предполагает наличие большей (более обобщённой) и меньшей (частного случая этого обобщения) посылок, что даёт возможность респондентам принять заключение, ведущее от *A* к *C*, найдя цепь от *A* к *B* в первой послылке, и от *B* к *C* во второй [Андерсон 2002: 317]. Ассерция *если A равно 2* может быть представлена в виде субъективной и релевантной в конкретных условиях конъюнкции «*A* и 2». Если индивид расценивает первую как истинную, то таким же образом он интерпретирует и вторую, формируя идентичные ментальные модели [Johnson-Laird 1999: 114–121].

Возможность дизъюнктивной структуры ассерции допускается, отражая селективность мышления субъекта: ассерция в модели *A позволит B* (*A will allow B*), соответствующей, например, предложению *Выбор кратчайшего пути позволит избежать пробок* (*taking the short cut will allow you to avoid the traffic*) опирается на устойчивую импликацию об отсутствии такой возможности в случае отрицания (*will not allow you to avoid the traffic*) [Goldvarg, Johnson-Laird 2001: 571]). С нашей точки зрения, подобное рассмотрение аккумуляемых в посылках знаний позволяет теоретически обосновать возможность отдельного ментального представления каждого из элементов и установления оснований для близости между ними.

Дедуктивное мышление считается рациональным, что, однако, не исключает обращения к ментальной образности. Зрение человека делает эксплицитными трёхмерные параметры видения объекта в текущей ситуации, что позволяет идентифицировать его и соотносить с другими через обобщающий образец (*token*) для опознавания каждого референта. Такой образец содержит свойства, соотносимые со свойствами реального референта, обеспечивая взаимосвязь реального образа и его иконического прототипа (о перцептивных истоках ментальных моделей см.: [Vosgerau 2006]). Единицы и отношения между ними в посылках дедуктивной схемы заданы образцами и отношениями между ними в моделях. Текст как объект позволяет индивиду познать мир опосредованно, через ментальную модель, опирающуюся на нейроструктуру

мозга, не ограниченную синтаксической структурой, а конструируемую с учётом памяти [Johnson-Laird 1995: 1005–1006; 2004: 189–190].

Модель может актуализировать образ / образную репрезентацию, но сама не является образной, так как содержит не визуализируемые абстрактные семантические элементы, например, отрицание [Byrne 2005: 4–6]. Она становится результатом мысленного экспериментирования, а не логической пропозицией. «Разумная» иконичность возникает из репрезентативной системы и дополняется интенциональными репрезентациями ассерций. Обыватели понимают значение ассерций, на базе которых конструируется модель, представляют (воображают) включающие их ситуации, и определяют возможность истинности инференции посредством проверки, содержится ли она в посылках [Johnson-Laird 1999: 109–115].

Содержание ассерций отражается в стратегиях опоры на ВЗ: кто-то учитывает возможности, исходя из непосредственно воспринимаемой информации, некоторые принимают за основу категориальное знание в посылках, другие подвергают сомнению посылки и ищут альтернативу. Суппозиция в отличие от классического понимания категории рассматривается как типовая гипотеза о принадлежности к тематической или иной области, обусловленная многократно подтверждёнными опытом выводами. Такие идеи выполняют функцию общих предположений, обращение к которым априорно. Когда условное высказывание представляется впервые, категориальное знание выступает как средство ускорения процессов обработки, способное предопределить вывод [Johnson-Laird, Byrne 2002: 648–668].

В целом значимость изысканий Ф. Джонсона-Лэрда состоит в создании интегративной теории, позволяющей объяснить механизм формирования внутренних посылок / моделей как продуктов когнитивного опыта индивида, которые, с одной стороны, достаточно гибки, чтобы обеспечить объяснительный потенциал в различных ситуациях познания и коммуникации, с другой, – достаточно рациональны (естественно логичны) для того, чтобы претендовать на определённую объективность. Недостатком данной теории, с нашей точки

зрения, является утверждение амодального характера посылок, что не позволяет учесть различия путей перцептивной, когнитивной, эмоционально-оценочной переработки при формировании продуктов опыта.

Не случайно многочисленные научные изыскания, опирающиеся на теорию ментальных моделей, доказывают необходимость признания ассоциативно-смыслового характера связей и отношений между узлами в сетевой структуре памяти и специфики задействуемых *ad hoc* релевантных репрезентаций объекта. Понимание как решение проблемы обусловлено примером решённой ранее сходной проблемы через аналоговый перенос признака из проблемы-источника в проблему-цель. Так, понимание вербально заданных знаний о *чашке чая* и *чашке кофе* в английском зависит от сходства репрезентаций знаний о самих объектах (образных и семантических) в памяти индивида, где существуют похожие по функции, но разные по форме представления о чашках (*cup / mug*) [Whitten, Graesser 2003: 212–213].

Определённую модификацию дедуктивных ментальных моделей Ф. Джонсона-Лэрда предпринял Р. Зваан, утверждающий, что слова активируют опыт познания мира через связь с референтом, которая носит аналоговый характер. Посылка характеризуется обязательной модальностью «следа» прежнего взаимодействия с подобным объектом / ситуацией, активируемого единицами языка как своеобразными ключами. Этот «след» определяется как мысленный образ, или схематичное «видение» объекта в процессе деятельности (*the immersed experiencer framework*), которую имеющий активный индивид формирует исходя из перцептивных сведений (перцептивно-симуляционный подход Р. Зваана). Так, словосочетания *орёл в полёте* и *орёл на гнезде* устойчиво имплицируют соответствующие образные представления (орёл с распостёртыми крыльями и т.д.). Учёный приходит к выводу, что слово ассоциируется с функциональной сетью таких «следов» опыта взаимодействия с объектом (*experiential traces*) [Zwaan 2004: 38–40].

Несомненной заслугой Р. Зваана является постулирование перцептивных основ познавательных и коммуникативных процессов, а также гипотеза о

субъективной конфигурации ситуационной модели, её эллиптическом варианте, т.е. выделении наиболее значимого аспекта (мысленного образа), характеризующего объект и зафиксированного в памяти с учётом схем контекста представления. Однако возникают сомнения в целесообразности рассматривать такой контекст как фреймовую структуру ввиду её эллиптичности и достаточности при объяснении «для себя». Кроме того, пропозициональный характер фрейма приводит к трактовке акта понимания как осознаваемого действия. Напротив, ментальная образность позволяет предполагать опору на выделенный признак, способный на разных уровнях осознаваемости активировать как схему развёртывания потенциального контекста, так и перцептивный образ.

Результаты других известных современных теорий по моделированию процесса понимания значения стимула, в том числе вербального, с опорой на ВЗ в психологии, нейропсихологии и т.д. приведены в таблице (см. табл. 4).

Таблица 4. Теоретическая база моделирования процесса опоры на ВЗ

№ п/п	Концепция	Основные положения концепции	Аспекты, требующие изучения
1	2	3	4
1.	Общая модель решения задач и её версия SOAR [Pretz et al. 2003; Lathrop, Laird 2009]	1) Выделение проблемных пространств состояний и создание связующих гипотез в оперативной памяти; 2) алгоритмическая структура вывода с опорой на конструкцию «если-то» и стратегию «проб и ошибок»; 3) учёт специальных модулей для обработки модальной информации.	Амодальность посылок, осознаваемость формирования пропозициональных установок-гипотез, одноканальность обработки информации.
2.	Теория нейронного моделирования [Thagard 2010]	1) Обоснование абдуктивной нейронной модели понимания с опорой на задающие признаки объекта мультимодальные нейронные репрезентации; 2) иерархичность структуры модели: нейронное кодирование (паттерн) – активация прежнего образного «видение» причины - нейронная модель причинно-следственных отношений между посылкой и выводом; 3) формирование нейронной рекуррентной сети моделей, задающей обратную связь между моделями и первичными паттернами.	Недооценка роли языкового знания: признаётся, что посылки формирования модели только внутренние и не представлены вербально.

1	2	3	4
3.	Теория ситуационной (пространственной) когнитивной [Tversky 2009]	1) Опосредованность мышления психофизическими и социальными установками (инференциями); 2) наличие глубинных когнитивных установок (три пространственных оси), обеспечивающих пространственную и мыслительную координацию.	Не представлены исследования специфики вербальной передачи результатов опоры на ВЗ.
4.	Теория прагматических схем вывода [Holyoak, Cheng 1995]	1) Наличие «социального контракта» (морально-этического контекста) как сложной выводимой опоры на специфику социальных отношений; 2) модель опоры на ВЗ соответствует схеме условного высказывания.	Не учтена специфика частных примеров опоры на ВЗ, активируемых модальными глаголами <i>may</i> и <i>must</i> .
5.	Коннективистская пропозициональная модель компьютерной симуляции LISA [Holyoak, Hummel 2001; Hummel, Holyoak 2003]	1) Схема вывода по аналогии; 2) социальные отношения (роли) признаны основой выводимой иерархичной (по типу «матрёшки») пропозициональной опоры как части символической коннективистской системы; 3) наличие переходных пропозиций, задающих динамизм системы; 4) активация опоры на ВЗ вербальными средствами (e.g. антропонимом); 5) самоорганизуемость системы.	Амодальность опоры, осознаваемость формирования пропозициональных установок
6.	Алгоритм заедствования метапроцедуры аналогии в модели АСТ-R Дж.Р. Андерсона [Величковский 2006а: 208–209]	1) Выделение структуры проблемной (целевой) области; обращение к памяти в поиске сходной семантической области-источника; установление соответствия обеих областей при взаимном отображении структуры отношений; 2) эвристическое допущение возможности сходства элементов в некотором отношении при релевантных условиях для решения задачи.	Амодальность опоры, осознаваемость формирования пропозициональных установок
7.	Модель ассоциативной опоры на ВЗ [Luque et al. 2013], компаративная гипотеза [Stout, Miller 2007]	1) Утверждение причинно-следственной природы связи между ассоциациями (ключ – выводимый результат); 2) устойчивость связи (блокировка других) и субъективная значимость при альтернативном выборе.	Не представлены исследования специфики языкового знания при опоре на ВЗ.
8.	Технология «maintain change» в рамках нейролингвистического программирования [Norcross 2012; Дилтс 1998]	1) Определение моделей поведения как опор заедствования ВЗ; 2) последовательность процедур и стратегий активации моделей поведения (a behavioural chain); 3) прототипичность (метамоделли поведения известных людей).	Ограничение исследования только поведенческой спецификой референта, именуемого, например, А. Эйнштейн.

Обзор приводимых выше научных изысканий позволяет сделать вывод о том, что моделирование процессов мышления и поведения соотносится с процедурами решения задачи / проблемы, которые зависят от особенностей памяти, стиля мышления, специфики интеллекта и соответствуют универсальной формуле «причина – следствие». Основной целью моделирования процессов активации ВЗ становится реконструкция поиска решения с опорой на послышки (продукты прежних выводов), фиксируемые в виде когнитивных обобщений или перцептивно опосредованных образных представлений, а также метакогнитивных абстракций. Различия в подходах устанавливают возможность активации таких опор на различных уровнях осознаваемости.

Установление причинно-смысловых связей, их устойчивость определяют формирование потенциального имплицитного контекста (симуляции, образного представления причины или паттерна связей, схемы и т.д.) который позволяет трактовать послышку как сложную динамическую опору (область-источник, состояние, ассоциативный ключ и т.д.), пропозициональной структуры или представленную в виде схем последовательной активации таких связей, а также их картирования в процессе нейродинамического моделирования. Систематизация данных связей задана в рамках общей базы (динамической сети, функциональной иерархии, нейродинамической модели, симулятора и т.д.), опосредованной частными конфигурациями. Фиксация в памяти продуктов опыта (перцептивного, когнитивного, эмоционально-оценочного) происходит в виде «следа». Активация «следа» предполагает устойчивость средств вербализации благодаря тому, что естественный язык является лучшей моделью человеческой мысли [Леонтьев 1997: 49–50].

Исследования процесса опоры на ВЗ в рамках лингвистики также проведены в рамках различных теорий построения моделей процесса понимания слова / текста, отражающих взаимодействие энциклопедических и языковых знаний, которые субъект признаёт релевантными. Данные модели можно разделить на линейные, строящиеся последовательно, по цепочке, и конструк-

тивно-интеграционные, представляющие реализацию универсальных отношений между релевантными элементами базовой системы.

Примером первых может стать референциальная теория С. Крипке, согласно которой последовательная активация причинно связанных знаний о референте в виде каузальных цепочек приводит к формированию остенсивного символа (социокультурного представления), закреплённого за единицей языка (именем собственным) в виде фиксатора референции или приписываемого набора свойств. В противовес теории дескрипций признаётся, что люди не обладают уникальной дескрипцией референта, знания о котором «скорее определяется каузальной цепочкой от говорящего к говорящему, чем дескрипцией» [Kripke 1980: 48].

Объект именуется (*is baptized*) стоящим в начале каузальной цепочки жёстким десигнатором (*rigid designator*), который обозначает один и тот же объект во всех возможных мирах (ситуациях) [Kripke 1980: 27–30]. После первокрещения (*initial baptism*) он может быть назван остенсивно / посредством нежёстких десигнаторов (дескрипций), которые отражают наше понимание универсальных сущностей [Крипке 1982: 351, 366]. Признаётся, что референция зависит не от нас, а от истории присвоения референта; при отсутствии в каузальной цепочке известной личности референцию определить трудно [Kripke 1980: 59, 95]. Свойства, а priori приписанные именам, соединены с ними как фиксаторы строгой референции и должны быть истинными относительно своего референта, если таковой существует [Крипке 1986: 204]. Эти свойства определены общими знаниями, хотя могут существовать группы, обладающие бóльшим знанием, например, эксперты.

Спорные моменты теории референции привели к попыткам сформировать теоретические гибриды, например, дескриптивно-каузальная теория М. Деви́тта и К. Стерелни. По мнению учёных, имя обладает смыслом, который формируется с помощью каузальных цепочек, систематизируемых в рамках каузальной сети (*casual network*) этого имени как части базы знаний человека. Антропоним фиксируется в ментальной базе в ходе эмпирического опыта, ре-

презентируя целостный объект (*qua whole object*), даже если остенсивное представление ограничивается лишь частью его тела или знакомством с единичным носителем. Знание об одном носителе может распространяться на всех оставшихся возможных [Devitt, Sterelny 1999: 11, 67, 79–81].

Каузальная сеть, или «история» имени как результат отражения многих причинно-смысловых связей (цепочек), имплицитно не только наличие потенциального референта, но и определённое метаязыковое описание, сопровождающее имя, приписывая ему роль смыслового фиксатора конкретного объекта. Если адресат не знает референта имени, он руководствуется разделяемым знанием (групповым реферированием) [Soams 2005: 418–422]. В неоказальной теории референции А.Д. Шмелёва имя не имеет смысла в языке, а приобретает его в речи с опорой на прагматическую «презумптивную» поддержку. Адресат сам устанавливает речевой смысл антропонима на базе социальных и языковых знаний, «мысленного досье» лиц, имена которых ему известны, извлекая релевантную дескрипцию. Досье формируется, так как имеется акт представления носителя имени адресату речи, рассматриваемый как прагматический аналог каузальной цепочки [Шмелев 1989: 57–60].

Признание имплицитного «досье» единицы языка выводным продуктом послужило поводом не только проследить цепочку его обретения, но и связать с ситуацией формирования, т.е. средой выделения необходимого признака / признаков, составляющих его содержательную специфику. Трактовка значения как набора логических процедур по приданию смысла примитиву (вычислительная семантика Р. Шенка, фреймовая семантика Ч. Филлмора) предполагает изучение мотивирующей вывод среды, структурно обозначенной как скрипт (динамический план действий-сцен) и фрейм (представление стереотипной ситуации внутри тематической области). Фрейм имеет собственные единицы (единицы фрейма), связанные каузальными аналогами логических отношений (наследования, композиции и т.д.) и соотносимые с семантическими ролями и их именами.

Задействование фрейма как динамической модели активации разделяемого знания обеспечивает понимание и является базой определения значения [Fillmore et al. 2003: 235]. Так, взятое вне контекста слово *witness* (*свидетель*) имплицитно подразумевает ранее случившееся происшествие (*accident*), знания о котором структурированы в опыте в виде фрейма и выводятся абдуктивно. Фрейм выступает структурированным когнитивным контекстом, который обеспечивает понимание текста, начиная с реконструкции фреймов, заданных входящими в текст словами, и кончая анафорически переданной информацией, имплицитно подразумевающей прежнее упоминание объекта / события [Fillmore et al. 2006].

Моделирование процессов опоры на ВЗ в лингвистике связано с пониманием текста (см.: [Залевская 2005]). В целом текст рассматривается как связанный знаковый комплекс, порождающий объединяющее автора и читателя событие [Бахтин 2000: 227–228, 299], как эксплицитно и имплицитно заданное лингвистическое явление (концепция грамматических категорий текста И.Р. Гальперина [Гальперин 2006]), как знак культуры, контрагент внетекстовых структурных элементов [Лотман 1997: 210–211], как единица общения [Дридзе 1984: 46], как дискурс с культурно-смысловым геном передаваемой информации (аксиологическая лингвистика В.И. Карасика [Карасик 2013: 14–15]); как ментефакт, или элемент «содержания» сознания (этнопсихолингвистический подход В.В. Красных [Красных 2002: 36]); как отражение языкового сознания носителя языка и культуры (концепция лингвокультурного сознания языковой личности Ю.В. Караулова [Караулов, Филиппович 2009]); как залог межкультурных связей и источник потенциального со-творчества, реализуемого в рамках художественного перевода [Миловидов 2016] и т.д.

В концепциях с опорой на теорию ментальных моделей считается, что результаты опыта понимания хранятся в памяти в виде ментальных репрезентаций моделей ситуаций, являющихся связующим звеном между собственно языковыми знаниями о поверхностной синтаксической структуре текста, его базой (значений слов, пропозиции) и внутренним миром реципиента. Процесс построения ментальной модели в конкретном акте понимания состоит из трёх

уровней: поверхностного (синтаксические конструкции и включённые в них слова), базы текста (эксплицитное формирование пропозиций, определяющих буквальное понимание воспринятого), ситуативного (задействование энциклопедических знаний) [Marmolejo-Ramos et al. 2009: 78–79]. Последний уровень рассматривается как коммуникативный с учётом текущей ситуации общения, внутренних аналогов и специфики жанра [Whitten, Graesser 2003: 207–208]. Ход создания ментальной модели имеет много общего с алгоритмом процесса понимания с опорой на ВЗ Д. Спербера и Д. Вилсон (о теории релевантности см. подраздел 1.6.2). Инференционность понимания (наличие имплицитных опор) позволяет определять его как процесс создания «смысловой ткани» из переходящих одна в другую пресуппозиций [Звегинцев 1976: 281].

Значимое место в ряду моделирования процесса понимания текста занимает теория коммуникативно-языкового взаимодействия Т.А. ван Дейка, В. Кинча, позже названная социальным анализом дискурса [van Dijk 2008: 9–13] (дискурс определяется как линия поведения, стратегия, результат устной и письменной, монологической и диалогической речи *per se* [Wodak 2009: 3]). Использование «знания в понимании текста означает способность соотносить текст с некоторой имеющейся структурой знания, на основе которой и создаётся модель ситуации» [ван Дейк, Кинч 1988: 177–178]. Трёхуровневая система ситуационных моделей понимания имеет ряд оснований: стратегическое (эффективные пути конструирования ментальных представлений), конструктивистское (перцептивный и языковой опыт субъекта), функциональное (обусловленность социальным контекстом), прагматическое (итоги участия в социальном речевом акте), ситуационное (фреймы различных социальных ситуаций) [van Dijk 2008: 9; ван Дейк, Кинч 1988: 156–161].

Стратегия выступает основой толкования, выполняя функцию по выдвижению гипотез относительно возможного значения высказывания (референции) и намерения говорящего (целей, интенций). Набор стратегий понимания всегда социально обусловлен и включён в коллективную систему социальных репрезентаций (стереотипов и т.д.). Субъективный выбор стратегии при по-

строении модели ведёт к осуществлению процедуры приписывания значимости (relevance assignment) той информации, которая гипотетически важна в условиях взаимодействия «здесь и сейчас». Отсюда стратегии являются стержнем, обеспечивающим выведение из нескольких предикатов макропредиката, соответствующего подходящей ситуационной модели («пойти на пляж», «уехать в отпуск») [ван Дейк 1989: 20, 39, 64–65, 293–294].

Выведение макроструктуры (тематического элемента дискурса, составляющего его значение) обусловлено, с одной стороны, семантической репрезентацией, создаваемой *ad hoc* из организованных в виде локальных / глобальных последовательностей пропозиций высказываний, построенных на фундаменте значения лексических и грамматических единиц. С другой, – глубинными семантическими репрезентациями общего характера (фреймы, сценарии, установки), хранящимися в долговременной памяти. Поэтому создаваемая модель может считаться когнитивным коррелятом ситуации осмысления с учётом продуктов эпизодной памяти. В целом контекст признаётся не объективной данностью, влияющей на дискурс, а субъективной интерпретацией человека, задающей рамки продуцирования и понимания сообщения.

Инференционный процесс формирования ситуационных моделей позволяет предположить их неоднородность вследствие разницы кластеров опыта (частных и обобщённых). Т. ван Дейк выделяет разделяемые социумом модели (event model), выступающие отправными точками интерпретации дискурса [van Dijk 1999: 123–125], референциальной основой понимания [van Dijk 1990: 166], а также ситуационные модели на базе опыта индивида (experience model), которые являются частными итогами интерпретации (relevant-for-discourse [van Dijk 2000]). Отмечены также динамичные контекстные модели (context models), отражающие конкретный фрагмент ситуации (разговор во время завтрака, рабочую встречу и т.д.) [van Dijk 1999: 125–142].

Ситуационные модели выступают необходимым звеном между когнитивными, ситуативными и дискурсивными структурами [van Dijk 1990: 163–167], отражая когнитивный контроль в отношении понимания как конкретно-

го дискурса, так и общего знания (социальные оценки, идеология), его субъективного преломления (личностный опыт) [van Dijk 2008: 11]. В целом понимание в рамках этой теории носит когнитивный характер, представляется в виде осознаваемой смысловой реконструкции, определяется стратегиями, целями, знаниями участников, задаёт иерархический макро- и микропорядок пропозиций, а также локальную систематизацию на каждом пропозиционном уровне [ван Дейк 1989: 68–184]. Такие модели выступают ментальными конструктами реальных ситуаций, включающими набор обязательных элементов и процедур, что едва ли соотносимо с тем «живым» знанием, которое позволяет субъекту выделить самые значимые итоги переживания своего участия в этих эпизодах, не всегда соответствующих подобному набору.

Обзор других концепций моделирования процесса понимания текста с опорой на ВЗ можно представить в виде таблицы (см. табл. 5).

Таблица 5. Моделирование процесса понимания текста с опорой на ВЗ

№ п/п	Название концепции / модели	Основные положения концепции	Аспекты, требующие дополнительного освещения
1	2	3	4
1.	Модель поиска аналогии ЕММА [Ramscar, Yarlett 2003]	1) Опора на частотность элементов при создании первичных гипотез о сходстве; 2) поиск структурных аналогий (на базе семантических признаков).	Не учитывается влияние контекстных и психологических факторов
2.	Конструктивно-интеграционная модель [Kintsch 2009; Kintsch, Mangalath 2011]	1) Этапы процесса понимания: активация всех возможных значений слов; конструирование иерархической ментальной репрезентации текста; интеграция за счёт циклической активации узлов (с учётом ассоциаций), создание промежуточных сетей до стабилизации системы; 2) учёт стратегий понимания, экспертных знаний (языковых и неязыковых); 3) признание имплицитности опоры на ВЗ при учёте достаточных знаний.	Амодальность посылок создания модели, осознаваемость за действия пропозиционных установок-гипотез, одноканальность обработки информации

1	2	3	4
3.	Модель латентно-семантического анализа дискурса LSA [Соловьев 2008]	1) Создание многомерного семантического пространства (матрица словоформ, коэффициент их распознавания). Выбор заданной большей суммарной вероятностью; 2) разработка алгоритма автоматического семантического и ассоциативного соотнесения сегмента (пучка признаков) входящего сигнала с эталонами (фреймами) в памяти для отнесения к категории; 3) верификация приписываемого значения на синтаксическо-грамматическом этапе.	Амодальность посылок формирования модели, возможность вариаций только в рамках исчисляемых допущений
4.	Структурно-смысловая концепция построения модели выведения прагматического смысла и коммуникативного назначения ряда высказываний [Водоватова 2007]	1) Признание риторических неинформативных высказываний (тавтологий и др.) специфическими логическими основами передачи имплицитных смыслов; 2) установление системы (исчисления) названных высказываний; 3) разработка комбинированных моделей силлогизмов в виде каузальных цепей взаимосвязи посылок, промежуточных и конечных выводов.	Амодальность посылок формирования модели, возможность вариаций только в рамках исчисляемых допущений
5	Модель вариативно-интерпретационного функционирования текста [Ким 2010]	1) Установление вторичной ментальной опоры (интерпретирующего текста) как формы бытия вербального текста, предзаданной спецификой языковых средств, ситуативных условий и интенций субъекта; 2) определение формально-смысловой основы интерпретации текста (интерпретационного поля вариантов), а также его динамического интерпретирующего потенциала, предопределяющего сильные и слабые позиции интерпретации	Текст признаётся субъектом и объектом смыслопорождения, что приводит к абсолютизации его интерпретационных возможностей, которые, очевидно, сформировались в силу разделяемости знаний в социуме
6.	Механизм реконструкции имплицитной информации [Анохина 2010]	1) Признание неоднородности (по степени известности) и взаимосвязанности имплицитных опор, заданных языковыми и энциклопедическими знаниями; 2) определение ведущей роли стратегий реципиента при восстановлении имплицитных смыслов.	Субъективность трактовки общепринятых терминов: пресуппозиции и импликации

На основании упомянутых выше теорий и приведённого в таблице обзора можно сделать вывод, что основными критериями при разработке моделей процесса понимания с опорой на ВЗ в лингвистике являются следующие:

- 1) имплицитность смыслового потенциала единицы языка, структурированного в виде опоры (модели, фрейма, интерпретирующего текста и т.д.);
- 2) непрерывность процесса формирования и активации таких опор;

3) устойчивость вследствие частотности, известности, доступности в процессе функционирования;

4) иерархичность, возникающая благодаря динамическим изменениям такой опоры: от временной, создаваемой on-line структуры (контекстной модели, промежуточной сети и т.д.) до относительно стабильной сети ассоциативно-смысловых связей и отношений, обобщённой модели ситуации и т.д.;

5) причинность формирования и активации такой опоры в силу обусловленности языковыми и энциклопедическими знаниями при учёте роли индивида, а также универсальными процедурами выведения;

6) функциональная асимметричность опоры благодаря приоритету ряда элементов, заданной интенциями субъекта («сильные» / «слабые» связи);

7) интегративность, обеспеченная учётом контекстных условий, опосредованных функциональной спецификой единицы языка, текущей ситуацией формирования / задействования, экспертными знаниями и т.д.

При соотнесении с обзором концепций моделирования процессов понимания с опорой на ВЗ в психологических исследованиях можно утверждать, что причинно обусловленная, интегративная смысловая опора мультимодальна в силу различий линий переработки поступающей информации и может рассматриваться как образное «видение» релевантных примеров ранее обрётённого опыта взаимодействия с объектом. Слово выступает своеобразным ключом, активирующим такую опору, фиксированную в памяти посредством «следа» / «следов» как наиболее релевантных признаков в момент задействования / формирования. Процесс понимания с опорой на ВЗ предполагает уход от трактовки логических отношений и схем их реализации как научных абстракций, задающих абсолютную истинность. Практическая деятельность индивида позволяет считать их «аксиомами здравого смысла», разумность которых обусловлена когнитивным опытом субъекта, оправдана итогами чувственного восприятия и эмоционально-оценочных переживаний.

Таким образом, моделирование процессов понимания с опорой на ВЗ должно осуществляться, исходя из причинности, многогранности, асиммет-

рии и нелинейности функциональной организации продуктов опыта в ходе речемыслительной деятельности индивида. Человек, взаимодействуя с объектами окружающего мира (в том числе и заданными вербально) вычленяет наиболее релевантные смыслы, архивирует их и задействует для обеспечения максимально эффективного и кратчайшего пути объяснения «для себя» значений новых реалий в процессе познания и коммуникации. Ввиду разнообразия подходов и актуальности данной проблемы в различных областях науки наибольшую научную значимость должны приобретать интегративные теории в рамках междисциплинарных подходов.

1.7. Выводы по Главе 1

Обзор научных теорий, посвящённых изучению феномена ВЗ, его роли в процессе понимания, специфике структуры значения и видов имплицитной информации, связанной с вербальными средствами активации, современных подходов к категоризации, психологических и логических предпосылок формирования и активации имплицитных опор понимания, моделированию этого процесса, позволило сделать следующие выводы.

1. Выводное знание выступает естественно формируемой динамической опорой / продуктом интеграции опыта индивида, оперирующего знаниями о мире, социуме и языке. Изучение этого феномена в ряде областей науки и междисциплинарных исследованиях позволяет определить характеристики имплицитного продукта в процессе его формирования и последующей активации (вид поиска, схем / моделей, уровень осознаваемости и т.д.). Разнообразие трактовок ВЗ требует разработки междисциплинарной теории, позволяющей интегрировать разнообразие итогов научных изысканий.

2. Логические причинно-следственные отношения позволяют утверждать универсальность формулы «посылки–следствие» и, с учётом эмпиризма Д. Юма и абдуктивной логики Ч.С. Пирса, могут проецироваться на процесс мышления в естественных условиях познания и коммуникации. Принцип

причинности признаётся фундаментальной основой взаимосвязи объектов и явлений, что позволяет рассматривать посылки как продукты опыта субъекта, имеющие причинные эмпирические «корни» и формируемые в своеобразных внешних условиях. Процесс создания и активации таких внутренних посылок-опор характеризуется этапностью, что включает выдвижение гипотезы и процедуру проверки через соотнесение с продуктами прежнего опыта (частными и обобщёнными). Отсюда внутренняя посылка вывода трактуется как гибридная репрезентация (Д.Ч. Гудинг), которая интегрирует множества «свидетельств» (Й. Вонг, Д.Ч. Гудинг), «прецедентов» (И.Е. Куриленко и др.) и соединяющих их связей в единый мультипродукт опыта.

3. Изучение процесса понимания с позиций когнитивного подхода в лингвистике позволяет исследовать содержательную и структурную специфику посылок создания умозаключения. Содержательное своеобразие рассматривается сквозь призму передаваемой единицей языка концептуальной структуры, изменения которой опосредованы интерпретационным потенциалом. Подобный потенциал определяется как фундаментальное свойство самой структуры благодаря прототипичности её основы, формируемой на базе результатов познавательной деятельности как социума, так и отдельного индивида. Динамическое развитие концептуальной структуры, опосредованное схемами «сверху – вниз» и «снизу – вверх», ведёт к возникновению определённых модусов (рамок) реализации данного потенциала как образцов протекания процессов концептуализации и категоризации.

4. Процесс понимания с опорой на ВЗ в рамках междисциплинарного инференционного подхода обусловлен обращением к исследованию специфики смыслоформирования в естественных условиях познания и общения. В качестве посылок рассматриваются продукты разнообразного опыта индивида, выведение которых опосредовано установлением причинно-смысловых связей. Подобные продукты обнаруживают динамический характер, но, вместе с тем, характеризуются определённой устойчивостью (остенсивный символ,

ментальная модель и т.д.), как структурной, так и в отношении связи с языковым активатором.

5. Герменевтический подход к проблеме понимания с опорой на ВЗ позволяет рассматривать процесс понимания как со-творчество автора и читателя в акте рефлексии, что позволяет определить не только эксплицитные, но и имплицитные источники смыслоформирования. В процессе реконструкции проекций автора и читателя особую значимость приобретает роль учёного, обладающего экспертными знаниями в данной сфере.

6. Психологические основы формирования и активации ВЗ позволяют предполагать мультимодальность репрезентируемой в памяти функциональной опоры, опосредованную перцептивной, когнитивной деятельностью и эмоционально-оценочными переживаниями индивида. Интегративность такой опоры даёт возможность сформировать целостное образное представление об опыте оперирования словом. Компонентами такой опоры выступают множественные «следы» примеров взаимодействия с объектом, характеризующихся разной степенью устойчивости и включающих схемы динамического смыслового «видения» или контекста представления объекта. Активация интегративной опоры на ВЗ протекает на разных уровнях осознаваемости, в зависимости от «конкурентоспособности» её компонентов и связей.

7. С позиций психолингвистики значение «живого» слова выступает коррелятом смысла, опорой формирования которого становится мультимодальный гипертекст продуктов переработки прошлого опыта человека, содержательное наполнение его образного представления о мире. Процесс понимания подобен гипотетической спирали, витки которой направлены на охват внутреннего опыта субъекта при идентификации значения слова «для себя» и поиск средств внешнего представления информации «для других». Ведущая роль индивида в процессе понимания обеспечивает учёт результатов всесторонней переработки знаний, структурированных в виде интегративных мультимодальных продуктов опыта, хранимых в различных участках коры головного мозга.

8. Исследование имплицитных опор ВЗ обусловлено особенностями структуры значения объекта понимания. Несмотря на различия в подходах к изучению значения слова, обусловленность данного феномена функциональной спецификой не вызывает сомнения. Учёт роли чувствующего, мыслящего, сопереживающего субъекта позволяет утверждать двойственность «бытия» значения: как продукта деятельности социума и как феномена внутренней жизни индивида. Накопление опыта оперирования словом приводит к тому, что слово окружено «облаком» множества имплицитных, субъективно релевантных смыслов, соединённых причинно-смысловыми связями и формирующих имплицитные опоры, своеобразный «облачный сервис» для поиска кратчайшего пути достижения понимания. Выделенность каких-либо смыслов и соединяющих их связей предполагает асимметрию структуры значения, отражающую внутреннюю позицию субъекта в «видении» мира.

9. Имплицитное (выводное) знание, объективность которого нашла отражение и в языке, рассматривается как пресуппозиция, или скрытый продукт компрессии разнообразного опыта индивида, универсальность которого обусловлена глубинной фактуальностью и причинностью формирования. Такая неустранимая языковым контекстом имплицитная установка всеобщего характера, разделяемая «идея» о существовании фрагмента мира и т.д., характеризуется устойчивостью средств вербализации и наличием контекстных условий представления (глобальных, локальных).

10. Изучение ВЗ показало различие способов проявления этого феномена и степень закреплённости в значении единицы языка. Виды ВЗ обнаруживают общность ряда характеристик, что свидетельствует о схожести динамических «корней» формирования и потенциальной возможности реконструкции имплицитной динамической опоры понимания, активируемой единицей языка. Такая опора предстаёт интегративным образованием, которое формируется на базе общей «идеи» существования фрагмента образа мира, конкретизируемой во множестве частных и обобщённых примеров. Совместная деятельность

членов социума предопределяет схожесть условий создания такой опоры «по умолчанию», разделяемость знания ведёт к конвенциональному закреплению.

11. Способность единиц языка эксплицитно указывать на источник информации стала основанием выделения грамматической категории эвиденциальности. Различные пути формирования эвиденциально опосредованных смыслов, а также очевидность причинного характера обращений к источникам информации как некой релевантной опоре дают основания рассмотреть феномен эвиденциальности с позиций психолингвистики, обратившись к исследованию его глубинных оснований.

12. Динамизм процессов опоры на ВЗ предполагает выявление моделей процесса понимания как процедурного образца «видения» релевантного решения проблемы по выявлению смыслового содержания слова / текста. Естественным примером внутреннего «видения» становится имплицитная опора в виде иерархии ментальных моделей, интегрирующих внешние и внутренние посылки, включая разнообразный опыт индивида / социума. Нелинейность структуры такой опоры позволяет задействовать наиболее релевантные модели, адаптировать их к условиям текущей ситуации за счёт активации нужных компонентов при соответствии общему динамическому основанию.

Глава 2.

В ПОИСКАХ ИНТЕГРАТИВНОЙ ТЕОРИИ ПОНИМАНИЯ С ОПОРОЙ НА ВЫВОДНОЕ ЗНАНИЕ

Исследование имплицитного компонента значения единицы языка, формируемого в процессе речемыслительной деятельности, позволило предположить, что обусловленные опытом индивида имплицитные смыслы составляют своеобразный динамичный «облачный сервис», выступающий интегративной опорой понимания. Это модель имплицитного суждения о том, как ранее была понята (пережита) индивидом информация об объекте с учётом множественных внутренних и внешних контекстных условий, и основа гипотезы о том, как может осуществиться понимание с опорой на результаты этого опыта в будущем. Проведённый в Главе 1 анализ современных подходов к изучению процесса задействования ВЗ показал, что данный феномен обладает определёнными параметрами характеристики, которые выступают определяющими для различных типов ВЗ (см. табл. 6).

Таблица 6. Параметры характеристики выводного знания

Параметры характеристики ВЗ	Характеристики ВЗ
Характер активации	опосредованность причинно-смысловыми связями и продуктами прежнего опыта
Характер осуществляемого процесса	динамический характер, выводимость в рамках различных моделей / схем
Характер результата	логическая истинность / прагматическое правдоподобие результата
Характер компонента в структуре значения единицы языка	семантический / прагматический компонент значения, элемент психолингвистической структуры значения
Уровень обобщённости	конвенциональные, типичные («по умолчанию»), частные
Контекстная обусловленность	выводимые в рамках релевантного контекста удовлетворения
Характер действия	этапность выведения
Уровень осознаваемости процесса	интуитивные / осознаваемые выводы
Характер путей переработки знаний при формировании имплицитной опоры	мультиmodalность имплицитной, внутренней опоры / посылки

Несмотря на актуальность исследований ВЗ, продемонстрированного в обзоре научных подходов, природа данного феномена остаётся неясной, что делает необходимым разработку новых теорий в рамках интегративных подходов. Одним из путей описания и моделирования процесса понимания с опорой на ВЗ является предлагаемая в настоящем диссертационном исследовании теория эвиденциальности выводного знания, разрабатываемая в рамках психолингвистического подхода. «История» становления данной теории иллюстрирует, как достижения в разных областях науки и методологический потенциал ряда научных подходов могут задействоваться для достижения цели исследования и решения поставленных задач.

2.1. Когнитивно-дискурсивные предпосылки теории эвиденциальности выводного знания

Поиск научного объяснения путей создания, закрепления и активации имплицитного потенциала посредством единицы языка насчитывает столетия и связан во многом с именем собственным, значение которого определяется как «личностный символ», «идея, форма духовного бытия» [Флоренский 2007: 51], передающая большой объём информации: «в именах собственных сконцентрированы как языковые, речевые, так и фоновые знания, особенности их восприятия с точки зрения психологии» [Суперанская 1973: 322].

Как объект научного исследования имя собственное предстаёт «ночным кошмаром для учёного» («theoretician's nightmare») или велосипедом, на котором все легко учатся кататься, но никто не может правильно объяснить, как он это делает [Kaplan 1978: 215]. Действительно, крайне сложно дать научное обоснование тому, как человек идентифицирует единицу языка, у которой отсутствует лексическое значение и имеется множество референциальных воплощений. Фактически, разработка теории, способной предложить приемлемое объяснение процесса и результата понимания содержания, скрывающегося за именем человека, может рассматриваться как поиск путей решения проблемы понимания в целом.

Отсюда отправной точкой изучения специфики ВЗ для автора диссертационной работы служило исследование путей развития концептуального содержания, передаваемого антропонимом. Обращение к имени человека как репрезентатива большого объёма энциклопедического и языкового знания о потенциальном референте не было случайным. Целью стало выявление эксплицитных и имплицитных смысловых посылок понимания передаваемой антропонимом информации. Кроме того, изыскания в рамках когнитивной психологии, нейролингвистики доказывают, что различные аномалии, связанные с восприятием и порождением речи, работой головного мозга, помогают вскрыть процессы, которые в норме не являются очевидными.

Действительно, единица языка, потенциально способная обрести статус прецедентного имени (см. работы Ю.Н. Караулова, Г.Г. Слышкина, Д.Б. Гудкова, В.В. Красных, Е.А. Нахимовой и др.), обладающего огромной значимостью в рамках социума, является одним из наиболее подходящих объектов исследования того, как формируются приоритеты в понимании передаваемого ею содержания, какие скрытые опоры создаются субъектами для идентификации характеристик именуемого референта.

2.1.1. Этимология как когнитивная база процесса формирования выводного знания об объекте

Историю изучения имени собственного в целом и антропонима, в частности, можно представить в виде шкалы, где предельными точками окажутся, с одной стороны, номиналистические суждения об этом феномене как о знаке, лишённом сопутствующих значений, чья задача – указать на предмет, а не сообщать о нём ничего. С другой стороны, очевиден современный подход с позиции поиска концептуальной структуры, интегрирующей разнообразные языковые и энциклопедические знания, накопленные индивидом в процессе речемыслительной деятельности и передаваемые именем. Выводы учёных об антропониме как о воплощённом в языке опознавательном знаке личности, «собственности человека», его «двойника и представителя» [Арутюнова 2000:

15–16] опираются на близость имени определённой дескрипции, которая прочно «приписана» социумом наиболее известному носителю этого имени и выводима в качестве прагматической пресуппозиции.

Имплицитность и степень разделяемости членами социума подобного дескриптивного основания предопределили актуальность научных изысканий на многие годы. Передаваемое именем содержание в трудах Б. Рассела рассматривалось как сокращённый (свёрнутый) вариант определённой дескрипции, приложимый к референту в соответствующем контексте («слово должно обозначать то, что может быть узнано» [Рассел 2000: 84, 263]), как каузальная «история» или «мысленное досье» в научных работах С. Крипке и др. (см. подраздел 1.6.4), как концептуальная структура в концепции Р. Павилёниса (подробнее см. раздел 1.2) и конкретизируемая как антропонимический концепт в диссертационном исследовании А.С. Щербак [Щербак 2008], прецедентный феномен в лингвокультурологии (см. раздел 1.2) и т.д.

Специфичность понятийных связей имени собственного (оно имеет тесную связь с предметом и ослабленную с понятием) отмечала А.В. Суперанская более сорока лет назад, рассматривая варианты формирования передаваемого данным феноменом содержания. Так, связь между именем и понятием обусловлена объектом именованного; референциальная множественность предполагает связи одного имени с несколькими понятиями, разными по содержанию (*шарик* – круглый предмет, человек, собака) и объёму (*человек* – мужчина); характер связей может быть ассоциативным, т.е. предполагать множественность переходов / связей; для имён литературных персонажей связь опосредована образным представлением, конкретность которого типична [Суперанская 1973: 125–134]. Отсюда имплицитное именем собственным содержание характеризуется нелинейностью, потенциальным наличием нескольких понятийных оснований, не исключается ментальная образность «видения» носителя и ассоциативность, т.е. субъективность и причинность формирования связей. Единой праосновой, очевидно, должна выступать презумпция / «идея» о существовании объекта-носителя имени.

С появлением в лингвистике когнитивного направления изучение репрезентируемого именем содержания было предпринято на концептуальном уровне. Так, в рамках когнитивно-дискурсивного подхода А.С. Щербак исследовала структуру ономастического концепта в целом и антропонимического, в частности, на материале онимов Тамбовской области. Анализ этимологии онимов позволил определить, что содержательно концептуальная область «Человек» представлена иерархией концептуальных характеристик (мужчина / отец, род деятельности, визуальный облик, ментальный тип, этническая принадлежность и т.п.) и опосредована способами антропонимической концептуализации [Щербак 2008: 20]. Концептуальная область «Человек» становится ядерным компонентом антропонимически репрезентированного концептуального содержания, определяемого как сумма знаний, передаваемых антропонимом. Эта область выступает родовым пространством («generic space» [Fauconnier 1999: 109]), имплицитующим различные когнитивные контексты выделения концептуальных характеристик.

Используемый А.С. Щербак термин «характеристика», с нашей точки зрения, синонимичен термину «признак», что становится возможным благодаря выходу на обобщённый метаязыковой уровень исследования, с одной стороны, и близости словарных определений, – с другой: *характеристика* – «описание характерных (выделенных, особенных), отличительных качеств, свойств, достоинств кого-либо или чего-либо» [Ожегов 1963: 847]; *признак* – «показатель, примета, отличительный знак, по которым можно узнать, определить что-нибудь» [цит. раб.: 581]. В настоящем диссертационном исследовании мы также признаём близость обоих терминов, которая на уровне исследования глубинных когнитивных структур и психолингвистических оснований речемыслительной деятельности индивида позволит трактовать их широко, как синонимичные друг другу.

Подтверждение связи родовой области с наиболее выделенными аспектами «видения» мира индивидом было получено при изучении этимологии 3681 единицы английского свода имён [www.behindthename.com], что позво-

лило выявить характеристики ядерной концептуальной области «Человек», а именно, внешний облик, свойства характера, род деятельности и т.д. Знания о человеке могут быть расширены за счёт ряда когнитивных контекстов, позволяющих осмыслить эти характеристики относительно общей картины мира. Среди таких контекстов можно назвать сложно-структурированные концептуальные образования «Общество», «Природа», «Пространство» и т.д. с выделением ряда дополнительных характеристик, предопределивших «видение» наиболее релевантной на момент именованной информации о носителе. Итоги исследования представлены в таблице (см.: табл. 7), где в скобках указано число изученных примеров).

Таблица 7. Когнитивные контексты формирования антропонимически репрезентированного концептуального содержания

Концептуальные области	Концептуальные характеристики	Примеры
Человек (894)	внешний облик (221)	<i>Algernon, Barry, Gwen</i>
	свойства характера (214)	<i>Abigail, Agatha, John</i>
	род деятельности (158)	<i>George, Eustace, Harper</i>
	отношения родства (141)	<i>Anderson, Thomas</i>
	гендерная принадлежность (82)	<i>Andrew, Charles, Collene, Deirdre</i>
	этническая характеристика (78)	<i>Barbara, Dana, Norman</i>
Общество (747)	общественные отношения (371)	<i>Adelaide, Albert, Brendan</i>
	деятельность в социуме, результат (247)	<i>Alexander, Hilda, Vincent, Dexter</i>
	пространство (109)	<i>Adrian, Brand</i>
	технологии (20)	<i>Alfa, Rebecca, Byron</i>
Пространство (494)	место (494)	<i>Denholm, Winthrop, Dayton, Blair, Clinton, Windsor</i>
Природа (472)	органическая природа (292)	<i>Arthur, Brannen, Rachel</i>
	неорганическая природа (152)	<i>Helen, Dillon, Diamond</i>
	физические явления (28)	<i>Abner, Storm, Rainbow</i>
Религия (461)	христианство и иудаизм (286)	<i>Michael, Elizabeth</i>
	мифология (175)	<i>Diana, Dion, Denis</i>
Культура (214)	этические / эстетические ценности (214)	<i>Grace, Gwyneth, Alethea, Amy</i>
Время (133)	система измерения (время года, возраст и т.д.) (60)	<i>Summer, Sunday, April Aldous, Vere, Vaughn</i>
	момент рождения (73)	<i>Jacob, Nona, Quentin</i>
Цвет (68)	цвета и оттенки (68)	<i>Blaine, Blanche, Candida, Flann, Lloyd, Laila</i>
Неясность концептуальной области (198)	имена с затемнённой этимологией (96) двусоставные имена (102)	<i>Wilburn, Vergil, Thelma, Terence Shahice, Shelena, Tanisha, Marianna</i>

Характеристики, входящие в состав концептуальных областей «Человек» и «Общество», отражают знания о потенциальном референте и его взаимоотношениях в коллективе. Например, *Andrew, Charles* произошли от апеллятива «мужчина» в греческом, германском, *Deirdre* – от гаэльск. ‘женщина’, *Collene* – от ирландского слова *cailín* со значением ‘девушка, девочка’; *Barry* – от ирландских основ *fionn* ‘светлый, белый’ и *barr* ‘голова’, *Algernon* – от французского прозвища ‘усатый’ и т.д. Имена *Abigal, John*, репрезентируют свойства характера потенциального носителя: от библейских имён, связанных с характеристиками Бога ‘радость’, ‘щедрость’ соответственно. Антропонимы *Barbara, Bret, Dana, Norman* передавали этническую характеристику носителя, а *Anderson*, производное от словосочетания «сын Эндрю» (‘a son of Andrew’), и *Thomas*, греческая форма арамейского ‘близнец’, являются вербальными маркерами родственных отношений. Ряд имён этимологически связан с родом деятельности: *George* – от греч. ‘земледелец’, *Fletcher* – от древнеангл. ‘изготовитель стрел’ [www.behindthename.com].

Наблюдается большое число антропонимов, в этимологии которых репрезентированы сведения о деятельности в контексте общественных отношений: *Alexander* имеет греческое происхождение и означало ‘защитник’, *Hilda* – от германск. ‘битва’, *Dexter* – от древнеангл. ‘тот, кто красит’ (‘one who dyes’), *Adelaide* – от германск. ‘знатного рода’ (*adal* ‘noble’ и *heid* ‘kind, sort, type’), *Brendan* от валлийск. ‘принц’, *Adrian* – от лат. ‘человек из Ардии’ (‘from Hadria’, местность на севере Италии), *Byron* – от древнеангл. ‘место содержания скота’ (‘place of the cow shed’) и т.д. [цит. раб.].

Концептуальные области «Религия», «Культура» представляют собой аксиологическую ориентированность сознания человека, отраженную в интерпретации морально-этических норм и эстетических представлений в светской и религиозной жизни общества. Так, в англоязычный именник вошли антропонимы, связанные с греческими и римскими богами (*Diana, Dion, Denis*), библейские имена (*Michael, Elizabeth*), а также образованные от апеллятивов, называющих социокультурные универсалии: *Alethea* – от греч. ‘правда’, *Amy*

– от лат. ‘любовь’, *Gwyneth* – от валлийск. ‘счастье’ [www.behindthename.com].

Концептуальные области «Природа», «Пространство», «Время», «Цвет», передаваемые при помощи имён, дают понятие о наиболее значимых для человека сущностях реального мира. Например, *Dillon*, происходящее из валлийского языка и состоящее из *dy* ‘великий’ (‘great’) и *llanw* ‘поток’ (‘tide, flow’), *Helen* – от греч. ‘факел’ или от лат. *selene* ‘луна’; имена, образованные от английских названий времён года (*Summer, Sunday, April*); имена, связанные с временем или очередностью рождения (*Jacob, Nona, Quentin*), возрастом *Vaughn* – от валлийск. *bychan* ‘младший, маленький’, *Aldous* – от германск. *ald* ‘старый, старший’. Много имён связано с названием местности: *Denholm* восходит к древнеанглийским словам ‘долина, остров’, *Winthrop* – от древнеангл. ‘деревня Уайна’ (‘Wine’s village’), *Blair* – от гаэльск. ‘равнина’, ‘поле битвы’ (‘plain, battlefield’), *Windsor* – от древнеангл. ‘берег реки с лебёдкой’ (‘riverbank with a windlass’), *Clinton* – от древнеангл. ‘поселение на возвышенности’ (‘settlement on the summit’). Имена, восходящие к названиям цветов / оттенков, передают психоэмоциональное переживание: *Blaine* – от гаэльск. ‘жёлтый’; *Blanche* – от французского средневекового прозвища ‘белобрысый’; *Lloyd* – от валлийск. *llwyd* ‘серый’; *Flann* – от ирландск. ‘красный, рыжий’ [цит. раб.].

Определённые затруднения в причислении к тому или иному контексту вызывает знание об именах с неясной этимологией и производных именах. Последние не передают сведения о фрагменте мира, знания о котором взяты за основу наречения, а являются переосмыслением, отражающем лингвокреативные способности человека и выводимым в силу обладания достаточными энциклопедическими знаниями. Так, имя известной американской актрисы *Halle Berry* обязано происхождением названию места (отдел универмага в г. Кливленд), где по стечению обстоятельств она родилась [цит. раб.].

В целом процесс формирования антропонимически репрезентированного концептуального содержания предполагает постоянную опору на опыт позна-

вательной деятельности индивида, который активно оперирует знаниями о мире, что подтверждено итогами изучения двухосновных имён древнерусского и старославянского происхождения («княжеских» имён). Будучи производными, мотивированными словами, эти антропонимы не только репрезентировали модель формирования концептуального содержания, но и являлись средством передачи разделяемого знания, составляющего представление об отношениях в обществе (о социокультурной специфике концептуального содержания как «тонкой плёнки цивилизации» см.: [Степанов 2007]).

На основе различных словарей-справочников ([Суперанская 1998; Всё о русских именах 2003; Шейко 2005]) были выделены компоненты двухосновных имён, позволяющие предположить когнитивные контексты выделения характеристик потенциального носителя. Такими контекстами, исходя из первой части антропонима, могут выступать «Природа» (*луче-*; *звездо-*; *солнце-*; *яро-*; *огне-* и т.д.), «Цвет» (*красно-*; *бело-*; *светло-* и т.д.), «Культура» и «Религия», предполагающие обращение к ценностным ориентирам (*благо-*; *добро-*; *исти-*; *цени-*; *правдо-*; *жизне-*; *дорого-*; *краси-*; *лади-*; *дружи-*; *любо-*; *дома-*; *бого-*; *богу-*; *божи-*; *хриси-*; *христо-* и т.д.), «Общество», где в качестве ведущими становятся знания о деятельности в коллективе и отношениях между членами общества, например, защита, военное дело, поддержание порядка и управление (*твори-*; *чадо-*; *все-*; *люд-*; *миро-*; *славо-*; *хвали-*; *суди-*; *верхо-*; *го-*
ни-; *гости-*; *роди-*; *лихо-*; *мсти-*; *строй-*; *бери-*; *влади-*; *вели-*; *власти-*; *сели-*; *стани-*; *вои-*; *гради-*; *бое-*; *бои-*; *брони-*; *рати-*; *страши-*; *храни-*; *брани-*; *брати-*; *брячи-*; *губи-*; *изя-*; *жда-* и т.д.), «Человек», исходя из знания материального и психоэмоционального состояния (*него-*; *радо-*; *ради-*; *твердо-*; *стои-*; *гори-*; *жиро-*; *ново-*), оценки личностных качеств, опосредованных метафорическими переосмыслениями (*пути-*; *тихо-*; *свято-*; *буди-*; *бы-*; *венце-*; *видо-*; *вито-*; *выше-*; *вяче-*; *мало-*; *горде-*; *греми-*; *годи-*; *гуди-*; *звени-*; *звони-*; *край-*; *рости-*; *томи-*; *цвети-*; *цвето-*; *злато-*; *сребро-*; *мило-* и т.д.).

Вторая часть таких имён менее вариативна, является своеобразной смысловой основой имени, которая также имплицитно подразумевает знания об общественных отношениях и роде деятельности (-мир; -свет; -слав; -полк; -бор; -волод; -вод), материальном / психоэмоциональном состоянии (-цвет; -рад; -люб; -нег; -драг; -хвал; -мил; -мысл; -вид; -мудр; -гнев; -жир и т.д.). Идентификация таких имён невозможна без опоры на ВЗ, что позволяло создать гипотезу как о предполагаемых качествах носителя и социальных функциях имени (пожелательной, охранной и т.д.), т.е. об интенциях номинатора, так и о прагматичных сведениях, например, сословной принадлежности.

Социокультурная обусловленность имени привела к тому, что оно не только являлось репрезентативным качеством носителя, но и позволяло рассматривать антропоним как символ, имплицитно подразумевающий интенции номинатора приписать референту выделенный оценочный признак. Примером охранных имён, предназначенных выполнять функцию оберега, что связано с тотемизмом древних славян [Суперанская 1998: 15], являются древнерусские антропонимы *Безобраз*, *Некрас* и т.п., призванные отвлечь внимание злых сил от референта. С точки зрения имплицитно переданного пожелания номинатора имя *Людмила*, 'приятная внешне девушка / женщина', может интерпретироваться как 'я хочу, чтобы она была милой для людей'.

Знания о человеке осмысливаются посредством характеристик, связанных с деятельностью, психофизическими способностями, качествами человека. Примерами могут стать имена *Ernest* 'serious' ('серьёзный'), *Ethan* 'solid, enduring' ('стойкий'), *Blythe* 'cheerful' ('жизнерадостный'), *Charis* 'grace, kindness' ('милосердие, доброта'). Способность человека к умственной работе, а также уровень интеллекта передавались, например, пришедшим из латыни именем *Minerva* 'intellect' ('умнейший человек') и древнегерманским *Archbald* 'genuine' (гениальный). Здесь благодаря когнитивному механизму фокусировки происходит выделение в антропонимически репрезентированном концептуальном содержании важного признака личности, который приписывался в определённых условиях именованию [www.behindthename.com].

Однако оценка не всегда передается эксплицитно. В случае с антропонимом *Jacob* ('держась за пятку') и его вариантом *James* существенным оказываются социокультурные представления о роли старшего сына: Яков родился, буквально хватив за пятку брата-близнеца, что означало совершенно иной статус в семье. В Ветхом Завете говорится, что Яков предлагал брату продать своё первородство за чечевичную похлёбку [Суперанская 1998: 74]. В этом случае оценочные смыслы возникают не вследствие очередности рождения как таковой, а как интерпретация этого события с позиций культуры, т.е. переосмысления в ином когнитивном контексте.

В целом анализ этимологии антропонима, позволяющий обратиться к первоначальным основам формирования репрезентируемого именем концептуального содержания, даёт возможность реконструировать определённую матрицу возможных переосмыслений характеристик ядерного концептуального пространства в иных когнитивных контекстах и составить общую картину содержательной первоосновы возникновения имён. К сожалению, такая реконструкция, предпринятая в научных целях, едва ли осуществима в естественных условиях познания и общения, что не позволяет человеку, обладающему незначительным объёмом энциклопедических знаний и не являющемуся экспертом, использовать данные, выводимые из этимологии имени. Кроме того, вряд ли поможет в установлении знаний о конкретных носителях, например, фамилий *Колумб* (*Columbus*) и *Голубев*, этимологически идентичных, восходящих к латинскому слову *columba* (*голубь*) [ЛРС 1976: 206].

Однако, несмотря на определённую статичность и абстрактность подобное целостное картинное представление антропонимически репрезентированного содержания оказывается полезным при изучении различных типов антропонимов, чьё содержание не утратило смысловой связи с апеллятивом. В процессе создания новых имён важными аспектами являются интенции номинатора, основанные на опыте освоения мира, системе ценностей и условиях коммуникации; знание общественных норм, стереотипов, идеалов, определя-

ющих как содержание оценки, так и конвенциональные средства её передачи; выбор единиц, имеющих оценочные смыслы в семантике.

Залогом динамического развития содержательной основы при формировании новых конфигураций выступают интерпретационные схемы осмысления характеристик концептуальной основы в различных когнитивных контекстах. Так, интерпретация знаний о человеке может задаваться схемой «человек – внешний вид», которая определяет выдвижение и репрезентацию концептуальной характеристики «внешность человека». Задействование этой схемы предполагает активацию множества «впечатлений», или ментальных репрезентаций на основе перцептивного опыта восприятия внешних особенностей субъекта, где доминантной оказывается наиболее релевантная. Итогом реализации такой схемы становится вербальное воплощение в виде прозвища. Например, информация о чертах лица в прозвище преступника *Flat Nose*, музыкантов *Snub* (P. Monsley), *Dippermouth / Satchel Mouth* (L. Armstrong), *Lips* (O. Page), *Jaws* (E. Davis), *Big-Eye* (L.N. Delisle); цвете волос (легендарный ирландский герой *Eric-the-Red*; белокурая девушка – *Blondie*), кожи (*Pinky* ‘розовощёкий’), глаз (*Ol’ Blue Eyes* – прозвище Ф. Синатры); состоянию кожи (*Bags* прозвище джазового музыканта М. Джексона, у которого были «мешки» под глазами); волос (*Cue Ball* для лысых, *Curley* – для людей с кудрявыми волосами). Переосмысление на основе выдвижения какой-либо характеристики приводит к возникновению новой конфигурации передаваемого именем концептуального содержания, которое формируется в индивидуальной концептуальной системе.

Выдвижение наиболее значимой характеристики, репрезентированной на уровне лексических единиц, еще не означает, что данная номинация может стать именем человека. Для этого необходимо изменение собственно языкового знания, которое фиксируется аппелятивом. В основе данного процесса лежит механизм антропонимизации, т.е. преобразование языкового знания, передаваемого именем нарицательным, в иное, необходимое для релевантной репрезентации знаний об индивиде. В.Н. Топоров отмечал, что «превращение

“апеллятивного” в “ономастическое” знаменует вхождение в мир новой сущности, новых сил и энергии» [Топоров 2007: 119].

Языковыми средствами репрезентации действия данного механизма являются капитализация и в случае прозвищ вариантное наличие определённого артикля: *(The) Bear*, *(The) Knife* (P. Adams), *Spike* (S. Heatley, S. Robinson, S. Wells) и т.д. Вербализация этого процесса может осуществляться разноуровневыми средствами языка. Так, лексическими, как показано выше; фразеологическими – *Lady Day* (E. Harris); синтаксическими – словосочетаниями *High Priestess of Soul* (N. Simone), *(The) Divine One* (S. Vaughan), предложениями – *Tomorrow Never Dies* (D. Fearn) [www.wikipedia.org] и т.д.

Выделение наиболее яркой характеристики и разделяемость результатов переосмысления в социуме приводит к созданию устойчивого представления (идеала, стереотипа и т.д.), «по умолчанию» закрепляемого за носителем имени и проецируемого на потенциальных референтов. Так, этимология имени *Merlin*, формы кельтского женского имени *Myrddin*, означавшего ‘крепость у моря’, и шотландской фамилии *Monroe*, происходящей от именованья ‘устье реки Роу’ (река находится в Северной Ирландии, её название предположительно возникло во времена набегов викингов в VIII–IX вв. и означало «красная»), не имеют никакого отношения к знанию, передаваемому антропонимическим комплексом *Marilyn Monroe*, псевдонимом знаменитой американской актрисы. Для современного человека это имя стало синонимом понятий «Красота», «Сексуальность», «Успех».

Иногда такие имена обретают словарное значение, например, *Jack*, *John* в национальном сознании англоговорящих коллективов стали образчиками простоватого человека, типичного представителя социальной группы: ‘man, everybody’, ‘salesman’ [Hornby 1989: 453; Chambers 2008: 735]; *Jack the Lad* – ‘a showily confident and successful young working-class man’; *John Bull* – ‘a typical Englishman, esp. one considered to dislike foreigners’ [LDCE 1992: 562, 566], *Johnny* – ‘fellow, chap, man’ [Хорнби 2001: 705]. А.В. Суперанская связывает подобное смысловое эволюционирование с неязыковыми факторами (высокая

частотность и т.д.), что привело к выходу за пределы семантики и обеспечило связь с социокультурными реалиями в случае как русских, так и английских имён. Так, в XVI–XVII веках в Англии возросла популярность имён *Джон*, *Мэри*, *Уильям* по экономическим и юридическим причинам. В связи с высокой детской смертностью имя *Джон* давали нескольким сыновьям и указывали его в завещании, хотя внутри семьи существовали разные имена [Суперанская 1998: 68]. Этот антропоним несёт имплицитные оценочные смыслы, которые конвенционально закрепляются за ним и составляют выводимый имплицитный потенциал. Например, в пословицах *Jack of all trades and master of none* ‘За все братья и ничего не делать’ [Kuskovskaya 1987: 45] имя *Jack* предстает языковым средством оценки недобросовестного работника.

Следовательно, анализ этимологии английского именника позволил реконструировать инвариантную концептуальную структуру, отражающую содержательное разнообразие антропонимически репрезентированного концептуального содержания. Будучи включенным в максимально протяженное коллективное концептуальное пространство, имя человека становится языковым средством фиксации знаний о предметном мире, итогом познавательной активности индивида / социума, репрезентативом психоэмоционального состояния и оценки языкового коллектива.

Динамизм этой картины задаётся концептуальными схемами, которые отражают процесс первоначального выделения наиболее релевантной характеристики, положенной в основу формирования антропонимически репрезентированного концептуального содержания. Количественный анализ антропонимов, созданных на базе реализации таких схем, позволяет утверждать, что ряд характеристик обнаруживают устойчивую выделенность, т.е. прототипическую заданность. Их переосмысление в разных когнитивных контекстах приводит к тому, что на основе метафорического и метонимического переносов человеку приписываются дополнительные, оценочные характеристики.

Социальная значимость репрезентируемой именем информации даёт возможность выявить социальные функции антропонима (охранную, пожела-

тельную и т.д.), наличие которых подтверждает, что, эволюционируя, оценочная характеристика становится разделяемой в обществе, а устойчивость задаваемого ею концептуального содержания приводит к появлению представления «по умолчанию» (стереотипного, идеального) о потенциальном референте, которое выдвигается на передний план, превращая общие знания о человеке из ядерной концептуальной области в необходимый фон когнитивных преобразований. Появление таких разделяемых представлений, знание о которых фиксируется в словаре или предстаёт социально значимой презумпцией, сравнимо с феноменом конвенциональной имплицатуры Г.П. Грайса (см. подраздел 1.3.2), которая «привязана» к слову и составляет часть интегративной имплицитной опоры понимания.

Таким образом, исследование содержательных «корней» антропонимически репрезентированного содержания позволяет предполагать наличие когнитивной базы, динамизм которой обеспечивает формирование фиксируемого в словаре или «по умолчанию» специфического значения у единицы языка, которая в силу особенностей семантики им не обладает. Имя как единица языка становится своеобразным символом, который имплицитно несет нелинейную концептуальную опору, обнаруживающую прототипическое ядро (стереотипное / идеальное) представление и обширный концептуальный фон знаний о потенциальном носителе, выступающий основой интерпретации.

2.1.2. Роль функции интерпретации в создании имплицитных опор в процессе понимания

Используя интерпретацию как тип мыслительной деятельности, человек преследует конкретную цель – преобразовать уже усвоенное знание и придать ему новые смысловые оттенки. Формируя интерпретационную стратегию, он определяет для себя объект интерпретации, которым может стать сам референт, его имя, а также содержание, передаваемое данным именем. Дуализм антропонима, интегрирующего языковое и неязыковое знание, делает имя идеальным объектом и источником интерпретации, вызывая в сознании инди-

вида субъективную интеграцию информацию о мире и языке. Это происходит во многом потому, что антропоним не имеет закреплённого в словаре лексического значения, вследствие чего образовавшаяся лакуна заполняется различными смыслами. Полифункциональность имени является своего рода компенсацией, позволяющей реализовать огромные интерпретационные возможности данной единицы языка.

Процесс формирования антропонимически репрезентированного концептуального содержания может быть представлен в виде двух векторов реализации функции интерпретации: как указания на объект, знание о котором (обобщённое и индивидуальное), накапливается в виде наиболее релевантных смыслов, «увязанных» с именем для индивида, и как активация разделяемого знания (языкового и энциклопедического), имплицитного самим именем (о функции интерпретации в трактовке Р. Павилёниса см. раздел 1.2.). В первом случае репрезентируемое антропонимом содержание зависит как от сущностных характеристик объекта именованного, так и от интенций индивида / социума приписать релевантные характеристики, исходя из опыта взаимодействия с данным объектом. Такие знания имплицитны, связаны с именем опосредованно и требуют последующего выведения с опорой на общую когнитивную базу. Во втором случае само имя выступает активатором знаний, представленных эксплицитно и имплицитно, а также их последующего преобразования в соответствии со стратегиями индивида.

Как было отмечено в предыдущем подразделе, этимология является содержательным первоисточником и примером выделенности ряда концептуальных характеристик. Будучи когда-то прозвищными номинациями, призванными характеризовать конкретного индивида, этимологически прозрачные имена до сих пор представляют языковую репрезентацию специфической характеристики: физические особенности – *Paul* от лат. «small, humble»; род деятельности – *Baxter* «(female) baker» и т.д. [www.behindthename.com]. Связь с источником происхождения достаточно очевидна в случае антропонимов, происходящих от имён нарицательных (названий растений, животных, птиц,

профессий, имён абстрактной семантики, времён года и т.д.), топонимов (*Africa, Burgundy, Cairo*), космонимов (*Helena, Luna*), прагмонимов (название отдела в магазине в имени актрисы *Halle Berry*) и т.п.

Необходимо отметить, что некоторые из них несут этническую специфику: например, одновременно функционирующие в англоязычном именнике английское имя *Star* и имеющие тот же этимологический источник французское *Estella*, латинское *Stella*, персидское *Ester*. Иногда этимологически близкие заимствования воспринимаются как варианты имени: латинское *Terra* и ирландское *Tara*, означавшие «land, earth» и «elevated place» [www.behindthename.com]. Избрание этимологически мотивированных имён часто вызвано следующими причинами: особенностью внешности или характера (*Ginger, Indigo, Jett*); религиозными взглядами (*Hope, Faith, Prudence, Charity*); моментом рождения (*Monday, Sunday, Summer, Spring, Dawn*); географическим местом (*Africa, Cairo*) и т.д. Формирование таких антропонимов от апеллятивов связано с процессом антропонимизации, т.е. переходом в разряд онимов наиболее выделенных имён нарицательных.

Имя в этом случае реализует и идентифицирующую, и пожелательную функцию, эксплицитно передавая знания об особенностях конкретного референта и имплицитно либо некий прежний контекст выделения характеристики (например, событие рождения), либо желание номинатора приписать некоторые идеальные черты референту. Следует также отметить, что большая часть подобных антропонимов несёт гендерную дифференциацию: 222 из общего числа исследованных имён (3861 единица) являются женскими (*Love, Comfort, Scout*), 37 – мужскими (*Bishop, Booker, Cosmo, Duke*), а 33 используются для именованья обоих полов (*Angel, Cherokee, Christmas, Indigo*).

Наиболее очевидной информацией, передаваемой именем, являются сведения о гендерной принадлежности, которые репрезентируются при помощи таких языковых средств, как флексии *-a*; *-e*: *Alexander – Alexandra*; *Andre – Andra*; *Brian – Briana*; *Glenn – Glenna*. Иногда родовая маркированность происходит на уровне средств словообразования: формантов, характерных либо

для женских, либо для мужских имён. Так, суффиксы *-ina*; *-i(e)ne(a)*; *-ette*; *-la* являются традиционными в женских именах в *Adamina*, *Thomasina* (*Thomas*), *Alvena* (*Alvin*), *Earlene* (*Earl*), *Bernadette* (*Bernard*), *Cyrilla* (*Cyril*), а *-an* и его варианты *-en*; *-on* типичны в мужских: *Aidan*, *Austen*, *Colton*.

Однако большая часть англоязычных имён не имеет названных выше маркеров – их гендерная отнесенность закреплена в языковом коллективе, т.е. возникла вследствие функционирования имени в обществе: например, мужские (*Alan*, *Bruce*, *William* и т.д.) и женские имена (*Annabel*, *Ansley*, *Muriel* и т.д.). Суффикс *-y* также не может служить отличительной чертой, так как он обнаруживается и в мужских (*Brody*, *Emery*, *Woody*), и в женских именах (*Amy*, *Sherry*, *Sindy*). Существует большая группа антропонимов (*Angel*, *Murphy*, *Pearl*, *Shelley*, *Vivian*, *Whitney* и т.д.), подходящих для именованя обоих полов. В этом случае знания о гендерной специфике носителя становятся выводимой информацией с опорой на опыт взаимодействия с референтом.

Нарушение названных выше норм способно затруднить идентификацию объекта и вызвать «когнитивный диссонанс». Так, столкнувшись с антропонимом *George Elliot*, где личное имя является мужским, героиня романа Дж. Вебстер понимает, что первоначальный результат интерпретации был неправильным: «*I didn't know that George Elliot was a woman*» [Webster 1976: 19]. Аналогична реакция читателя на имя *William*, принадлежащее девушке, в рассказе Р. Киплинга «*William the Conqueror*» [Kipling 1983: 263–293].

Однако существует тенденция устранения подобной имплицитности, что достигается с появлением гендерно мотивированных вариантов у английских антропонимов. Процесс экспликации скрытого осуществляется посредством флексий для женских имён *-e*, *-ee* (*Brook* – *Brooke*, *Trace* – *Tracee*), *-s* у мужских (*Brooks*), замены гласной в основе (*Cameron* – женский вариант *Cameryn*; *Vivian* – женский вариант *Vyvian*) [www.behindthename.com]. Примечательно, что словарь не фиксирует мужского варианта в случае имени *Vivian*, хотя в реальной жизни существует преобразованная форма, носителем которой является мужчина, известный филолог *Vyvyan Evans*.

Способность антропонима репрезентировать информацию о гендерной принадлежности во многом обусловлена национальной спецификой. Как правило, «инородный» вариант сохраняет морфологические маркеры рода оригинала: заимствованное греческое имя *Sophia* и его французский вариант *Sophie* сопровождаются в именнике ещё и «адаптированным» к английскому языку вариантом *Sophy*. Иногда заимствование произошло достаточно давно, и вариант утрачивает связь с оригиналом, например, средневековая разновидность имени *Stephen – Steven, April – Avril* [www.behindthename.com]. Определённые буквосочетания в основе антропонимов также являются языковым средством репрезентации знаний об этнической принадлежности референта. Например, *-ph-* в именах греческого происхождения, *-agh* в ирландских именах (*Sheenagh*), *Mac-* в шотландских (*Mackenzie*), *-eigh* гаэльских (*Creighton*). Отсюда многие антропонимы англоязычного именника сохраняют языковые особенности первоисточника, что эксплицирует знания о национальных корнях владельца имени.

Динамизм именника приводит к определённой национальной «стилизации» при образовании многочисленных вариантов одного и того же имени, что является современной тенденцией в развитии антропонимикона. Так, отличительные признаки ирландских имён: удвоение согласной в основе (*Brannon, Carran, Farrell, Shannon*), в прошлом диминутивный суффикс *-an*, который в современных английских именах является частью корня (*Brennan, Finnegan, Reagan*), буквосочетания *-agh, -eigh*, конечная *-h*, – приводят к возникновению новых вариантов, а именно, *Allanah, Alanna (Alana), Hayleigh (Hayley), Janae, Jean (Jane)*. Замена традиционной английской начальной *c* на германскую *k* в *Ko(u)rtney (Cortney), Kristine (Christine), Kody (Cody)*, или *j/c* на *sh-* для придания ирландского звучания имени наблюдается в именах *Sheena, Sheenagh, Shena (Jeanne), Sheila (Cecilia)*. Достаточно показательны также варианты имени *Kaylee*, образованного от сокращения имён на *K-* и антропонимического форманта *-lee*: *Caelie, Caileigh, Caleigh, Kaelea, Kaelee, Kaleigh, Kayleah, Kayleigh, Keighley* [цит. раб.].

Все приведённые имена отмечены в словаре как современные варианты, поэтому речь о заимствовании из какого-либо языка не идёт. В случае подобной «стилизации» знания о национальности референта нельзя назвать очевидными, они скорее отражают интенции номинатора и выводятся при помощи обращения к событийному контексту именованного. Например, имя *Coleman* музыканта *Coleman R. Hawkins* восходит к девичьей фамилии матери; антропоним *Jalen*, распространённый в среде афро-американцев благодаря баскетболисту *Jalen Rose*, есть комбинация имени отца *James* и дяди по материнской линии *Leonard* [ru.wikipedia.org].

Опора на ВЗ может быть обусловлена потенциальными изменениями, возникающими из-за особенностей произнесения имени, например, носителями диалекта, представителями определённого этноса, что отражается в графическом исполнении: вариант имени *Louise* в южноамериканских штатах: «*Lord o' marcy, Miss Lewaze!*»... [Reid 1969: 60]. Подобные случаи фиксируются в именнике и используются как самостоятельные номинации: имя *Lispeth* в новелле Р. Киплинга как вариант *Elizabeth* у жителей Гималаев [Kipling 1983: 159]. Нестандартные формы, обусловленные фонетическими особенностями, позволяют выводить сведения об этнической группе, месте жительства человека. Так, профессор Хиггинс, без труда осуществляет отбор информации, исходя из особенностей формы имени и обращения: *Doolittle: «Professor Iggins? Morning, Governor». Higgins [to Pickering]: «Brought up in Hounslow. Mother Welsh, I should think»* [Show 2006: 49].

Интенции номинатора часто связаны с желанием выделить индивида за счёт необычного варианта имени, так как «мир неотделим от субъекта, а субъект от ценностей и оценок» [Рябцева 2005: 163]. Наиболее очевидным примером являются гипокористические формы антропонима, создаваемые при помощи усечения основы и уменьшительно-ласкательных суффиксов в русском языке и путём добавления суффикса / флексии в английском (*Мария – Машиа, Машенька; William – Willy, Bill, Billie*).

Если в случае такой формы имени эмоционально-оценочные смыслы эксплицитны, то прочая информация, например, о возрасте, социальном положении и т.д. является имплицитной, т.е. требует выведения на основе опыта интерпретатора. Так, в рассказе А. Кристи «The Herb of Death» перечисляются лица, бывшие на обеде, окончившимся убийством: «...*Sir Ambrose, Sylvia Keene (that's the girl who died), a friend of hers who was staying there, Maud Wye ... Then there was a Mr. Curle who had come to discuss books with Sir Ambrose There was Jerry Lorimer – he was a kind of next-door neighbour*»... [Christie 1976: 191–192]. Наряду с привычными формами вежливости «мистер», «миссис» в ряде случаев наблюдается их отсутствие (*Sylvia Keene*), а также использование кратких форм имён (*Maud Wye, Jerry Lorimer*): имя *Maud* – это возникшее в Средневековье сокращение от *Matilda*, а *Jerry* – от усечения основ имён на букву *J* (*Jeremy, Jerome*) [www.behindthename.com]. Все примеры имплицитно указывают на возраст носителей (молодость), хотя прямой информации, в частности, о *Jerry Lorimer* в отрывке нет.

Определённые коннотации несёт не только форма имени, но и разные комбинации элементов антропонимического комплекса. Так, традиционная формула представления человека по нормам поведения предполагает двух или трёхкомпонентный вариант, добавление форм вежливого обращения или форм, соответствующих знатности происхождения. При отступлении от нормы или неверном использовании форм обращения часть информации выводится, например, о более высоком социальном статусе: *Then what might your meaning be in calling me “Sir John” these different times, when I be plain Jack Durbeyfield, the haggler? ...* [Hardy 1988: 13–14] или о роде деятельности (работе служанкой): *It's about Miss Skinner's maid, Gladys...* [Christie 1976: 160].

Иную маркированность краткие формы имени приобретают в британско-американском газетно-публицистическом лексиконе. Примерами являются имена политических лидеров: *Bill Clinton (William Jefferson Clinton), Jimmy Carter (James Earl Carter)* и т.д., сокращённые формы которых должны, очевидно, имплицитно указывать на близость к избирателю. Стоит отметить, что данные

случаи характерны для мужских имён, тогда как сокращений женских найти не удалось (*Margaret Thatcher, Madeleine Albright* и т.д.).

В целом формы имени, а также комбинации частей антропонимического комплекса несут определённые эмоционально-оценочные смыслы, возникшие из знаний социально-культурных норм и правил, закреплённых в языковом коллективе. Они являются следствием переосмысления ядерных характеристик имени в ином когнитивном контексте в процессе речемыслительной деятельности и открывают возможность опоры на ВЗ при формировании представления о носителе имени. Эмоционально-оценочная маркированность может возникнуть вследствие появления новых вариантов имени «не прямо, а косвенно, формулируя модальный смысл, модальность общения, контроль, аргументацию, авторитет» [Рябцева 2005: 159]. Этот процесс осуществляется при помощи графических средств и ресурсов словообразования, а именно:

– замена гласных букв: иноязычного сочетания **ia/ie** на английские **-y/-i** в *Jeremia – Jeremy; Cecilia – Cecily*; **-y** в начале на более привычное для английских имён **-j**: *Yasmine – Jasmine, Yasmin – Jasmin*; **-e/a** на **-i/-y** в *Caroline – Carolyn*; **a/e** на **e/a/-ae/-ay** в *Alicia – Elicia; Chantal – Chantel; Braden – Braeden, Brayden*; **-ana/-i(e)ne** на **-yn** с усечением окончания в *Jasmine – Jasmyn; Col-lene – Collyn*; **-ey/y** на **-y/ee** в *Beverley – Beverly; Ainsley – Ainslee*; **-ee/ey** на **-eigh** в *Kaylee – Caleigh; Hayley – Haleigh*; **a/ai-** на **-ay/ai-** в *Abigail – Abigayle; Alana – Alaina, Alayna*; **-i/e** на **-ea** в *Brian – Brean; Alice – Aleacia*; **-i/y** на **-ee** в *Alice – Aleesha; Destiny – Destinee*; **-i-** на **-y-** в *Alicia – Alycia; China – Chyna*; **-ea/-ee/-ae-** в *Desiree – Desirae; Teagan – Taegan*;

– замена согласных букв: **-s/-c** на **-z/-s** в *Jasmine – Jazmine; Cierra – Sierra; Susanna – Suzanna*; **g-** на **j-**: *Angelica – Anjelica; Gullian – Jullian*; **c-/ck/ch-** на **-k** в *Christine – Kristin; Michaela – Mickaila, Mikayla*; **-x/-c/-ck** в *Beau-trix – Beatrice; Jackson – Jaxon*; **c/-ch/-s-** на **-sh/-kh-** в *Chantel – Shantel; Chloe – Khloe*; **-d** на **-t** и наоборот в *Brant – Brand; Jared – Jarett*; **-v-** на **-w-** в *Alvin, Elvin – Elwin*; **gu-** на **gw-** в *Guendolen – Gwendolen*;

- замена гласных и согласных в суффиксах: **-(i)ene** на **-een/(l)yn** в *Christine – Christeen*; **-an/-on/-en/in** в *Brendan – Brenden, Brendon*; *Brian – Brion*; **-ka/-ca** на **-qua** в *Tanika – Taniqua*; *Jacqueline – Jaqueline, Jacklyn, Jaclyn*;
- удвоение букв или усечение буквы: **-k-, -l-, -s-, -n-** в *Nikkita*; *Jassmine*; *Collene – Colene*, *Brian – Breann*; *Alice – Allicia, Allissa*; *Barbara – Barbra*;
- добавление буквы: **-h** в конце имени или ее усечение в *Tara – Tarah*; *Hannah – Anna*; **-t/d** в *Brand – Brandt*; *Harlan – Harland*;
- изменение порядка расположения букв: *Nevaeh – Heaven* наоборот; **-ri** на **-ir/-ier-** в *Christine – Kiersten*;
- использование специальных формантов: фамильного суффикса **-son** для личных имён в *Alice – Alison*; **-essa** в *Vanessa, Janessa*; **-bella** в *Christabella, Arabella*; **-la** в *Kay – Kayla*; **-ka** в *Tanika*; **-sha** в *Tanisha* и т.д.;
- сложение частей имён: *Suellen → Susan* и *Elinor*; *Jaron → Jared* и *Darren*; *Jennica → Jennifer* и *Jessica* и т.д.

Следовательно, антропоним как единица языка является «носителем идеосемантики, включающим основной, этимологический, константный семантический компонент и дополненный культурно-отчуждаемый, переменный семантический компонент, задающий симпатические и оппозиционные связи имени» [Запольская 2007: 133]. Важную роль играет знание энциклопедической информации о конкретном носителе, контексте именованного, интенциях использующего антропоним индивида, требующих выведения в процессе идентификации. Необходимо отметить, что специфика интенций писателя приводит к созданию неординарных текстов и позволяет предполагать наличие креативной / смыслообразующей функции имени по созданию сети смыслов, на базе которых, например, строится сюжетная линия сказок Л. Кэрролла об Алисе (изучение текстов Кэрролла предпринято в работе над кандидатской диссертацией автора исследования и ряде научных статей).

Проведённые изыскания позволили утверждать, что интерпретационная деятельность индивида, обусловленная его интенциями и стратегиями, протекает в соответствии с рядом параметров восприятия фрагмента мира: рефе-

рентная ориентированность, соотнесение знания о референте с разделяемым знанием, личное отношение к концептуализированному пространству. Это позволяет выделить ряд интерпретационных моделей с учётом функции интерпретации: референто-, стереотипо- и личностно-ориентированные, т.е. субъект в новом акте коммуникации формирует антропонимически репрезентируемое концептуальное содержание относительно сведений о референте, конвенционального языкового и энциклопедического знания, передаваемого именем, собственных личностных и эмоционально-ценностных переживаний.

Референто-ориентированная модель предполагает, что для идентификации какого-либо референта имени индивид привлекает любые доступные ему знания. Чувственно-зрительное восприятие референта-носителя имени позволяет сформировать целостный визуальный образ индивида, интегрирующий перцептивную информацию о конкретном субъекте и общие сведения о нём в рамках концептуальной области «Человек». Так, образное представление о старшекурснице или сверстницах формируется с выделением наиболее значимых характеристик, перцептивных и эмоционально-оценочных: *There are three other girls on the same floor of the tower – a Senior who wears spectacles and is always asking us please to be a little more quiet, and two Freshmen named Sallie McBride and Julia Rutledge Pendleton. Sallie has red hair and a turn-up nose and is quite friendly; Julia comes from one of the first families in New York and hasn't noticed me yet.* [Webster 1976: 13].

Знания, полученные о конкретном носителе имени, не могут существовать изолированно, они соотносятся со знаниями о подобных людях. Специфика процесса обобщения антропонимического знания состоит в том, что, будучи репрезентацией единичного объекта, антропоним имплицитно презумптивное знание о категории и её ярком образце. Обращение к разделяемому знанию (языковому и энциклопедическому) позволяет «достраивать» целостное представление о человеке в том случае, если нет возможности сформировать визуальный образ индивида. Примером может служить образ *Длинного Дядюшки (Daddy-Long-Legs)*, когда у героини одноимённой повести Дж.

Вебстер информация о реальном облике её опекуна крайне скудна. Джуди, имея стереотипное «видение» опекунов как людей преклонных лет, создаёт образ пожилого человека, что не соответствует действительности.

Когнитивная заданность модели единственного числа для всех представителей класса имён собственных делает возможным смысловую модификацию с помощью употребления неопределённого артикля с именем человека, чтобы подчеркнуть выделение признака в концептуальном содержании, репрезентированном именем данного индивида. Например, *...Julia is bored at everything. She never makes the slightest effort to be pleasant. She believes that if you are a Pendleton, that fact alone admits you to heaven without any further examination.* [Webster 1976: 15].

Использование множественного числа в случае антропонимов допустимо только с приращением нового смысла – смысловой акцент делается не на индивиде-носителе имени, а на принадлежности к группе субъектов, носящих одно имя / фамилию, объединенных неким признаком, например, родственными отношениями. *My dear Bagginses and Boffins, he began again; my dear Tookes and Brandybucks, and grubbs, and Chubbs, and Burrowses, and Hornblowers, and Bolgers, Bracegirdles, Goodbodies, Brockhouses and Proudfoots. 'Proudfeet! Shouted an elderly hobbit from the back of the pavilion. His name, of course, was Proudfoot, and well merited; his feet were large, exceptionally furry, and both were on the table* [Tolkien 1990: 41].

Специфика интерпретирующей функции антропонима на этапе накопления антропонимического знания состоит в том, что имя получает оценку опосредованно, «наследует» её от индивида, который выделяет ряд имён как наиболее значимые. Индивид интуитивно учитывает весь комплекс знаний (например, семейность имени, его частотность в отношении одушевлённых / неодушевленных референтов, идеальное представление о носителе и т.д.), который репрезентирует антропоним и маркирует имя как лучшее среди остальных. Такая имплицитная оценка выдвигается на первый план, оставляя выводимым когнитивным фоном всё то, что явилось источником её формирования.

Так, благодаря проверке социономастических знаний через анкетирования имя *Александр* обнаружило прецедентную выделенность в студенческой аудитории как самое популярное, благозвучное, известное в истории, одно из типично русских, этимологически прозрачных имён [Супрун 2000: 33–37] (о значимости имени *Michael* в англоязычной среде см.: [Lee 2007]).

Реализация функции интерпретации и развитие антропонимически репрезентированного концептуального содержания по стереотипо-ориентированной модели предполагает соотнесение индивидуального знания с конвенционально усвоенным, т.е. проецирование мыслительного представления о конкретном человеке на базовую основу социальных стереотипов и идеалов. Результатом становится перенос сформированного представления о референте на новый объект с сохранением наиболее выделенных характеристик источника, их обобщения и переосмысления в рамках системы языка. Так, индивидуальное знание человека может включать сведения о различных, не только одушевлённых, но и неодушевлённых носителях данного имени, конвенционально «одобренных» социумом.

Как правило, в этом случае используются имена значимых для индивида объектов, что в системе языка предполагает переход антропонима в другой ономастический разряд. Примером может стать индивидуальное создание прагмонима, в частности корабонима (имя корабля) в следующем отрывке: *There was the thought of Arabella Bishop – and that thought loomed large in his mind we are not permitted to doubt. He was maddened by the tormenting lure of the unattainable... Ogeron, most accommodating of the governors, advanced him money for the proper equipment of his ship, the Cinco Llagas, which he renamed **the Arabella**. This after some little hesitation, fearful of thus setting his heart upon his sleeve* [Sabatini 1962: 133, 135]. Стоит отметить, что 12 кораблей британского королевского флота в XVII–XIX веках были названы *Elizabeth* на основе обращения к прецедентному смысловому центру («сила», «власть») концептуального содержания, переданного именем королевы Елизавете I, сформиро-

ванному благодаря переосмыслению характеристик человека в когнитивном контексте, связанном с социальной оценкой его деятельности.

Соотнесение личности носителя имени с закреплёнными в обществе стереотипами и идеалами при совпадении множества личностных оценок качеств индивида приводит к тому, что в процессе интерпретации происходит обобщение выделенных черт этого человека, актуализирующих признак, который абсолютизируется в содержании антропонимически репрезентированного концепта. Фактически, имя сближается с некой социокультурной универсалией, репрезентируя синонимичное, оценочно маркированное концептуальное образование. Например, «Власть», «Успех» в случае с именем *Alexander* или «Скупость» в случае с фамилией *Плюшкин*.

Подобные процессы могут приводить к апеллятивации, т.е. утрате единичности и проецировании знаний об одном человеке на множество других, сопровождающихся переходом слова в иной лексико-грамматический разряд и обретением способности становиться словом-классификатором, обозначающим определённую категорию: *Есть ли у нас сегодня свои кутузовы, суворовы, которые за Россию готовы отдать жизнь?...* [Шаблинская 2006].

Процесс преобразования антропонимически репрезентированного знания по стереотипо-ориентированной модели может включать задействование разделяемого не только энциклопедического, но и языкового знания, что позволяет создавать новые имена, расширяющие круг возможных номинаций для субъекта. Например, имя *Elizabeth* имеет 152 гипокористические формы, образованные по различным словообразовательным моделям: усечение полного имени (*Eliza, Liz*); усечение + суффикс (*Betty, Betsy*); замена первой части сходным по звучанию элементом + вторая часть имени – *Lilibeth* и т.д. [www.zelo.com]. В русских именах уменьшительно-ласкательные формы также широко представлены, причём зачастую они самостоятельно актуализируют новое концептуальное содержание. Так, сокращённая форма *Светка*, по мнению Е.В. Душечкиной, репрезентирует деградацию концептуального содержания, «трагический путь» имени *Светлана*: от идеального образа в одно-

имённой поэме до стереотипного образа вульгарной, необразованной, сексуально озабоченной провинциалки [Душечкина 2007: 356]. К случаям появления различных вариантов имени при задействовании средств языка (фонетических, графических, грамматических и т.д.) можно отнести примеры, приводимые ранее. Смыслы, имплицитные в ходе таких преобразований, выводятся, исходя из знаний и намерений индивида.

Словообразовательные модели, задействованные в процессе концептуальных преобразований, участвуют в создании абстрактных существительных от источников-антропонимов, что происходит вследствие общей тенденции сближения антропонимически репрезентированного концепта с понятием. В качестве концептуальной основы выступает наиболее выделенный признак в содержании антропонимически репрезентированного концепта, связываемый с определённым словообразовательным элементом, репрезентирующим знание относительно частеречной принадлежности и соответствующего концепта. Новое концептуальное образование представляет собой частичное слияние антропонимически репрезентированного концепта и концептуальной основы, присущей всем нематериальным сущностям. Оно репрезентируется новым именем существительным, перешедшем в разряд абстрактных существительных, отыменным прилагательным, глаголом. Например: *darwinism* –термин, образованный от фамилии известного учёного и репрезентирующий знание о комплексе научных достижений, теорий; *Elizabethan England* – от имени английской королевы, охватывающий временной период её правления.

Интересна история появления английского глагола *to kerzhakov*, образованный от фамилии российского футболиста, который стал известен благодаря своим промахам в голевых ситуациях. Корреспондент газеты *The Guardian*, комментировавший футбольный матч, таким образом описал игру нападающего сборной Италии: *What a miss from Daniele De Rossi! How on earth are Italy not ahead? ... It should have been dealt with without any fuss whatsoever, but the England defence was dozing and it dropped to De Rossi, who turned and **kerzhakoved** a volley wide from six yards out* [www.perevoding.com].

Реализация функции интерпретации посредством личностно-ориентированной модели предполагает, что человек способен расширять границы антропонимически репрезентированного концептуального содержания, исходя из личного «видения» релевантного пути репрезентации знаний о референте с опорой собственную базу энциклопедических знаний или стандартный опыт социума, связанный с именованим и соответствующими средствами вербализации. Наиболее ярко процесс субъективных преобразований передаваемого именем концептуального содержания представлен при помощи прозвищ, которые отражают пути переосмысления ядерных характеристик в новых когнитивных контекстах. Один и тот же референт получает новое имя (прозвище) благодаря метафорическому / метонимическому переносу релевантного «здесь и сейчас» признака, связанного с личностными особенностями субъекта, места, условий, оценок интерпретатора и т.д. Этот признак становится наиболее значимым в конкретном ситуативном контексте, и его выделение согласуется с потенциально возможным когнитивным контекстом прежнего опыта. Например, интенции интерпретатора и контекст именованиа передаются имплицитно и выводятся в случае прозвища *Пятница*, которое дал новому другу герой Д. Дефо.

In a little time I began to speak to him, and teach him to speak to me; and, first, I let him know his name should be Friday, which was the day I saved his life; I called him so for the memory of the time [Defoe 1965: 159].

Показателен пример королевы Елизаветы I, когда один референт обнаруживает целый арсенал прозвищных номинаций: *Good Queen Bess, Gloriana, Virgin Queen* и т.д. [www.wikipedia.org.ru]. Репрезентированное прецедентным именем содержание интерпретируется с актуализацией определённого признака («славная», «благосклонная»), что фиксируется «синонимичным» именем-прозвищем (также см. примеры прозвищ в подразделе 2.1.1).

Причиной расширения репрезентируемого именем содержания и, как следствие, увеличение антропонимов, относимых к одному и тому же референту, могут считаться случаи самоименования, т.е. появление разнообразных

ников, которыми в настоящее время заполнен Интернет. В отличие от классического прозвища, которое дают референту другие, в случае ника носитель сам является творцом такого имени, придумывает его, чтобы себя выразить (это «роднит» ники и псевдонимы) [Суперанская 2010: 429]. Активный субъект задействует те релевантные признаки и событийные контексты, которые, с его точки зрения, являются наиболее релевантными для самовыражения и реализации собственных интенций. Например, желание героини романа Дж. Вебстер сменить имя *Jerusha*, которое несёт негативную оценку, на *Judy* было продиктовано старомодностью её официального имени, его неблагозвучностью, намерением избавиться от воспоминаний о прежней жизни в приюте: *I've changed my name. I'm still "Jerusha" in the catalogue, but I'm "Judy" every place else* [Webster 1976: 15].

Иной случай представляют собой псевдонимы, в качестве которых используются имена известных людей, прецедентно значимые в обществе номинации и т.д., задействование которых обеспечивает не раскрытие новых качеств индивида, а «импортирование» социокультурных стереотипов и идеалов, желание повысить самооценку или скрыть реальную информацию. Такое переносное употребление Т.В. Булыгина и А.Д.Шмелёв называют «псевдо-идентификаторами», актуализирующими портретные или сценарные признаки эталонных образов [Булыгина, Шмелёв 1997: 503–509]. Так, антропоним *Smith* в англо-американской культуре используется как псевдоним, фактически означающий «Никто» в случаях, когда человек желает сохранить инкогнито. Так, в романе Дж. Вебстер опекун героини просит обращаться к нему в письмах *John Smith*, не раскрывая своё настоящее имя: ... *But how can one be very respectful to a person who wishes to be called John Smith? Why couldn't you have picked out a name with a little personality?* [Webster 1976: 11].

Примером также может стать название комедийного боевика режиссёра Д. Лаймана *Мистер и миссис Смит* (*Mr. & Mrs. Smith*), герои которого ведут тайную жизнь суперагентов. Имена героев, *Джон* и *Джейн*, являются вербальными средствами передачи стереотипных представлений о простых лю-

дах (см. подраздел 2.1.1). Такие имена могут также стать основой для выведения имплицитных сведений о роде занятий носителя (преступника): *I never saw a man yet, that took to a Mexican dress, who wasn't a Jack* [Reid 1969: 13] (*Jack* как вариант имени *John* имеет сленговое значение «подозреваемый, преступник, вор» [Chambers 2008: 707, 735]). В случае героев фильма такой деятельностью может стать служба в разведывательных организациях.

Субъективное задействие широко известных и получивших статус социокультурного прецедента имён приводит к созданию метафорических прозвищных номинаций, которые «сигнализируют» о том, что знания о конкретном референте соотносимы в некотором роде с идеальным / стереотипным представлением. Отличительной чертой таких антропонимов является эмоционально-оценочная маркированность, наличие дополнительных определений и т.д., которые «оживляют» конвенциональное знание и делают возможным его задействие в отношении нового референта с определёнными допущениями (*It is conceivable that a potential Christopher Marlowe, even a potential Shakespeare, might be born in any age; ...* [Ward 1957: 105]); экспликацией эмоционального (*Poor old Pantaloon! But no, she wasn't in the least sorry for him* [Huxley 1993: 10]) или иронического отношения в ситуативном контексте (*Saying how, at the alehouse under Cotswold, / He had made sure of his very Cleopatra ...* [Kipling 1983: 84–85]).

В целом антропонимы репрезентируют интегративное единство грамматической и смысловой составляющих концептуального содержания. Благодаря высокой степени интерпретативности, заложенной в имени, конвенциональное знание, передаваемое языковой единицей, подвергается постоянной модификации благодаря знаниям о конкретном референте, разделяемому (энциклопедическому и языковому) знанию, которое получает развитие в соответствии с интенциями и стратегиями активного субъекта. В целом результаты реализации функции интерпретации по соответствующим моделям можно представить в виде таблицы (см. табл. 8).

Таблица 8. Модели развития репрезентируемого антропонимом концептуального содержания, а также передающих его языковых форм

<i>Интерпретационные модели</i>	<i>Векторы</i>	<i>функции</i>	<i>интерпретации</i>
	<i>Указание на референта и знание о нём</i>	<i>Направленность на разделяемое знание:</i>	
		<i>энциклопедическое</i>	<i>языковое</i>
Личностно-ориентированная	прозвища, ники	псевдонимы	переосмысление на основе частеречного перехода
Стереотипо-ориентированная	прагмонимы, антропонимизция	апеллятивация	варианты имени за счёт различных средств языка
Референто-ориентированная	визуальный образ	обобщённое представление о референте	выделенность имени за счёт стереотипности знания о многих референтах

Следовательно, указание на референта посредством имени происходит при активации суммы знаний, которые связаны конкретным референтом, включая формирование образного «видения», возможных референтов этого имени, в том числе неодушевлённых, или других, которые оказываются значимыми в конкретном контексте именованного. Доминантная роль разнообразных фрагментов действительности в качестве смысловых опор приводит к появлению новых имён в процессе антропонимизации. Расширение знаний о референте, выделение наиболее важного признака / характеристики является залогом появления прозвищных номинаций, обладающих выраженной эмоционально-оценочной спецификой.

Направленность функции интерпретации на разделяемое знание позволяет индивиду сформировать устойчивое представление о носителе имени с учётом его релевантности в социокультурной среде. Выделенность совокупных знаний о референте в пределах языкового коллектива превращает их имена в наиболее «успешные», что обеспечивает частотность их задействования. Разделяемость знаний, оценок и сближение имени с лингвокультурной универсалией приводит к апеллятивации, т.е. утрате признака единичности и возможности переноса качества на многих других референтов, обладающих той же характеристикой. Схожесть мнений членов лингвокультурного сообщества позволяет определить языковые средства, модели словообразовательных изменений, без которых преобразования передаваемого антропонимом

содержания невозможны. Субъективность изменений названного выше содержания приводит к появлению новых единиц языка, известность которых не столь высока и ограничивается рамками группы, например, любителей футбола. Такие субъективные преобразования расширяют границы антропонимически репрезентированного концептуального содержания и демонстрируют его лингвокреативные возможности. В целом функция интерпретации имени человека остаётся основным фактором, обеспечивающим содержательную эволюцию и передачу её итогов в языке на примере антропонима.

Таким образом, применение когнитивно-дискурсивного методологического потенциала в изучении антропонима обеспечило следующие выводы.

1. Несмотря на отсутствие лексического значения, имя человека репрезентирует огромный массив разнообразных знаний, энциклопедических и языковых, составляющих когнитивную базу интерпретации, создаваемую на основе перцептивного, когнитивного, эмоционально-оценочного опыта взаимодействия с миром. Реконструкция инварианта этой базы, а также путей её формирования возможна на примере этимологии имени.

2. Динамизм развития когнитивной базы антропонима приводит к выделению отдельных характеристик, осмысливаемых в различных когнитивных контекстах. Некоторые из них заданы эксплицитно, выделение других приводит к появлению имплицитных смыслов, которые прочно увязаны с именем и не могут быть выведены без учёта прежнего контекста формирования. Любые изменения формы имени, фонетические, графические и т.д., имплицитно скрывают интенции номинатора, а также специфику социальных функций, которые выполняет антропоним. При «успешности» выделения такой характеристики в социуме в антропонимически репрезентированном содержании формируется центр смыслового притяжения, представляющий устойчивое, прецедентное «видение» знаний о потенциальных референтах с этим именем.

3. Динамические преобразования структуры передаваемого именем содержания связаны с реализацией функции интерпретации, двойственностью которой предопределяется направленностью на ОБЪЕКТ именованного с учётом

возможных знаний о нём в реальном мире и на СОДЕРЖАНИЕ как продукт речемыслительной деятельности социума, разделяемость которого обеспечивает понимание в процессе коммуникации.

4. Процесс накопления и преобразования передаваемых именем знаний невозможен без изучения интерпретационной деятельности индивида, которая протекает при задействовании трёх интерпретационных моделей с ориентацией на охват сведений, в том числе перцептивных и эмоционально-оценочных, о конкретном референте / референтах, обращение к коллективному знанию, языковому и энциклопедическому, связанному в сознании социума с самим именем, что позволяет расширить границы антропонимически репрезентированного концептуального содержания и разнообразить результаты вербального представления внутренних когнитивных процессов.

Дальнейшие исследования передаваемого именем знания осуществлялись с обращением к коллективному информанту для экспериментальной проверки полученной ранее в определённом смысле «идеальной» картины, так как даже теоретически безупречное научное исследование не может считаться завершённым без экспериментального, «полевого» подтверждения. Для проверки предположения о разделяемости знания о выявленных ранее прецедентных смысловых центрах было проведено две серии свободных ассоциативных экспериментов, где стимулами являлись антропонимические комплексы. Стимулы были специально составлены с учётом известности одного из компонентов и обращения к прецедентным смыслам (*Elizabeth Tomson*); знаниям о гендерной принадлежности (*Lynn O'Brian*), так как согласно [www.behindthename.com] имя *Lynn* подходит для обоих полов; эксплицитности знаний о национальности (*Sean Mackenzie, O'Brian*).

Предвидя возможные трудности при проведении экспериментов, а также вследствие важности учёта энциклопедических знаний о потенциальном носителе, на занятиях по переводу со студентами–лингвистами старших курсов Смоленского гуманитарного университета мы постоянно обращали внимание на специфику перевода имён собственных и необходимость идентификации

референта имени. Первая серия экспериментов (участвовали 63 испытуемых – далее Ии., изучено 226 ответов) «подготовленные» старшекурсники и опытные коллеги-преподаватели давали вполне предсказуемые реакции с опорой на эксплицитно представленную в концептуальном содержании имени информацию. В случае с именем *Elizabeth Tomson* таковой стала гендерная и национальная принадлежность (*женщина, англичанка*). Имя *Lynn O'Brian* показало значимость сведений о национальной принадлежности и обращения к категориальному знанию (*англичанин, ирландец и человек*), также релевантными оказалась возрастная характеристика (*парень / девушка*). Антропоним *Sean Mackenzie* выявил важность характеристик «гендерная принадлежность» (*мужчина, парень*), «этническая характеристика» (*ирландец, шотландец*) и знание о категории (*человек*). Было отмечено малое количество стилистически маркированных ответов (*герла, чувак* и т.д.).

Однако результаты второй серии экспериментов с теми же стимулами, но при «неподготовленности» аудитории (участвовало 146 Ии., обработана 1081 реакция) Ии. давали настолько «не подходящие» ответы, причём как посредством слов, так в форме картинок, что первым впечатлением от знакомства с ними было ощущение хаоса. Реакции с опорой на категориальную отнесённость и гендерную принадлежность были малочисленными, а наибольшую выделенность получила характеристика / признак «род деятельности», указывающая на орудийность (наличие атрибутов, способов действия и т.д.) и «сфера деятельности».

Казалось бы, в таком выделении нет ничего странного: значимость этой характеристики отмечалась нами при изучении этимологии, и в целом этот признак может объективно рассматриваться как наиболее значимый. Необычность состояла в том, что Ии. практически полностью приписали ряд сведений о деятельности потенциального референта, руководствуясь личным «видением» его особенностей. Если в случае имени *Elizabeth* идентификация характеристик референта происходила с опорой на ранее отмеченный прецедентный центр антропонимически репрезентированного концептуального со-

держания, опосредуя реакции *королева, корона, бальное платье* и т.д., то реакции *ковбой, писатель, актёр, актриса, наркодилер; политика, show, телевидение* и т.д. на другие имена едва ли являются разделяемым знанием о признаках объекта именованя.

Отмечены примеры ассоциативных цепочек реакций (*женщина – платье – заколка* и т.д.), отражающие опору на некое свидетельство деятельности референта в контексте, доступ к которому возможен через многоступенчатые переходы. Так, реакция *ночной Гонконг* активирует не только образное видение данного места, но и происходящей там активности референта (*Брюса Ли*), чьё имя стало источником фонетического сходства со стимулом *Lynn O'Brian* (эта ассоциативная цепочка была восстановлена в ходе интервью с испытуемым после выполнения задания). Наличие таких реакций, задающих объёмность внутреннего «видения», позволяет говорить о возможности контекста прежних переживаний знаний о некоем схожем объекте именованя.

Проведённые свободные ассоциативные эксперименты показали, что испытуемые, давая ответы на предъявленные стимулы, опираются на собственное образно-смысловое «видение» потенциального референта, обусловленное контекстами прежнего перцептивного, когнитивного, эмоционально-оценочного опыта переработки знаний о схожих объектах, и самым общим категориальным представлением о нём как об объекте (одушевлённом / неодушевлённом), которое выступает имплицитным фоном.

«Свидетельство» или пример опыта такого «видения» формируется «снизу–вверх», с постепенным накоплением результатов, что является гарантией их правдоподобия (об абдуктивных типах вывода см. подраздел 1.1.1). Специфика таких субъективных представлений состоит в том, что при всей кажущейся необычности вербального маркера-реакции (например, *ночной Гонконг*) Ии. вполне способны дать причинное объяснение своих реакций, опираясь на некую ранее сформированную опору / опоры в процессе речемыслительной деятельности, которая содержит продукты субъективного оперирования разделяемым знанием и примеры личных переживаний.

В целом исследование феномена ВЗ в русле разных подходов отразилось на разработке научной теории автора диссертационного исследования, что можно проследить по ряду научных публикаций (см. табл. 9).

Таблица 9. Перечень публикаций, являющихся основой формирования теории эвиденциальности выводного знания

№№ п/п	Вклад в концепцию эвиденциального смыслового переживания значения	Название работы и место публикации
1	2	3
1.	Выявление креативной (смыслоформулирующей) функции имён собственных, являющейся важным элементом развития сюжета сказок Л. Кэрролла об Алисе.	Роль единиц вторичной номинации в развитии сюжета сказки Л.Кэрролла «Алиса в Стране Чудес» // Вестник Тамбовского ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Вып.10(66). С.407–410.
2.	Определение интегративной концептуальной основы формирования передаваемого антропонимом концептуального содержания на примере этимологии древнерусских и старославянских имён.	Проблемы антропонимической репрезентации концептуального содержания // Вестник Тамбовского ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2010. Вып.4(84). С.233–238.
3.	Реконструкция интегративной концептуальной базы формирования передаваемого антропонимом концептуального содержания на примере этимологии англоязычного свода имён.	Структурная и содержательная специфика антропонимически репрезентированного знания // Вестник Нижегородского гос. лингвистического ун-та. 2012. Вып. 17. С. 38–49.
4.	Установление значимости оценочных смыслов в антропонимически репрезентированном концептуальном содержании на примере этимологии англоязычного антропонимикона.	Оценочная категоризация знаний о человеке, репрезентированная в этимологии английского антропонима // Вестник Тамбовского ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2011. Вып.8(100). С.202–212.
5.	Изучение специфики функции интерпретации и путей её реализации на основе трёх моделей интерпретационной деятельности индивида.	Роль интерпретирующей функции в развитии антропонимически репрезентированного концептуального содержания // Вопросы когнитивной лингвистики. 2010. № 4. С.58–68.
6.	Выявление эксплицитных и имплицитных компонентов в репрезентируемом антропонимом концептуальном содержании, передаваемых посредством различных средств языка (фонетических, графических, морфологических и т.д.).	Интерпретационная основа репрезентации знаний о человеке антропонимическими средствами языка // Когнитивные исследования языка. 2013. Вып. XIII: Ментальные основы языка как функциональной системы. С. 232–243
7.	Применение экспериментальных методик в изучении передаваемого именем концептуального содержания. Влияние предварительных установок на отбор посылок создания передаваемого именем концептуального содержания ad hoc.	Антропонимически репрезентированное концептуальное содержание как источник знаний о человеке // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия Филология. 2012. № 10. Вып.2. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». С. 29–35.

1	2	3
8.	Установление компонентов смыслового поля, репрезентируемого антропонимом и интуитивно активируемого субъектом. Образность и интегративность представления о потенциальном референте имени.	Специфика антропонимически актуализируемого образа // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия Филология. 2013. №. 5. Вып. 2. «Лингвистика и межкультурная коммуникация». С.267–274.
9.	Определение причинно-следственной природы ВЗ и задействовании универсальной формулы (причина - результат) опоры на ВЗ. Различие типов ВЗ.	Структурная и содержательная специфика процесса опоры на выводное знание // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия Филология. 2014. №. 2. С. 304–311.
10.	Изучение феноменов пресуппозиции и имплицитности как типов ВЗ. Выявление общих характеристик: причинности, фактуальности, наличия знаний о прежнем контексте удовлетворения.	О чём молчит слово? // Вестник Тверского гос. ун-та. Серия Филология. 2014. №. 4. С. 222–229.
11.	Определение основ концепции эвиденциального смыслового переживания значения и моделирование процесса понимания слова / текста с опорой на ВЗ.	Основы теории эвиденциальности смыслового переживания значения индивидом // Вестник Тверского гос. ун-та. 2015. №. 4. С. 7–21.
12.	Изучение специфики экспертных знаний и интенций автора текста, понимание которого невозможно без формирования читателем проекции авторского «видения» смыслового содержания текста.	Эвиденциальность опоры на выводное знание как необходимое условие понимания // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2016. № 2. С. 212–217.
13	Признание выводного знания естественно формируемой («живой») опорой понимания, формируемой на основе эвиденциально-смысловых переживаний значения индивидом.	Inference as a “live” peg of comprehension (psycholinguistic approach) // Международный научно-исследовательский журнал (International Research Journal—2016. – № 4 (46). – Ч. 4. – С. 42–43.
14	Исследование ВЗ с учётом самоконтроля как имплицитно представленной части процесса понимания с опорой на ВЗ	Процесс опоры на выводное знание как условие осуществления самоконтроля // Вестник Тверского гос. ун-та, 2016. – №. 2. – С. 7–13

2.2. Основы теории эвиденциальности выводного знания

Признание ведущей роли субъекта «(как представителя вида и как личности), познающего мир, чувствующего и субъективно помечающего всё воспринятое, в том числе и связанное со словом – важнейшим инструментом познания, общения, адаптации к естественной и социальной среде» [Залевская 2013б: 13] позволяет считать, что языковое воплощение («внешняя речевая структура» [Веккер 1998: 226]) является средством доступа к глубинному внутреннему контексту осуществления процесса понимания-переживания.

Подтверждением сказанного являются представленные в настоящей работе концепции в разных сферах научного знания, анализ основных положений которых позволил сделать ряд заключений:

– структура значения единицы языка двупланова, т.е., с одной стороны, формируется с учётом когнитивно-дискурсивной деятельности социума, обретая когнитивный фон, воссоздание которого в научных целях позволяет определить стабильную картину фиксации знаний в языке; с другой, – опирается на смыслопорождающую активность индивида, ведущую к интеграции результатов его опыта, который в ходе естественной «эволюции» становится разделяемым представлением о мире;

– результаты перцептивно-предметного, когнитивного, эмоционально-оценочного опыта индивида представлены в виде неосознаваемых установок (имплицитных компонентов структуры значения), доступ к которым обеспечен словом. Эти имплицитные установки имеют разную степень устойчивости (обобщённый комплекс знаний об объекте, конвенциональные и частные примеры опыта), но характеризуются рядом общих оснований (фактуальностью, опосредованностью контекстом и причинностью);

– изучение динамического процесса опоры на имплицитные продукты опыта, представляющие сплав энциклопедических и языковых знаний, невозможно без учёта специфики высших психических функций человека. Особенности каналов переработки информации обнаруживают биологические «корни» познавательной деятельности, задают мультимодальность смысловой опоры;

– опора на интегративные продукты опыта обусловлена их причинной релевантностью для субъекта, что, с одной стороны, приводит к структурной асимметрии, выдвигая на передний план значимые «для меня – здесь – сейчас» компоненты и временно «притеняя» остальные, с другой, – к многоступенчатости процедурных переходов при объяснении этого выдвигания. Для субъекта процесс выведения имплицитен и может осознаваться только в случае затруднений или благодаря реконструкции в научных целях;

– моделирование процессов понимания должно проводиться с учётом важности внешних и внутренних посылок, опираться на результаты подобных исследований в различных областях науки, т.е. представлять собой интегративное «видение» процесса речемыслительной деятельности в естественных условиях познания и общения. Процесс субъективной трактовки воспринимаемого протекает с опорой на комплекс знаний об объекте восприятия в целом, на устойчивые / частные прежние примеры / контексты оперирования этими знаниями.

Изучение опоры на ВЗ в рамках логико-семантических, прагматических исследований, учёт психологических и нейролингвистических изысканий, достижений психолингвистики, а также опыт экспериментальных исследований привели к формированию гипотезы о том, что опора на ВЗ как внутренний источник информации представляет собой эвиденциальное смысловое переживание значения (далее – ЭСП), процедуру вывода–объяснения «для меня – здесь – сейчас», которая активизирует внутренний причинно-смысловой потенциал (сеть релевантных смысловых опор).

Понимание феномена эвиденциальности в настоящем исследовании опирается на методологические основы психолингвистики, центральной из которых является признание значения слова достоянием индивида. Этот постулат определяет подход к процессу понимания значения слова / текста с учётом роли субъекта, который становится свидетелем внешних событий и активатором формирования внутренних представлений о них. Накапливаемый опыт перцептивной, когнитивной, эмоционально-оценочной переработки постоянно поступающих сведений о мире создаёт предпосылки внутреннего смыслового «видения» оптимальных путей объяснения «для меня – здесь – сейчас», связанных с эвристическим поиском релевантного примера прежних итогов такой переработки и предопределяющих набор языковых средств экспликации.

Выдвижение гипотезы ЭСП значения опирается на фундаментальные принципы познавательной деятельности, обеспечивающие формирование ВЗ:

– принципы функциональной организации системы (интегративности, системности, иерархичности, стабильности / вариативности);

– принцип причинности как глубинной основы выбора необходимых внутренних посылок (о принципе причинности см. подраздел 1.1.1);

– принцип одновременного переживания знания и отношения к нему при параллельности опоры на перцептивно-когнитивно-эмоционально-оценочный (вербальный и невербальный) опыт при осознаваемом / неосознаваемом учёте всех форм хранения знаний и стратегий их задействования [Залева 2007: 142] (об основных механизмах речемышлительной деятельности см. раздел 1.5.2);

– принцип предшествования посылок следствию (прецедентности), задающий активацию выделенных благодаря доступности, частотности, известности примеров прежнего опыта до момента формирования умозаключения в текущей ситуации; опора на такой прецедентный опыт лежит в основе формирования сети причинно-смысловых связей, обеспечивающей динамическое развитие системы (см. работы Й. Вонг, И.Е. Куриленко в подразделе 1.1.2.);

– принцип ассоциирования как одна из доминант динамической природы речевой организации человека, определяющий системность связей между продуктами его речемышлительной активности (Т.М Рогожникова рассматривает реализацию данного принципа в динамике и определяет механизм ассоциирования как «один из важнейших механизмов психической деятельности человека» [Рогожникова 2000: 5]).). Опора на этот принцип и установление лежащей в основе всякого знания связи состоит не в простой ассоциации между объектами, а в деятельности активного субъекта, направленной на обработку и обобщение опыта манипуляций с этими объектами [Пиаже 2001: 99].

Рассматривая причинность как всеобщую связь явлений, фундаментальную основу познания [ФЭС 1983: 531–532], движущей силой которого выступает индивид, мы считаем необходимым обосновать принцип субъективной причинности, заключающийся в способности человека выступать

активным участником процессов понимания с опорой на ВЗ, аккумулировать накопленный опыт в виде «свидетельств» личной причастности, прямой / косвенной. Набор «свидетельств», причинно связанных с объектом понимания благодаря контекстам их формирования, интегрируется в целостную опору, динамическую систему связей между её компонентами, которая обеспечивает результативность объяснения «для меня – здесь – сейчас» значения активатора опоры, вербального / невербального.

Действие принципа субъективной причинности, выявленного в процессе научных исследований автора, связано с научным обоснованием применения универсальной формулы «посылки – следствие» в естественных условиях речемыслительной активности (мнение Ф. Джонсона-Лэрда и др.). Признаётся, что человек оперирует не логически истинными умозаключениями, а выводами, подтверждёнными субъективной целесообразностью и правдоподобием, с опорой на свидетельство собственного опыта (ЭСП). Образность в этом случае объясняется природой внутреннего «видения» результата действия (работы А.А. Леонтьева, Н.И. Жинкина, А.А. Залевской и др.).

Руководствуясь результатами изысканий в различных областях науки, а также общим методологическим обоснованием выдвигаемой гипотезы, мы сформулировали теорию эвиденциальности выводного знания, призванную обосновать специфику процесса понимания с опорой на ВЗ и интегративных имплицитных смысловых опор, обеспечивающих его результативность и правдоподобие с позиции активного индивида. В рамках данной теории ЭСП определяется как результат переработки перцептивного, когнитивного, эмоционально-оценочного опыта субъекта, постоянно задействованного в ходе осуществления познавательной и коммуникативной деятельности, как субъективно сформированный имплицитный объяснительный потенциал.

ЭСП выступает своеобразной «молекулой» смыслоформирования, которая, интегрируясь в более сложные структуры, обеспечивает неосознаваемый самоконтроль и формирование правдоподобных, релевантных выводов в естественных условиях речемыслительной деятельности. Фактически, ЭСП –

это свёрнутое суждение о прежнем релевантном «видении» знаний об объекте, т.е. о том, как было и как может быть. Формирование / активация такой интегративной опоры должны быть, с одной стороны, обусловлены психофизическими и когнитивными особенностями субъекта, принимающего и перерабатывающего поступающую информацию, с другой, – внешними условиями (вербальными и ситуативными) смыслового восприятия.

На основании теоретических предпосылок и практических итогов анализа экспериментальных данных нами был сделан ряд предположений.

1. Исходя из первостепенности роли субъекта в процессе понимания, мы полагаем, что, обретая опыт, каждый человек определяет для себя наиболее успешные *ad hoc* пути переработки поступающей информации, т.е. демонстрирует «Я–позицию» по отношению к сведениям, поступающим извне. Количественное накопление таких примеров задаёт качественный переход на уровень формирования стратегии внутреннего «видения» / объяснения «для меня – здесь – сейчас» как наилучшего пути достижения результата: индивид ощущает себя непосредственным наблюдателем и активирует внутреннее «живое», пропитанное чувствами прежнее представление о происходящем; он способен обобщить воспринятое в рамках категории; может подключить собственные эмоционально-оценочные переживания. Сказанное выше определено как стратегии «Я – воспринимающий наблюдатель», «Я – инферирующий аналитик» и «Я – сопереживающий участник».

2. Многократная реализация стратегии понимания с опорой на ВЗ приводит к формированию имплицитной установки, которая сложилась у индивида исходя из разнообразия действий с объектом и его именем. Это своеобразная конвенция внутреннего смыслового «видения», «по умолчанию» закрепляемая за словом в процессе накопления опыта взаимодействия. Такая установка определяется как прецедентный ракурс смыслового «видения» воспринимаемой информации о референте. Избранный ракурс отражает качественную специфику признаков, позволяющих задать оптимальный, доступный вследствие многократной проверки опытом, эффективный (обеспечива-

ющий правдоподобие) путь создания целостного представления об объекте. Сформировавшаяся установка имеет контекстное подкрепление, которое создаётся «снизу–вверх» на базе многочисленных релевантных «для меня – здесь – сейчас» прежних контекстов выявления признаков.

3. Формирование прецедентного ракурса «видения» характеристик объекта с опорой на опыт конкретного индивида обеспечивается динамизмом системы смысловых отношений (совокупностью максимального числа потенциально возможных признаков). Глубинным основанием формирования и контроля при создании ЭСП является мультимодальный гипертекст, или содержательное воплощение образа мира индивида.

4. Результаты свободных ассоциативных экспериментов показали, что путь доступа к свидетельству внутреннего «видения» обеспечивается через наиболее яркий признак / «след» фиксации в памяти. Картирование таких «следов» позволяет утверждать неоднозначность ракурса смыслового «видения» (перцептивно-предметного, обобщающе-результативного, эмоционально-оценочного).

5. Корреляции внешнего и внутреннего динамического развития стоящего за словом содержания можно записать в виде схемы, близкой формуле вывода по аналогии: $A: B :: A_1: B_1$, где A – внешний стимул, B – пространство его функционирования (множественные вербальные контексты с учётом ситуативных условий, A_1 – эксплицитный маркер (ассоциат), B_1 – прежнее ЭСП значения, включающее уровни: устойчивый ракурс смыслового «видения» характеристик потенциального референта и способ его реализации, заданный схемой развёртывания потенциального контекста опоры на ВЗ.

6. Согласование внешне заданных условий, вербальных и невербальных, и внутренних посылок определяется степенью совпадения, что мы связываем с полилучевой моделью осуществления процесса понимания с опорой на ВЗ. Задействование этой модели с учётом конкретных внешних условий (средств языковой передачи и текущей ситуации) связано с тремя субмоделями процесса понимания содержания, переданного единицей языка.

Сказанное выше позволяет рассматривать слово / текст не только как «луч», высвечивающий релевантный фрагмент образа мира (А.А. Залевская), но как многолучевой прожектор, открывающий доступ к эвиденциальному переживанию знаний о фрагменте образа. На пересечении «лучей»-стратегий смыслового «видения» формируются ракурсы смыслового «видения» свойств возможного референта и своеобразие их контекстного «бытия» (см. рис. 1).

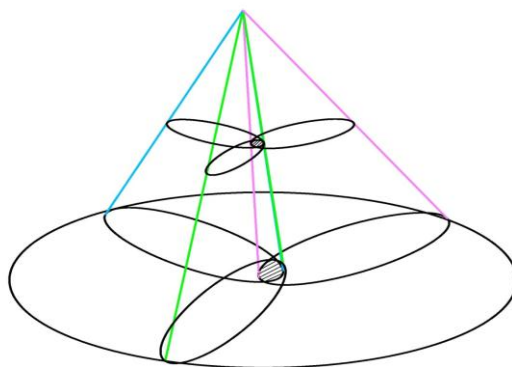

Рис. 1. Полилучевая модель опоры на выводное знание в процессе понимания.

Формирование ЭСП как совокупного опыта индивида по идентификации значения связано с непрерывным процессом обретения опыта оперирования знаниями о мире. Установление причинно-смысловой связи выявляет одновременность активации релевантного признака / признаков объекта и обеспечение их оптимального контекстного «бытия» с опорой на прежний конкретный вариант такого опыта. Многократность частных случаев активации причинно-смысловых связей задаёт устойчивый пример того, какие признаки могут быть приписаны на основе разнообразного опыта индивида при условии соответствующего контекстного обоснования.

Наибольшая устойчивость знаний о релевантных признаках объекта достигается посредством ракурса смыслового «видения» и обобщённых способов их контекстного «бытия». Такое динамическое основание ЭСП значения обретает экспериенциальную разделяемость, так как его глубинной основой является целостный внутренний контекст осуществления процессов познания и общения, динамизм которого обеспечен универсальными смысловыми от-

ношениями, что позволяет предположить уровневость структуры ЭСП (см. рис. 2).

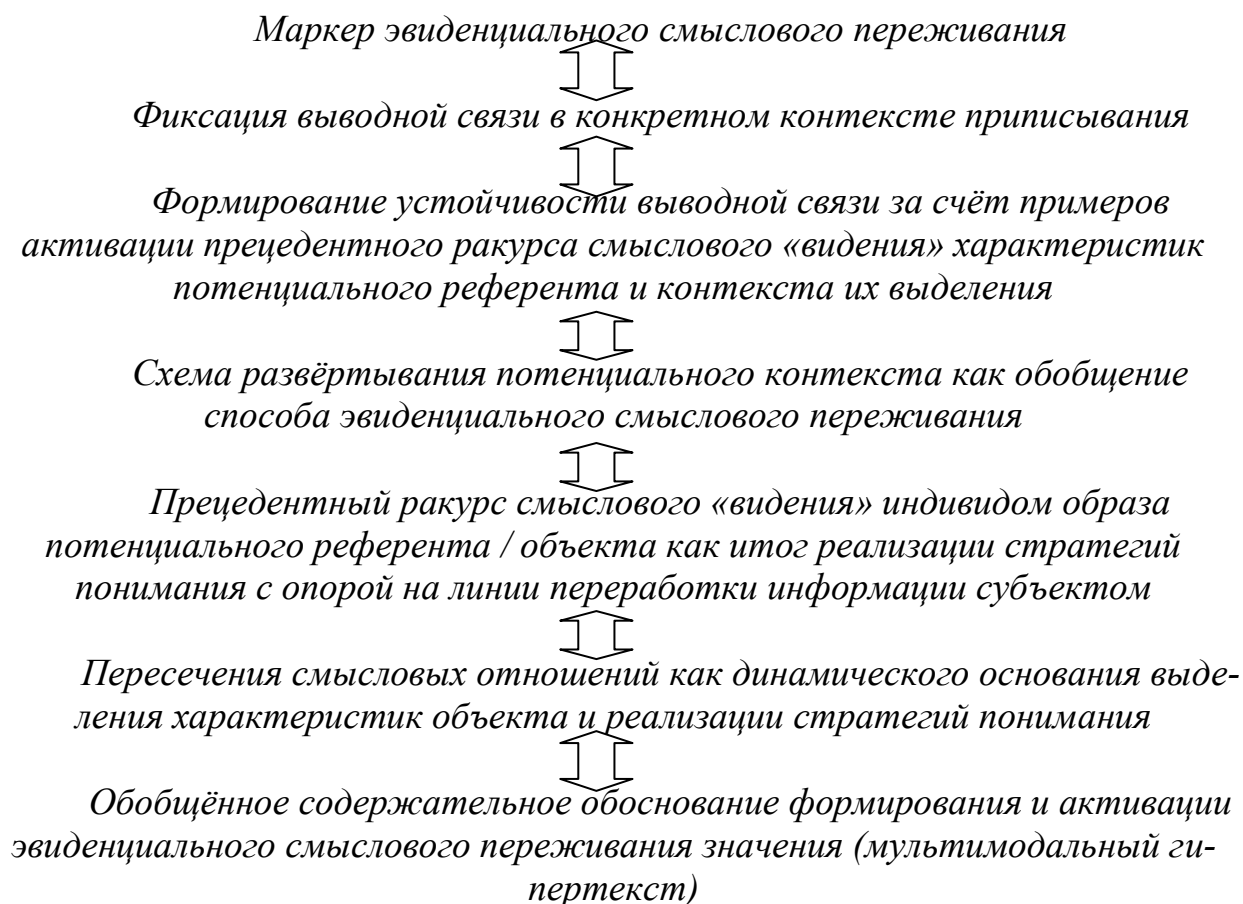

Рис. 2. Процесс формирования эвиденциального смыслового переживания значения

Для иллюстрации процесса формирования эвиденциально опосредованного смыслового переживания значения единицы языка рассмотрим формирование ЭСП значения стимула СУМЕРКИ. Глубинной динамической основой значения, задающей родовой признак, является топ «Время». Пересечение с топом «Движение» обеспечивает результат в виде таких обобщённых признаков, как начинание / окончание, поступательность, интенсивность, направленность, охват, изменение состояния. Итогом пересечения с топом «Объект» станет выдвигание характеристик объекта, связанных с «видением» этого объекта индивидом в широком пространственно-временном контексте. Субъект в зависимости от стратегий переработки информации выступает воспринимающим наблюдателем, инферирующим аналитиком, сопереживающим

участником, обнаруживающим прецедентный ракурс смыслового «видения» имплицитных характеристик объекта.

Экспериментально было установлено, что этот стимул примерно в 68% имплицитно-предметный ракурс смыслового «видения», что эксплицируется маркерами-ассоциатами (*ночь, вечер, наступает ночь, темнота, темнеет, холодно, появляются вампиры* и т.д.), которые активируют прежний контекст выявления релевантных характеристик объекта: индивид как бы заново ощущает холод, наблюдает приход темноты, «видит» объекты / субъектов, испытывает эмоции и т.д. Такое контекстное подкрепление позволяет выделить определённый способ контекстного представления (сукцессивно-дескриптивный), реализуемый по схеме «причина – её характеристика», с потенциальными примерами субъективной детализации.

Применение этой схемы «здесь и сейчас» позволит приписать различные признаки, связанные с процессом перехода дня в ночь (*сумерки наступают / закончились / приближались / опускались / сгустились* и т.д.), что получает детализацию по параметрам пространственно-временной локации (*на город*), качества (*медленно, быстро*) и т.д. Субъект додумывает ad hoc перцептивные детали, исходя из собственных ощущений, производя некоторые обобщения (*прогулка по ночному городу, вампиры как главные атрибуты сумерек* и т.д.), дополняя образное представление эмоционально-оценочными характеристиками (*плавно, стремительно* и т.д.).

Приоритет обобщающе-результативного ракурса смыслового «видения» предопределяет тенденцию к обобщению и фактивно-когнитивному способу «видения» релевантного контекста по схеме «причина – потенциальный результат», что задаёт выводимые субъективные обобщения (*холодно / сыро – это всё погода*), более общие выводы (*время суток, время, фильм*). Эти обобщения часто выступают выводом о случившемся или неизбежном (*настала ночь, город опустел, скоро зажгутся фонари* и т.д.).

Доминантной при эмоционально-оценочном ракурсе становится схема «причина – мотив / потребность к изменению сложившейся ситуации». Моти-

вом выступает эмоционально-оценочная «недосказанность» значения стимула, восполняемая из прежних ЭСП благодаря приписыванию частных характеристик (*ночные, серые, красивые, ужасный фильм* и т.д.), определённых обобщений на базе социокультурных представлений (*сумерки – друг молодежи, скоро домой!* и т.д.), а также поиска возможных смысловых переходов к иным лингвокультурным универсалиям (*романтика, отдых, поэзия* и т.д.). Несмотря на корреляции ракурса смыслового «видения» и схемы потенциальных контекстных развитий полного соответствия выявлено не было, что отражает «конкуренцию» разных вариантов представления характеристик объекта во множестве контекстов его «бытия» (см. табл. 10).

Таблица 10. Контекстные преломления ракурса смыслового «видения»

Способ контекстной реализации	Ракурс смыслового видения		
	<i>перцептивно-предметный</i>	<i>обобщающе-результативный</i>	<i>эмоционально-оценочный</i>
<i>суцессивно-дескриптивный</i>	небольшая редукция цепочки перцептивно-предметных деталей объекта, действия и т.д.	описание ряда фактов как прежних когнитивных результатов	добавление эмоционально-оценочных характеристик объекта, действия и т.д.
<i>фактивно-когнитивный</i>	смысловая селекция как выделение самой важной характеристики / признака	функционально-категориальное обобщение	обобщённо-оценочный вывод о значимости сообщаемого, исходя из норм и оценок социума
<i>поисково-прогностический</i>	замещение информации из текста иными сходными характеристиками	поиск причинных основ и фатальных следствий-прогнозов	имплицитный эмоционально-оценочный фон и переход к иным лингвокультурным универсалиям

Следовательно, формируя в ходе «эволюционирования» (поступательного движения по спирали) свидетельство опыта взаимодействия с объектом, индивид опирается на варианты примеров, которые возможны при учёте ракурса смыслового «видения» и способа его контекстуального представления. Детализация таких вариантов зависит от конкретных причинно-смысловых связей, которые объясняют почему, именно эти детали будут наиболее релевантными «здесь и сейчас». В целом ЭСП – это «свёрнутые» имплицитные суждения о фрагментах действительности, прямо или косвенно «видимых»

активным субъектом, самоконтроль правдоподобия которых обеспечивается прецедентными установками / ракурсами и обобщённым гиперпространством внутреннего мира индивида. ЭСП являются компонентами общей интегративной опоры, которую индивид создаёт в процессе понимания / объяснения «для себя» значения слова / текста. Такую структуру (от активирующего её вербального стимула S , и маркеров T фиксации свидетельств опыта переживания значения, пересекающихся по множеству оснований благодаря контекстам своего представления, до глубинной информационной базы) можно представить графически (см. рис. 3).

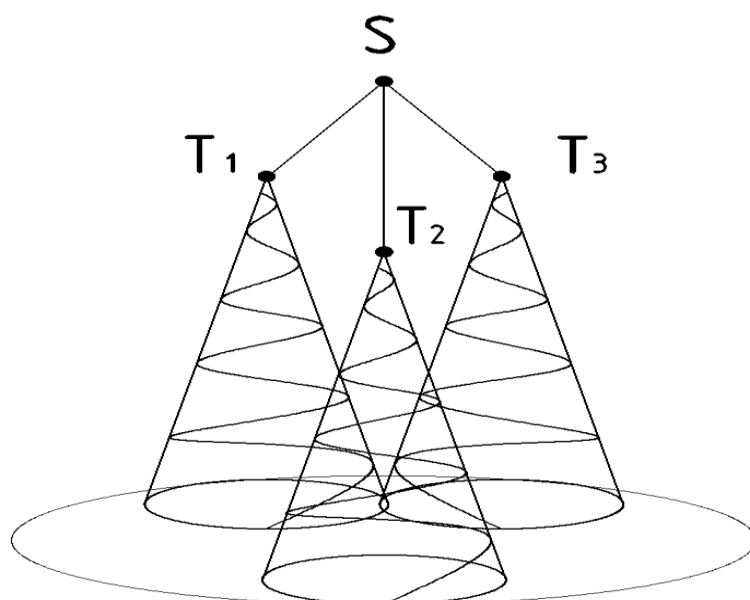

Рис. Процесс формирования / идентификации значения с опорой на ВЗ

Задействование опоры на ЭСП при понимании текста является сложным процессом благодаря наличию внешнего (вербального, ситуативного) целостного контекста представления, который выступает средством ограничения числа потенциально релевантных ЭСП читателя, а также предполагает наличие прежних ЭСП автора с учётом его личностного опыта и экспертных знаний. Понимание Другого, «видимого» глазами читателя, заставляет последнего искать пути согласования, что выражается в последовательности действий: 1) реконструкции читателем проекции ЭСП автора при помощи выявления ключевых слов (внешняя посылка), что имеет результатом образное представ-

ление о свойствах конкретного референта, исходя из внешнего контекста; 2) активация релевантных ЭСП читателя (внутренняя посылка); 3) формирование ad hoc проекции согласования ЭСП автора и читателя. Такое согласование влечёт разную степень совпадений, что мы связываем с тремя субмоделями реализации опоры на ВЗ в рамках общей полилучевой модели.

1. Субмодель минимального задействования ВЗ демонстрирует высокую степень совпадения внешне заданного и прежних ЭСП субъекта, который прибегает к незначительному приписыванию релевантных, с его точки зрения, признаков (смысловое «видение» процесса прихода сумерек).

2. Субмодель смыслового паритета предполагает, что при сохранении тематической общности читатель опирается на иной прецедентный ракурс смыслового «видения», имплицитный ключевыми словами.

3. Субмодель смыслового сдвига связана с примерами, когда любой элемент текста в силу языковой (имя собственное, особенности семантики) / энциклопедической (социокультурная значимость) специфики становится толчком выхода за рамки контекстно допустимого толкования с переносом в сферу новых эмоционально-оценочных переживаний.

В целом теория эвиденциальности ВЗ предстаёт научным обоснованием динамического развития значения посредством активации интегративной опоры на ВЗ, формируемой индивидом / индивидами в процессе понимания. Целостность такой опоры обеспечена причинностью связей между компонентами как продуктами опыта активно познающего субъекта. Названные компоненты – это своеобразные «свёрнутые» суждения по определению релевантных смыслов, которые выступают доминантами в тех или иных естественных контекстных условиях и эксплицируются маркерами–ассоциатами. Выявление таких смысловых «следов» обусловлено единством мультимодальной базы и глубинных динамических источников смыслового развития (топов).

2.3. Метод реконструкции процесса понимания с опорой на выводное знание

Разработка теории выводного знания, обусловленной задействованием методологической базы различных научных подходов и направленной на исследование специфики процесса понимания / объяснения «для себя» значения единицы языка, предопределила необходимость систематизации взаимосвязанного набора процедур, сопровождающего выявление всех этапов формирования интегративной опоры на ВЗ и путей согласования внешней и внутренней посылок. Научное комплексное описание получило название метод реконструкции процесса понимания с опорой на выводное знание, необходимый для проверки гипотезы об эвиденциальности смыслового переживания значения слова / текста.

Несмотря на весомый арсенал средств, предлагаемый когнитивной лингвистикой, психологией, психолингвистикой (денотатный анализ, прототипический анализ, психолингвистический анализ понимания слова / текста, концептуальный анализ, ряд экспериментальных методов и методик и т.д.), изучение функционирования как языковых знаний, так и широкого круга энциклопедических сведений, включённых во внутренний контекст процесса познания и общения, открывает «широкие перспективы для разработки теорий большой объяснительной силы за счет интеграции возможностей видения исследуемого объекта в разных ракурсах» [Залевская 2007а: 4].

Возникающая потребность в системном представлении процедур, позволяющих в научных целях воссоздать специфику процесса понимания с опорой на широкий круг ВЗ, предполагает разработку интегративных подходов к данной проблеме. Предлагаемый метод, используемый как ведущий в рамках настоящего исследования, является логическим развитием базы экспериментальных методов и методик Тверской психолингвистической школы и призван расширить парадигму средств экспериментального обоснования выдвигаемых гипотез о своеобразии процессов понимания слова / текста в естественных условиях познания и коммуникации.

Разработка данного метода обусловлена методологическими предпосылками когнитивного направления в науке, касающимися моделирования динамических процессов передаваемого словом / текстом концептуального содержания, а также основополагающим звеном психолингвистической трактовки значения единицы языка, а именно, признание слова ДОСТОЯНИЕМ ИНДИВИДА. Учёт высших психических функций, опосредующих речемыслительную деятельность индивида, даёт возможность сформулировать следующее основное положение: понимание значения с опорой на ВЗ предполагает неразрывную связь между знаниями о мире и знаниями языка, обусловленную «спецификой переработки памятью человека разностороннего опыта взаимодействия индивида с окружающей средой» [Залевская 1990: 51].

Данный процесс представляет собой особый тип деятельности по идентификации скрывающегося за фонетической / графической оболочкой слова содержания, которая невозможна без активации ВЗ, т.е. причинно-смысловых связей между прежними продуктами внутреннего переживания, восстанавливаемых посредством процедур причинно-следственной природы, реализация которых происходит на разных уровнях осознания. Общекогнитивный характер задействования ВЗ проявляется в определении стратегий инферирующего субъекта по интеграции продуктов опыта с учётом линий переработки поступающей информации, в формировании эволюционирующих выводных «мостиков», обусловленных как частными примерами установления причинно-смысловых связей, так и обобщёнными установками идентификации значения с опорой на опыт индивида, продукты которого находят фиксацию в динамической структуре значения слова.

Метод реконструкции процесса понимания с опорой на ВЗ как основной инструмент исследования опирается на ряд принципов (см. раздел 2.3), которые связаны с результативным, прецедентным, причинным характером процесса определения смыслового потенциала единицы языка, релевантного «здесь и сейчас». Суть метода состоит в моделировании особенностей опоры на ВЗ и выявлении «Я-позиции» инферирующего субъекта, отражённой в

предпринимаемых им стратегиях понимания–объяснения. Композиционно данный метод представляет комплекс последовательно задействуемых в соответствии с целью и задачами экспериментальных методов и методик: метод выделения набора ключевых слов, свободный ассоциативный эксперимент, методика свободного дефинирования, экспериментальных процедур по установлению выводной последовательности, смыслового «достраивания», моделирование процесса понимания текста.

Основная цель применения метода состоит в том, чтобы на основе выявленных маркеров причинно-смысловых связей реконструировать «свёрнутое» суждение о прежних примерах понимания значения с опорой на ВЗ (ЭСП) и смоделировать процесс опоры на него *ad hoc* при понимании передаваемого единицей языка содержания. Данный метод обладает объяснительным потенциалом, что важно для научного метода при изучении фундаментальных основ процесса понимания в естественных условиях познания и общения. Он обеспечивает систематизацию и анализ экспериментальных данных, организует проникновение в суть проблемы, так как позволяет:

- 1) установить, что разноплановый опыт переживания значения слова представляет собой интегративную основу понимания, связность компонентов которой обеспечена причинностью связей. Картирование этих связей позволяет представить поле потенциальных смысловых развитий, установить «конкурентоспособность» каждого из них и выявить общий ракурс смыслового «видения» наиболее релевантных характеристик объекта;

- 2) установить инвариант схемы потенциального контекстного представления характеристик объекта, экспериментально обосновать выделение способов контекстного развёртывания и примеров обретения субъектом опыта взаимодействия с объектом с учётом внешнего контекста;

- 3) смоделировать процесс опоры на внутреннее суждение о смысловом содержании слова / текста, что позволит аргументировать задействование ВЗ при понимании–объяснении «для себя».

Проводимый анализ обеспечивается последовательностью шагов: 1) установление маркеров опоры на ВЗ, задаваемых конкретными стимулами во вне контекстной среде (языковой, ситуативной); 2) картирование причинно-смысловых связей, имплицитруемых единицей языка и эксплицитруемых маркерами ЭСП; 3) выявление инварианта структуры потенциального контекста опоры на ВЗ и установление обобщённых схем его развёртывания; 4) определение стратегии понимания с опорой на ВЗ, отражающей «Я–позицию» индивида, а также степени влияния внешнего контекста на активацию внутреннего потенциала; 5) оценка значимости экспертных знаний при формировании проекции автора и читателя; 6) моделирование процесса обращения к ВЗ при понимании текстов, относимых к разным функциональным стилям.

В диссертационной работе применение названного выше метода ведётся на материале русского языка. Однако особенности данной языковой системы не оказывают влияния на обоснование выводов о том, что:

- познавательный потенциал индивида опирается на внутренне сформированную систему координат, заданную как внутренний мультимодальный гипертекст с учётом основ его динамического развития (топов);

- формирование динамической самоорганизующейся системы происходит благодаря взаимодействию психических процессов, необходимых для аккомодации человека к естественной и социальной среде, среди которых важнейшее место занимает «живой язык»;

- обращение к «живому» слову представляет собой универсальный динамический процесс поиска во внутреннем содержательном потенциале «свидетельств» прежнего опыта, которые являются необходимым условием процесса понимания значения единицы языка с опорой на ВЗ;

- создание подобных «свидетельств» / смысловых опор невозможно без признания роли индивида как активного участника и инициатора процессов познания и общения, наблюдающего, анализирующего, сопереживающего.

Таким образом, разрабатываемый метод отвечает основным требованиям современной психолингвистической методологии: обеспечивает акцентиро-

вание внимания на роли индивида в ходе познания и коммуникации; позволяет реконструировать процесс опоры на субъективные «свидетельства» интеграции разнообразного опыта, отражает системность экспериментального обоснования. С использованием данного метода достигается определённая полнота научного описания процессов смыслоформирования, его применение даёт возможность обосновать особенности интеграции языковых, познавательных, психических процессов при идентификации значения слова, что составляет основу проверки выдвигаемой в настоящей работе гипотезы.

2.4. Выводы по Главе 2

1. Концептуальное содержание, передаваемое единицей языка (в частности, антропонимом) представляет собой сложную концептуальную структуру, охватывающую языковые и энциклопедические знания, что обеспечено реализацией характеристик объекта в локальных и глобальных когнитивных контекстах. Структура такого образования асимметрична благодаря тому, что часть признаков, представляющих опыт переосмыслений в когнитивных контекстах, задана имплицитно и формирует смысловой центр, который демонстрирует устойчивое представление о носителе имени (о национальности, социальном положении и т.д.).

2. Развитие репрезентируемого антропонимом концептуального содержания обеспечивается функцией интерпретации, реализация которой возможна в рамках трёх интерпретационных моделей, отражающих потенциальные преобразования знаний перцептивно-предметного характера о референте, опору на примеры обращения к разделяемому знанию и субъективным конфигурациям оценочного характера. Результаты практических изысканий в рамках когнитивной лингвистики, важные в силу возможности реконструировать общую потенциальную картину путей преобразования концептуального содержания и выявления их скрытых посылок, поставили вопрос о необходимости изучения роли индивида как активного участника процесса понимания,

мыслящего, чувствующего, сопереживающего, что может быть осуществлено при учётом достижений психологии и психолингвистики.

4. Теория эвиденциальности ВЗ предстаёт научным обоснованием динамического развития значения посредством активации интегративной опоры на ВЗ, формируемой индивидом / индивидами в процессе понимания. Целостность такой опоры обеспечена причинностью связей между компонентами как продуктами опыта активно познающего субъекта. Названные компоненты – это своеобразные «свёрнутые» суждения по определению релевантных смыслов, которые выступают доминантами в тех или иных естественных контекстных условиях и эксплицируются маркерами–ассоциатами. Выявление таких смысловых «следов» обусловлено единством мультимодальной базы и глубинных динамических источников смыслового развития (топов).

5. Своё конкретное воплощение концепция эвиденциального смыслового переживания значения получает на основании метода реконструкции процесса понимания с опорой на ВЗ. Он является методом системного анализа, который даёт возможность научно описать и экспериментально проверить гипотезу о значимости ВЗ в процессе понимания как объяснения «для себя» посредством установления релевантных причинно-смысловых связей.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПРОЦЕССА ПОНИМАНИЯ СЛОВА / ТЕКСТА С ОПОРОЙ НА ВЫВОДНОЕ ЗНАНИЕ

Изучение процесса понимания значения единицы языка с опорой на ВЗ сделало необходимым определить пути организации, проведения и анализа результатов серии экспериментальных заданий, выявляющих специфику названного выше процесса, а также провести исследование структуры ЭСП, являющегося сжатым имплицитным суждением, обеспечивающем объяснение «для себя», субъективное «додумывание» за счёт установленных причинно-смысловых связей, устойчивость и правдоподобие которых подтверждено опытом индивида.

3.1. Общие требования к проведению экспериментальных исследований

Целью настоящего экспериментального исследования является построение модели процесса понимания с опорой на ВЗ, необходимое «здесь и сейчас». Конкретными задачами признаются: 1) определение ассоциативно-смыслового поля маркеров прежнего опыта опоры на ВЗ и его структурных особенностей во внеконтекстной среде; 2) выявление процедурной основы процесса опоры на ВЗ и изучение специфики его осуществления в условиях минимального внешнего (языкового, ситуативного) контекста; 3) установление стратегий поиска оптимальных путей объяснения «для себя» при учёте особенностей внешнего контекста и устойчивого представления индивида о значимых характеристиках объекта, формируемого на базе прежнего перцептивно-когнитивно-эмоционально-оценочного опыта; 4) определение способов представления релевантных характеристик на базе продуктов (ЭСП) прежнего опыта индивида; 5) моделирование процессов понимания с опорой на ВЗ в условиях стилистически неоднозначного внешнего контекста и активируемого релевантного внутреннего ресурса.

В целом задействие парадигмы экспериментальных процедур для определения влияния ВЗ на процесс понимания является актуальным направлением в современной науке: исследователи обращаются к разным методам и методикам в психологии, нейропсихологии для осуществления контроля визуальных, слуховых, моторных реакций на различные стимулы с применением технических средств (магнитно-резонансной томографии и т.д.); нейролингвистическому экспериментированию для сравнения реакций здоровых респондентов и больных с нарушениями речевых отделов коры головного мозга; разработкам в экспериментальной прагматике, психолингвистике.

Материалом исследования послужили экспериментальные данные в количестве 11185 реакций при участии 2961 испытуемого (далее – Ии.), которые являлись студентами I–IV курсов нескольких вузов г. Смоленска (Смоленского гуманитарного университета, филиала НИУ «МЭИ» в г. Смоленске, Смоленской войсковой академии ПВО ВС РФ и т.д.), сотрудниками ряда организаций (ООО «Эпос-проект», ЧОП «Броня» и т.д.), слушателями курсов английского языка образовательного центра «Логос» (персональные данные участников не фиксировались, т.е. ответы были анонимными). Возраст Ии. определён в диапазоне от 18 до 55 лет. К экспериментальному материалу предъявлялись следующие требования: стимулы неоднозначны по объёму (от слов до текстовых фрагментов), относятся к разным лексико-семантическим разрядам и имеют неодинаковую функционально-стилистическую окраску.

Условием организации экспериментальных заданий являлось задействие одних и тех же слов–стимулов и в свободном ассоциативном эксперименте, и в последующих заданиях, связанных с установлением влияния разного по объёму внешнего контекста на процесс понимания с опорой на ВЗ. Проведение экспериментов предполагало наличие временного промежутка (не менее 5–7 дней) в целях нивелирования эффекта интерференции, который неизбежно возникнет при одновременном либо с малым интервалом предъявлении заданий.

Процедура проведения эксперимента соответствует названным выше цели и задачам и состоит из последовательно осуществляемых этапов. I этап включает определение границ ассоциативно-смыслового поля потенциальной опоры на ВЗ, установление маркеров, а также картирование причинно-смысловых связей, задающих структуру этого функционально-смыслового образования и предполагающих специфику общего «видения» характеристик объекта. II этап связан с выявлением общего процедурного основания процесса опоры на ВЗ. III этап предполагает определение специфики стратегий понимания и способов активации прежнего контекстного опыта опоры на ВЗ в условиях различного по объёму внешнего контекста; IV этап демонстрирует моделирование процесса интеграции релевантных фрагментов внешних и внутренних посылок понимания в единую динамическую ментально-образную интегративную опору.

Процедура обработки результатов предусматривает ряд этапов: I этап является подготовительным и связан с формулированием заданий и отбором корпуса стимулов. Для соблюдения условий проведения экспериментов трём экспертам (преподавателям СГУ) было предложено определить набор ключевых слов, которые предположительно могли бы отметить сами Ии. Выделенные слова использовались как стимулы в ходе свободного ассоциативного эксперимента. II этап предполагает анализ полученных реакций при отсутствии / наличии различного по объёму внешнего (вербального) контекста. Сопоставление итогов позволяет выявить степень влияния внешнего контекста на активируемый внутренний потенциал. III этап является шагом по моделированию процесса понимания с опорой на ВЗ, по определению «видимой» читателем проекции автора и продуктов внутреннего контекста процессов познания и общения (ЭСП) самого читателя, необходимых для создания его проекции понимания текста *ad hoc*. По окончании экспериментальной части исследования, проведённого с применением метода реконструкции процесса понимания с опорой на ВЗ, обосновывается ряд выводов.

3.2. Предпосылки опоры на выводное знание в процессе понимания

Опора на ВЗ в познавательной и коммуникативной деятельности индивида не может исследоваться без учёта комплекса факторов / предпосылок, оказывающих влияние на процесс понимания значения стимула и специфику умозаключения, имплицитно выводимого индивидом. Как отмечалось выше, стоящее за словом содержание формируется в ходе естественного семиозиса и определяется как «живое» знание-достояние индивида. Слово выступает интерфейсом, значение которого обрело двойную жизнь благодаря «переходу от хранящихся у человека линейных и дискретных языковых форм к нелинейному, недискретному, имеющему расплывчатые границы и зависящему от взаимодействия внешних и внутренних факторов глубинному содержанию того, что лежит за словом у индивида как представителя вида, члена социума и личности в качестве продукта адаптации к окружающей среде» [Залевская 2014б: 110; 2014а]. Очевидно, что выделение предпосылок, обуславливающих опору на ВЗ в процессе понимания передаваемого единицей языка содержания, должно опираться на тип знания, релевантного «здесь и сейчас», а также на объективный или субъективный характер его переживания.

Для выполнения поставленной задачи и выявления соответствующих предпосылок был предпринят анализ результатов изучения передаваемого антропонимом содержания с учётом различных научных подходов. Выбор имени человека в качестве объекта анализа был неслучаен, так как антропонимически репрезентируемое концептуальное содержание представляет интеграцию языкового и энциклопедического знания, включает итоги разделяемого и личностного опыта речемыслительной деятельности.

Исследование передаваемого именем человека концептуального содержания на базе этимологии единиц англоязычного антропонимикона и групп древнерусских и старославянских имён позволило выделить глобальные когнитивные контексты осмысления ядерных характеристик объекта, ставших основой именаречения, и воссоздать целостное представление о структуре

этого концептуального образования. Изучение итогов реализации функции интерпретации дало возможность выявить асимметрию структурной организации и наличие устойчивого имплицитного смыслового ресурса, формируемого в личностном / социальном опыте взаимодействия с объектом и его именем (см. раздел 2.1).

Обращение к психолингвистическим экспериментальным методикам показало, что подобный имплицитный потенциал даже при отсутствии знаний о конкретном референте имени предполагает ряд признаков, которые устойчиво приписываются потенциальному обладателю с опорой на социокультурные образцы и субъективно значимые примеры «видения» наиболее важных качеств прежних реальных носителей или потенциально подходящих по широкому кругу оснований. Подобная субъективная значимость выявляемых характеристик / признаков обусловлена прежними смысловыми «свидетельствами» установления их релевантности с учётом общего представления о выявляемых качествах и множестве контекстов их осмысления в естественных условиях познания и коммуникации (см. раздел 2.2 и 2.3).

Создание устойчивого обобщённого представления о наиболее релевантных характеристиках объекта *ad hoc*, которое определяет ракурс их смыслового «видения» с позиции индивида, а также разделяемость такого «видения» другими членами социума, можно продемонстрировать на примере содержания, передаваемого именем реального референта (Е. Плющенко). Данный антропоним относится к числу широко известных имён благодаря деятельности его носителя (чемпиона мира и олимпийских игр по фигурному катанию) и устойчиво «увязывается» с тем набором характеристик, которые были выявлены в многочисленных контекстах обретения знаний о референте и их активации посредством имени.

Если в серии экспериментов с антропонимами, не имевшими реального референта, эмоционально-оценочное «видение» его потенциальных характеристик было представлено минимально, то в случае имени известного человека, такой ракурс носил устойчивый характер: имплицитное суждение в 75

случаях формировалось путём приписывания положительных или отрицательных характеристик.

Ии. осуществляли опору на собственное знание об обобщённом результате / оценке деятельности референта (*знаменитый / заслуженный / с мировым именем спортсмен / фигурист; двукратный олимпийский чемпион, многократный призёр, победитель / победа; золотые / неоднократные медали, много наград, золото, пьедестал, легенда; первоклассное / мастерское / блестящее катание*); символизации достижений спортсмена в масштабе страны (*символ российского спорта / защитник чести страны на международных соревнованиях, Россия*), стереотипных представлений о характере фигуриста благодаря выводам о его поведении на отдельных соревнованиях (*вечный золотоискатель, большая неоднозначность, реклама, симулятор, пиарщик, разочарование, мерзкий, короче «фу», лживый*); взаимоотношений с окружением (*муж Рудковской, Ягудин всё равно круче*), фонетического сходства с аппелятивным источником фамилии (*ядовитый плющ*). С имплицитным присутствием эмоционально-оценочных суждений, обоснованных прежними контекстами смыслового «видения», мы связываем большое число отказов Ии. выполнять задание (58 случаев), чего практически не наблюдалось при «нейтральном» стимуле.

Отсутствие эмоционально-оценочного «видения» вызывало стандартные примеры опоры на в разной мере обобщённые / категориальные знания (в 48 ответах) о роде и сфере деятельности (*спортсмен / фигурист, фигурное катание / спорт*), месте её осуществления (*олимпиада в Сочи, олимпиада*). Перцептивно-предметный ракурс смыслового «видения» наблюдался в 20 ответах и был представлен выдвиганием релевантного признака, связанного с особенностями внешности (*блондин, армянский нос / нос*), предметными атрибутами деятельности (*лёд, коньки, каток*), сведениям о состоянии здоровья (*спина, боль*), сходством с апеллятивом (*плющ с комментарием «прямо плющ перед глазами», плющ – растение*). Близость к апеллятивному источнику определяет опору на ВЗ об ассоциации восьми престижных университетов

США (Ivy League – *Лига плюща*), а также о структуре украинских фамилий, оканчивающихся на –о, что задаёт переход к знаниям, передаваемым топонимом *Украина*. Очевидно, что многоступенчатость опоры на ВЗ обусловлена контекстами прежнего «знакомства» с носителем имени, которые задают конкретизацию перцептивно-предметной, обобщающе-результативной, эмоционально-оценочной специфики внутреннего смыслового «видения» характеристик / признаков реального референта.

Предпосылки поиска релевантной опоры на ВЗ в процессе понимания, связанные со спецификой осуществления речемыслительной деятельности, психоэмоциональным состоянием Ии., текущей ситуацией и даже формулировкой задания эксперимента, также имели влияние на процесс понимания–объяснения «для себя». Так, стимулы ДЕНЬ и НЕБО (некоторые Ии. предпочли словосочетания *дневное небо*) стали отправными точками при составлении смысловых «цепочек» (в примерно 64,9% и 18,9% случаев соответственно) в противовес стимулам СУМЕРКИ (6,8%), ВЕЧЕР (5,4%) и УГАСАНИЕ (4%), что связано с ситуацией выполнения задания (дневное время). Мы также не исключаем опоры на объективную шкалу смен дня и ночи, что подтверждается добавлением слов *утро, заря, восход*.

Роль формулировки экспериментального задания стала очевидной при анализе проекций, демонстрирующих итог понимания текста Ии. с опорой на ВЗ. Задание требовало выделить основную мысль текста, что, по нашему мнению, предопределило тенденцию к компактности вербального представления проекции (замены глаголов на отглагольные существительные, выделение смысловых доминант), хотя мы не можем отрицать параллельного влияния иных субъективных и объективных причин.

На основании изложенного выше нами предпринята попытка систематизировать различные предпосылки, которые можно трактовать как факторы, предопределяющие опору на ВЗ в процессе понимания индивидом передаваемого единицей языка содержания (см. табл. 11).

Таблица 11. Предпосылки опоры на выводное знание

Предпосылки опоры на ВЗ	Объективные	Субъективные
<i>Языковые</i>	1) наличие содержательного потенциала (разделяемого знания), составляющего концептуальную основу значения единицы языка и сформированного в ходе опыта речемыслительной деятельности социума;	1) формирование своеобразных внутренних «свидетельств» переработки разнообразного опыта индивида, выступающих смысловыми опорами в процессе понимания значения единицы языка;
	2) асимметрия когнитивной структуры благодаря выделенности отдельных контекстов осмысления значимых признаков объекта;	2) прототипичность выбора языковых средств субъекта, опирающаяся на причинность и прецедентность смысловых связей;
	3) особенности единиц разных лексико-семантических разрядов;	3) наличие выделенных в ходе обретения опыта смысловых связей;
	4) особенности формы и семантической структуры значения вербального стимула;	4) устойчивость смысловых связей как итог опоры на прежний опыт переживания значения;
	5) стилистическая специфика единицы языка.	5) субъективное переживание специфики функциональных стилей.
<i>Неязыковые</i>	1) Причинность формирования и прецедентность смысловых опор, обеспечивающих результат процесса понимания значения;	1) Разная устойчивость причинно-смысловых связей, задающая потенциальную общность субъективных смысловых опор;
	2) обусловленность текущей ситуацией коммуникации;	2) релевантность причинно-смысловой связи ad hoc;
	3) функциональная частотность единицы языка, контекстов её функционирования;	3) устойчивость причинно-смысловых связей и схем их контекстного задействования;
	4) социокультурная значимость;	4) субъективная выделенность причинно-смысловых связей;
	5) общность путей переработки информации и совместный характер деятельности в социуме.	5) формирование стратегий понимания, ракурсов смыслового «видения», экспертных знаний.

Таким образом, обращение к ВЗ предполагает наличие как языковых, так и неязыковых предпосылок, которые могут обнаруживать экспериенциальную (на основе совместного опыта деятельности) разделяемость, а могут оставаться «свидетельствами» прежнего опыта переживания значения индивидом. Разделяемость такого знания приводит к выработке общих прототипических и социокультурных установок, т.е. оптимальных путей характеристики объекта, а также обретению экспертного знания в рамках специфики деятельности группы. Общность путей переработки поступающей информации обеспечивает универсальность стратегий понимания с опорой на ВЗ.

3.3. Анализ результатов исследования при отсутствии вербального контекста

Одной из составляющих сформированной выше гипотезы является предположение о наличии имплицитного единичей языка ассоциативно-смыслового поля маркеров опоры на ВЗ. Такой маркер выступает экспликацией наиболее выделенной причинно-смысловой связи, обеспечивающей переход от релевантного признака к прежнему субъективному «свидетельству», или эвиденциально-смысловому суждению о причинах его значимости (включая способ и возможный пример контекстного воплощения). Отсюда выдвигается *рабочая гипотеза 1*: понимание значения слова в процессе его непрерывного эволюционирования обеспечивается «облачным сервисом» – интегративной опорой, которая структурно представляет собой поле маркированных причинно-смысловых связей, обеспечивающих переход к свёрнутым имплицитным продуктам («свидетельствам») прежнего опыта оперирования словом. Содержательная специфика такого поля создаётся на основе экспериенциальной разделяемости релевантных ЭСП каждого индивида, обусловленной общностью стратегий формирования причинно-смысловых связей в прежних контекстах понимания с опорой на ВЗ.

Для определения потенциального поля вывода и маркеров опоры на ВЗ были экспертно отобраны 17 стимулов из четырёх исследуемых текстов. Стоит отметить, что при выполнении задания на поиск ключевых слов в текстах выделенные экспертами варианты явились самыми частотными ответами для Ии. В свободных ассоциативных экспериментах приняли участие 629 Ии., обработано 4552 реакции (анализ реакций на стимул Е. ПЛЮЩЕНКО представлен в разделе 3.2.; на стимул СУМЕРКИ – в разделе 2.2.).

В число отобранных стимулов вошли существительные, репрезентирующие знание о совокупности действий в разных сферах деятельности (ЛЕЧЕНИЕ, ИНВЕСТИЦИЯ, КРЕДИТ, ПЕРЕГОВОРЫ), изменении физического / экономического и т.д. состояния (КРИЗИС, СУМЕРКИ, УГАСАНИЕ, ПРИБЫЛЬ), части целого (ПАЙ) или целостном представлении об объекте

(ВЗАИМНЫЙ ФОНД), месте (МЕСТО) с его конкретизацией (УКРАИНА), времени (ВЕЧЕР) и т.д. Некоторые из названных стимулов относятся к терминологической лексике и предполагают наличие экспертных знаний. Три из них представляют собой широко известные имена собственные (Е. ПЛЮЩЕНКО, УКРАИНА, АМЕРИКА), которые имплицитно подразумевают значительный объём энциклопедических знаний.

Результатом обработки стало определение границ ассоциативно-смыслового поля опоры на ВЗ, где каждый стимул обнаруживает: 1) разное число причинно-смысловых связей, например, СУМЕРКИ имеют 104 маркера таких связей, а ПАЙ и ВЗАИМНЫЙ ФОНД – только по 63 при примерно одинаковом числе респондентов; 2) количественную выделенность отдельных маркеров, что говорит об устойчивости активируемых причинно-смысловых связей; 3) имплицитное «свидетельство» задеирования этих связей, что обеспечивает «конкурентоспособность» последних; 4) особенности путей перцептивно-когнитивно-эмоционально-оценочной переработки информации, устойчивость которых задаёт определённую стратегию понимания с опорой на ВЗ и общую специфику выделяемых признаков.

Отсюда вербальный стимул выступает внешним активатором, запускающим поиск внутреннего маркера опоры на прежний опыт переживания значения этого слова индивидом. Анализ частотности ассоциатов на различные стимулы позволил установить корреляции между внутренним и внешним причинными компонентами. Так, в стимул ЛЕЧЕНИЕ (в эксперименте участвовало 122 Ин., изучено 286 реакций) имплицитно подразумевает большое число причинно-смысловых связей, которые обусловлены прежними субъективными «свидетельствами» переживания значения. Совокупность маркеров причинно-смысловых связей позволяет определить ракурсы смыслового «видения» релевантных признаков объекта, т.е. создать общее представление о содержательной специфике значения, переживаемого индивидом. Ассоциативно-смысловое поле опоры на ВЗ с указанием частотности маркеров причинно-смысловых связей может быть представлено в виде карты-схемы (см. рис. 4).

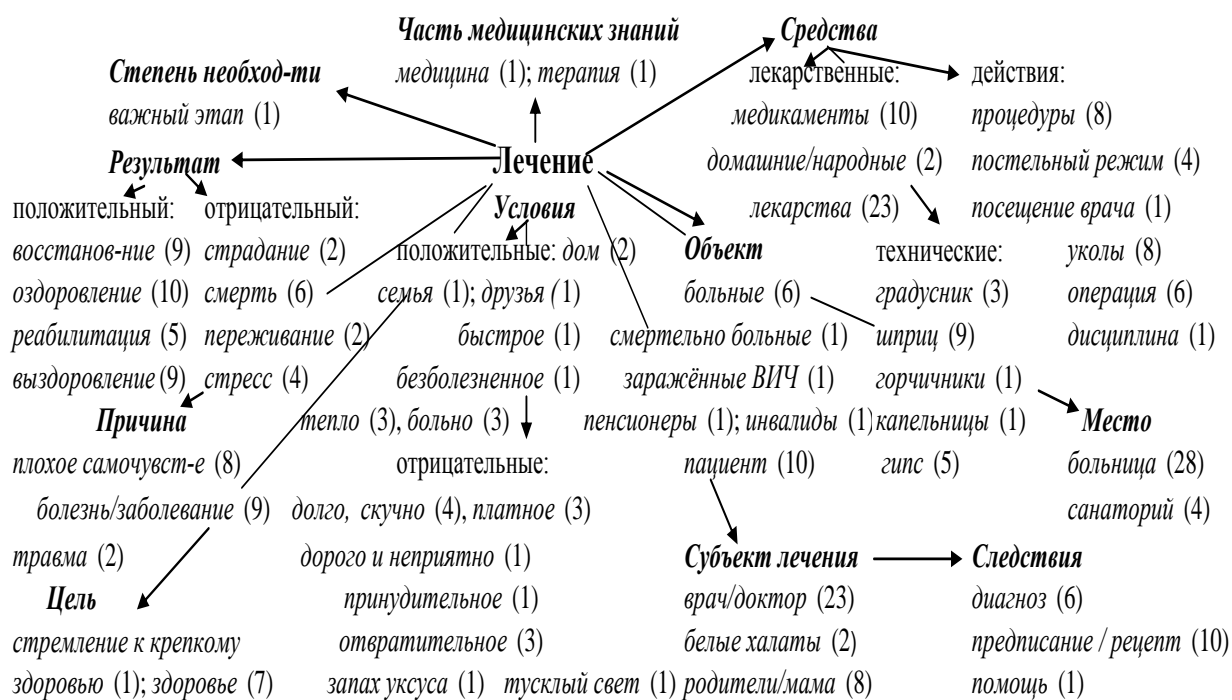

Рис. 4. Карта маркеров субъективных «свидетельств» смысловых переживаний значения слова *лечение*

Представленная карта отражает, какие признаки «додумываются» Ии. при ЭСП значения и маркируются «следами» перцептивно-когнитивно-эмоционально-оценочного опыта индивида. Особую выделенность получают предметные средства лечения (*шприц, капельница* и т.д.), условия (*темно, тепло, больно, запах уксуса* и т.д.), которые выводят на конкретное, перцептивно переживаемое «свидетельство» функционирования стимула во внутреннем субъективном контексте процесса познания и общения с фокусировкой на какой-либо детали, субъекте / объекте действия, месте, обретающих собирательность благодаря типичности таких свидетельств (эксплицируется множественным числом маркера, например, *пациент – больные*).

Внутренняя эмоционально-оценочная специфика эвиденциальной фокусировки (негативная *дорого, отвратительное* и т.д.) может обеспечить переход к иному ракурсу смыслового «видения» характеристик того же процесса лечения с позиций его стоимости, качества, социокультурной специфики условий (поддержка семьи), например, *лечение как страдания*. Некоторые Ии. демонстрируют обобщённое представление о лечении как о *медицине* либо

соотносят с причинно-следственным развитием этого процесса, что ведёт к приписыванию ряда признаков и результативному «видению» лечения как *выздоровления, смерти* и т.д., поиску причины неудачного лечения (*тяжёлое заболевание, травма* и т.д.). В целом смысловое содержание, имплицитное существительным абстрактной семантики *лечение*, в ходе ЭСП опредмечивается, обобщается или соотносится с причиной / итогом, эмоционально-оценочно переживается. Многократность ЭСП выступает своеобразной установкой при понимании значения слова или текста, в который оно включено.

Гипотезу о существовании глубинных прецедентных ракурсов смыслового «видения» релевантных характеристик потенциального референта, или набора признаков (перцептивно-когнитивно-эмоционально-оценочной природы), мы проверили в ряде свободных ассоциативных экспериментов. В качестве стимулов были отобраны примеры терминологической лексики экономической тематики: ПАЙ, ВЗАИМНЫЙ ФОНД, КРИЗИС, КРЕДИТ, ЦЕННАЯ БУМАГА, ИНВЕСТИЦИЯ, ПРИБЫЛЬ. В экспериментах участвовало 169 Ии., обработано 1420 реакций, из которых 60 отказов, что вызвано, с нашей точки зрения, отсутствием необходимых экспертных знаний. Например, число отказов реагировать на стимулы ПРИБЫЛЬ, КРЕДИТ не выявлено, на стимул КРИЗИС, ЦЕННАЯ БУМАГА составило всего по 2, тогда как на ПАЙ, ВЗАИМНЫЙ ФОНД, ИНВЕСТИЦИЯ – 23, 22 и 10 соответственно. Анализ итогов привёл к следующим выводам.

1. В процессе понимания значения стимулов с опорой на ВЗ (с задействованием ЭСП как внутренней посылки объяснения «для себя») Ии. демонстрируют перцептивно-когнитивно-эмоционально-оценочную специфику прецедентного ракурса смыслового «видения», что определено особенностями причинно-смысловых связей, обеспечивающих поиск релевантных признаков / характеристик конкретного референта, обобщающего понятия, результатов эмоционально-оценочного переживания.

2. В целом фиксируется перцептивно-предметное «видение» характеристик, которые выступают опорой ЭСП значения стимула ПАЙ. С нашей точки

зрения, это может быть обусловлено затруднениями, вызванными отсутствием экспертных знаний, и опредмечиванием за счёт поиска объяснительной опоры (конкретного референта), лежащей в основе субъективного «свидетельства» опыта, что помогает идентифицировать стоящее за словом содержание. Так, значение стимула ПАЙ в 59% случаев «видится» как *яблочный пирог, кекс, участок / часть / доля земли, сад, огород, сухпаёк, деньги, акции, кусок* и даже *М. Круг* как исполнитель песни *Девочка Пай* и т.д. Схожие тенденции связаны со стимулами ЦЕННАЯ БУМАГА (71%), ПРИБЫЛЬ (51%). Ии. «видят» в термине ЦЕННАЯ БУМАГА конкретные реализации (*акции, облигации, деньги, доллар, вексель, договор, банк* и т.д.). Переживание значения стимула ПРИБЫЛЬ не только устанавливает наличие дохода, выгоды, прибавления [Ожегов 1963: 577], но «материализует» важные элементы этого процесса (*деньги, покупки, машина, зарплата, Газпром* и т.д.).

3. Наблюдается тенденция к эмоционально-оценочному «видению» того, как могут быть охарактеризованы потенциальные референты, их действия, т.е. то, как переживается значение лексических единиц экономической тематики, а именно: положительно или отрицательно.

Положительная оценка для стимула ИНВЕСТИЦИЯ обуславливает реакции *благо* (10 ответов), *доход* (4), *развитие* (4), *семья* (2), *рост* (2); для стимула ЦЕННАЯ БУМАГА – *прибыль* (6), *доход* (4), *накопление* (2), *дорогая* (2), *нужная* (2) и т.д.; для стимула ВЗАИМНЫЙ ФОНД – *помощь* (20), *благотворительность* (5), *доверие* (4), *взаимопонимание* (2), *выгода / для всех сторон* (2), *прибыль* (2), *содружество* (2), *вместе* (2), *добро / любовь* (2), *что-то хорошее* (2); для стимула ПРИБЫЛЬ – *деньги* (61), *доход* (21), *зарплата* (7), *достаток* (7), *работа* (5), *радость* (3), *хорошая* (3) и т.д.

Для стимулов ИНВЕСТИЦИЯ (26%) и ПАЙ (32%) такой ракурс не является доминантным. Значение этих стимулов чаще переживается при обобщающе-результативном «видении» действий потенциального референта (*финансирование, вложение в бизнес* и т.д.), отрасли вложения (*экономика, бизнес, строительство*), условий и последствий (*документация, капитал, налоги, за-*

коны и т.д.), сферы деятельности (*финансы*). Эмоционально-оценочный ракурс является априорной установкой на позитивную оценку итога (*благо, доход* и т.д.). Объяснение эмоционально-оценочного «видения» значения стимула ПАЙ имплицитно фразеологическим сочетанием *пай-мальчик / девочка*, разговорным сокращением *паинька* («ласково-поощрительное название послушного ребёнка» [Ожегов 1963: 479]): *мальчик* (6), *девочка* (5), *милый / милый человек* (2), а также социокультурным представлением о поведении, взаимоотношениях (*хорошее поведение, дружба, лёгкость, обман*).

Отрицательная оценка стимулов КРИЗИС, КРЕДИТ обеспечивается переживанием их значений как *проблем с деньгами* (12), *бедности* (7), *безденегья* (7), *плохо / всё плохо* (7), *нищеты* (4), *убытка* (4), *долгов* (3), *депрессии* (2) и т.д.; *финансовых проблем* (11), *рабства* (5), *кабалы* (4), *долговой ямы* (4), *обмана* (3) и т.д. Если негативная оценка в случае с КРИЗИС объяснима коннотациями, зафиксированными в словарной дефиниции, то стимул КРЕДИТ, наоборот, соотносим с позитивным развитием бизнеса, экономики.

Доминантным этот ракурс становится для стимулов КРИЗИС (58%), что отчасти обусловлено отрицательными коннотациями в словарном значении («затруднительное, тяжёлое положение»), и ВЗАИМНЫЙ ФОНД (69%), где есть компонент с положительными коннотациями в семантике «обоюдный, касающийся обеих сторон» [Ожегов 1963: 74, 298]. В примере со стимулом КРИЗИС можно полагать, что устойчивый отрицательный ракурс «видения» постепенно эволюционирует в близкую конвенциональной имплицатуре Г.П. Грайса конвенцию, которая включена в словарное значение (см. подраздел 1.3.2). В словосочетании ВЗАИМНЫЙ ФОНД смысловой опорой стало прилагательное, чьи положительные коннотации приписываются целому. Стимул КРЕДИТ чаще «додумывается» за счёт эмоционально-оценочных характеристик (37%). Словарное значение («ссуда, ... коммерческое доверие; доверие, авторитет; отпускаемая денежная сумма» [цит. раб.: 296]) содержит положительные коннотации, но ракурс смыслового «видения» отрицателен (*тягость, зло, воровство* и т.д.), исходя из негативного опыта индивида.

4. При отсутствии экспертных знаний предпосылкой обращения к ВЗ становится фонетическая форма, что соотносимо с идеей Л. Барсалоу об акустических симуляциях, вызываемых фонемами и продуцирующими соответствующие инференции (см. раздел 1.4.): ПАЙ – чай (4), *papa* (2), *пайка*, *лай*, *бай* и т.д. Звуковое сходство выступает причиной активации прежних ЭСП (*прибыль* – *быль*), что обеспечивает переход к иным контекстам «бытия», например, социокультурным (*быль* – *сказка*), профессиональным, известным индивиду (*инвестиция* – *инфляция*, *инверсия*, *организация*, *юстиция*).

Общую картину ракурсов смыслового «видения» релевантных характеристик потенциального референта с опорой на базу экспериментальных данных можно продемонстрировать на примере термина ПАЙ. Ракурсы смысловой характеристики объекта «видятся» как «часть целого», что опирается на глубинное отношение и предопределяет конкретизацию, как «целое и результат его функционирования», как вызываемые эмоции и оценки (см. рис. 5).

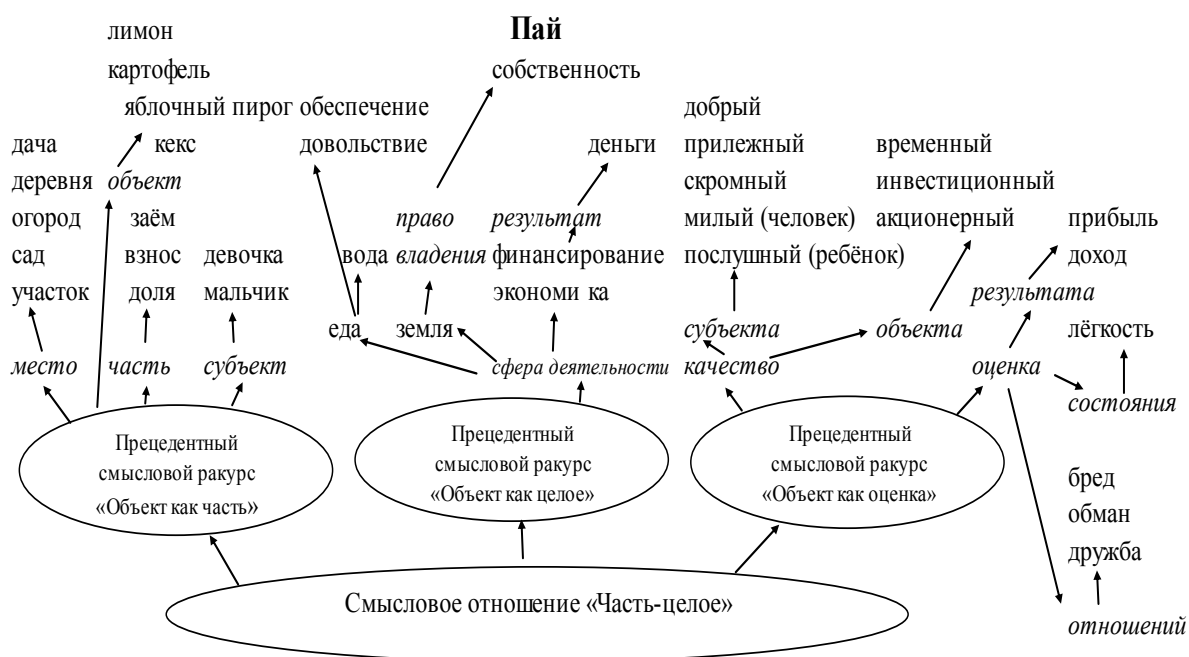

Рис. 5. Карта маркеров субъективных «свидетельств» смысловых переживаний значения слова *пай*

На примере стимула УКРАИНА (участвовало 169 Ии., обработано 196 реакций) составлено ассоциативно-смысловое поле маркеров, открывающих доступ к причинно-смысловым связям, обеспечивающим понимание значения с опорой на ВЗ. Анализ результатов определил ряд выводов.

1. Маркеры ассоциативно-смыслового поля опосредованно демонстрируют активацию продукта глубинной «компрессии смысла» (топа) «Объект», пересечения которого с другими смысловыми отношениями определяют процесс активации тематических областей, например, *страна*.

2. Маркеры неоднозначны по степени конкретности / абстрактности, эмоционально-оценочной окраске: примерно в 20% упоминается конкретный объект / субъект и т.д., который, с точки зрения Ии., метонимически замещает знание о целом (*Порошенко, сало*); в 15% происходит подведение под суперординату, отражающую целостность, связь с координированными членами (*Украина – Россия; Украина – СССР*); в 65% отмечено эмоционально-оценочное ЭСП значения, выводящее на обобщённое социокультурное представление при качественном переосмыслении состояния страны, отношения к гражданам, общим характеристикам (*война, жалость, враг, братья* и т.д.).

3. Различия в ЭСП значения стимула позволили выявить три ракурса смыслового «видения» релевантных признаков объекта, задающих выработанную в опыте стратегию: «страна как часть перцептивно-предметных сведений о ней», «страна как целостность при сопоставлении с другими либо включении в ранее существовавшее целое», «страна как оценка её текущего состояния, отношения, результат / эмоциональный отклик на такую оценку».

4) детализация, возникающая благодаря пересечениям смысловых отношений, отражена в прежних контекстах опыта и отражает установленные причинно-смысловые связи: приписываются конкретизирующие признаки, уточняют смысловой ракурс «видения» объекта (*Украина – как страна в состоянии войны – война / трудное время / кровь*).

Карту маркеров субъективных «свидетельств» смысловых переживаний значения стимула УКРАИНА можно представить графически (см. рис. 6).

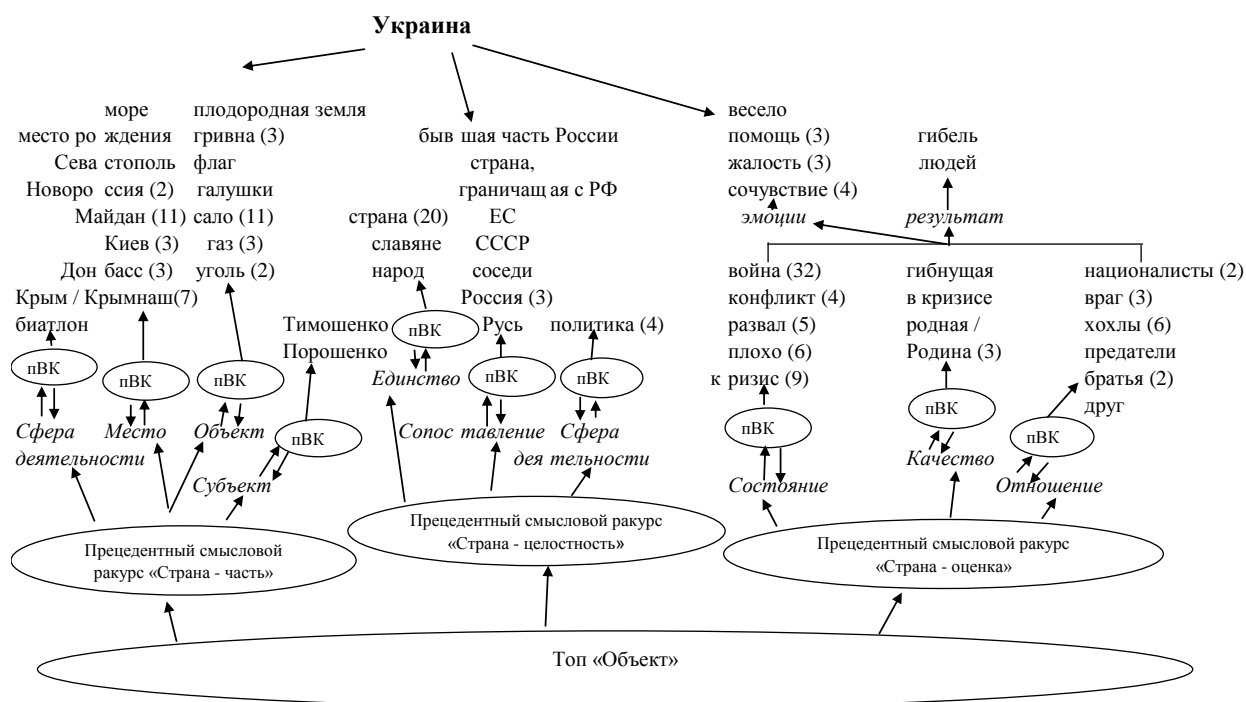

Рис. 6. Карта маркеров субъективных «свидетельств» смысловых переживаний значения слова *Украина*

Взаимосвязь прецедентного ракурса смыслового «видения» как набора устойчиво выводимых / приписываемых признаков и их потенциальных контекстных реализаций отражено обоюдным направлением стрелок на предложенном выше рисунке.

Следовательно, опыт оперирования знаниями о действительности, в том числе и языковыми, фиксируется в различных по объёму ассоциативно-смысловых полях маркеров опоры на ВЗ как своеобразном «облачном сервисе», который индивид задействует всякий раз при переживании значения как объяснении его «для себя» оптимальным для него способом. Фиксируемые в социуме многократные пересечения глубинных смысловых отношений в виде функциональных тематических образований, задающих максимально возможное количество признаков, субъект дифференцирует с позиции трёх ракурсов смыслового «видения» этих признаков, составляющих обобщённое образное представление объекта в рамках заданной тематической области. Каждый из ракурсов опирается на общие стратегии понимания, predeterminedные общностью линий переработки знаний индивидом, и на совокупность

прежних контекстов выявления релевантных характеристик, что задаёт обобщение таких контекстных переживаний в виде способа осуществления активации опыта контекстного «бытия» установленной причинно-смысловой связи и задействования подходящего варианта примера ЭСП. Континуум опоры на ВЗ обеспечивает непрерывность процесса смыслоформирования, его эволюционирование.

Наличие глубинного внутреннего «видения» предполагает определённую устойчивость. Для проверки этого предположения в ходе свободных ассоциативных экспериментов с названными стимулами Ии. в количестве 51 человека (5 групп по 9–11 человек) было предложено персонифицировать бланки ответов с помощью ника или значка. Результаты в примерно 63% обнаружили устойчивость ракурса «видения» значения стимулов КРИЗИС, КРЕДИТ, ПАЙ, ИНВЕСТИЦИЯ, ПРИБЫЛЬ, ВЗАИМНЫЙ ФОНД (реакции трёх Ии. представлены в том же порядке, что и указанные выше стимулы): эмоционально-оценочного (*всё плохо / беднота / голодные; безденежье / плохо / обман; бесплатно, временный / добрый, милый; убыль / бедным / новшество; радость / победа / доход; доверие / поддержка*); обобщающе-результативного (*финансы / ограничения / экономика; банк / долг / долги; земля; будущее / вклад убыток; материальное состояние / доходность / свидетельство; финансовая организация / партнёрство / сделка*); перцептивно-предметного (*цены в магазине / доллары / 2008 год; покупка / пылесос / взял деньги; участок земли / пирог / мальчик; вклад / деньги / сейф; деньги / зарплата / акции; помощник / акции / кошелёк*). В остальных случаях наблюдались комбинации реакций, вербализуемых словами либо конкретной, либо абстрактной семантики и имеющими эмоционально-оценочные коннотации.

Количественная неоднозначность полученных данных (некоторые Ии. давали более одного ответа) позволила нам предположить смысловую связь, между ними, с одной стороны, и смысловую неравнозначность элементов в таких реакциях, – с другой. Отсюда выдвигается *рабочая гипотеза 2*: марке-

ры причинно-смысловых связей можно представить как структуру взаимосвязанных компонентов, характеризуемую определённой асимметрией.

Для проверки данной гипотезы мы предложили Ии. субъективно оценить «смысловой вес» их собственных реакций (кроме стимулов Е. ПЛЮЩЕНКО, ЛЕЧЕНИЕ, ЗДОРОВЬЕ). Для этого вторым пунктом в бланке заданий для свободных ассоциативных экспериментов мы предложили Ии. пронумеровать ответы, число которых превышает 1, по степени значимости для объяснения значения стимула. Количество таких бланков составило 158, т.е. примерно 5% от общего числа ответов.

Анализ неравнозначности смысловой близости реакций и стимула выявил, что Ии., давая множественные ассоциации, «проживали» ad hoc некое релевантное «свидетельство» сходного опыта. Например, для понимания значения стимула СУМЕРКИ, трактуемого в словаре как «полутьма между заходом солнца и наступлением ночи, а также перед восходом солнца» [Ожегов 1963: 768], важными признавались перцептивно-предметные признаки, связанные с временем суток, состоянием окружающей среды, наличием объектов / субъектов (*темнота – Белла и Эдвард – ужасный фильм; темнота – фильм; ночь – звёзды – полная луна; вампир – ночь – тень - звёзды*); когнитивные с опорой на обобщения (*фильм – ночь – луна; сага – «Затмение»*), имеющие эмоционально-оценочное основание (*красивый – ночной – туман*).

С точки зрения частотности максимально подходящими для толкования смыслового содержания стимула СУМЕРКИ, по мнению Ии., стали реакции *ночь* (в 10 случаях её пронумеровали как первую), *фильм* (6), *темнота* (6) и т.д. Вторую позицию занимают *ночной* (4), *вечер* (4) *луна*, *звёзды* (по 3). Третье место чаще отводится либо коннотативно маркированным существительным абстрактной семантики: *романтика* (3), *поэзия* (2), *безысходность* (1), либо синтагматическим реакциям «оценочное прилагательное + существительное»: *ужасный фильм* (2), *яркие звёзды* (1), *полная луна* (1). Другими словами, Ии. в ходе ЭСП значения стимула осуществляют:

1) обращение к релевантному маркеру причинно-смысловой связи, который высвечивает определённый ракурс смыслового «видения». В случае стимула СУМЕРКИ такими ракурсами являются: «сумерки как пространственно-временное событие», «сумерки как одноимённый фильм о жизни вампиров», «сумерки как эмоционально-оценочное переживание». Эти связи имеют потенциальное контекстное подкрепление, которое может оставаться в «тени», но может эксплицироваться на примере смысловой цепочки;

2) развёртывание прежних контекстов реализации причинно-смысловых связей, что чаще всего начинается с пространственно-временной локализации и сопутствующих перцептивных ощущений (*ночь / темно / холодно* и т.д.), продолжается указанием на когнитивные обобщения (*время суток / дня, фильм* и т.д.) и завершается эмоционально-оценочным переживанием, передаваемым имеющей выраженный коннотативный потенциал лексикой (*ужасный фильм / безысходность / поэзия / романтика*);

3) задействование прежних примеров контекстного выделения релевантных признаков того или иного способа переживания: предметно-чувственного уточнения (СУМЕРКИ – *горизонт, луна, звёзды, вечер; вампир, тень, звёзды; мутно, серо* и т.д.), обобщения (СУМЕРКИ – *фильм / сага, время дня* и т.д.), поиска эмоционально-оценочных признаков, иных лингвокультурных оснований в ходе понимания (СУМЕРКИ – *убийца, безысходность; романтика*).

Исходя из того, что не все Ии. давали множественные реакции, мы сочли необходимым проверить наметившуюся тенденцию к выведению прежнего примера контекстного установления причинно-смысловых связей. Это позволило сформулировать *рабочую гипотезу 3*: переживание значения стимула даже вне языкового контекста имеет эвиденциальный характер, т.е. обнаруживает субъективно созданную причинно-смысловую последовательность.

Для проверки гипотезы из примеров множественных реакций были сформированы четыре группы слов, которые могли бы быть потенциально объединены общей темой. Порядок их организации в задании был произвольным: 1) *сумерки, день, угасание, вечер, небо*; 2) *финансовый кризис* (далее –

ФК), *помощь, Украина, кредит, переговоры*; 3) *пай, инвестиция, прибыль, ценная бумага* (далее – ЦБ); 4) *спорт, лекарство, восстановление, травма, лечение*. В выполнении задания приняло участие 630 Ии., обработано 679 ответов. Ии. было предложено составить смысловую последовательность из элементов группы; при необходимости было разрешено добавлять недостающие, с их точки зрения, звенья формируемой смысловой цепочки.

Как уже отмечалось выше, эксперимент проводился днём, и мы считаем, что фактор текущей ситуации оказал определённое влияние на расстановку элементов цепочки. Так, слово *день* в 109 случаях рассматривался Ии. как стартовый (причинный) компонент. В таких цепочках второе место чаще занимал элемент *небо* (28 раз), на третье место помещалось слово *сумерки* (11) как естественный переход от дня к ночи, на четвёртом и пятом месте оказались *вечер* (9) и *угасание* (7), которые в образном видении Ии. выступают завершением световой части суток. Некоторые Ии. давали ответы в виде предложений (примерно в 32%), что не было предусмотрено заданием, но демонстрирует конкретный пример вербальной манифестации процесса опоры на ВЗ (*По окончании дня небо угасает, наступают вечерние сумерки / День угасает, вечернее небо туманят сумерки* и т.д.). Несмотря на то, что не во всех ответах-предложениях слово *день* является подлежащим, оно выступает ключевым элементом формирования такого примера. Итоги экспериментов с четырьмя группами слов могут быть отражены в виде таблицы (см. табл. 12).

Таблица 12. Частотность элементов и их место в смысловых цепочках

№ места	Частотность	элемента на	определённой	позиции в	цепочке
№ 1	день (109)	небо (28)	сумерки (11)	вечер (9)	угасание (7)
№ 2	небо (70)	день (41)	угасание (23)	вечер (16)	сумерки (14)
№ 3	угасание (65)	вечер (35)	сумерки (23)	небо (20)	день (5)
№ 4	вечер (62)	сумерки (44)	угасание (35)	небо (18)	день (5)
№ 5	сумерки (62)	вечер (39)	небо (30)	угасание (29)	день (4)
	утро, восход, заря, прогулка темнеет		добавления: каждую минуту темнеет	заря рассвет звёзды	утро, солнце, свет, закат, луна

Продолжение таблицы 12

1	2	3	4	5	6
№ 1 № 2 № 3 № 4 № 5	Украина (111) ФК (81) переговоры(69) кредит (47) помощь (79) кризис инвестиция Россия	ФК (30) Украина (32) помощь (48) переговоры (47) кредит (48) война, гуманитарная помощь	переговоры (13) кредит (23) кредит (27) ФК (36) переговоры (16) добавления:	кредит (6) помощь (15) ФК (14) помощь (23) ФК (12) гибель людей сочувствие деньги	помощь (5) переговоры (14) Украина (7) Украина(12) Украина (10) гуманитарная катастрофа Россия
№ 1 № 2 № 3 № 4	пай (57) ЦБ (52) инвестиция (50) прибыль (78)	инвестиция (55) инвестиция (37) прибыль (47) пай (33)	ЦБ (43) пай (37) ЦБ (41) ЦБ (31) добавления:	прибыль (6) прибыль (35) пай (23) инвестиция(19) доход валюта	
№ 1 № 2 № 3	травма (51) спорт (33) лекарство (17) предупреждение перелом (18) падение (41) стресс (29)	лечение (44) травма (37) лекарство (4) перелом (20) стресс (14) кризис (10) здоровье (43)	травма (12) добавления: реабилитация (44) стресс (4) падение (9) перелом (11) излечение (41)	восстановле- ние (41) излечение (17)	

Представленные в таблице результаты позволили выявить наиболее частотные компоненты смысловых цепочек: 1) *день – небо – угасание – вечер – сумерки*; 2) *Украина – финансовый кризис / помощь – переговоры – кредит*; 3) *пай – ценная бумага – инвестиция – прибыль*; 4) *травма (её причины и виды) – лечение – реабилитация – восстановление*. В ходе всех экспериментов некоторые Ии. строили из предложенного набора слов предложения или словосочетания, что демонстрирует наличие примера контекстной реализации причинно-смысловых связей и устойчивость языковых средств вербализации (*Ценные бумаги инвестировал в пай, жду прибыли / Пай – это инвестиция во что-либо, перевожу в ценные бумаги, получаю прибыль и т.д.; Украину ждёт финансовый кризис, стране требуется помощь, переговоры по кредиту прошли в Минске на этой неделе / Украина ждёт помощи, поэтому необходимы переговоры с соседями, иначе финансовый кризис неизбежен и случится гу-*

манитарная катастрофа и т.д.). В случае со стимулами ТРАВМА и т.д. большое число цепочек было двух- или трёхсоставными (*спорт – здоровье – перелом; предупреждение – травма; травма – лекарство – восстановление*), т.е. многие Ии. ограничились причинным и конечным компонентами, иногда «додумывая» ответ или вообще не используя стимулы задания.

Такие цепочки и созданные из них предложения представляют последовательность, соотносимую с универсальной формулой вывода «причина – суждение – вывод». Несмотря на отсутствие вербального контекста Ии. без труда активируют контекстно обусловленный пример прежнего «свидетельства»-суждения, опираясь на перцептивно-когнитивно-эмоционально-оценочный опыт, вербальный и невербальный. Анализ ответов Ии. позволяет реконструировать процедуру осуществления процесса понимания с опорой на ВЗ во внутреннем контексте процессов познания и общения: причина – её характеристика – мотивационный толчок – необходимые действия / объекты – конечный итог. Этот структурный каркас составляет инвариант активации стимулом имплицитного ЭСП значения: внешняя причина и её эксплицитные характеристики – внутренний маркер релевантной причинно-смысловой связи – «свёрнутое» суждение, предполагающее устойчивую установку «видения» релевантных признаков и способов их контекстного представления – образ результата (согласование внешних и внутренних посылок) – его манифестация.

Наличие нескольких стимулов предполагает, что ЭСП их значений должны обнаруживать точки пересечения, которые, очевидно, возникают благодаря схожести прежних контекстов опоры на ВЗ в каком-либо отношении. Если мы сравним результаты таблицы (первую колонку с наиболее частотными для каждой позиции элементами), то становится очевидным, что опора на прежние контексты опыта позволяет сформировать типовое суждение, включающее общность ракурса смыслового «видения» характеристик, интеграцию нескольких контекстных примеров, объединённых знанием об общем причинном компоненте. Ранее установленные релевантные причинно-смысловые

связи, отмеченные маркерами, обеспечивают связность элементов и правдоподобие связи в таком примере.

Так, слова, находящиеся в одной группе со стимулом СУМЕРКИ, в большинстве случаев соотносимы с маркерами релевантных причинно-смысловых связей как компонентами ассоциативно-смыслового поля этого стимула, которые помогают установить общность ракурса смыслового «видения» характеристик референта (чаще перцептивно-предметного для стимулов СУМЕРКИ, ВЕЧЕР, УГАСАНИЕ). Эксплицитными характеристиками этих стимулов выступают признаки, связанные с сущностными особенностями явления (процессуальность, динамичность, переходность), что подтверждается словарными определениями: значение слова *сумерки* определяется как «полутьма между заходом солнца и наступлением ночи, а также перед восходом солнца» [Ожегов 1963: 768]; *вечер* – «часть суток перед наступлением ночи, следующая после окончания дня» [цит. раб.: 73]; *угасать* – «то же, что и гаснуть», т.е. «переставать гореть, светить» [цит. раб.: 123, 810].

Эти признаки предопределяют способ потенциального имплицитного контекстного воплощения. Внешние (ситуативные) условия проведения эксперимента опосредуют выбор слова *день* в качестве отправной точки (причины) активации потенциального контекстного обоснования.

Потенциальная процедура опоры на прошлый опыт включает учёт эксплицитных характеристик причинного элемента, маркер наиболее яркой имплицитной причинно-смысловой связи, способ представления этой характеристики в потенциальном контексте и, как следствие, интегрируемый на базе внешних и внутренних посылок образ результата с последующей манифестацией. Потенциальный пример опоры на эту процедуру соответствует наиболее частотной расстановке элементов: *день – небо – угасание – сумерки / вечер* (последний элемент цепочки в соответствии с данными свободных ассоциативных экспериментов фактически отождествляется с приходом ночи).

Отождествление *сумерек* и *вечера* совсем не случайно, а происходит благодаря общности перцептивных ощущений: в ходе свободных ассоциативных

экспериментов для первого самыми стимула самыми частотными ассоциатами стали *ночь* (34 реакции), *вечер* (25), *темнота* (18) / *темнеет* (2) / *темно* (3), для второго – *закат* (23), *отдых* (20), *сумерки* (18), *темнота* (6) / *темно* (5) / *темнеет* (2). Стоит отметить, что подавляющее большинство Ии. считают сумерки конечным (не переходным) этапом, т.е. практически наступившей ночью, в сравнении с гораздо меньшим числом реакций, где они переживаются как *окончание дня* (2) / *рабочего дня* (5), *время дня* (1).

Для стимулов, связанных с положением дел на Украине, процедура активации ЭСП начинается с причинного компонента (названия страны), выделенность которого обусловлена не только грамматическими характеристиками, но и многочисленными сведениями из внешних источников. Задействование внутренних процедурных установок начинается с выявления маркеров причинно-смысловых связей в ассоциативно-смысловом поле стимула УКРАИНА, ряд которых обнаруживает одинаковый эмоционально-оценочный ракурс смыслового «видения» характеристик, помогающих составить образное представление об объекте.

Исходя из формирования суждения о текущем состоянии дел в этой стране и ограничений, накладываемых набором вербальных элементов группы, Ии. расценивают словосочетание *финансовый кризис* как релевантную эксплицитную характеристику. Примером потенциального имплицитного контекстного подкрепления выступает выявление конкретных примеров наиболее оптимальной организации контекстной реализации выявленных характеристик с учётом негативного эмоционально-оценочного ракурса их смыслового «видения». Интуитивно Ии. расценивают слова *переговоры* / *кредит* как именующие вероятные меры по достижению конечного (положительного) результата (*помощи*). Такое расположение элементов показывает устойчивость способа контекстного «бытия»: причинный компонент и очевидные характеристики трактуются как повод к поиску путей преодоления кризиса. Малое число ответов со словом *помощь* в качестве причинного эле-

мента всегда включают элемент *Украина* на втором месте, т.е. Ии. говорят не об абстрактной помощи, а о содействии конкретной стране.

Отсутствие или недостаточность экспертных знаний делает стимулы терминологического характера почти синонимами: частотность первой позиции у слов *пай* (57), *инвестиции* (55) очень близка, а количество ответов с постановкой на второе место элемента *ценная бумага* (52) практически не отличается от первого. Устойчивость последней позиции слова *прибыль* (78), в сравнении с единичными случаями его присутствия на первой, позволяет считать, что на основании общности ракурсов смыслового «видения» характеристик референта Ии. и прежнего опыта их контекстной реализации формируют интегративное представление, примерно соответствующее описанию: «что-то не совсем понятное, в целом положительное, связанное с экономикой и вложением средств». Это совокупное представление активизирует способ задания контекстного «бытия», предполагающий набор общих действий для операций с объектом (вложения средств, ожидание результата, продажа, покупка и т.д.). *Прибыль* с учётом в целом положительного ракурса смыслового «видения» признаков потенциального референта, имплицитируемых стимулами ИНВЕСТИЦИЯ, ПАЙ, ЦЕННАЯ БУМАГА, будет являться конечным итогом.

Очевидно, что устойчивость «роли» слова в подобной смысловой цепочке задаётся не только грамматическими особенностями (частеречной принадлежностью, именительным падежом имени существительного и т.д.), но и спецификой лексического значения, т.е. наличием обобщённых признаков результативности, процессуальности, оценочности и т.д., которые подкреплены устойчивыми причинно-смысловыми связями, обеспечивающими переход к имплицитным разделяемым примерами контекстной реализации: *излечился* – был болен; *помощь* – находится в трудном положении и т.д.

Подобное имплицитное знание становится частью семантики слова или прочно «увязывается» с ним как социокультурная конвенция. Особенности лексико-семантического разряда в случае имён собственных (*Украина*, *Плющенко*), абстрактность семантики существительных, имплицитирующих широ-

кие ассоциативно-смысловые поля маркеров множественных причинно-смысловых связей (например, *лечение*), также оказывают влияние на последовательность элементов цепочки (о прототипических эффектах, возникающих при выборе моделей порядка слов, см. подраздел 1.2.2).

Следовательно, результаты проведённого эксперимента подтвердили наше предположение о том, что 1) активация ЭСП опирается на определённую процедуру, представленную в виде инварианта задействования ВЗ; 2) динамизм этой процедуры опосредует приписывание единицам языка, сгруппированным вместе, определённых «ролей» в соответствии с особенностями внешнего контекста и примеров прежних контекстных реализаций причинно-смысловых связей, а также экспертных знаний субъекта; 3) инвариант динамического развёртывания ЭСП предполагает, что способы контекстного «бытия» различны, и, вероятно, могут иметь разное схематичное представление, прогнозирующее особенности компонентного состава элементов внешних и внутренних посылок.

3.4. Экспериментальное исследование влияния внешних и внутренних посылок опоры на выводное знание

Изучение различий, связанных с ракурсом смыслового «видения» характеристик объекта и способами их прежнего контекстного «бытия», позволили предположить различие схем развёртывания потенциального контекста опоры на ВЗ. Так, стимул СУМЕРКИ, имплицитный в большинстве случаев перцептивно-предметный ракурс смыслового «видения», предполагал наличие описания / детализации и процессуальность имплицитного действия. Стимул УКРАИНА вместе с характеристикой текущего положения дел задавал и мотив поиска путей изменения состояния; стимул ПАЙ активировал обобщённое смысловое «видение» характеристик возможного референта и набор общих представлений об их контекстном воплощении; стимул ЛЕЧЕНИЕ отражал различные ракурсы смыслового «видения» и обнаруживал значитель-

ное число «додумываний», связанных с причинно-следственной спецификой потенциального контекста опоры на ВЗ.

Неоднозначность способов / путей поиска подходящего контекстного обоснования выделения той или иной характеристики объекта в прошлом опыте субъекта позволяет предполагать вариативность возможных примеров прежних переживания значения с опорой на ВЗ. Такие примеры в естественных условиях познания и коммуникации предстают неосознаваемыми процедурными установками и активируются одновременно с задействованием выделенной причинно-смысловой связи. Они выступают имплицитной конкретной процедурной посылкой формирования образа результата как релевантной интеграции внешних и внутренних условий опоры на ВЗ. Осознаваемая реконструкция таких фрагментов опыта возможна в научных целях и осуществляется благодаря комплексу отобранных для достижения данной цели экспериментальных методов и методик.

Несмотря на некоторую близость таких примеров фактивным сведениям, связываемым с пресуппозицией (выздоровел – болел ранее), между ними существует принципиальная разница. Пресуппозиция выступает логически выводимой пропозициональной установкой / «идеей» существования такого примера, тогда как имплицитный пример или один из возможных / конкретных свидетельств задействования опыта выступает своеобразным «руководством» того, как прежде было пережито значение, какие характеристики были и могут быть приписаны / изменены и какова схема релевантного представления этих характеристик *ad hoc*.

Результаты прежних экспериментов показали, что в условиях отсутствия языкового окружения слова Ии. задействуют процедурную установку формирования потенциального контекста, что даёт возможность сформулировать *рабочую гипотезу 4*: каждый маркер причинно-смысловой связи, активируемый стимулом, открывает доступ к обобщённому ракурсу смыслового «видения» потенциально подходящих признаков объекта и одновременно опти-

мальному способу контекстного обоснования выделения характеристик / признаков, релевантных «для меня – здесь – сейчас».

Исходя из признания принципа субъективной причинности в качестве одной из основных теоретических опор процесса задействования ВЗ, можно утверждать, что роль индивида в данном процессе является определяющей. Он выступает заинтересованным свидетелем, как бы вживающимся в заданную средствами языка ситуацию и осуществляющим в ходе понимания необходимую, с его точки зрения, корректировку, руководствуясь сложившимися имплицитными установками. Мы считаем возможным предположить, что, имея определённый ракурс смыслового «видения», субъект намечает для себя пути того, какой набор значимых характеристик (перцептивных, когнитивных, эмоционально-оценочных) является релевантным благодаря специфике линий переработки поступающей информации.

Позиция субъекта как главного инициатора процесса понимания–объяснения «для себя» рассматривается в качестве основного глубинного мотива, который реализуется посредством трёх стратегий «Я – воспринимающий наблюдатель», «Я – инферирующий аналитик» и «Я – сопереживающий участник». В первом случае активный индивид выделяет перцептивно-предметные ощущения как доминантные в любом возможном контексте представления объекта, фокусируется на соответствующих характеристиках и процессуальности происходящего. Вторая стратегия необходима при когнитивном осмыслении, когда детали оказываются не слишком важны, а на передний план выступает необходимость обобщения и необходимость причинно-следственных выводов. Третья линия внутреннего «видения» связана с поиском новых путей объяснения, когда перцептивно-предметные и обобщённые характеристики как бы отходят в тень и акцентирование получают аспекты, связанные с имплицитными эмоциями и оценками.

Насколько естественны для субъекта такие подходы к потенциальному контекстному развитию, призван выявить следующий эксперимент, заключающийся в реконструкции Ии. возможного контекстного обеспечения. В зада-

нии было предложено закончить пять стимулов–предложений, состоящих из вербальной «заготовки», включающей / не включающей стимулы, использованные ранее в свободных ассоциативных экспериментах: *Когда наступают сумерки, ...; Если происходит финансовый коллапс, ...; Когда я ... из-за границы, я ...; Паевой фонд – это ... ; Если компания хочет получить прибыль, то* Часть стимулов была составлена на основе отобранных текстов, эксперименты по пониманию которых были проведены позже.

Изучение конкретных случаев субъективного «додумывания» должно помочь определить общие стратегии переживания значения стимула, предложенного в редуцированном вербальном контексте. Всего в эксперименте приняло участие 555 Ии., обработано 724 реакции при 114 отказах (16% от общего числа). При выяснении причины отказов Ии. ссылались на отсутствие экспертных знаний о паевых фондах (58 отказов) и нежелание обсуждать проблемы Украины (40 отказов), хотя стимул не содержал этого топонима. В остальных случаях число отказов было незначительным.

Результаты эксперимента показали, что Ии. реализуют названные выше стратегии с опорой на ракурс смыслового «видения» характеристик объекта и при наличии более сложного вербально заданного стимула. Так, процесс достраивания недостающей части предложения-стимула происходит по примерно одинаковому плану: 1) определение ключевых элементов в предъявленном стимуле; 2) обращение к ресурсам ассоциативно-смыслового поля маркеров опоры на ВЗ и фиксация релевантных причинно-смысловых связей; 3) задействование «свёрнутого» суждения (ЭСП) о значении ключевого элемента / ключевых элементов стимула и поиск потенциальных контекстных реализаций, общих для выявленных характеристик, или примеров того, как может быть организовано их конкретное совместное представление в контексте; экспериментальная разделяемость данного примера возникает благодаря общности имплицитных установок, сформированных на базе прошлого опыта (ракурс смыслового «видения» и оптимальный общий способ контекстного

представления), а также стратегий понимания с опорой на ВЗ; 4) формирование образа результата объяснения «для себя».

Для стимула СУМЕРКИ реализация этого плана позволяет описать варианты вербального воплощения результатов опоры на ВЗ.

1. Ии. опираются на различные маркеры, представленные в ассоциативно-смысловом поле стимулов СУМЕРКИ / ВЕЧЕР и задающие переход к прошлому опыту эвиденциального переживания, а именно: *прогулка, гулять, молодёжные компании гуляют, улица, фонари, тишина, небо, звёзды, свидание, спать, сон, книга, темнота, темно, отдых, приятно, холодно, тепло, сочетание красок за окном, дом, семейный ужин, закат, солнце начинает садиться* и т.д. Следует отметить, что маркеры, связанные с фильмом о вампирах, в значительном количестве отмеченные в свободном ассоциативном эксперименте, практически отсутствуют, за исключением двух реакций (... *на улицу выходят звери / все вампиры выходят на охоту*), первая из которых также позволяет предположить некоторую косвенную связь с вампирами. С нашей точки зрения, это обусловлено определёнными смысловыми ограничениями, которые накладывает редуцированный вербальный контекст;

2. Реализация стратегии «Я – воспринимающий наблюдатель» происходит при детальном описании какого-либо отдельного явления, последовательности воспринимаемых предметов / событий, включая возможность выделения отдельных элементов такого примера (характеристик, связанных с ощущениями, эмоциями), а также поиск подходящих замен (приписок), так как прежние примеры контекстной реализации не могут быть полностью идентичны в условиях текущей ситуации.

Так, событие прихода вечера [*Когда наступают сумерки ...*] получает развитие в виде описания привычного образа действий Ии. (*я просыпаюсь / я включаю любимую музыку, усаживаюсь на диване и читаю / я еду домой / медленно и спокойно засыпаю* и т.д.); характеристики окружающей среды с выделением какого-то важного аспекта и эмоционально-оценочным «додумыванием» (*становится холодно / легче дышать / прохладно и спокойно / уютно*

и тихо / небо темнеет, и на нём появляются звёзды / солнце садится за горизонт / воздух становится тяжелее, тьма сгущается / солнце уже за горизонтом, наступает вечер / небо приобретает красивый оранжевый цвет / небо становится звёздным / небо постепенно темнеет, и восходит луна / наступает ночь и т.д.). Средствами вербальной манифестации выступают безличный глагол (*становиться*), формы 1 и 3 лица настоящего времени глаголов, отражающие процессуальность происходящего, сравнительная степень прилагательных (*тяжелее, легче*), соответствующая лексика, дающая возможность передать объективные и субъективные перцептивно-предметные событийные контексты.

Следует отметить, что ряд ответов включал определённые обобщения, которые помогают определить смысловой акцент на наиболее значимом фрагменте. В этом случае акцент смещён в сторону совокупного представления о происходящем, что, очевидно, свидетельствует об иной стратегии представления этого «видения» («Я – инферирующий аналитик»). Эти обобщения касаются наблюдений о совокупности субъектов / объектов, их действий, что несколько сокращает количество элементов в последовательно развивающемся контекстном обосновании.

Например, *мы встречаемся и общаемся с родными / люди занимаются своими делами, расслабляются, читают, спят / людей на улице становится всё меньше / птицы собираются в стаи и летят навстречу закату / зажигаются фонари, и город превращается в страну чудес / весь город охватывает гробовая тишина / всё затихает / все люди готовятся ко сну / вся живая природа замолкает / всё вокруг погружается во тьму / становится сказочным и таинственным / наступает самое крутое время / мир окутывают тёплые краски огней / все вампиры выходят на охоту* и т.д.). Передача переживаний с обобщением достигается за счёт определительных и личных местоимений (*мы, все, всё, весь*), собирательных существительных (*люди, мир, город, природа, время* как совокупность частей суток), множественного числа существительных (*птицы, фонари*).

Фокусировка на личном психоэмоциональном состоянии задаёт определённые примеры реализации стратегии понимания с опорой на ВЗ («Я – сопереживающий участник») и эмоционально-оценочный ракурс смыслового «видения»: *мне хочется спать / хочется лечь в постельку с чашкой чая и посмотреть фильм, если на улице идёт дождь / хочется не делать домашку / становится грустно / одиноко / приятно прогуляться по прохладным улицам / можно расслабиться в домашней обстановке / у меня на душе становится легче / наедине ты и твои мысли / я часто сожалею о не сделанном за день или, наоборот, хвалю себя* и т.д.). Эмоционально-оценочные переживания вербализуются при помощи модальных предикативов (*можно, нужно*), глаголов эмоционально-оценочного состояния и желания (*хочется, сожалею, расслабиться, хвалить*), наречий (*приятно, грустно, уютно, наедине*), существительного (*душа*), 2-го лица личного местоимения (*ты*).

Сходные тенденции реализации стратегий отмечаются при завершении предложения [*Если произошёл финансовый коллапс ...*].

1. В ответах обнаруживается большое число маркеров ассоциативно-смысловых полей стимулов *Украина, кризис* несмотря на то, что в исходной части предложения эти слова отсутствуют: *финансовый / экономический кризис, голод, нищета, банкротство, хаос, помощь, Россия, Украина, высокие цены, обесценивание валюты, нестабильность, трудности, проблемы, страдания, бардак, плохо, тяжело* и т.д. С их помощью определяются разнообразные признаки, выделенные в «свидетельствах» прежнего опыта и приписываемые исходя из их релевантности в новом контексте опоры на ВЗ, в котором потенциальный референт «додумывается» как Украина.

2. Происходит уточнение / обобщение представления о стране с опорой эмоционально-оценочный ракурс смыслового видения, что обусловлено внешним вербальным контекстом, где отмечается факт значительного ухудшения экономического состояния. Потенциальный референт «видится» как «страна в трудном финансовом положении» с возможной конкретизацией, что

предполагает соответствующую специфику стратегии и ракурса смыслового «видения».

3. Достройка обеспечивается за счёт последовательного описания текущего состояния страны с концентрацией на значимых деталях фактического характера. Несмотря на присутствие эмоционально-оценочных характеристик, опосредованных соответствующим ракурсом смыслового «видения», мы считаем, что стратегия «Я – воспринимающий наблюдатель» также задействуется Ии., которые эмоционально, но вместе с тем несколько отстранённо регистрируют происходящее где-то не в их стране и формируют цепочку событий или действий. Эта последовательность представляет собой перечисление «бед» страны при возможном выделении одной наиболее важной проблемы. В такой цепочке появляются эмоционально-оценочные компоненты (*ненависть, нищета* и т.д.), которые являются обобщениями на уровне социокультурных универсалий.

Среди примеров можно отметить следующие: [*Если произошёл финансовый коллапс ...*], *правительство объявляет о банкротстве страны / страна ищет помощь у других стран в виде кредитов и займов / страна берёт кредит и старается побороть кризис / ... то уходит прибыль / наступает голод / начинается паника: демонстрации, протесты, ненависть, однако такая реакция ещё ни разу не спасала положение / страна старается его преодолеть / обесцениваются деньги, растут налоги / наступает голод / многие люди теряют место работы, и происходит подъём цен и наступает нищета / в стране повышаются цены, и народ не получает достаточно денег / многим приходится брать кредиты / деньги обесцениваются, и только недвижимость остаётся в цене* и т.д. Вербально такие перечисления представлены оценочной лексикой с негативными коннотациями (*протесты, ненависть, паника, нищета*), глаголами настоящего времени, стилистически маркированным перечислением.

4. При задействовании стратегии «Я – инферирующий аналитик» Ии. делает необходимые обобщения, которые в отличие от предыдущего случая

оказываются, например, не отдельным упоминанием признаков финансового краха, а совокупным «видением» ситуации в целом. Помимо этого Ии. прибегают к выявлению скрытых причин и наиболее реалистичных последствий, которые выступают не предположениями, а констатацией непреложного факта, неотвратимости фатального исхода. Так, [*Если произошёл финансовый коллапс ...*], то *происходит хаос / дефолт / социальный спад / страна находится на грани выживания / в стране происходят коренные изменения как в политической, так и социальной сфере / каждый сам за себя / экономика страны находится в подвешенном состоянии / экономика страны очень сильно страдает / страдают в первую очередь люди / страдают простые люди / страдает большая часть населения страны.*

Имплицитными причинами таких заключений становятся утверждения: *... то кому-то это нужно / будьте уверены, его придумали банкиры, чтобы очередной раз нажать.* В качестве объективного итога рассматриваются следствия: *обычно это ведёт к обогащению одних и разорению и нищете других / страна может стать банкротом / финансового кризиса не избежать / крайне редко возможно восстановление / всем становится плохо / будет опустошение на планете Земля / значит это не к добру / так и должно быть / всё, приехали.* Специфика средств языка при экспликации образа результата заключается в обращении к лексике, передающей совокупность объектов / субъектов / состояния (*все, люди, население, банкиры, страна, одни – другие, каждый в значении «все», хаос, спад, кризис* и т.д.), действий (*страдают, нажать, становится плохо*), их повторяемости (*в очередной раз, обычно, крайне редко*), фатальности (*не избежать, будет, значит не к добру, на грани выживания, просторечного выражения всё, приехали*).

5. Негативная специфика эмоционально-оценочного ракурса «видения» может оставаться своеобразным фоном, который позволяет индивиду реализовать стратегию «Я – сопереживающий участник» и, «посочувствовав» или оставшись безучастным, посоветовать пути выхода из создавшегося положения, которые могут быть субъективно релевантными (*покупай компас и убе-*

гай подальше от нас / сливай воду, суши вёсла / необходимо покинуть страну / меня это не касается / ... то нужно что-то делать, так как очень жалко гибнущих людей) и объективно правильными (*стране необходимо быстро искать решение / необходимо провести переговоры по разрешению проблемы / необходимо разбираться в сложившейся ситуации / нужно экономить / стране требуется жёсткая политика / нужно прибегать к инвестициям / надо принимать комплекс антикризисных мер*). Вербальная передача характеризуется наличием соответствующего «репертуара» средств: модально обусловленных глаголов (*нужно, надо, следует, требуется*), наречия (*необходимо*), повелительного наклонения глаголов (*покупай, убегай, сливай, суши*), поговорки (*сливай воду, суши вёсла*).

В случае исследования ЭСП значения терминологической лексики мы использовали методику дефинирования и предложили Ии. дать определение словосочетанию *наевой фонд*. В эксперименте участвовало 169 Ии., изучено 169 реакций, из которых 58 отказов, сопровождавшимися замечаниями: *совсем неизвестная мне фраза, потому что я – курсант / I don't know* и т.д. (причины отказов изложены выше). Целью этого эксперимента было определить специфику понимания составной единицы языка, компоненты которой ранее участвовали в виде стимула в свободном ассоциативном эксперименте (ПАЙ, ВЗАИМНЫЙ ФОНД), изучить взаимное влияние имплицитного потенциала обеих частей по процессу понимания с опорой на ВЗ.

В условиях отсутствия или недостатка экспертных знаний отмечается, что большинство Ии. формирует перцептивно-предметный ракурс смыслового «видения» характеристик референта, например, слова *пай* (как часть / кусок / участок и т.д. чего-либо), т.е. Ии. стараются опредметить нечто, не очень знакомое. Смысловой ракурс «видения» характеристик потенциального референта стимула ВЗАИМНЫЙ ФОНД (обобщающее название для *наевого фонда*), состоящий из образованного от слова *пай* деривата и существительного абстрактной семантики, наоборот, обнаруживает обобщающе-результативный характер (как совокупность, целостность, взаимодействие с частями которой

обуславливает причинные следствия или переходы к иным социокультурным универсалиям).

В целом доминантным оказывается обобщающе-результативный ракурс смыслового «видения» и опосредующая его формирование стратегия «Я – инферирующий аналитик», что также обусловлено внешним фактором, а именно, формулировкой задания (дать определение, т.е. обобщить). Такой вывод подтверждается реакциями с выраженными тенденциями обобщения как на основе переживания значения компонента *фонд* (совокупность средств, ресурсов, ценных бумаг [Ожегов 1963: 841]), так и *пай*. В 30% обобщения касаются сферы деятельности (*экономика, финансы, имущественный комплекс, часть финансов или совокупность, взаимный фонд, какой-то фонд* и т.д.), в 26% влияние оказывает ассоциативно-смысловое поле маркеров стимула ПАЙ (*земля, земельный фонд, земля в собственности государства, фактически колхоз* и т.д.; *еда, фонд, где поют и кормят* и т.д.). Вербальные средства передачи итогов понимания с опорой на ВЗ представляют собой существительные абстрактной семантики с признаком обобщённости (*совокупность, комплекс, экономика, финансы, земля, еда, колхоз* и т.д.), которые отмечены в данных Ии. дефинициях.

Несмотря на тенденцию к обобщающему «видению» характеристик референта, они могут рассматриваться и как части в составе целого (примерно в 30%), что, с нашей точки зрения, обусловлено спецификой стратегии «Я – воспринимающий наблюдатель» и, очевидно, прежними контекстами её реализации. Такой подход позволяет индивиду фиксировать детали, выделять доминантные или расширять перечень характеристик за счёт дополнительных релевантных деталей.

В этом случае словосочетание *паевой фонд* получает референтную привязку и определяется как объект с общим признаком предметности (*что-то*), конкретная организация или её часть (*финансовая организация, акционерное предприятие, земельный отдел в банке, фонд пирожков / где много пирогов, фонд, разделённый на доли, фонд, который делит доли земли* и т.д.), часть

(кусок / кусочек чего-то, фонд доли, доля акций, участок земли, выделенный государством земельный участок); как вид финансового инструмента (инвестиция, ценные бумаги, деньги), финансовой деятельности (фонд, основанный на средства инвесторов, имущественный и денежный фонд, фонд, получающий прибыль от ценных бумаг и т.д.), совокупность отдельных членов (склад пайщиков / сложенные вместе средства всех пайщиков, группа людей, объединённых для определённых целей, группа людей, связанных целью на улучшение экономической ситуации путём выдачи паёв населению, специалисты), средств (объединённые средства инвесторов, сбережения «на чёрный день», общие средства пайщиков, складчина и т.д.). Вербализация обеспечивается собирательными существительными (люди, склад, складчина, группа, сбережения), множественным числом существительных с признаком «часть» (паи, части, доли, ценные бумаги, пайщики, средства, инвесторы), прилагательными и причастиями с признаками совокупности (общие, связанные, акционерное), определительным местоимением (все).

Маркеры, отражающие связь с категорией *человек* и отмеченные в ассоциативно-смысловом поле стимула ПАЙ, эксплицитно не представлены, однако, в 14% наблюдаются ответы, содержание слова, обозначающие межличностные отношения и перспективы развития, с эмоционально-оценочными коннотациями. Такой переход мы связываем с реализацией индивидом стратегии «Я – сопереживающий участник», что позволяет, опираясь на сложившуюся установку, переживать значение термина обобщённо и обратиться к новому, эмоционально-оценочному аспекту взаимодействия с объектом. Отмечены ответы, имплицитно положительные / отрицательные перспективы сотрудничества с данной организацией: *шанс!*, *фонд помощи и защиты граждан*, *фонд, основанный на взаимном согласии*, *решение вопроса по взаимному согласию*, *доверие*, *доход*, *выгодное предложение*, *хорошо*, *обман*, *на сегодня – афера*, *бред*, *собрание чужих денег*, *не вкладывая свои* и т.д.

Положительные оценки часто приписываются на основании гипотетических предположений Ии., опирающихся на прежнее мнение о деятельности

фондов. Отрицательные (менее частотные) оценки, очевидно, вызваны общим негативным отношением к деятельности подобных организаций в рамках экономики страны или собственного неудачного опыта. Вербальные средства представлены прилагательными, наречиями оценочной семантики (*хорошо, выгодное, взаимное* и т.д.), существительными с положительными и отрицательными коннотациями (*обман, бред, доверие, согласие, помощь, защита, доход* и т.д.), отглагольными существительными с признаком результативности (*решение, собрание*). В целом у составных единиц наблюдается определённая смысловая интерференция ЭСП значений компонентов, «конкурентоспособность» которых зависит от стратегий понимания с опорой на ВЗ, избранных субъектом в текущих контекстных условиях, и релевантности различных аспектов имплицитного потенциала.

При изучении процесса понимания значения приведённых выше стимулов становится очевидным, что даже при наличии общей причинной установки (ракурса смыслового «видения» релевантных характеристик), стратегий понимания с опорой на ВЗ примеры релевантного контекстного обоснования в ходе объяснения «для себя» неодинаковы. Такие примеры демонстрируют, что процедурным условием их формирования становятся некая схема организации элементов потенциального контекста. Такие примеры представляют Для проверки этого предположения был проведён эксперимент по достройке предложения *Если компания хочет получить прибыль, то ...* при обработке 169 реакций, среди них 10 отказов (6%). Результаты эксперимента позволили сделать ряд выводов.

1. Неосознаваемо Ии. выделяют ключевые слова в вербально заданной части стимула, например, *компания* и *прибыль* в качестве внешнего причинного компонента. Причинно-смысловые связи, устанавливаемые при помощи маркеров ассоциативно-смыслового поля, позволяют обнаружить значимые, с точки зрения Ии., признаки потенциального референта (некой компании), соотнести с общими имплицитными установками того, как следует рассматривать эти признаки в целом, и каким должно быть контекстное подкрепление.

Конкретный опыт активации признаков выявит определенные контекстные примеры их приписывания, или лучшие способы контекстного обеспечения, с учётом которых компания «видится» как объект, обретающий признаки успешности в процессе деятельности; объект, уже обладающий этими признаками; как объект, не показывающий признаки успешности, но потенциально способный их обрести в силу ряда условий.

2. Ассоциативно-смысловое поле маркеров причинно-смысловых связей, имплицитруемых стимулом ПРИБЫЛЬ, выявляет в большинстве случаев перцептивно-предметный ракурс смыслового «видения» характеристик объекта (51%) несмотря на оценочность компонентов словарного значения. Здесь обнаруживаются причинно-смысловые связи, задаваемые маркерами *организация, компания, завод*, которые обеспечивают возможные пересечения признаков и их конкретных контекстных реализаций. Иные связи, эксплицитруемые маркерами *деньги, заработок, конкуренция, развитие, финансы, умение, получение, бизнес, успех, хорошая жизнь, хорошо / хорошая, прирост, доход, богатство, труд, успех, победа, риск, зависть*, позволяют предполагать ряд схожих примеров контекстного «бытия», но с фокусировкой на средствах и результатах получения прибыли, их общей положительной оценке, потенциальных переходах к обобщённым социокультурным представлениям о жизнедеятельности получающих прибыль референтов.

3. Стратегия «Я – воспринимающий наблюдатель» реализуется в 14% ответов и связана с образным представлением о развивающейся компании, которая делает успешные шаги на пути к процветанию. Реализация этой стратегии соотносится с фокусировкой на перцептивно-предметном смысловом «видении» характеристик потенциального референта, заданных в виде последовательности фактов, действий, значимых реальных атрибутов (объектов, субъектов и т.д.), релевантных дополнений из иных прежних соположимых контекстов опыта: [*Если компания хочет получить прибыль, то*] *она ведёт активную конкуренцию и внедряет новые технологии / она инвестирует, вкладывает в ценные бумаги, зарабатывает деньги, которые работают на*

*неё / заключает договоры с популярными компаниями / скупает ценные бумаги / ищет инвесторов / усердно думает над этим и формирует стратегию / она разрабатывает бизнес-план, учитывает детали, делает расчёты / она вкладывает в ценные бумаги, производство, торговлю / продаёт поднявшиеся акции и скупает перспективные / она придумывает что-то новое / делает новый товар / она улучшает качество своего товара и т.д. Вербализация осуществляется посредством настоящего времени глаголов (*ведёт, заключает* и т.д.) и лексики терминологического характера (*ценные бумаги, инвестирует, конкуренция* и т.д.).*

Невысокий процент примеров реализации этой стратегии, по нашему мнению, связан с устойчивым перцептивно-предметным ракурсом «видения» обобщенного образа референтов, имплицитного стимулом ПРИБЫЛЬ и существительным *компания* с признаком конкретности, подразумевающим контекстную детализацию посредством перечисления ряда действий, необходимых для успешной работы. Образ такой компании устойчив, конвенционален, эксплицируется рядом конкретных образцов (например, *Газпром*), что составляет своеобразный смысловой фон или ракурс «видения» релевантных характеристик потенциального «претендента» на успех. Ии., очевидно, мыслят по принципу «зачем о такую компанию описывать, всем и так всё ясно, и детализация здесь излишня».

4. Стратегия «Я – инферирующий аналитик» (12%) реализуется в тех случаях, когда при общем перцептивно-предметном ракурсе смыслового «видения» релевантных признаков потенциального референта Ии. приписывает компании, её деятельности обобщённые характеристики успешности, в целом положительные (стабильное финансовое состояние компании, её развития, положения на рынке) и вместе с обобщением выносит априорное суждение о её потенциально «светлом» будущем или криминальности бизнеса в целом. В качестве иллюстрации можно привести следующие ответы: [*Если компания хочет получить прибыль, то*] *это хорошо / работает всегда хорошо / она её получит / она, как минимум, получает доход / растёт и развивается / она*

неустанно движется вперёд / растёт и развивается / делает всё возможное для этого / делает всё ради этого / она действует незаконно / она ворует / значит, она пойдёт на всё / настало время обмана / ей приходится нарушать закон / все средства хороши и т.д.

Вербально такая опора на ВЗ передаётся настоящим / будущим временем глагола с признаком результативности в семантике (*получит, настало*), процессуальности (*движется, растёт и развивается, работает*) и наречиями (*неустанно, вперёд*), а также лексикой с положительными / отрицательными коннотациями (*незаконно, хорошо, нарушает, доход* и т.д.), определительными местоимениями обобщающего характера (*все, всё*), пословичным фразеологизмом (*все средства хороши*), наречием (*всегда*). Невысокий процент реализации этой стратегии объясним теми же причинами, что и в первом случае: обобщённый образ успешной компании, имеющей прототипы в социуме, конвенционален и не требует ни детализации, ни обобщения.

5. Стратегия «Я – сопереживающий участник» (68%), предполагающая потребность к изменению сложившейся ситуации в случае негативной оценки характеристик объекта, оказывается самой востребованной. По нашему мнению, Ии. располагают стойким предубеждением, что успешных компаний мало, и условная синтаксическая конструкция стимула рассматривается как вербальная опора, имплицитная образ компании без признаков успешности. Ии. выступают активными сочувствующими участниками, советчиками, критиками, которые готовы предложить конкретные рецепты достижения успеха, устранения мешающих компании препятствий.

Среди реакций можно отметить следующие: [*Если компания хочет получить прибыль, то*] **необходимо** *работать 24 часа в сутки / много и честно / усердно / хорошо работать / с полной отдачей / не покладая рук / развивать свой внутренний ресурс / проводить внешний и внутренний мониторинг / сделать выгодное вложение / сделать инвестиции (с прибылью) / применять новые технологии и расширять производство / покупать акции и ценные бумаги / провести акционирование и сделать вклады / провести правильные расчёты*

*/ строго вести финансовые отчёты / конкурировать с другими странами / работать на интерес потребителя / поставлять на рынок товары, необходимые для населения в данное время и т.д.; она **должна** работать / инвестировать деньги в производство и разработать успешную стратегию / много инвестировать в производство / иметь идею, план и знать, как эту идею реализовать развиваться и быть креативной / должна увеличивать доходы и сократить расходы / должна соблюдать все требования госстандартов / сотрудничать и иногда идти на уступки / стараться и т.д.; ей **нужно** больше работать / надо работать и работать / стоит работать головой / развиваться и совершать выгодные сделки / прилагать большие усилия / ей **нужны** ответственные, высокопрофессиональные работники и т.д.; **надо** расти вверх / вкладываться в это дело / надо инвестировать деньги в паевой фонд / в неё надо вкладывать / надо иметь бизнес-план и финансы / иметь хороших специалистов и т.д.; **стоит** работать головой / стоит инвестировать в новейшие технологии, развитие восточного направления и web-сферы и т.д.; **следует** сделать выгодную, хорошо продаваемую продукцию / максимально сократить расходы и действовать очень чётко в данном направлении и т.д.; **пусть** вкладывает деньги и заботится о рекламе и т.д.; **придётся** пахать и пахать и т.д.*

Вербально экспликация такого контекстного подкрепления передана модальными предикативами *надо, нужно, должна* и т.д.; наречием *необходимо*, глаголами с признаком необходимости (*следует, стоит, придётся*), частицей *пусть*, которая вместе с настоящим временем глагола демонстрирует согласие, приказание, долженствование, сравнительной степенью наречий (*лучше, больше*), лексикой с положительными коннотациями (*выгодный, хорошо, честно*), тавтологическими повторами (*работать и работать, просторечным пахать и пахать*) и т.д. Преобладание эмоционально-оценочного ракурса «видения» характеристик потенциального референта, имплицитного ключевыми словами, оказывает влияние на выбор составляющих возможного

контекстного обеспечения реализации этих характеристик, что передаётся эмоционально-оценочной лексикой, модальными глаголами и т.д.

Отсюда анализ результатов показал, что, создавая ad hoc опору понимания «для себя» посредством создания первичной проекции понимания на основе внешней посылки (ключевые слова, специфика синтаксических конструкций, функционально-стилистические особенности), Ии. формируют образное представление об объекте с учётом эксплицитных характеристик. Задействование внутренних, имплицитных ресурсов происходит через активацию ЭСП значения, что предполагает ряд стратегий объяснения «для себя», которые в зависимости от внешних условий задают общие тенденции реализации внутреннего «видения» с позиции субъекта-наблюдателя, аналитика, сопереживающего участника.

Значительную роль играет прецедентная установка «видеть» характеристики объекта под определённым углом (ракурс смыслового «видения»), которая позволяет осуществить «домысливание» исходя из признаков, которые Ии. признаёт релевантными, и игнорировать «неподходящие», по их мнению, признаки компонентов стимула (например, ЭСП значения стимула ПАЕВОЙ ФОНД задаётся признаком «часть целого» (*часть, кусок земли* и т.д.), который выступает доминантным при объяснении «для себя», оставляя без учёта обобщённость семантики слова *фонд*).

В целях проверки предположения, что формирование образного представления о потенциальном референте с учётом смыслового ракурса «видения» его релевантных характеристик является универсальной процедурой, мы провели эксперимент по реконструкции предложения, где отсутствовали стимулы, задействованные в свободных ассоциативных экспериментах, и в качестве подлежащего использовалось личное местоимение: *Когда я ... из-за границы, я ...*. В эксперименте участвовало 60 респондентов, обработано 60 реакций при 1 отказе. Выбранный стимул содержит единичный пропуск в первой части и отсутствующую вторую часть, что накладывает минимальные

языковые ограничения при заполнении недостающих компонентов. Анализ результатов даёт возможность сформулировать следующие выводы.

1. Несмотря на семантическую неполноту стимула (без вербальной заданности сказуемого и индексальности подлежащего) Ии. используют единственный полнозначный элемент *из-за границы* в качестве ключевого слова и активируют релевантное образное представление о референте в контексте заданной ситуации (субъект, осуществляющий действие с учётом точки его начала / окончания). Опора на пересечения смысловых отношений («Движение», «Объект», «Пространство» и т.д.) предопределяет набор максимально возможных отличительных признаков места, связанного с действием (движением) объекта, качестве и т.д. Субъект редуцирует этот набор характеристик в соответствии с прецедентными ракурсами смыслового «видения»: перцептивно-предметным (места, физического приближения или отдаления субъекта), обобщающе-результативным (места, выходящего за пределы жизненного, территориального и социального, пространства субъекта), эмоционально-оценочным (места как объекта социокультурного отношения «свой–чужой»).

Следует отметить, что ранее проводившийся свободный ассоциативный эксперимент со стимулом МЕСТО подтверждает наличие трёх прецедентных ракурсов смыслового «видения», при чуть большей выделенности перцептивно-предметного (39,5%) и обобщающе-результативного (40%). «Популярность» последнего обусловлена большим количеством устойчивых словосочетаний (*место встречи / пребывания / жительства* и т.д.) без какой-либо предметной привязки. Они имплицитно содержат своеобразные штампы сознания (см.: [Красных 2002: 142]), выводящие на экспериенциально разделяемые примеры / «свидетельства» переживания значения стимула (например, *место встречи* – фильм и т.д.);

2. При заполнении первого пропуска наблюдались тенденции опоры на прецедентный перцептивно-предметный ракурс «видения» характеристик объекта, а также особенности синтаксической структуры внешней посылки / стимула (первый пропуск задаёт позицию сказуемого). Выявлены лексико-

грамматические и лексико-семантические варианты различных глаголов с признаком «движения» (*ехать, лететь, возвращаться, прибыть, бежать*) и признаком процессуальности и поступательности информации (*смотреть*).

Благодаря прежним примерам контекстных воплощений признаков обобщённое образное представление о движении конкретизируется за счёт приписывания дополнительных, связанных с фокусировкой на транспортных средствах и направленности движения (убытие или прибытие из-за границы; приезд домой). Так, зафиксированы ответы *приехал / а* в количестве 15, *приезжаю* (5), *приеду*; *выезжаю* (2), *выезжала, выехала*; *уюду* (3.); *прилетаю* (4); *прилетел / а* (2); *лечу* (2); *вернусь, вернулся / вернулась* (15); *возвращаюсь* (6); *прибыл* (1); *смотрю новости* (1); *сбежал* (1).

3. Стратегия «Я – воспринимающий наблюдатель» применима к заполнению обеих частей стимула и предполагает описание конкретных «свидетельств», с помощью которых Ии. переживают событие возвращения с перечислением действий, упоминанием фактов, последовавших за возвращением или отъездом (17 реакций). Среди примеров можно выделить следующие: [*Когда я*] *вернулась / выехала / вернулась / прибыл / приехал [из-за границы, я]* *встретился с родственниками / друзьями, мамой / отметил приезд с друзьями / вышел на работу / поделился впечатлениями / поехал домой / сообщила об этом / был без денег / начала раздавать подарки* и т.д.).

Устойчивость такой связи неоднозначна, так как носит частный характер и ориентируется на либо на единичный, либо последний в опыте Ии. пример, что подтверждается прошедшим временем глагола (*поделился, пошёл* и т.д.). Отсутствие экспертных знаний заставляет Ии. опираться на релевантный, по их мнению, будущий контекст и прогнозировать ряд возможных конкретных действий (*приеду к себе домой / увижу Париж / сразу же навещу близких* (6 реакций)), что вербализуется при помощи будущего времени глагола. Восстанавливая свидетельство возвращения, Ии. ещё раз переживают фрагмент прошлого опыта или имитируют будущий.

4. Стратегия «Я – инферирующий аналитик» реализуется с опорой на обобщённые свидетельства прошлого, позволяющие выводить привычные для Ии. потенциальные контексты, которые неоднократно переживались, формируя схему того, как в целом осуществлялось событие возвращения. Средствами вербальной передачи выступают настоящее время и несовершенный вид глагола с признаком повторяемости, а также другие слова, в частности, наречия (*всегда, обычно*), передающие привычность действия. Например, [*Когда я*] *возвращаюсь / прилетаю / приезжаю / лечу из-[за границы, я] всегда еду с хорошим настроением / делюсь впечатлениями с друзьями / обычно не хожу на учёбу пару дней / встречаюсь с родственниками / обнимаю бабушку / не боюсь полёта*). Нестандартным вариантом ответа является опора на прошлый опыт просмотра иностранных передач: [*Когда я*] *смотрю новости [из-за границы, я] не понимаю, по какому принципу их отбирают*. Этот ответ, не связанный с поездками за границу, показывает, что в опыте конкретного Ии. такой пример наиболее ярким и доступным.

Случаи задействия этой стратегии (6 ответов) содержат итоги причинно-следственных умозаключений, сформированных на базе обобщений, сравнений старого фрагмента опыта с вновь приобретённым: [*Когда я*] *возвратилась / приехала / выезжала [из-за границы, я] приобрела определённый опыт / решила поменять образ жизни / поняла, что лучше жить в России / подзабыл русский язык*. Грамматическим маркером становятся прошедшее время и совершенный вид глагола, лексические средства характеризуются обобщённой семантикой (*опыт, образ жизни, условия жизни в России и за границей*). В случае отсутствия экспертных знаний ответ представляет собой результативный прогноз: [*Когда я*] *уюду [из-за границы, я] увижу много интересных мест / буду хорошо знать язык*);

6. Большинство примеров (примерно 63%) демонстрируют эмоционально-оценочный ракурс «видения» потенциального развития ситуации и соответствующие переживания индивида. Обобщённый образ места, откуда индивид возвращается, переживается как чужое или, наоборот, близкое, своё, что

сопровождается определённым психоэмоциональным состоянием. Инферирующий субъект реализует стратегию «Я – сопереживающий участник» с потенциальным выходом за рамки задаваемой стимулом ситуации и опорой на ряд лингвокультурных концептов–универсалий, имплицитруемых оппозицией «свой–чужой».

Примерами являются следующие реакции с положительной оценкой состояния: [*Когда я*] *вернулась / выезжала / приехал [из-за границы, я] уже начала скучать по родным местам / улыбался / была рада снова увидеть Родину / был рад оказаться дома / был счастлив / была счастлива оказаться дома / был удивлён / была загорелая и счастливая / находился под впечатлением / наслаждалась домашней обстановкой*. Отрицательная оценка касается как единичных свидетельств прошлого опыта (*[Когда я] вернулась / приехала / сбежал [из-за границы, я] не могла настроиться на работу / начала скучать по тому месту, откуда приехала / была расстроена / огорчился*), так и их совокупности, что имплицитрует сравнение места убытия и прибытия с обращением к иному социокультурному представлению (*[Когда я] приезжаю / возвращаюсь / прилетаю / выезжаю [из-за границы, я] впадаю в депрессию / грущу / понимаю, что хочу обратно / что хочу жить только там / вернуться назад / долго адаптируюсь / ещё долго прихожу в себя*).

В последнем случае индивид не просто описывает собственное психоэмоциональное состояние, но и осуществляет переход к прежним имплицитным причинно-следственным «свидетельствам» о преимуществах / недостатках жизни в России и за её пределами при потенциальном обращении к обобщённым социокультурным представлениям. Вербальными средствами экспликации выступают и грамматические, и лексические: настоящее / прошедшее время глагола, глаголы с выраженной модальностью (*хочу, не могу*), краткие прилагательные, причастия (*рад, удивлён, расстроен* и т.д.), существительные, глаголы, связанные с эмоционально-чувственным восприятием (*депрессия, грущу, скучать* и т.д.).

Следовательно, рассмотрев случаи восстановления структуры и смыслового содержания предложения, можно сделать ряд выводов.

1. При «достройке» смыслового содержания в условиях минимальных ограничений внешнего (вербального и ситуативного) контекста Ии. осуществляют обращение к интегративной эвиденциальной смысловой опоре, уровневая структура которой имеет глубинные основания. Подобная опора необходима для активации возможных прежних вариантов «видения» характеристик потенциального референта при формировании образного представления о нём *ad hoc*. Этот процесс реализуется в соответствии со стратегиями («Я–позицией») субъекта, или наиболее общими «руководствами», которые отражают ведущую роль индивида в процессе объяснения «для себя». Другими словами, стратегия понимания с опорой на ВЗ предопределяет, как в целом индивид «видит» свою роль: в качестве наблюдающего, анализирующего, сопереживающего участника происходящего.

2. Реализация стратегии обусловлена принципом субъективной причинности, предполагающим, что текущее «видение» субъекта не только предметно, но и причинно, т.е. обусловлено внешними и внутренними посылками формирования представления об объекте в контексте наличной ситуации и прежних контекстных воплощений его значимых характеристик. Активация динамического продукта (ЭСП) в рамках стратегии предполагает глубинное инвариантное основание, обеспечивающее развёртывание правдоподобного имплицитного суждения о релевантных признаках объекта / ситуации.

3. Являясь отражением роли активного субъекта в процессе многих актов понимания с опорой на ВЗ, стратегия предполагает формирование устойчивой тенденции того, как субъект «видит» наиболее значимые признаки объекта, т.е. выступает формой динамического воплощения смысловой установки такого «видения»: перцептивно-предметного, обобщающе-результативного, эмоционально-оценочного.

4. Практическим обоснованием реализации стратегии является многообразие контекстных свидетельств / примеров накопления знаний об объекте.

Такие примеры неоднородны, в условиях редуцированного внешнего контекста демонстрируют различия в способе представления и организации компонентов потенциального контекстного обеспечения, которое до момента активации находилось как бы «в тени».

Названное выше предположение, сформулированное на основе экспериментальных данных, позволяет выдвинуть *рабочую гипотезу 5*: при различиях во внешнем контексте внутренние процедурные установки активации потенциального контекста «видения» релевантных признаков объекта характеризуются общностью способов представления таких признаков и схем организации примеров их конкретного «бытия».

Для проверки этой гипотезы Ии. было предложено заполнить по одному пропуску в каждой части трёх предложений–стимулов, т.е. в условиях почти максимальной вербальной заданности. В эксперименте участвовало 357 Ии., обработано 357 реакций при 25 отказах (6% от общего числа ответов). Целью эксперимента было проверить, насколько сильно влияние почти полноценного внешнего контекста на активацию внутреннего имплицитного потенциала.

Каждой из двух подгрупп студентов (11 и 15 Ии.) было предложено закончить одно из предложений: *Когда я из Израиля, я в Россию и Когда я вернулся, я прилетел*. Эти стимулы были составлены на базе текста из сети Интернет о возвращении Е. Плющенко из Израиля после лечения полученной на Олимпиаде травмы (см. раздел 3.5). Структурно они напоминают предложение с пропуском, которое использовала Э. Рош в своих экспериментах по доказательству присутствия прототипа (см. подраздел 1.2.2). Однако в предложении–стимуле Рош было пропущено подлежащее, однозначно имплицитовавшее категориальную принадлежность (птицы). В наших стимулах пропущено сказуемое и обстоятельство, так как предыдущие эксперименты показали, что Ии. стараются персонифицировать подлежащее, подставляя личные местоимения (я, мы), собирательные существительные (люди), опредметить страну, место, о котором идёт речь и т.д. В данном случае задачей ставилась проверка конвенциональности представления о действии и

обстоятельствах, которые приписываются объекту в условиях почти полностью заданного внешнего контекста.

При заполнении пропуска в первом предложении наблюдалось наибольшее число лексико-грамматических вариантов (в 9 и 7 случаях соответственно) глагола *ехать* (*поехал, приезжаю, уехал* и т.д.) и *лететь* (*летел, прилетаю, прилетел* и т.п.). Отмечены также *возвращался* (5 ответов), *вернулся, вернулась* (2), *добирался* (2) и добавления в виде наречий *долго, уставший, ночью*. Очевидно наличие прототипических эффектов, которое обусловлено тем, как в единичных / совокупных «свидетельствах» отражено то образное представление о локации или действии, которое совершал индивид по отношению к этому месту (*из Израиля, в Россию*).

Наиболее общие характеристики, приписываемые субъектом, опираются на глубинные пересечения смысловых отношений, что позволяет дифференцировать направление движение (к объекту / от него) и задать максимально возможное число характеристик. Как и в случае предыдущего эксперимента, более выраженным оказывается приближение к объекту / месту с детализацией, связанной с видом используемого транспорта и т.д. (*приезжаю, прилетаю, возвращаюсь* и т.д.).

Анализ реакций позволил выявить общность характеристик действия, исходя из ракурса их смыслового «видения», которое под перцептивно-предметным углом будет рассматриваться как конкретный пример движения в заданном направлении (*прилетел* и т.д.) или иного действия (*смотрел* новости). При обобщающе-результативном смысловом ракурсе это действие получает максимальное обобщение с учётом многократности повторения (*возвращаюсь, приезжаю* и т.д.), при эмоционально-оценочном – оно «видится» как длительное и утомительное (*добрался*). Отмеченные выше приписки (*уставший* и т.д.) также дают возможность утверждать, что Ии. опираются на свидетельства прошлого опыта, которые выводятся благодаря внешним и внутренним активаторам. Настоящее и прошедшее время глаголов-подстановок в большинстве случаев подтверждает, что Ии. рассматривают это событие как

конкретный факт прошлого, переживаемый в пространственно-временных, качественно-количественных параметрах детализации.

При реконструкции второго предложения с пропуском обстоятельственной части Ии. демонстрировали обращение исключительно к собственному опыту посредством выбора того конкретного примера образного «видения» места прибытия / убытия, который релевантен в текущих внешних и внутренних условиях понимания с опорой на ВЗ. Самыми частыми при заполнении пропуска в первой части стимула стали варианты «из + название конкретной страны убытия / прибытия» (*из Египта, Турции, в Россию* и т.д. в 10 ответах). Топоним *Израиль* не упоминался вообще, что отражает отсутствие практического опыта путешествий в эту страну. Обобщения *из-за границы* и обусловленный эмоционально-оценочной спецификой вариант *домой* отмечены в трёх и двух случаях соответственно. В трёх реакциях наблюдаются приписки в виде указания времени возвращения (*летом, на каникулах*).

Во втором случае преобладает конкретизация места прибытия (*в Москву*), используемая в 7 случаях, уточнение московского аэропорта (*во Внуково* и т.д.) также в 7 реакциях, обобщение в рамках страны в одном ответе (*в Россию*), а также в одном случае описание психоэмоционального состояния (*уставший*). В 9 ответах присутствуют «додумывания» в виде упоминаний времени прилёта (*утром, ночью*). Спецификация места прибытия обусловлена как общей предметной направленностью мышления индивида, так и субъективностью его опыта относительно потенциальных пунктов прилёта. Так, для жителей Смоленска и области практически единственной возможностью воспользоваться авиатранспортом в случае перелёта за границу является поездка в Москву или с недавнего времени в Брянск, так как собственный гражданский аэропорт в Смоленске отсутствует.

Полученные результаты свидетельствуют, что, заполняя пропуски, Ии. осуществляют эвиденциальную фокусировку на отсутствующей части предложения, которая автоматически соотносится и реконструируется с опорой на внешние и внутренние посылки. Очевидно, что искусственно образовавшаяся

смысловая лакуна выполняет функцию ключевого элемента, на котором вынужденно концентрируется внимание Ии. Процесс согласования предполагает опору на правдоподобное, релевантное «свидетельство» / пример, позволяющее объяснить приписывание различных дополнительных характеристик, которые до этого были не активны.

Однако, при сравнении с реакциями в предыдущих экспериментах, где не было столь сильных ограничений со стороны внешнего контекста, значительных различий в способе представления потенциального внутреннего контекстного обеспечения не наблюдалось: Ии. опирались на краткую передачу фактических сведений, что позволяет определить такой способ в целом как фактивно-когнитивный. Некоторые различия выявляются в более конкретных случаях организации составляющих внутреннего контекстного «бытия». Так, глагол *прилетел*, например, выступает доминантным элементом некой цепочки действий (собирал вещи, ехал в аэропорт, проходил контроль и т.д.), которые подразумеваются, но как бы остаются «в тени», что позволяет определить такую контекстную организацию «свидетельства»-примера как смысловую селекцию и представить в виде схемы «образ объекта / ситуации – самая значимая характеристика». В случае с ответом *возвращался* очевидно обобщённое «видение», что даёт возможность предположить схему «образ объекта / ситуации – функциональное обобщение», а при наличии эмоционально-оценочных характеристик (*добрался*) – «образ объекта / ситуации – обобщённо-оценочный результат».

Возможность выявления схем внутренней контекстной организации представления характеристик объекта обусловлена устойчивостью контекстного опыта реализации схожих причинно-смысловых связей, его своеобразным «эволюционированием». Эти схемы не могут считаться аналогом ситуативных моделей, которые предстают пропозициональными структурами, отражающими как «должен быть» типично представлен объект в некой ситуации. Схемы, в свою очередь, являются продуктом накопления опыта, формируются «снизу–вверх» и отражают примеры того, как может быть представ-

лено контекстное «бытие», опирающееся на множественные пересечения причинно-смысловых связей, имплицуруемых ключевыми словами и обеспеченных механизмом глубинной предикации.

В целом развёртывание контекстного обоснования, очевидно, следует связывать с различием источников информации и ролью индивида в её освоении (о феномене эвиденциальности в языке см. раздел 1.6.3). Активный субъект прямо / опосредованно является заинтересованным свидетелем, который интуитивно выбирает оптимальный путь объяснения происходящего «для себя» с опорой на личный опыт. Прямое «свидетельство» позволяет внутренне описать ранее воспринятое при доминировании перцептивно-предметных деталей (я видел сам и могу судить об этом). В ситуации, когда часть информации представлена прямо в виде результата, а часть косвенно, индивид может осуществить когнитивное обобщение (я видел не само событие, но факты его подтверждающие, и сделал выводы). При косвенности источника информации субъект старается отыскать правдоподобное подтверждение (я слышал от других, не могу поручиться за истинность, поэтому должен найти собственное обоснование).

Предположение о различиях в способах «видения» контекстного обеспечения были высказаны в ходе анализа результатов предыдущих экспериментов, что дало возможность выявить фактивно-когнитивное представление о релевантной контекстной среде характеристик объекта при наличии в различной степени редуцированного внешнего контекста. Определение других способов связано со стимулами, сформированными на базе текстов различной функционально-стилистической специфики: *Сумерки ..., и небо становилось ..., и Страна находится на грани ..., и по расчётам МВФ ей ...*, где пропуски были единичными. В экспериментах участвовал 331 респондент, проанализирована 331 реакция, из которых 7 и 17 отказов соответственно.

При обработке ответов по достройке предложения–стимула *Сумерки ..., и небо становилось ...* был сделан ряд выводов.

1. Формирование образного представления о потенциальном референте обусловлено ключевыми словами *сумерки* и *небо*. На основании предыдущих экспериментов стимул НЕБО рассматривался как детализирующая характеристика событийного переживания знаний о явлении, означенном словом *сумерки*. Кроме того, он входит в ассоциативно-смысловое поле маркеров причинно-смысловых связей стимула СУМЕРКИ (*небо, небо смеркается* и т.д.). В целом образное представление о сумерках рассматривается под перцептивно-предметным углом смыслового «видения» (в примерно 68% ответах).

2. Перцептивно-предметный ракурс смыслового «видения» признаков образного представления ситуации сумерек, задаваемый ключевым словом, очевидно, предопределял отбор релевантных характеристик, позволяющих сформировать потенциальное контекстное «бытие», иногда с изменением самого стимула (*Сумерки. Вечереет. Сильно похолодало*). Иные ракурсы связаны с «видением» сумерек как части суток или фона собственного психоэмоционального состояния (*сумерки моего рассудка*).

3. Несмотря на различия ракурсов смыслового «видения» Ии. позиционировали себя как наблюдателей того, что якобы происходит вокруг, или описывали собственное психоэмоциональное состояние. Процесс такого описывания с опорой на прежний опыт мы связываем с сукцессивно-дескриптивным способом задания контекстных условий, что конкретизируется при помощи ряда схем и формируемых на их основе примеров.

А. Схема «образ объекта / ситуации – перцептивно-предметная детализация» за счёт фокусировки на специфике образа действия и временной локации ([*Сумерки*] *наступали / были всё ближе и ближе / (незаметно) приближались / наступали стремительно / надвигались с течением времени / сгущались* и т.д.); образа действия и пространственной локации ([*Сумерки*] *плавно накрыли горизонт / приближались / ложились на землю / опускались на город* и т.д.); количества параллельно происходящих действий (...[*небо становилось мрачнее. С соседней улицы слышался звон*]); цвета (...[*небо становилось чёрным / серым / синим / оранжево-красным / тёмно-красным / багрово-красным*]

/ *серебряным* и т.д.); освещённости (*тёмное / яркое / ярче и ярче / яснее*); наличии дополнительных объектов (*полное звёзд / всё более и более звёздным / с кристально мерцающим звёздами*).

Б. Схема «образ объекта / ситуации – частичное обобщение» при сохранении перцептивно-предметной детализации ([*Сумерки*] *наступили / закончились / начались / опустились / стали сменять день*, [*и небо* с вычёркиванием глагола *становилось*] *больше не темнело. Мир готовился ко сну; [Сумерки]. Холодный ветер, дождь и ливень, в общем, всё как обычно...* (пунктуация Ии. сохранена).

В. Схема «образ объекта / ситуации – эмоционально-оценочные дополнения» при сохранении перцептивно-предметной детализации ([*и небо* с изменением глагола] *стало более красочным / необыкновенно красивым / невероятно красивого цвета* и т.д.; [*Сумерки*] *разукрасили ночь ... / [небо становилось] оранжево-красным, и взгляд непроизвольно утонял в этой красоте*. Добавление подобных характеристик обусловлено наличием маркеров причинно-смысловых связей в ассоциативно-смысловом поле стимула СУМЕРКИ (*красота, красивый, романтика, поэзия* и т.д.), что предопределяет возможности пересечения прежних контекстов реализации причинно-смысловых связей и формирования релевантных примеров контекстного представления характеристик потенциального референта.

Вербализация свидетельств внутреннего «видения» в основном осуществляется посредством глаголов разнонаправленного движения (*приближались, надвигались, опускались* и т.д.), состояния совершенного вида (*стало, приобрело*) при обращении в основном к грамматическому прошедшему, реже настоящему времени, что даёт возможность отнести переживание значения к прошлому опыту индивида. Отмечается большое число наречий, характеризующих различные параметры движения (*плавно, медленно* и т.д.), качественных прилагательных (*красочный, холодный, тёмный* и т.д.) в сравнительной степени (*яснее, темнее*), прилагательных с обозначением цветового спектра (*синий, серый, багрово-красный* и т.д.), стилистически маркированных повто-

ров (*ярче и ярче, всё более и более звёздным* и т.д.). В ряде случаев Ии. как будто заново переживают красочную картину опускающихся сумерек, фокусируясь не столько на деталях, сколько на собственном психоэмоциональном состоянии.

Отмеченные в предыдущих примерах с наибольшей редукцией внешнего контекста различия в способах «видения» контекстного «бытия» практически сведены только к одному такому способу при почти максимальных внешних контекстных ограничениях. Однако демонстрация одного способа переживания прежнего контекста даёт возможность выявить больше конкретных примеров того, как было организовано представление различных характеристиках объекта, т.е. выявить соответствующие схемы.

Анализ результатов стимула *Страна находится на грани ...*, и по расчётам МВФ ей ... позволяет сделать ряд заключений. Следует отметить, что в исходном тексте это предложение имело вариант: ... *страна [Украина] находится на грани финансового коллапса и, по расчётам МВФ, ей потребуется минимум 40 млрд. долларов* (см. раздел 3.5).

1. Формирование on-line образного представления о потенциальном референте, имплицуемого ключевым словом *страна*, обусловлено внешним ограничением в виде фразеологизма *на грани*. Значение этой единицы языка предполагает наличие «крайнего предела, за которым начинается что-то другое», чаще ещё худшее: *на грани безумия, на грани войны* [Ожегов 1963: 139] и предопределяет характеристику страны как «находящейся в затруднительном / устойчивом экономическом положении, которое должно измениться каким-либо образом». Задействуя внутреннюю посылку, или ЭСП, респонденты из некоего количества государств с проблемами в экономике конкретизируют упомянутую страну на базе прежних примеров опоры на ВЗ, а именно, как Украину или Россию. Однако в некоторых случаях такая дифференциации явно не представлена, и ответы демонстрируют некий обобщённый образ страны в затруднительном положении (*[Страна находится на грани] кризиса, ей необходим капитал*).

2. Прецедентный смысловой ракурс «видения» того, как может переживаться значение стимула УКРАИНА, является в большинстве случаев эмоционально-оценочным с выраженной негативной оценкой. Так, при заполнении первого пропуска подставляются варианты *кризис* (64 реакции), *финансовый / экономический кризис* (14), *дефолт* (20), *распад* (8), *банкротство* (6), *развал*, *вымирание*, *война* (по 3 реакции соответственно), *срыв* (2), *инфляция*, *дисбаланс*, *душевная смерть* и т.д. В одном ответе слово *страна* в стимуле вычеркнуто и заменено на *Украина* (*Украина бедствует ...*).

В некоторых ответах негативная оценка относится к состоянию российской экономики и соседству с Украиной, что передано реакциями в первой части [*Страна находится на грани*] *падения рубля / кризиса / на границе с Украиной* (заданный элемент *на грани* переделан в *на границе*). Однако вторая часть содержит надежды Ии. на лучшее будущее России и меры их осуществлению, необходимые нашей стране в отличие от Украины, чьи перспективы рассматриваются пессимистично. Примерно в 6% ответов наблюдается позитивное «видение» образа страны в трудном положении (*подъём, взлёт, огромный взлёт, обогащение, успех* и т.д.), связанное с ожиданием скорого успеха России ([*Страна находится на грани*] *своего расцвета / возрождения / обогащения / подъёма / огромного взлёта* и т.д.).

3. Анализ заполнения второго пропуска позволил определить стратегии динамического задействования ракурса смыслового переживания значения стимула исходя из образного представления потенциального референта, ракурса смыслового «видения» его характеристик и способа подходящей контекстной реализации. Позиция индивида-наблюдателя происходящего примерно в 4% от числа всех реакций позволяет осуществить детализацию / описание состояния страны, что предполагает наличие опыта осмысления подобных событий и последовательное перечисление фактов. Имплицитная конкретизация страны как Украины, характеристики которой отражают негативный эмоционально-оценочный ракурс смыслового «видения», оказывает влияние

на отбор и организацию компонентов потенциального контекстного «бытия», превращающегося в эмоциональное перечисление проблем.

Не обладая достаточными энциклопедическими или экспертными знаниями, Ии. игнорируют предопределяемые внешним контекстом компоненты и замещает их личными «свидетельствами» развития ситуации, приписывая их позиции МВФ. Например, [*Страна находится на грани дефолта / развала, [и по расчётам МВФ], учителя, врачи, пенсионеры едва выживают / уровень жизни падает, растёт инфляция, безработица / народ выходит на улицу и протестует*), передаваемый при помощи настоящего времени глаголов, тематически однородной лексики с отрицательной коннотацией. Иногда цепочку составляют «свидетельства» эмоционально-оценочных переживаний: ... [*и по расчётам МВФ], простому человеку живётся плохо, многие почти голодают. Страна видится на грани «огромного» взлёта, [и по расчётам МВФ], она тратит на оборону слишком много денег, потому что ей, видимо, уже сейчас их некуда девать.*

Такие примеры представляют собой цепочки, где перцептивно-предметные характеристики или когнитивное обобщение замещены личными эмоционально-оценочными переживаниями, не согласующимися с конвенциональным знанием, передаваемым компонентами внешней посылки (МВФ – это финансовая организация, которая не предоставляет расчётов о народных протестах или голодающих людях и т.д.). Схемой организации компонентов этой цепочки, вероятно, станет «образ объекта / ситуации – субъективные замещения эмоционально-оценочного характера».

Вербально цепочки эмоционально-оценочных характеристик представлены тематической лексикой (*безработица, инфляция, повышение цен, уровень жизни*), которая применительно к России и постсоветскому пространству давно обрела отрицательно-оценочные смыслы; глаголами с негативными коннотациями (*выживать, протестуют, голодать, некуда девать* и т.д.); наречиями (*плохо, огромный* и т.д.); собирательностью существительных и местоимений (*простой человек, многие, деньги*). Такие перечисления стили-

стически маркированы и создают впечатление бедственного положения. Графические средства (кавычки) и просторечное *некуда девать* отражают ироничное отношение к нынешней политике и заявлениям руководства страны, находящейся в сложном финансовом положении.

5. Обобщённое «видение» фактов на общем эмоционально-оценочном фоне наблюдается в 31% ответов. Такой фон часто является негативным и предполагает осознанно выводимое, неотвратимое, фатальное развитие по схеме «образ объекта / ситуации – прежнее причинно-следственный заключение». В качестве примеров можно отметить: ... [*и по расчётам МВФ*], *людям живётся плохо / всем плохо / боль, страдания и мучения продолжаются и будут продолжаться; ей [стране] конец / уже не помочь / быть в этом состоянии недолго / **осталось** недолго / 3 дня до краха / существовать до середины 2016 / 1 месяц, чтобы ликвидировать долги / немного до краха / до распада и революции / до потери власти / протянуть до ближайшего обвала и революции; **грозит** дефолт / финансовый коллапс / инфляция / развал / безработица, бедность и упадок; **предстоит** финансовый коллапс / **будет** трудно восстановить экономику / **придётся** несладко* и т.д.

Отмечены ответы, где высказывается уверенность в осуществлении мер поддержки: ... [*и по расчётам МВФ*], *ей дадут кредит / будет предоставлена финансовая помощь / предоставляется вся необходимая помощь*. Имплиcitное образное «видение» релевантных характеристик страны (России) задаёт положительное развитие событий, несмотря на не слишком благополучное нынешнее: [*Страна находится на грани*] *кризиса, / падения рубля / подъёма, [и по расчётам МВФ], ей / будет трудно в следующем году, но она справится / к ней будут применять санкции / осталось существовать ещё очень долго / гарантировано место в лидерах / будет хорошо / пик процветания России ещё впереди*. Вербально такая фатальность отражена настоящим или будущим временем глагола с признаком результативности в семантике (*осталось, грозит, предстоит, справится*), а также лексикой, характеризующейся наличием

положительных и отрицательных коннотаций (*плохо, коллапс, дефолт, развал, хорошо, лидер, процветание* и т.д.), определительным местоимением (*вся*);

б. Прогноз изменения состояния (65%) связан с поиском мер по изменению текущего положения дел и достижению положительного результата (схема «образ объекта / ситуации – действия по изменению состояния»). Примерами могут стать следующие: ... [*и по расчётам МВФ*], *ей (Украине) надо помочь / пересмотреть все свои внутривластные взгляды / направить все силы на улучшение финансовой ситуации / что-то надо; нужно разумно провести мирные переговоры / начать мирные переговоры / финансовые реформы / взять кредит / в ближайшее время переориентировать курс; необходимо перестроить экономику; понадобятся кредиты / потребуются крупные инвестиции и помощь / Бетман* и т.д.

В случае рассмотрения страны как России ... [*и, по расчётам МВФ*] / [заданная в стимуле часть вычеркнута], *вместе с Китаем России срочно нужно вводить «золотой стандарт / нам необходимо восстановить былую экономическую мощь / немного потерпеть и подождать / ей надо наращивать темп* и т.д. Эмоционально-оценочные характеристики не эксплицируются (они известны а priori), но становятся мотивом к изменению негативного / улучшению состояния, что требует срочных, с позиции Ии., действий.

Средствами языковой передачи выступают модальные предикативы *надо, нужно*; глаголы с признаком необходимости (*понадобится, потребуются*), усиления, изменения, возобновления и т.д. действия (*наращивать, изменить, возобновить, переориентировать, вводить, перестроить* и т.д.), наречие *необходимо*, существительные, прилагательные с положительными коннотативными компонентами (*мирные, крупные, улучшение, реформы, помощь, мощь* и т.д.), определительные местоимения (*все, весь*), имплицитные глобальность предлагаемых перемен.

Отсюда наличие внешнего, языкового контекста, где присутствуют компоненты обобщённой семантики, субъективная конкретизация которых имплицитно эмоционально-оценочное внутреннее «видение» характеристик по-

тенциального референта, предопределяет реакцию Ии. Выделив или конкретизировав «для себя» такой компонент, Ии. посредством поиска ранее сформированных релевантных причинно-смысловых связей создают подходящее, с их точки зрения, контекстное «бытие». Такой поиск аргументов вне информации, задаваемой внешним стимулом, связан, по нашему мнению, со поисково-прогностическим способом объяснения «для себя», т.е. тем, какое, с точки зрения Ии., контекстное обеспечения необходимо для реализации эмоционально-оценочных характеристик потенциального референта. Несмотря на замещение внешне заданного субъективным «видением» Ии. в целом успешно интегрирует собственное ЭСП значения в структуру стимула, встраивая в заданные синтаксические и смысловые рамки.

Проведённые эксперименты по достраиванию стимула показали, что Ии. в процессе понимания осуществляют постоянную опору на ВЗ, согласуя внешне заданное и внутренне сформированный объяснительный имплицитный потенциал посредством выделения ключевых слов и установления причинно-смысловых связей. Первичная проекция понимания значения стимула позволяет создать общее образное представление о потенциальном референте (объекте, ситуации) с учётом эксплицитных характеристик (как правило, обобщённых). Активируемая связь, эксплицированная в виде ассоциата, «высвечивает» структуру внутренней имплицитной опоры понимания (ЭСП), состоящей из ранее сформированных установок того, под каким углом смыслового «видения» могут рассматриваться релевантные характеристики, и каким способом оптимально задать контекстное подтверждение, объясняя «для себя» приписывание объекту этих характеристик.

И ракурс смыслового «видения» наиболее значимых признаков референта, и способ обоснования их значимости «для себя» являются результатами прежнего опыта речемыслительной деятельности (перцептивного, когнитивного, эмоционально-оценочного). Роль индивида в формировании такого опыта опосредована спецификой путей переработки знаний о таком же или подобном референте, а также способом получения информации (прямо или

косвенно), т.е. считает ли субъект внешне заданное правдоподобным и достаточным при объяснении «для себя» или требующим определённой корректировки в опорой на внутренний контекст процесса познания и общения.

Взаимообусловленность компонентов субъективной причинной опоры ЭСП значения при формировании конкретных релевантных примеров объяснения значения «для себя», организация структуры которых обеспечивается рядом схем, можно представить в виде таблицы (см. табл. 13).

Таблица 13. Схемы формирования имплицитных «свидетельств» опоры на ВЗ

Способ объяснения значения «для себя»	Стратегия понимания / объяснения «для себя»		
	<i>Я – воспринимающий наблюдатель</i>	<i>Я – инферирующий аналитик</i>	<i>Я – сопереживающий участник</i>
<i>сукцессивно- дескриптивный</i>	<i>схема «образ объекта / ситуации – перцептивно-предметная детализация»</i>	<i>схема «образ объекта / ситуации – частичное обобщение»</i>	<i>схема «образ объекта / ситуации – эмоционально-оценочные дополнения»</i>
<i>фактивно- когнитивный</i>	<i>схема «образ объекта / ситуации – значимая характеристика»</i>	<i>схема «образ объекта / ситуации – функциональное обобщение»</i>	<i>схема «образ объекта / ситуации – обобщённо-оценочный результат»</i>
<i>поисково- прогностический</i>	<i>схема «образ объекта / ситуации – частичные субъективные замещения»</i>	<i>схема «образ объекта / ситуации – прежнее причинно-следственное заключение»</i>	<i>схема «образ объекта / ситуации – значимая характеристика»</i>
Ракурс смысло- вого «видения»	<i>перцептивно- предметный</i>	<i>обобщающе- результативный</i>	<i>эмоционально- оценочный</i>

Конкретизация характеристик и организация компонентов потенциального контекстного «бытия» происходит на «конкурентной» основе посредством схем, задающих наиболее подходящее «свидетельство»-пример прежнего опыта взаимодействия с этим объектом / ситуаций. Отбор самых релевантных характеристик и оптимальных путей их контекстной реализации опосредован не только внутренними, но и внешними ограничениями, процесс согласования которых требует постоянного самоконтроля.

Опираясь на собственную стратегию понимания, в условиях минимальных внешних ограничений индивид в целом ориентируется на ракурс смыс-

лового «видения» характеристик референта, имплицитный ключевыми словами, и может выбрать любой способ обоснования «для» себя их значимости: в виде последовательного описания с включением некоторых обобщений или эмоционально-оценочных переживаний; обобщения на основе фактов прежнего выделения этих признаков; поиска замен при недостаточной убедительности имеющихся характеристик. Максимальные внешние ограничения заставляют Ии. подстраиваться под существующие условия и выбирать наиболее подходящий способ опоры на ВЗ в соответствии с условиями внешней контекстной среды.

При наличии нескольких ключевых слов происходит активация ряда причинно-смысловых связей, что предполагает потенциальную причинную выделенность сразу нескольких характеристик и задействование нескольких схем потенциальной организации их контекстного «бытия». В этом случае осуществляется отбор наиболее «конкурентоспособных» при активации находящихся до этого «в тени» элементов (дополнительных характеристик), позволяющих сформировать интегративное контекстное подкрепление («свидетельство»-пример), задающее образ результата процесса понимания.

Например, «страна в затруднительном положении» благодаря наиболее значимым (положительным), с точки зрения, Ии. характеристикам была конкретизирована как Россия. Однако ЭСП значения существительного с предложением *на грани* предполагает негативный эмоционально-оценочный ракурс смыслового «видения» признаков потенциального референта. Отбор подходящих составляющих контекстного «бытия» сделал необходимым задействовать поисково-прогностический способ представления «конкурентоспособных» характеристик, что обеспечило вывод «из тени» дополнительных, описывающих успешное будущее страны при сохранении обобщенного признака «крайняя предельность». Такая интеграция привела к появлению примеров, эксплицированных ответами: России находится на грани процветания, успеха, начала экономического роста и т.д.

3.5. Модели опоры на выводное знание при понимании текста

Моделирование опоры на ВЗ в процессе понимания текста предполагает построение моделей инференционного понимания. Предыдущие эксперименты позволили определить стратегии понимания с опорой на ВЗ, выявить глубинную процедурную основу согласования внешних и внутренних посылок понимания, описать процесс имплицитного суждения о наиболее значимых характеристиках референта «здесь и сейчас» с учётом общего способа и конкретных схем организации их контекстного представления. Такие процедурные установки опоры на ВЗ формируются в ходе обретения индивидом опыта задействования ВЗ в процессе понимания и связываются с особенностями путей переработки поступающей информации, а также способа её получения (прямо или косвенно). В целом результат понимания с опорой на ВЗ является экспериенциально разделяемым, т.е. понятным участникам коммуникации благодаря опыту совместной речемыслительной деятельности в социуме, а также – механизму самоконтроля – необходимому условию правдоподобия таких заключений, с точки зрения субъекта и социума.

Согласование внешнего и внутреннего ресурсов осуществляется, с одной стороны, при формировании общего образного представления о референте, на основании эксплицитных характеристик, заданных ключевыми словами. С другой, – за счёт активации причинно-смысловой связи (инференции / ВЗ), что задаёт опору на самую значимую характеристику и прежний контекст её причинного выделения (о двуплановости ВЗ см. раздел 1.1). Субъективность такого согласования и нетипичность прежних смысловых опор (ЭСП) одного из участников коммуникации приводят к снижению степени разделяемости, что вызывает затруднения в понимании, а иногда и его невозможность. Залогом нетипичности ЭСП могут стать экспертные знания, а также специфичность деятельности индивида.

Наличие такого знания, его нестандартность рождает многообразие и причудливость внешних форм выражения и делает читателя активным де-

шифровщиком задуманного автором. Специфика формирования опоры на ВЗ с учётом влияния экспертного знания и сферы его задействования может быть проиллюстрирована при анализе текста сказок Л. Кэрролла об Алисе. Обладая обширными познаниями в области математики, логики и являясь большим поклонником логических игр, в том числе словесных, Кэрролл превратил сказки в сложный, интеллектуальный нонсенс, подобие логической загадки, решению которой посвящены многие научные труды.

Проблема понимания текстов «Алисы в Стране Чудес» и «Алисы в Зеркалье» заключается в различиях ЭСП значения автора и читателя, что приводит к затруднениям в понимании даже с поправкой на специфику английской народной поэзии и интенций писателя по достижению комического эффекта. С нашей точки зрения, Кэрролл сформировал своеобразные ЭСП, где контексты опоры на ВЗ отражают задействование в большинстве случаев языковых знаний без учёта предметной отнесённости, что стало следствием любви автора к головоломкам, шарадам, игре в слова, а также специфики его научных взглядов на язык. Номинализм писателя привел к трактовке имени как ярлыка, значение которого определяется суммой абсурдных, с позиций здравого смысла, но истинных, с точки зрения формальной логики, выводов. Поэтому особую роль в его произведениях играют имена собственные, выступающие внешней причиной / стимулом и имплицитующие значительный смысловой потенциал. Они задают поля ассоциаций, вербально представленных в текстах, которые определяют сюжетные линии сказок.

Примером могут являться имена персонажей *Лакей Рыба (Fish-Footman)* и *Лакей Лягушка (Frog-Footman)*, ставшие авторскими неологизмами, образованными при сложении основ слов *fish, frog, footman*. Оба лакея, как и положено лакеям во времена Кэрролла, одеты в ливреи и имеют соответствующие причёски, но один был очень похож на рыбу, а другой на лягушку, т.е. образное представление о референтах частично сохраняет признаки земноводных (круглое лицо, выпученные глаза), социокультурные атрибуты одежды и поведения лакеев.

He was sitting on the ground near the door staring stupidly into the sky... He was looking up into the sky all time he was speaking, and this Alice thought decidedly uncivil. «But perhaps he can't help it», she said to herself; «his eyes are so very nearly at the top of his head» [Carroll 1967: 92–94].

Однако непонятно, почему именно рыба и лягушка стали лакеями. По нашему мнению, выбор Кэрролла лишь частично обусловлен знаниями о мире (рыба и лягушка являются водными обитателями), а в целом связан с созвучием имён, начинающихся с буквы *f* (*Fish-Footman*, *Frog-Footman*), парностью имён персонажей (например, *Hatter – Match Hare*, *Haigha – Hatta*, *Tweedledee – Tweedledum*) и многократными примерами деформаций устойчивых выражений в текстах сказок. Так, обоснованием парности персонажей может стать фразеологическая единица *to make fish of one and flesh of another* «пристрастно относиться» [АРФС 1984: 334], трансформируемая в свободное словосочетание, где *flesh* заменяется на созвучное *frog*, что дословно переводится как «сделать рыбу из одного и лягушку из другого».

Автор использует весь опыт задеирования энциклопедических и языковых знаний, репрезентируемых именами, часто руководствуясь формальным подходом к реализации таких возможностей. Трактовка имени как ярлыка, значение которого определяется суммой самых разнообразных ассоциаций, позволяет утверждать, что поведение *Frog-Footman* основано именно на таком подходе. Так, персонаж постоянно смотрит в небо, и Алиса пытается объяснить странность Лакея наличием глаз на макушке, что едва ли можно считать убедительным. Если же обратиться к английскому фольклору, то в детской сказке *The Talkative Frog* (*Разговорчивая Лягушка*) мы найдем возможный ответ. Главная героиня, Лягушка, путешествовала по воздуху вместе со стаей гусей, но упала вниз из-за своей болтовни [Для мальчиков и девочек 1971: 102–103]. Кэрролл, несомненно, был знаком со многими детскими сказками и стихами, и подтверждений этому достаточно на страницах его произведений.

Много вопросов вызывает речь Лягушки, а также одежда лакея. Прояснить их нелепость способно само имя *Frog*, апеллятивная основа которого имеет просторечное значение «француз» [Мюллер 1992: 292] с отрицательными коннотациями. Кроме того, общеизвестно презрительное отношение англичан ко всему иностранному, тем более французскому, благодаря соперничеству двух держав на протяжении столетий. Поэтому, имея такое имя, Лакей был обречен стать странным (*he's perfectly idiotic!*) и глупым (*...starting stupidly into the sky*), его высказывания алогичны («*I shall sit here tomorrow - ... - or the next day, maybe*», «*I shall sit here*», *he said*, «*on and off, for days and days*» [Carroll 1967: 93–94]), он делает грамматические ошибки, допускает тавтологические повторения, что напоминает речь иностранца.

Странное безразличие Лакея к летящей в голову посуде и непонятное поведение также подтверждают, что перед нами образ, отличный от остальных «английских» персонажей, говорящий глупости и нелепым образом одетый. Во времена Кэрролла «... совсем исчезает парик и напудривание волос, а также треугольная шляпа, кружевное жабо и манжеты...». Парад пышных причесок, принятых в Париже, «представляется англичанам весьма безвкусным, и если такая дама появляется в Лондоне, то ей вслед свистят и бросают комки грязи» [ИЭМ 1988: 255, 323]. Судя по рисункам Д. Тенниела, одежда Лакея-Лягушки как раз соответствовала высмеиваемой англичанами моде.

В «Алисе в Зазеркалье» читатель вновь встречается с Лакеем Лягушкой, который успел состариться, но также бестолково смотрит на мир (*The Frog looked at the door with his large dull eyes*), говорит с ошибками (*I speaks, wexes* вместо *vexes*), но имеет отличия в одежде (огромные сапоги) и неотступно сторожит дверь:

...a very old Frog got up and hobbled slowly towards her: he was dressed in bright yellow, and enormous boots on... «Where's the servant whose business it is to answer the door?» Alice said angrily. «Which door?» said the Frog. «This door, of course!». «To answer the door?» he said. «What's it been asking of?». «Nothing» Alice said impatiently. «I've been knocking at it!». «Shouldn't do that —» the

Frog muttered. «Wexes it, you know». Then he went up and gave the door a kick with one of his great feet ... [Carroll 1966: 189–192].

Эпитет *enormous* («огромный») подчеркивает важность существительного *boots* («сапоги») и помогает проследить ассоциацию автора: лакей очень стар, но остается на своем посту. Очевидна связь с фразеологизмами *to answer the door* и *to die in one's boots* («отвечать на звонки» и «умереть на посту» [АРФС 1984: 35, 87]), которые превращаются в свободные словосочетания с реализацией буквальных значений компонентов. Глагол *to boot*, производный от существительного *boot* и синонимичный *to kick* («ударить ногой» [LDCE 1992: 108]), предопределяет действия Лакея. Он говорит хриплым голосом (*hoarse voice*), где *hoarse* означает «rough-sounding, as though the surface of the throat is rougher than usually, e.g. when a person has a sore throat» [цит. раб.: 498] (хриплый звук, как при больном горле). Существует фразеологическая единица *a frog in one's throat*, означающая «a difficulty in speaking because of the roughness in the throat» [Мюллер 1992: 292] (разрядка наша – О.Г.), т.е. близкий по значению *hoarse voice* и включающий элемент *frog*.

В целом интегративную выводную опору ЭСП значения имен *Fish-Footman* и *Frog-Footman*, вербально заданную в текстах сказок, можно представить графически (см. рис. 7).

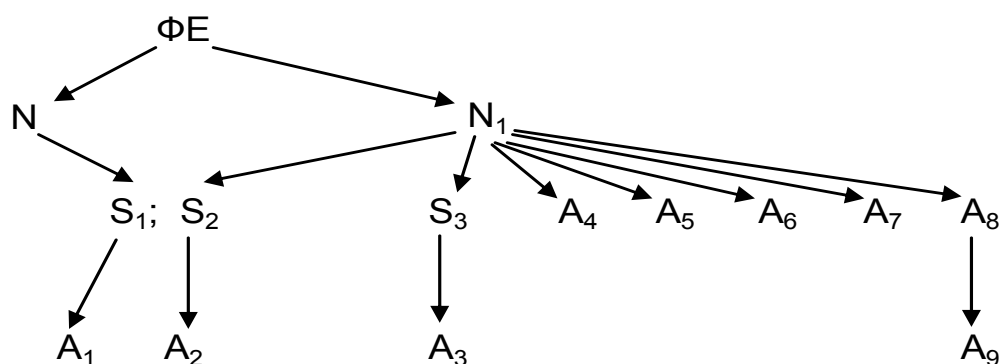

Рис. 7. Структура ЭСП значения имён *Fish-Footman* и *Frog-Footman*

На рисунке фразеологическая единица (ФЕ) *to make fish of one and flesh of another* «пристрастно относиться» становится имплицитной основой создания

имён лакеев. N обозначает *Fish-Footman* и N₁ – *Frog-Footman* с контекстными значениями S и S₁ («обитатели водоемов» и «лакей, привратник» соответственно). S и S₁ благодаря ассоциативной связи выводят на A₁ – «пародия на чопорных лакеев», A₂ – «дверь», так как оба лакея не отходят от двери, колодят в нее и т.д.

N₁ имеет значение S₃ «француз», которое порождает ассоциацию A₃ «чужестранец», несущую негативную оценку (неправильная речь, одежда). Странность манер лакея и ассоциативная связь с детской сказкой «*The Talkative Frog*» объясняют ассоциативную связь N₁ со словом «небо» (A₄). N₁ также содержит элемент *foot* «ступня», который ассоциативно связан с A₅ (*great feet* «огромные ступни» лакея), A₆ (глагол *to boot*, синонимичный *to kick* «ударить ногой»), A₇ (фразеологические единицы *to answer the door* «отвечать на звонки в дверь», *to die in one's boots* «умереть на посту»), A₈ (*a frog in one's throat* «трудности с произнесением слов») и A₉ (словосочетание *hoarse voice* «хриплый голос»), что отличает манеру Лакея Лягушки разговаривать.

Проведенный анализ подтверждает, что поведение героев, сюжетная линия диктуются общей стратегией Кэрролла по созданию комического эффекта, которая получает реализацию посредством задействования имплицитного причинного потенциала, или субъективных «свидетельств» того, что может означать слово, исходя из прежних контекстов, вербальных и невербальных, объяснения «для себя» с задействованием перцептивного, когнитивного, эмоционально-оценочного опыта самого автора.

В целях проведения дальнейшего исследования было сочтено целесообразным проверить экспериментально, насколько существенны могут быть расхождения в понимании-переживании смыслового содержания текста. Отсюда выдвигается *рабочая гипотеза б*: понимание текста субъектом зависит от степени задействования ВЗ.

Для проверки этой гипотезы был проведён эксперимент, связанный с формулированием основной мысли четырёх текстов–стимулов. В эксперименте приняли участие 581 Ии., обработано 581 проекция текста, а также 2827

реакций в виде ключевых слов. Задание эксперимента состояло из двух этапов: 1) прочитать текст и выделить ключевые слова (примерно 3–7); 2) определить основную мысль текста.

При понимании представленной в виде текста информации необходимо учитывать проекции внешней (ключевые слова, особенности синтаксической структуры, функционально-стилистическую неоднозначность) и внутренней посылок (релевантное ЭСП). В такой трактовке текст – это особая форма общения, которая позволяет вывести потенциальный контекст предыдущей опоры на ВЗ и пережить его «здесь и сейчас». Необходимо отметить, что возможность «импорта» синтаксической структуры вербального стимула доказывается на примере имплицитного эффекта синтаксического прайминга при задействовании модели интерактивной координации. Координация усилий коммуникантов может рассматриваться как локальная согласованность, когда воспринимающий, реализующий нейтральную стратегию уподобления, «наследует» синтаксическую структуру высказывания своего визави. Глобальная согласованность достигается, когда синтаксическая конструкция не сохраняется вследствие эгоцентричности стратегии, но в целом имплицитно учитывается, что, вероятно, имеет место и в случае согласования за счёт экстралингвистических факторов (см.: [Федорова 2013: 38–40]).

Определяя текст как внешнюю посылку понимания с опорой на ВЗ, мы считаем его своеобразным вербальным руководством для формирования предположения об ЭСП излагаемого автором содержания (проекция автора / первичной проекции понимания) и активации ЭСП воспринимаемого читателем, т.е. непосредственную опору на ВЗ (проекция читателя). Выделение этапов опоры на ВЗ при понимании задаёт, во-первых, наличие опорных точек, представленных ключевыми словами, стилистическими особенностями текста, на основании которых читатель строит общее образное представление о предметной сути сказанного автором, раскрывающее «свидетельства» личного опыта решения проблемы и вербальное воплощение результата.

Проекции автора и читателя могут обнаруживать определённую близость, совпадать частично либо не совпадать, что предполагает выделение трёх моделей осуществления процесса понимания с опорой на ВЗ: модель минимального задействования ВЗ, модель смыслового паритета, модель смыслового сдвига. Формирование таких моделей согласуется с предложенной выше гипотезой и делает необходимым поиск экспериментального подтверждения. Отсюда были проведены эксперименты по формулированию основной мысли текста по специальности экономической тематики, двух публицистических текстов из сети Интернет, касающихся злободневных тем об Украине и здоровье Е. Плющенко после выступления на Олимпиаде в Сочи, и отрывка из художественного произведения В. Набокова.

Текст по специальности представлял собой развёрнутое определение термина «паевой инвестиционный фонд», представленное на сайте Википедии [ru.wikipedia.org]:

ПИФ является имущественным комплексом, без образования юридического лица, основанным на доверительном управлении имуществом фонда специализированной управляющей компанией с целью увеличения стоимости имущества фонда. Таким образом, подобный фонд формируется из денег инвесторов (пайщиков), каждому из которых принадлежит определённое количество паёв. Инвестиционный пай (пай) – это именная ценная бумага, удостоверяющая право её владельца на часть имущества фонда, а также погашения (выкупа) принадлежащего пая в соответствии с правилами фонда. Каждый инвестиционный пай предоставляет его владельцу одинаковый объём прав. Учёт прав владельцев инвестиционных паёв (реестр) ведётся независимой организацией, ведущей реестр владельцев паёв. ПИФ является предусмотренной российским законодательством формой взаимного фонда.

Создавая первичную проекцию понимания с опорой на ВЗ, Ии. выделили ключевые слова как вербальные стимулы активации внутренней посылки (ЭСП), среди которых: *ПИФ* (64 реакции), *взаимный фонд* (29), *инвесторы* (*пайщики*) (20), (*инвестиционный*) *пай* (20), *ценная бумага* (16), *имущественный комплекс* (15), *деньги* (12), *в доверительном управлении* (12), *имущество* (10), *увеличения стоимости* (9), *право* (7), *объём прав* (7), *без образования юридического лица* (5), *имущественный* (5), *часть* (5), *одинаковый* (5), *законодательство* (5), *владельцы* (2), *российское* (2) и т.д.

Модель минимальной опоры на ВЗ (39 проекций или 25,5% от общего числа 153 проекций при 8 отказах или 5%) предполагает первичную проекцию понимания с опорой на ВЗ, т.е. того, как Ии. видит смысловые вехи текста, опосредующие формирование общего представления о потенциальном референте. Этот необходимый для процесса согласования внешних и внутренних посылок этап позволяет даже при отсутствии или недостаточности экспертных знаний обеспечить понимание *ad hoc*. Данная проекция характеризуется значительным количеством либо последовательно выделяемых ключевых слов (иногда целых предложений), либо отдельных элементов смыслового ряда (*ПИФ, имущественным комплексом, с целью увеличения стоимости, форма взаимного фонда* и т.д.), которые помогают читателю сформировать образное представление о возможном референте, корректируемое *on-line* в контексте собственного опыта.

Полученные результаты показывают, что схожесть проекций внутренней и внешней посылок происходит благодаря общности ракурса «видения» признаков потенциального референта, активируемых ключевыми словами. Так, термины, слова абстрактной семантики (*взаимный фонд, пай, ценная бумага, увеличение*) имплицитно ассоциативно-смысловые поля маркеров (*часть, целостность, деньги, доверие, прибыль, доход* и т.д.), которые в совокупности высвечивают перцептивно-предметный либо эмоционально-оценочный ракурсы смыслового «видения». Другим условием является близость способа представления этих характеристик во внутреннем контексте познания и общения читателя и синтаксической организации текста (особенностей описания структуры и деятельности паевого фонда).

Схожесть ракурсов смыслового «видения» характеристик обеспечивается вербальной фиксацией общего предметного представления о референте (фонд как совокупность паёв, управление которым осуществляет специализированная организация), что отражено большим количеством выделенных ключевых слов, словосочетаний и предложений (*пай, имущественный комплекс, паевой фонд – это ..., из денег инвесторов, управляющей компанией* и т.д.). Ии. не

нужно «додумывать» в условиях нехватки экспертных знаний, так как его устойчивое внутреннее «видение» в целом не противоречит тому представлению о потенциальном референте, которое формируется on-line. Отсюда респондент как воспринимающий наблюдатель создаёт последовательность необходимых составляющих, или «свидетельство» понимания текста с опорой на ВЗ.

Близость синтаксической структуры текста сукцессивно-дескриптивному способу внутреннего контекстного представления характеристик референта приводит к созданию схожей последовательности «здесь и сейчас» с поправкой на субъективность опоры на ВЗ. Это вербализуется посредством смысловых замен (*одинаковый объём прав – равными правами; имущественный комплекс – коллективное владение*), изменения грамматической конструкции (*без образования юридического лица – не существует юридического лица*); средств словообразования (*доверительное управление – на доверии; из денег инвесторов – из инвестиций; учёт паёв ... ведётся независимой организацией – независимая организация ведёт учёт паёв для поддержания официальности, стабильности и документации*) и т.д. Такие замены не несут значительных изменений смысла и часто опираются на морфологические изменения формы (*прав – правами, доверительный – на доверии* и т.д.) либо предметность семантики подходящей замены (*без образования – не существует, имущественный – владение, комплекс – коллективное* и т.д.).

Компоненты последовательности представляют собой, с точки зрения Ии., более подходящее описание, составленное «для себя» и состоящее из набора фактических «свидетельств»: *ПИФ, имущественный комплекс, основан на доверительном управлении имуществом фонда / Фонд формируется из денег инвесторов. Имеется ценная бумага, удостоверяющая право владельца на часть имущества фонда, называемая инвестиционным паем / ПИФ – инвестиционный фонд, который формируется из денег инвесторов с целью увеличения стоимости имущества. Каждый владелец имеет инвестиционный*

пай, который он может вложить с помощью команды специалистов, являющихся сотрудниками фонда и т.д.).

Некоторые описания содержат субъективные обобщения, которые помогают Ии. лучше разобраться в смысле текста: *Поделили пай или деньги, теперь ими управляем, а потом делим прибыль / Инвесторы создают фонд, который управляет денежными средствами, вложенными в этот фонд и т.д.* Наличие слов *деньги, прибыль, стоимость, гарантии, стабильность, официальность* и т.д. дают возможность не только произвести необходимые замены и обобщения, но и приписать эмоционально-оценочные характеристики: *Став пайщиком фонда, можно выкупить и стать владельцем имущества фонда, который, вкладывая деньги, должен извлекать из вложения максимальную прибыль, тем самым увеличивая стоимость вкладов.*

Эмоционально-оценочная специфика описания фонда, его работы, последствий взаимодействия с клиентами является в основном положительной, хотя в тексте об этом ничего не сказано. Такое прогнозирование предопределено ракурсом смыслового «видения», закреплённого за многими словами, связанными с экономической сферой деятельности, о чём уже упоминалось выше. Вербально такие характеристики переданы прилагательными (*максимальная, доверительный, денежный* и т.д.), существительными с соответствующими коннотациями в семантике (*увеличение, прибыль* и т.д.), причастными определительными.

Отсюда текст по специальности содержит лексические единицы терминологической направленности и абстрактной семантики, в нём объективно отсутствует конкретно-предметная, эмоционально или оценочно окрашенная лексика. При его понимании с опорой на ВЗ наблюдаются различия ракурсов смыслового «видения» характеристик потенциального референта, что выявляется посредством ассоциативно-смысловых полей маркеров. Однако «свидетельства» прежний ЭСП, активируемые причинно-смысловыми связями, обнаруживают схожесть способа представления этих характеристик, что позволяет Ии. создавать по схемам последовательные описания деятельности по-

тенциального референта, близкие соответствующему описанию в тексте, но с поправкой на ресурсы имплицитного потенциала. «Свидетельства» внутреннего «видения» более предметны, содержат перечисление конкретных составляющих, возможных действий, обусловленные частичными обобщениями и эмоционально-оценочными добавлениями.

В отличие от первой, модель смыслового паритета (91 случаев – 59,5%) предполагает лишь частичное совпадение внешних и внутренних посылок понимания с опорой на ВЗ на основе стратегии «Я–инферирующий аналитик». Реализация этой стратегии обуславливает изменения способа внутреннего контекстного обоснования выделения значимых характеристик потенциального референта. При по-прежнему сохраняющихся различиях ракурса их смыслового «видения» этот способ отличается представлением отдельных характеристик объектов, действий в виде фактов их взаимосвязи, характеризующим обобщённостью. Такой фактивно-когнитивный способ контекстного «бытия» предполагает: 1) отбор наиболее важного смыслового компонента, обеспечивающего для Ии. понимание целого; 2) обобщение знаний о потенциальном референте в рамках функционально-тематической области; 3) определение значимости / отсутствия надобности в понимании текста, оценки его влияния на формирование соответствующего опыта субъекта.

В ряде ответов демонстрируется селективное изъятие релевантных фрагментов, дополненных собственными обобщающе-результатирующими выводами, выделяющими главную, с точки зрения Ии., характеристику паевого фонда (*ПИФ является предусмотренной российским законодательством формой взаимного фонда / ПИФ – это фонд для увеличения стоимости имущества пайщиков / ПИФ формируется из денег инвесторов / Пай – ценная бумага, предоставляющая его владельцу одинаковый объём прав и т.д.*).

Иногда Ии. осуществляют добавления, касающиеся «видения» цели фонда (*Цель фонда – увеличить стоимость своего имущества / ПИФ – управляющая компания, созданная с целью прибыли / ПИФ – одна из форм инвестиции, основанная на доверительном управлении третьими лицами ваших денег*

/ ПИФ – это имущественный комплекс, который формируется инвесторами и выпускает именные ценные бумаги / Пай – это именная ценная бумага, дающая владельцу одинаковый объём прав и т.д.). Респонденты демонстрируют желание сделать текст по специальности более доступным (*Простым языком, ПИФ подразумевает управление имуществом фонда компанией .../ Суть – ПИФ владеет ценными бумагами*). В данном случае, несмотря на минимальность смысловых отклонений, Ии. осуществляют обобщение с выделением основной мысли, снабжённое когнитивным выводом о наиболее релевантном факте, который может заместить целое.

Обобщение в более широком масштабе производится при обращении к функционально-тематической области, касающейся деятельности фондов в целом (*Объяснение принципа работы какого-то фонда / Каким образом организован фонд и права его участников / Определение термина ПИФ, его функций в экономике / ... о том, что такое ПИФ, на каких основаниях он существует, на чём специализируется, из чего формируется, а также что такое пай и какие права он предоставляет и т.д.*) с вербализацией посредством лексики с обобщающей семантикой (*определение / структура / функции / принципы*). Максимальное обобщение может быть вызвано отсутствием мотивации вникать в суть текста, а также приоритетом первого элемента текста, что связывают с эффектом «якорения» (anchoring), открытым А. Тверски и Д. Каннеманом. Среди примеров такого обобщения можно назвать следующие: *О паевой фонде / Об имущественном комплексе ПИФ / Описание / Определение / Пояснение / Характеристика ПИФа / пая / Рассказ о ПИФе / Передача информации о ПИФе / Что такое ПИФ / Место ПИФ в экономике / Финансы / Речь идёт о финансовых корпорациях / и т.д.* Наблюдается использование глаголов и отглагольных существительных, связанных со способом передачи информации (*разъяснить, передать, раскрыть, объяснение, пояснение, описание и т.д.*), а также задействование вербальных обозначений суперординат категории (*финансы, экономика, структура и т.д.*).

Эмоционально-оценочные характеристики в случае с опорой на фактивно-когнитивный способ их внутреннего «видения» представлены обобщённо и связаны с признанием значимости понимания такого текста для Ии. или, наоборот, бесполезностью. В этом случае Ии. признают факт недостаточности собственных экспертных знаний (*Текст помогает неспециалисту разобраться в таких понятиях, как ПИФ и пай / Объяснение юридического термина для обычных людей и т.д.*), заслугу автора (*Автор данного текста рассказывает нам о важную информацию о ПИФ / Объяснение читателю, что такое ПИФ / ... хочет передать читателю или слушателю основные функции и возможности ПИФа / Основная мысль текста заключается в том, что автор раскрывает понятие ПИФа и т.д.*). Значимость текста подтверждается опорой на лингвокультурные доминанты, отражающие общность морально-этических норм и оценок (*ПИФ основан на доверительном управлении, что предполагает сотрудничество и равные права и т.д.*). Обращение к ним обусловлено аффективными (в целом положительными) коннотациями термина *взаимный фонд*, чьё ассоциативное поле содержит маркеры *помощь, доверие, поддержка, сотрудничество, содружество* и т.д.

Следует отметить, что некоторые Ии., отказавшиеся выполнять предложенное задание, тем не менее, оставляли замечания о бесполезности работы с таким текстом в виде эмоционально сформулированных вопросов (*Это просто определение из Википедии, как тут можно выявить основную мысль? / Как можно найти основную мысль текста в экономическом определении, скаченном из Википедии???* (пунктуация автора сохранена) / *Какая может быть основная мысль текста (термин из литературы) у определения из учебника или, хуже того, из Википедии?* и т.д.). Ряд респондентов прямо признают отсутствие экспертных знаний, что делает невозможным для них понимание специального текста (*Не понимаю этот текст, для меня искать здесь основную мысль – это как читать китайскую грамоту / Не будучи юристом или экономистом, я не могу точно выделить основную мысль этого текста / Не разобрался в этом «тёмном лесу»* и т.д.). Другими словами, отсутствие

эмоциональности и экспрессивности в специальном тексте Ии. замещают обобщающей оценкой его релевантности для формирования собственного опыта объяснения таких текстов.

Модель смыслового сдвига (15 проекций или 10%) предполагает фокусировку на уже сложившемся мнении / оценке и переход к иному смысловому развитию знаний о потенциальном референте. Такие сдвиги происходят, когда текст характеризуется Ии. как информативно неполный, не раскрывающий глубину подлинных причин. Стратегия «Я – сопереживающий участник» коррелирует с поисково-прогностическим способом формирования контекстного «бытия», что позволяет Ии., даже не обладая необходимым объёмом знания, найти возможность перехода от малоизвестной к интересующей его проблематике.

Эмоционально-оценочные характеристики не извлекаются из текста, а приписываются исходя из «свидетельств» личного опыта, релевантных, по мнению Ии., ad hoc. С нашей точки зрения, переосмысления имеют языковые и неязыковые причины: обращение к терминологии, лексике абстрактной семантики, эмоционально-оценочному прецедентному «видению» характеристик потенциальных референтов, имплицитируемых терминами из сферы экономики, недостаток экспертных знаний и желание объяснить «для себя» незнакомое привычным образом. Результаты позволили выявить следующие примеры смыслового сдвига.

1. Переход от особенностей характеристик самого фонда, его деятельности к поиску и приписыванию потенциальных преимуществ, замещению информации из текста собственным эмоционально-оценочным мнением (*Инвестиционный пай является выгодной формой вложения средств, потому что он основан на взаимной и дружеской договорённости сторон / Вместе управляем, а потом делим прибыль поровну, и все довольны и т.д.*). Отправной точкой поиска «свидетельства» личного опыта может стать фонетическое сходство аббревиатуры ПИФ и междометия *пиф-паф*, что приводит к частному выводу на базе перцептивно-предметной информации: *Текст про войну: пиф-*

паф. Такой смысловой переход возможен благодаря специфике деятельности Ии. (часть являлась курсантами военной академии) и желанием в шутливой форме скрыть недостаток знаний в экономической сфере.

2. Поиск причинно-следственного обоснования выгоды / невыгодности ПИФа (совместное управление, коррупционные средства, наличие заинтересованных нечестных лиц, риск и т.д.): *Главное – сотрудничество / Взаимное доверие – очень важная вещь и имеет место даже в экономике / Финансовая пирамида / Основная мысль – содрать с народа побольше денег, чтобы обогатить фонд / Паевой фонд – это ещё одна пирамида, только одобренная государством / Паевой фонд – это форма вывода коррупционных средств для заинтересованных лиц, её цель – нахапать денег и т.д.*

3. Обобщение оценки, что сопровождается обращением к знаниям о паевом фонде в рамках социокультурных универсалий, что позволяет перевести заключение о главной мысли текста в совершенно иную плоскость: межличностных отношений (*доверие, сотрудничество*), экономики (*финансовая пирамида*), деятельности государственных структур (*коррупция*) и т.д.

Вербализация сформировавшихся эмоционально-оценочных выводов достигается посредством модальных предикативов (*надо, нужно*), краткого прилагательного *необходим*, придаточных причины (*ПИФ, пай необходимы, потому что они приносят деньги / Деньги в фонд надо вкладывать, так как там и права, и гарантии, и доверие и т.д.*), разговорной лексики (*содрать побольше денег, нахапать*), единиц языка, принадлежащих к разным частям речи с эмоционально-оценочными компонентами в семантике (*обогащать, узаконенная финансовая пирамида, коррупционные, взаимное доверие и т.д.*).

Следовательно, понимание текста специального характера с опорой на ВЗ обнаруживает ряд особенностей, которые определяются внешним и внутренним посылом. Среди них: 1) терминологическая лексика и стиль научного описания; 2) перцептивно-предметный и эмоционально-оценочный ракурс смыслового «видения» характеристик релевантного референта, образное представление которого имплицировано ключевыми словами; 3) выделен-

ность фактивно-когнитивного способа внутреннего представления характеристик, что позволяет Ии. как «инферирующему аналитику» осуществить смысловую селекцию и вывести частные обобщения, сформулировать общее видение в рамках функционально-тематической области, определить значимость / бесполезность работы с таким текстом; 4) частичное совпадение внешних и внутренних посылок определяет значимость модели смыслового паритета, когда сделанные субъектом заключения о содержании текста в определённой степени обусловлены его стремлением выделить основную мысль, обобщить, причиной чего может стать сложность лексической / синтаксической организации текста, его специальный характер, отсутствие / недостаток экспертных знаний читателя, особенности его ЭСП.

Следующим текстом, выбранным для эксперимента (участвовало 153 Ии., обработано 153 проекции при 3 отказах, что составляет 2% от общего числа ответов), стал размещённый в сети Интернет русскоязычный обзор статьи из немецкого издания *Handelsblatt* (Москва, 17 марта – РИА Новости):

Надежды Петра Порошенко на щедрую финансовую поддержку Германии могут не оправдаться, пишет немецкое Handelsblatt. Издание отмечает, что президент Украины не просто так использует свое обаяние, ведь страна находится на грани финансового коллапса и, по расчетам МВФ, в будущем ей потребуется минимум 40 миллиардов долларов. Даже недавний кредит МВФ страну вряд ли спасет. Порошенко рассчитывает и на прямую помощь Германии, из-за чего немецкое издание окрестило Украину «дорогим другом» ФРГ. Handelsblatt приводит слова председателя Восточного комитета германской экономики Экхарда Кордеса, который заявил: «Финансовые потребности Украины огромны. Никто в одиночку не может стабилизировать страну – ни МВФ, ни США, ни ЕС. Они все должны сесть за стол переговоров, включая Россию» [ria.ru].

Приведённый выше текст является одной из многочисленных публикаций, посвящённых проблемам Украины. К особенностям данного текста можно отнести принадлежность к публицистическому (газетному) стилю речи [Арнольд 2002: 282], что предполагает обсуждение острых проблем и сопровождается задействованием прецедентных имён, большого количества оценочной лексики, с сильной эмоционально-экспрессивной окраской, синтаксических конструкций, способствующих созданию эмоционального напряжения, наличием прямой речи и т.д. Данный текст содержит значительное количество слов с эмоционально-оценочной окраской (отрицательной и положи-

тельной), что способствует возникновению своеобразного эффекта контраста между реальным положением страны (*на грани финансового коллапса, потребности огромны* и т.д.) и радужных надежд на финансовую помощь (*щедрая финансовая поддержка, прямая помощь*), ироничных эпитетов («*дорогой друг*»), разговорного (*окрестило*), усилительных отрицательных конструкций (*никто ... – ни ..., ни ..., ни ...*) и т.д. В тексте практически отсутствует описание текущего положения дел на Украине, он посвящён экспертной оценке путей выхода из кризиса.

Формирование образного представления о потенциальном референте (проекция автора) осуществляется через выбор Ии. ключевых слов в количестве 972 реакций (наибольшее число по сравнению с остальными текстами-стимулами): *финансовый коллапс* (87), *надежды* (52), *(стол) переговоров* (51), *финансовые потребности* (48), *Украина* (48), *(финансовая) поддержка* (46), *(Пётр) Порошенко / президент Украины / президент* (45), *(прямая) помощь* (44), *не оправдаться* (43), *огромны* (42), *Германии* (37), *стабилизировать* (37), «*дорогой друг*» (37), *на грани* (34), *кредит* (32), *страна* (29), *вряд ли спасёт* (28), *(включая) Россия* (22), *рассчитывает* (20), *не может* (19), *в одиночку* (18), *(минимум) 40 млрд. долларов* (17), *никто* (15), *все* (14), *должны* (13), *(использует) обаяние* (10), *щедрая* (10), *потребуется* (10) и т.д. Отмечено выделение словосочетаний или целых предложений в качестве ключевых единиц (*сесть за стол переговоров, помощь Германии* и т.д.).

Маркирование эксплицитных смысловых опор предполагает определённое «видение» релевантного ad hoc образа потенциального референта, которым может являться конкретная страна в сложном финансовом положении, лидер этой страны, другие причастные к разрешению проблемы страны (*Россия, Германия* и т.д.). Выдвижение того или иного референта в качестве активного задаёт вариации в формулировании основной мысли текста (описание тяжёлого экономического положения Украины с вынесением вероятного фатального прогноза, оценка деятельности президента страны или иных заинтересованных участников, а также прогнозы возможных действий).

По результатам предыдущих экспериментов со стимулами УКРАИНА, КРИЗИС, КРЕДИТ наиболее выраженным ракурсом устойчивого смыслового «видения» выступал эмоционально-оценочный, что сформировало в целом отрицательное отношение к проблемам Украины, уверенность в негативном влиянии кризиса (*нищета, голод, безденежье* и т.д.), отрицательном воздействии кредита (*рабство, кабала, долговая яма* и т.д.). Наличие этих слов в тексте предопределяет оценки, пессимизм которых подтверждён и в самом тексте («*дорогой друг*», *вряд ли спасёт, никто, в одиночку* и т.д.).

Предыдущий опыт экспериментальных исследований (см. раздел 3.4) даёт возможность предположить, что вероятнее всего в качестве референта будет рассматриваться страна в сложном финансовом положении при фокусировке на деталях его описания, обобщающих выводах или прогнозе изменения состояния, а также действий по его улучшению. В случае текста, где респондент не ограничен заполнением пропуска элемента предложения, а потенциально может выбрать любой смысловой аспект в качестве доминантного, вопрос понимания связан с объёмом ВЗ, которое привлекается для восполнения того, что, с точки зрения читателя, не досказано автором.

Реализация модели минимальной опоры на ВЗ (отмечена в 35 проекциях – 23%) предполагает, что проекция автора, видимая глазами инферирующего субъекта, во многом близка его собственному опыту, представленному в виде ЭСП. Полученные результаты показывают, что извлекаемые из текста сведения о ситуации на Украине, мерах по поддержанию стабильности, сомнениях в их эффективности и необходимости поиска новых решений во многом близки внутреннему переживанию проблемы субъектом (*на грани финансового коллапса, финансовые потребности огромны, недавний кредит вряд ли спасёт, прямая помощь Германии, надежны могут не оправдаться* и т.д.).

Совпадение с сукцессивно-дескриптивным способом контекстного представления характеристик приводит к тому, что воспринимающий текст Ии. выступает наблюдателем внешне происходящего и воспроизводит схожие итоги прежних наблюдений в виде смысловой цепочки с поправкой на субъ-

ективность собственных ЭСП. Это отражено в ряде смысловых замен (*коллапс – кризис, крах; сесть за стол переговоров – поспособствовать решению, президент – правительство* и т.д.), перестановок фактических сведений в этой последовательности (*Украина находится на грани финансового кризиса, никто в одиночку не может стабилизировать страну. П. Порошенко рассчитывает на щедрую финансовую помощь / У Украины огромные финансовые потребности. Она находится на грани финансового краха. Правительство Украины рассчитывает на финансовую помощь других стран, в частности Германии. Никто в одиночку не сможет стабилизировать страну. МВФ, США, Украина и Россия должны сесть за стол переговоров* и т.д.).

Последовательность фактов / событий, представленная в тексте, дополняется собственными когнитивными заключениями о положении дел, что отражено изменением грамматического времени (настоящего на прошедшее): *Экономика Украины развалилась, для её восстановления требуется огромная сумма денег. Ни одно государство в одиночку не в состоянии помочь Украине / В Украине финансовый кризис. Порошенко рассчитывает на помощь Германии, однако в одиночку она не смогла стабилизировать страну кредитом. МВФ, США, ЕС и Россия должны все вместе поспособствовать решению этого вопроса* и т.д.).

Ии. приходят к выводу о значимости роли президента и рассматривают П. Порошенко как возможного референта (*Из-за сложившейся ситуации на Украине Порошенко ожидает помощи для своей страны. Он видит в Германии огромную поддержку, но из-за кредитов Украины эта помощь дорого обходится*). Словосочетания *надежды П. Порошенко, рассчитывает на помощь* трансформируются в *ожидает помощи; потребности огромны – в огромную поддержку; «дорогой друг» – в дорого обходится*. Наличие отрицательного смыслового ракурса «видения» релевантных характеристик референта стимула КРЕДИТ также позволяет сделать вывод о «дороговизне» дружбы с Украиной для Германии и потенциальных проблемах самой Украины (... *из-за кредитов Украины эта помощь дорого обходится*).

Акцентирование внимания на эмоционально-оценочных характеристиках приводят к их усилению в тех случаях, когда ракурс смыслового «видения» является эмоционально-оценочным (*У Украины финансовые потребности чрезмерно велики! С её долгами и запросами ни немцы, ни американцы, ни Россия не смогут в одиночку поднять страну / Украина – это очень «дорогой друг». Стране нужна слишком щедрая финансовая помощь, которую она едва ли получит* и т.д.). Производимые Ии смысловые замены опираются на лексические перестановки (*щедрая поддержка, прямая помощь – щедрая помощь, Германия, США – немцы, американцы, потребности – долги и запросы* и т.д.), усиление качества (*очень, чрезвычайно, слишком*) и не ведут к каким-либо значительным смысловым сдвигам (*надежды вряд ли оправдаются – едва ли получит поддержку* и т.д.).

В отличие от первой, модель смыслового паритета позволяет реализовать стратегию читателя-аналитика, что предполагает лишь частичное совпадение сосуществующих как частный пример ЭСП Другого и встречное субъективное обобщение, которое читатель обосновал либо личными, либо конвенциональными итогами прежнего опыта опоры на ВЗ. Здесь фактивно-когнитивный способ представления контекстного «бытия» при учёте различных ракурсов смыслового «видения» характеристик потенциального референта позволяет сформировать общее умозаключение. В целом было выявлено 46 случаев (30%) понимания текста при задействовании этой модели, которые позволили обнаружить ряд тенденций.

1. Отбор фрагмента текста и выдвигание знаний о нём как смысловой доминанты, опосредованной субъективными обобщениями относительно потенциального активного референта:

– России, Германии, США, которые играют ведущую роль в нормализации / дестабилизации ситуации на Украине (*Без России проблему Украины не решить / На сегодняшний день Украина находится на грани финансового коллапса, соответственно страна нуждается в поддержке со стороны Германии. И так как финансовые потребности Украины слишком велики, ни одна*

страна не может стабилизировать её финансовое положение. Было принято решение обговорить этот вопрос со всеми сторонами / Украине требуется большая финансовая помощь, но Германия не готова ей помочь / Украина находится на грани финансового коллапса, который можно преодолеть только с помощью финансовой поддержки Германии / Украину-мать пора вытаскивать из кризиса. Финансировать её никому не по карману, а Украине и её президенту очень нужны деньги (очень много и быстро), ну, она и обратилась к Германии и т.д.). В целом смысловое содержание текста остаётся неизменным (Украина находится в состоянии кризиса), однако, активатор, его действия и результат этих поисков «додумывается». Например, признаётся, что переговоры всех заинтересованных стран без России обречены на провал, Германия уже отказала Украине в помощи либо является единственным источником финансовой поддержки;

– состояния экономики Украины и обобщении о путях выхода из кризиса (Украине требуется внимание в финансовой сфере, без поддержки всех стран и союзов, в том числе и России, Украине не встать на ноги / Украина нуждается в поддержке (финансовой), так как потребности огромны, ей следует вести переговоры / Экономика Украины на грани краха, для её восстановления требуется огромная сумма денег / Чтобы помочь Украине выйти из глубокого экономического кризиса, необходимо объединиться несколькими государствами, и России в первую очередь / Только совместными усилиями всего мира Украину можно «вытащить» из финансового коллапса / Из критического финансового положения можно выйти путём совместных переговоров, включая Россию и т.д.). Фиксируемые смысловые замены можно рассматривать как субъективные обобщения по выделенной Ии. части информации (*требуется финансовая поддержка – требуется внимание в финансовой сфере; на грани финансового коллапса - критическое финансовое положение; никто в одиночку не может – только совместными усилиями; финансовая помощь, огромные потребности – огромная сумма денег, стаби-*

лизация – восстановление, встать на ноги; никто не сможет стабилизировать – без поддержки всех стран и союзов и т.д.).

2. Создание представления, связанного с определением функционально-тематического обобщения знаний о потенциальном референте относительно:

– событий на Украине (*Описание политической и экономической ситуации на Украине / О нестабильной ситуации на Украине / О сложной обстановке на Украине / О финансовых проблемах Украины / Финансовая стабилизация и поддержка Украины / Основная мысль – события, происходящие на Украине и отношение к ним других стран, в частности Германии и т.д.*). В выделенных проекциях наблюдается использование лексики с обобщающей семантикой (*финансовые потребности – финансовая / экономическая ситуация, проблемы; на грани финансового коллапса – нестабильная / сложная ситуация / обстановка*);

– путей преодоления кризиса (*Основная мысль текста состоит в том, что любую проблему можно решить, если действовать сообща / О взаимодействии всех при решении проблем Украины / Чтобы вывести из кризиса Украину или любую другую страну в таком же положении, должен объединиться весь мир и т.д.*), что вербализуется посредством лексики обобщающего характера (*мир, взаимодействие, объединиться, действовать сообща*), определительных местоимений и прилагательных (*весь, все, любой*);

– Украины в целом (*Текст об Украине / Украина*), сфере деятельности государства (*Политика / Состояние дел в мировой политике*), что вербализуется соответствующей лексикой и отражает, по нашему мнению, низкую мотивированность / нежелание Ии. обсуждать проблемы страны.

3. Формирование обобщённого мнения Ии., основанного на активационно-эмоционально-оценочного смыслового ракурса «видения» характеристик Украины как страны с проблемами в экономике и политике. Положительное «видение» ведёт к трактовке любой информации по проблематике этой страны в целом как заранее провокационной. Стратегия «Я – инферирующий аналитик» отражает формулировку собственного мнения (*Текст о том, как пока-*

затягивать зависимость и унижение Украины / Я разделила для себя информацию СМИ на проевропейскую и пророссийскую. Для меня этот текст является в какой-то степени пророссийским: приводимые факты указывают только на нестабильность Украины в финансовом плане. Я не согласна с автором этой статьи, у меня иное мнение на ситуацию в целом).

Отрицательный ракурс позволяет утверждать безнадёжность будущего-страны, сомнения в её существовании (*Этот текст о финансовом коллапсе / крахе Украины / глубокий кризис на Украине / Украина в безысходном положении / Безысходность Украины / Украине будет невозможно выйти из кризисной ситуации / О недоверии, провале, беспомощности без союзников и т.д.*); невозможности / отказе в помощи (*Украина в яме, и никто ей уже не поможет / Украина не получит финансовой поддержки / Нестабильная обстановка на Украине. Отказ в денежной помощи / Описывается кризисное состояние Украины, которой не может никто помочь и т.д.*).

Эти проекции отражают пути формирования внутреннего примера-«свидетельства» по схеме «образ объекта / ситуации – обобщённо-оценочный результат»), опирающуюся на эмоционально-оценочное смысловое «видение» характеристик объекта и их фактивно-когнитивный способ их контекстного представления. Задействуется лексика с сильными отрицательными коннотациями, соответствующая маркерам ассоциативно-смысловых полей стимулов УКРАИНА, КРИЗИС, КРЕДИТ; она имеет отрицательные префиксы (*недоверие, нестабильная, невозможно*), преобладают глаголы в будущем времени с частицей *не*.

Модель смыслового сдвига (69 – 45%) предполагает фокусировку на фрагменте текста, который становится толчком для дальнейшего смыслового развития. Стратегию Ии. можно назвать «Я – сопереживающий участник», который обладает необходимым объёмом знания и активной позицией по проблеме. Результаты выявили ряд причин смыслового сдвига.

1. Субъективная характеристика Украины как страны, которая не в состоянии самостоятельно решить свои проблемы и обеспечить собственное бу-

дущее как суверенного государства (*Украина находится на грани финансового коллапса, к которому она пришла исключительно сама. Теперь эта страна нуждается во вмешательстве извне, иначе она перестанет существовать. А куда девать 40 млн. населения? / Да, дорого ты обходишься, ридна Украина! Нужно поискать, кто наденет такой камень на шею*).

Выводы о фатальном будущем опираются на заданную в тексте информацию о близости экономического коллапса и привносимое эмоционально-оценочное мнение Ии. о недалёковидной политике руководства страны, которое не думает о населении. Эмоциональность ответов достигается путём привлечения разговорной лексики (*девять*), фамильярностью обращения (*ты обходишься*), заимствований (*ридна*). Финансовая помощь переосмысливается как *вмешательство*, собственная вина Украины подчёркивается наречием *исключительно*, фразеологические выражения как *камень на сердце* и *накинуть петлю на шею* образуют нечто среднее – *надеть камень на шею*.

2. Поиск причин возникновения коллапса, среди которых:

а) осуществление боевых действий как препятствие разрешения кризиса (*Выход из кризиса на Украине возможен только при помощи переговоров и миром / Только мирные переговоры приведут к устойчивости страны, а не финансовая помощь и прочее / Никто не хочет помогать Украине, и единственный выход – это компромисс и перемирие / Финансовую помощь надо направлять на прекращение гражданской войны и т.д.*). Переход к проблеме войны на Украине обеспечивается задействованием лексики по данной тематике (*мирные, миром, перемирие, компромисс, гражданская война* и т.д.);

б) текущая геополитическая ситуация и отношения между странами:

– Украиной и Германией (*Основная мысль текста – о нестабильной ситуации Украины с Германией / Украине нужен компромисс, чтобы получить помощь от Германии / Германия очень не хочет помогать Украине финансами / Основная мысль в том, что Украина будет поддерживать Германию, но каким образом? Если у них (на Украине) финансовые трудности, то с помощью каких средств этот денежный перевод осуществляется? / Германия*

одна не справится с проблемами Украины, более того, она сама может попасть в эту западню и т.д.);

– Украиной, Западом и Россией, их враждебности к России, роль которой в спасении Украины недооценивается (Вопреки надеждам Порошенко Германия задумалась о привлечении России, даже несмотря на то, что сами же пытались Россию уничтожить / После начала боевых действий на Украине Запад начал понимать, что зря ввязался в эту авантюру, поставив на Порошенко, и с Россией лучше дружить / Украине никто не может выдать кредит или оказать эту непосильную помощь в решении её проблем. Все страны должны объединиться и забыть прошлые обиды / Финансовые потребности Украины могут быть удовлетворены, только если она пойдёт на перемирие с Россией / Помочь Украине можно только общими усилиями, включая РФ, хотя её считают одним из врагов Украины / На мой взгляд, Россия очень щедра, так как остальным государствам, извиняюсь, плевать на Украину / Россия является ключевым государством по решению проблем на Украине. Это понимают все, кроме самой Украины, которая хочет денег от Запада и США, которые, в свою очередь, хотят столкнуть наши государства / Украина пытается найти помощь и поддержку у соседних стран Европы, но всё безуспешно, так как решить проблемы без участия России невозможно. Россия – великая страна, надёжный союзник, готовый прийти на помощь утопающему / Мысль такая, что разгребать чужие проблемы, не получая прибыль, никто не собирается и т.д.).

3. Отрицательная оценка действий политического руководства Украины, что обеспечивает переход к суждению о характеристиках потенциального референта в рамках ряда социокультурных представлений о власти, роли личности и т.д. (*Украина в лице её лидера П. Порошенко хочет поправить своё финансовое положение за счёт Германии, которой это даром не надо, поэтому она пытается подключить ЕС, США и даже Россию / Пётр Порошенко – «политическая проститутка». Нельзя метаться то к одним, то к другим. И почему все должны помогать приводить в норму финансовые потребности*

Украины? / Президент Украины – слишком самонадеянный и хитрый. Он надеется, что страны ЕС будут поддерживать его финансово в любой ситуации. Этот «дорогой друг» за последние годы принёс много бед как своей стране, так и всему миру. Простите, но президент Украины – крыса, неблагодарный человек, а Украина – погибшая страна (страна – это ещё сильно сказано) / Украина – страна чиновников, которые о ней не думают, а думают только как бы побольше положить денег в свои карманы / Украина собственноручно загоняет себя в «могилу». Никто ей не поможет, хотя новоиспечённый президент П. Порошенко всеми силами старается найти деньги для страны (хотя, кто его знает, может он преследует исключительно корыстные цели?) / П. Порошенко хочет подлизаться к Германии, чтобы та якобы стала помогать Украине гасить долги перед Россией. Украина просто хочет найти себе ещё одного союзника против нашей страны / Нет слов про Порошенка, без комментариев и т.д.).

Задействование модели смыслового сдвига сопровождается использованием экспрессивной и оценочной, стилистически сниженной лексики, грамматических конструкций (риторических вопросов, восклицаний), стилизацией под украинский язык, метафорическими (Украина – страна чиновников) и метонимическими замещениями (президент – Украина), олицетворением (Украины, России, Германии). Подобные мнения переносят обсуждение темы финансового положения Украины в сферу политики, обсуждения роли личности и её ответственности, места России в мировой истории.

С нашей точки зрения, такое переосмысление имеет как языковые, так и неязыковые причины: наличие в тексте широко известных имён, имплицитных большой объём эмоционально-оценочных причинно-смысловых связей, значительно повышает вероятность смыслового сдвига. Приоритетное обращение к данной модели понимания с опорой на ВЗ показывает, что Ии. пытаются самостоятельно искать причины кризиса на Украине, не всегда доверяя СМИ и фокусируясь на примерах осмысления деталей, оценок, переживаний, которые формируют эмоционально-оценочный ракурс смыслового «видения»

характеристик потенциального референта в рамках ассоциативно-смыслового поля, имплицированного топонимом *Украина*.

Особая роль имён известных личностей в понимании вербально заданной информации была установлена в ходе эксперимента (участвовало 122 респондента, проанализировано 122 проекции) по формулированию основной мысли текста «Плющенко выписан из больницы» о возвращении олимпийского чемпиона из Израиля после лечения травмы. Сам текст представляет собой краткое информативное сообщение, отражающее конкретные сведения о возвращении в Россию (время, место прибытия) и радость спортсмена по поводу этого события, а также успешного завершения лечения.

Олимпийский чемпион Сочи Евгений Плющенко, находящийся на лечении в одной из клиник Израиля, выписан из больницы и в ближайшее время вернется в Россию.

– Меня выписали, и я иду на поправку! Возвращаюсь в Москву! – написал спортсмен на своей странице в Twitter. Таким образом, фигурист уже в понедельник прилетит в Россию. Напомним, что на домашней Олимпиаде-2014 Плющенко помог сборной России выиграть золото в командных соревнованиях [news.sportbox.ru].

Модель минимальной опоры на ВЗ (в 43 случаях или 35% от числа всех ответов) задействуется при передаче фактов о возвращении и окончании лечения. Несмотря на отсутствие конкретных дат в тексте (упоминается лишь ближайшее время) многие Ии. сопоставляют сведения о спортсмене с собственным переживанием времени и рассматривают возвращение как уже свершившееся событие (*Е. Плющенко вернулся в Россию из Израиля, где проходил лечение* и т.д.), что подтверждается сменой грамматического настоящего / будущего времени на прошедшее.

В ряде ответов наблюдается приписывание различных признаков, связанных с включением Ии. информации о спортсмене в текущий пространственно-временной отрезок (*Е. Плющенко, выписан из больницы, он идёт на поправку и скоро вернётся в Москву / приедет назад в Россию* и т.д.), эмоционально-оценочных характеристик исходя из представлений об оценке достижений спортсмена в социуме (*Известный фигурист идёт на поправку и возвращается*), его самочувствии (*Плющенко, олимпийский чемпион, выписан из больницы и хорошо себя чувствует*), способе общения с аудиторией (*Плю-*

щенко выписан из клиники в Израиле, теперь он возвращается в Россию и даже в Twitter об этом написал).

Следует отметить, что Ии. производят некоторую редукцию цепочки событий из данного эпизода жизни спортсмена, чаще выделяя информацию о возвращении (в 42 реакциях), улучшении состояния здоровья (25), выписке из больницы (24), прохождении лечения (21), в том числе в Израиле (9), обретении титула олимпийского чемпиона (10), помощи команде (6), выигрыше золота (4), общении в Twitter (2). Сохраняя лексику оригинала, Ии. прибегали к ряду замен в отношении места прибытия / убытия (*в Россию – на в Москву, домой, в РФ, на Родину; из Израиля*, хотя в тексте эта информация представлена косвенно), времени (*в ближайшее время – скоро, в скором времени, на днях*), деятельности (*спортсмен – фигурист*); состояния (*иду на поправку – ему стало лучше, хорошо себя чувствует*) и т.д.

С нашей точки зрения, акцентирование внимание на перцептивно-предметных и эмоционально-оценочных характеристиках связано с определённым ракурсом смыслового «видения» действий потенциального референта, задаваемых глаголами движения. Ии. сопровождает прочитанное собственными примерами переживания пространства и времени, антропонимически передаваемых знаний (о деятельности референта, её оценке и т.д.). Реализуя стратегию «Я – воспринимающий наблюдатель», Ии. осуществляли некоторое обобщение конкретных действий, прибегая к грамматическим заменам глаголов и глагольных форм *выписан, вернётся, возвращаюсь* на отглагольные существительные *возвращение, выписка*, что соответствует поиску путей оптимизации языковых средств при передаче содержания текста.

Модель смыслового паритета (32 ответа или 26%) предполагает сосуществование позиции автора и личного «видения» ситуации реципиентом. Задействование этой модели происходит при выделении какого-либо смыслового аспекта и соотнесении с внутренним примером представления релевантных признаков референта, что подразумевает фактивно-когнитивный способ организации контекстного «бытия» и ряд схем его реализации. Такое субъектив-

ное «домысливание» происходит при сохранении смысловой связи с исходным текстом.

Так, в качестве главной мысли текста выдвигаются различные фрагменты, связанные с выпиской (*Плющенко выписан из больницы / Е. Плющенко выписали из клиники*), улучшением состояния здоровья (*Олимпийский чемпион, спортсмен идёт на поправку / Фигурист пошёл на поправку после хорошего лечения в Израиле*), заслугами спортсмена (*Е. Плющенко помог выиграть очередное золото на Олимпиаде 2014*), способом общения (*Плющенко обо всём сообщает в Twitter*). Эти ответы содержат обобщения о деятельности референта (*спортсмен, фигурист, олимпийский чемпион*), коллективности мнения специалистов о здоровье (*выписали*), успешном лечении в Израиле. Такие обобщения не включают факт возвращения (нет ни одной реакции, где упоминание о приезде в Россию было единственным ответом), а связаны именно с состоянием здоровья.

Обобщение также касается тематической отнесённости сообщения (*Новость о выздоровлении Е. Плющенко / Случай из жизни Е. Плющенко*), что обеспечивает опору на общие знания энциклопедического характера о спортсмене, его здоровье в целом. Сведения о Плющенко как о центральном представителе категории позволяет осуществить противопоставление его другим российским фигуристам (*Один из основных фигуристов России вернулся на Родину / Плющенко, ведущий российский спортсмен, поправил здоровье / Наш главный чемпион снова с нами*) и отражает мнение о возможности эмоционально-оценочного обобщения знаний о спортсмене. Прилагательные (*основной, главный, ведущий*) позволяют выделить Е. Плющенко из ряда других, а местоимения (*наш, с нами*) дают возможность вывести обобщающее заключение о наличии аудитории болельщиков.

Третий тип модели обращения к ВЗ (47 случая или 39%) характеризуется значительным смысловым сдвигом и практически полным переключением на сферу социокультурных представлений о качествах личности, ответственности перед социумом и т.д. Наибольшую выделенность приобретают эмоцио-

нально-оценочные признаки (положительные и отрицательные), связанные с деятельностью и личностью Е. Плющенко, прогнозированием его достижений. Так, выступление на ОИ трактуется как самопожертвование (*Вопреки тяжелейшему заболеванию он отстоял честь страны, несмотря на перелом позвоночника он спас российскую команду / Плющенко ценой своего здоровья помог сборной страны / ... будучи прооперированным, он вышел и выиграл золото / Возвращаясь после тяжелейшего физического и морального испытания, спортсмен с новыми силами продолжает карьеру / Этот текст о силе воли и желании победить, а не стоять в стороне и т.п.*).

Очевидно, что Ии. обращаются к собственным прецедентным представлениям о героизме, самопожертвовании и проецируют соответствующие качества на подходящего, по их мнению, референта. При сохранении части информации из текста приписываемые характеристики совершенно меняют представление о спортсмене, с их помощью осуществляется выход за пределы информативного текста в сферу частных мнений и оценок. Ии., чей ракурс смыслового «видения» складывался при отрицательной оценке личности и деятельности спортсмена, осуществляют обращение к субъективным представлениям о нечестности и недобросовестности (*Страдающий Плющенко притворяется больным, он в очередной раз хочет, чтобы его пожалели и пытается хоть как-то прикрыть свой провал на олимпиаде / Одно разочарование и никчёмный пиар / Вот он я, цените меня*).

Поиск причинно-следственных основ и прогнозирование будущих событий позволяет трактовать возвращение в Россию и улучшение самочувствия как продолжение карьеры (*Плющенко вернулся и продолжит спортивную деятельность / Чемпион готов вернуться в спорт / Е. Плющенко возвращается на лёд к новым достижениям*) с опорой на наиболее выделенные признаки референта «деятельность» и «характер». С нашей точки зрения, такое прогнозирование будущего связано с эмоционально-оценочным ракурсом смыслового «видения» характеристик конкретного референта, что было установлено в ходе экспериментов по реконструкции ассоциативно-смыслового поля марке-

ров причинно-смысловых связей, имплицитруемых антропонимом Е. Плющенко (см. раздел 3.2).

Как отмечено выше, Ии. видят процесс лечения в контексте причинно-следственных связей. Так, сведения об улучшении здоровья интерпретируются как полное выздоровление, что вербализуется за счёт *выздоровел!!!, ему стало намного лучше, здоров, выздоровление, восстановился после травмы, прошёл успешное лечение*, и т.д. В тексте подобная информация не представлена, но Ии. с опорой на схему «образ объекта / ситуации – прежнее причинно-следственное заключение» формируют «свидетельство» позитивного исхода процесса лечения.

В ответах часто упоминается травма (*получил травму на ОИ, травма спины, пострадал на ОИ*), что отсутствует в тексте, но является элементом данной схемы (причина лечения). В ряде случаев наблюдаются эмоционально-оценочные вставки, связанные с процессом лечения (*успешно перенёс операцию, после тяжелейшей операции, помог на олимпиаде после тяжёлой операции*), которые указывают на устойчивость экспериенциально разделяемого представления о тяжести травм спины в целом и Е. Плющенко, в частности. Однако эти приписки не соответствуют реальному положению дел, так как спортсмен травмировал спину гораздо раньше Олимпиады в Сочи, а рецидив травмы на Играх до сих пор вызывает недоверие ряда болельщиков.

Ии. рассматривают текст как возможность высказать собственную позицию по поводу, например, состояния медицины в России, опираясь на стереотип о плохом качестве медицинских услуг в нашей стране и противопоставляя условия и качество лечения устойчивому представлению о медицине в Израиле (*Можно позавидовать тем, кто имеет возможность лечиться в Израиле / Медицина в России ни к чёрту / Российская медицина отстаёт / Все звёзды едут лечиться в Израиль / Наша медицина – отстой*).

Следовательно, наличие имён известных людей, имплицитрующих эмоционально-оценочный ракурс смыслового «видения» характеристик потенциального референта, а также лексики, связанной с социально значимыми пере-

живаниями (например, о здоровье) в лишённом всяких «красот» информативном тексте, способно «оживить» предлагаемые сведения и мотивировать читателя к активации ЭСП, что повышает вероятность смысловых сдвигов и переходов к экспериенциально разделяемым социокультурным установкам (идеалам, стереотипам и т.д.) в процессе понимания текста.

Анализ результатов изучения процесса понимания приводимых выше текстов показывает, что схожесть / различия обусловлены тем, насколько составляющая текст лексика, его синтаксическая организация или стилистические особенности способны активировать такую опору. Процесс понимания текста по специальности, требующего определённых экспертных знаний, опирается на формируемые имплицитные примеры осмысления текста с опорой на разнообразный опыт индивида. Создание такого предварительного результата связано с активацией ЭСП значений ключевых слов, что задаёт определить общее «видение» значимых характеристик потенциального референта и оптимальный способ их «видения» на базе прошлых контекстов. Выявляемые в таких контекстах скрытые признаки обеспечивают причинные пересечения, которые и становятся «конкурирующими» примерами того, какие характеристики и какая схема организации необходимы *ad hoc*.

Для текста по специальности самым востребованным оказывается фактивно-когнитивный способ формирования контекстной опоры, что задаёт определённую тенденцию к обобщению в случаях недостаточности знаний в сфере экономической терминологии или низкую заинтересованность. Проекции читателя, создаваемые в рамках его стратегии понимания, отражают общую тематику текста и наиболее релевантные смыслы, которые выделяются Ии. как доминантные, становятся основой типичных обобщений, в том числе на основе норм и оценок социума.

Понимание публицистического текста, напротив, обусловлено острой проблематикой, избытком знаний по проблеме и активностью Я–позиции читателя-свидетеля происходящего. Исходя из положительного / отрицательно-го смыслового переживания значения ключевых слов, он старается привнести

наиболее важную, с его точки зрения, информацию и признаёт оптимальным поисково-прогностическим способом выявления скрытых характеристик и формирование контекстного «свидетельства» для объяснения их релевантности. Даже внешне нейтральный, информативный текст при наличии соответствующих активаторов (антропонимов и т.д.) превращается в опору развёртывания ЭСП с фокусировкой на эмоциональности и оценочности.

Взаимообусловленность вербально заданного и внутреннего переживания мы проверили на примере художественного текста, взяв в качестве стимула отрывок из романа В. Набокова «Другие берега» [Набоков 1990: 175]:

Летние сумерки («сумерки» – какой это томный сиреневый звук!). Время действия: тающая точка посреди первого десятилетия нашего века. Место: пятьдесят девятый градус северной широты, считая от экватора и сотый восточной долготы, считая от кончика моего пера. Июньскому дню требовалась вечность для угасания: небо, высокие цветы, неподвижные воды – всё это как-то повисало в бесконечном замирании вечера, которое не разрешалось, а продлевалось ещё и ещё грустным мычанием коровы на далёком лугу или грустнейшим криком птицы за речным низовьем, с широкого туманного мохового болота, столь недосыгаемого, что ещё дети Рукавишниковы прозвали его: Америка.

В эксперименте участвовало 153 Ии., изучено 153 проекции, зафиксирован один отказ (0,5%). Текст представляет последовательное описание наступления сумерек с большим количеством перцептивно-предметных сведений о действиях, перцептивных ощущениях автора, их эмоционально-оценочном переживании. Первым заданием в работе над текстом являлось выделение ключевых слов, которые помогают Ии. сформировать представление о позиции автора и его «видении» характеристик потенциального референта.

Проведённый анализ позволил определить, что Ии. формируют первоначальное образное представление о возможном референте на основе выделения релевантных признаков, задаваемых посредством ключевых слов. Специфика этих признаков обусловлена путями переработки поступающей информации (перцептивными, когнитивными, эмоционально-оценочными). Преобладание какой-либо линии такой переработки, опосредованное всем предшествующим опытом, даёт возможность говорить о стратегии того, как оптимально и правдоподобно объяснить «для себя» воспринимаемое, т.е. какие характеристики

и контекстные установки их прошлого выделения могут помочь индивиду «здесь и сейчас».

В работе над текстом В. Набокова такими признаками стали следующие:

а) время (332 реакции) с выделением ключевых слов *время* (17), с уточнением *время действия* (25), *век* (5), *наш век* (5), *десятилетие* (5), *первое десятилетие* (8), *летние сумерки* (37), *летние* (5), *июньский день* (29), *июньский* (7), *сумерки* (64), *вечер* (25), *день* (9), *временная точка* (9), *тающая точка* (8), *вечность* (53), *бесконечное* (21);

б) место (165) с помощью *место* (60) при уточнении локации *Америка* (55), *болото* (14), *экватор* (9), *координаты* (10), *луг* (2), *речное низовье* (2), *далёкий луг* – 6, *далёкий* (2); *северный* (1), *кончик пера* (4);

в) действие (115) посредством ключевых слов *действие* (3), с уточнением различных характеристик *замирание* (29), *угасание* (28), *крик* (8), *крик птицы* (8), *звук* (4), *мычание* (3), *мычание коровы* (5), *требовалось* (8), *повисало* (6), *прозвали* (6), *продлевалось* (5), *не разрешалось* (2);

г) объект (40) при задействовании *небо* (16), *цветы* (3), *высокие цветы* (9), *воды* (2), *неподвижные воды* (7), *перо* (3);

д) субъект (16) с помощью антропонима *Рукавишниковы* (8), существительных *дети* (6), *птица* (2);

е) свойства, качества, отмеченные отдельно (56), в том числе *недосягаемый* (14), *грустнейший* (9), *туманное* (7), *моховое* (7), *грустное* (6), *томный* (6), *широкое* (3), *сиреневый* (2), *тающая* (2).

Итоги выявления ключевых слов позволяют полагать, что доминантами «видения» признаков потенциального референта, позволяющими сформировать образное представление о нём и, соответственно, первичную проекцию понимания с опорой на ВЗ, будет ряд пространственно-временных характеристик как своеобразных ориентиров для Ии. Значительное количество ключевых слов, связанных с описанием действия, определяют представление о сукцессивно-дескриптивном способе их представления во внутреннем контекстом «бытие»: Ии. как воспринимающий наблюдатель активирует личные

переживания события сумерек (процессуальности действия, его начала и окончания, поступательности, интенсивности, изменения состояния и т.д.).

Формирование внешней посылки посредством отобранных Ии. ключевых слов может быть представлена в виде карты (см. рис. 8).

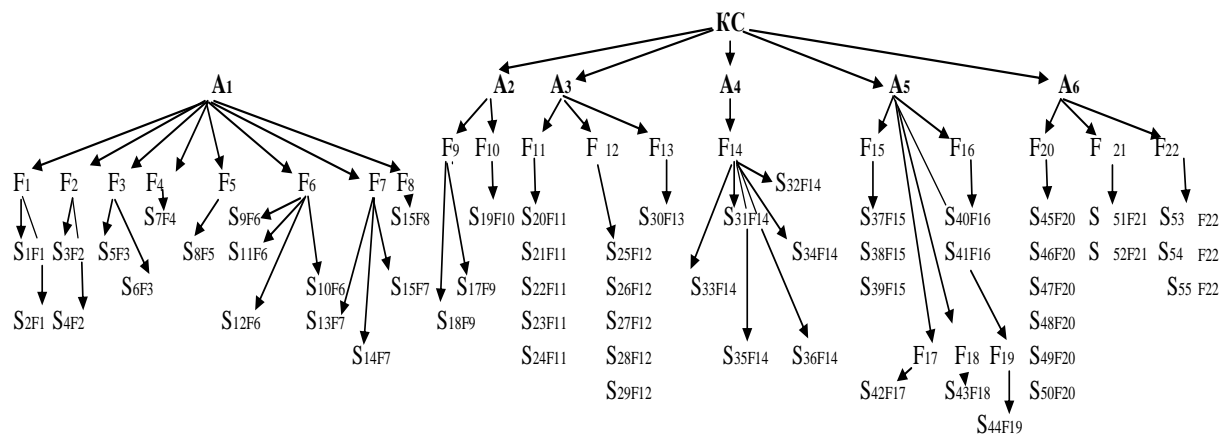

Рис. 8. Карта формирования внешней посылки процесса понимания с опорой на ВЗ

Наиболее общий признак, заданный ключевыми словами (на рисунке – КС), отмечен как А₁ (время) при уточнении посредством признаков F₁ (время действия), заданных ключевыми словами S_{1F1} (время), S_{2F1} (время действия); F₂ (столетие) – S_{3F2} (век) S_{4F2} (наш век); F₃ (десятилетие) – S_{5F3} (десятилетие), S_{6F3} (первое десятилетие); F₄ (время года) – S_{7F4} (летние); F₅ (месяц) – S_{8F5} (июньский); F₆ (часть суток) – S_{9F6} (летние сумерки), S_{10F6} (сумерки), S_{11F6} (день), S_{12F6} (июньский день); F₇ (шкала времени) – S_{13F7} (точка), S_{14F7} (тающая точка); F₈ (временные характеристики) – S_{15F8} (вечность), S_{16F8} (бесконечность). А₂ (субъект) дифференцируется как F₉ (человек), выявленный с помощью ключевых слов S_{17F9} (Рукавишниковы), S_{18F9} (дети); F₁₀ (не человек) – S_{19F10} (птицы). А₃ (образ действия) представлен F₁₁ (процессуальность), обеспеченный S_{20F11} (замирание), S_{21F11} (угасание), S_{22F11} (повисало), S_{23F11} (продлевалось), S_{24F11} (не разрешалось); F₁₂ (результативность) – S_{25F12} (крик), S_{26F12} (крик птицы), S_{27F12} (мычание), S_{28F12} (мычание коровы), S_{29F12} (звук); F₁₃ (необходимость) – S_{30F13} (требовалось). А₄ (объект) уточняется как F₁₄ (неодушевленный), заданный ключевыми словами S_{31F14} (небо), S_{32F14} (цветы), S_{33F14} (вы-

сокие цветы), S_{34F14} (воды), S_{35F14} (неподвижные воды), S_{36F14} (перо). А₅ (свойства) функционально представлен F₁₅ (эмоциональное состояние) и вербализован посредством S_{37F15} (грустный), S_{38F15} (грустнейший), S_{39F15} (томный); F₁₆ (пространственные) – S_{40F16} (недосягаемый), S_{41F16} (широкий); F₁₇ (погода) – S_{42F17} (туманный); F₁₈ (изменение состояния) – S_{43F18} (тающая); F₁₉ (цвет) – S_{44F19} (сиреневый). А₆ (место) получает дифференциацию и экспликацию через F₂₀ (точное место) и S_{45F20} (место), S_{46F20} (Америка), S_{47F20} (болото), S_{48F20} (луг), S_{49F20} (речное низовье), S_{50F20} (кончик пера); F₂₁ (координаты) – S_{51F21} (экватор), S_{52F21} (широта, долгота); F₂₂ (удалённость) – S_{53F22} (далёкий луг), S_{54F22} (далёкий), S_{55F22} (северный).

Анализ результатов второго этапа эксперимента позволил проследить online процесс и степень опоры на ВЗ. Так, чаще всего Ии. сохраняли приоритет в обращении к пространственно-временным и качественным характеристикам, прибегали к упоминанию автора при описании действия, но совпадения субъектов и объектов носили единичный характер. При наличии общей событийной тематики отмечается значительное количество уточнений, обобщений, замены авторского мнения «свидетельствами» собственного опыта прежних эвиденциальных переживаний.

Выделенные посредством ключевых слов контекстные признаки явления сумерек имеют много общего с теми характеристиками, которые задаются причинно-смысловыми связями в ассоциативно-смысловых полях стимулов *сумерки, вечер*. Так, стимул СУМЕРКИ обнаруживает маркеры опоры на ВЗ *ночь, темнота, темно, холодно, прогулка* и т.д. *Вечер* переживается как *отдых, закат / заход солнца, темнота / темно, ночь, время суток, день, тишина / тихо, сумерки* и т.д. Исследования имплицитного контекстного представления релевантных характеристик стимула СУМЕРКИ позволили установить экспериментальным путём, что отправной точкой считается именно *день* при наличии детализации и сукцессивно-дескриптивного способа формирования «свидетельств» на основе перцептивных ощущений и предметной конкретизации (*День угасал, сумерки надвигались* и т.д.).

Некоторые расхождения касаются, с нашей точки зрения, двойного представления «Я–позиции» наблюдателя: с одной стороны, Ии. вместе с автором переживает приход сумерек и становится «свидетелем» события, приписывая недостающие, по его мнению, перцептивно-предметные детали, с другой, – фиксирует позицию автора, выступая согласным с ним наблюдателем. Свою роль играет задание эксперимента как внешняя ситуативная посылка, вносящая целевую установку и накладывающая ограничения на вербализацию субъективного переживания. Формулирование основной мысли предполагает обобщение и экономию языковых средств выражения, что часто ведёт к замене глагола на отглагольное существительное, использованию лексических единиц абстрактной семантики, дополнительной характеристике по параметрам пространственно-временной локации, количества, качества.

В целом понимание данного художественного текста осуществляется в рамках трёх названных выше моделей. Ии. прибегают к модели минимального задействования ВЗ (выявлена 71 проекция или 46,5%) в силу высокой степени соответствия авторского «видения» события сумерек и собственных примеров эвиденциального переживания. Итогами такого осмысления можно считать случаи редукции авторской последовательности действий, явлений и т.д. при наступлении вечера, приписывания дополнительных признаков перцептивно-предметного характера, что в состоянии осуществить только человек, имеющий опыт подобного эвиденциального переживания и ощущающий себя воспринимающим наблюдателем описываемого события.

Так, отмечено акцентирование внимания на процессуальности происходящего (*Текст рассказывает, как постепенно наступает темнота / В тексте описывается закат как последние минуты угасающего дня / медленное наступление ночи / сумерек / как наступают сумерки, что происходит во время сумерек и сколько требуется дню для угасания*). Психоцветовое восприятие, которое демонстрирует В. Набоков, детализируется Ии. (*Сумерки – это томный тёмно-сиреневый звук, сопровождающийся медленным угасанием дня*) с фокусировкой на длительности происходящего (*В тексте описывает-*

ся, как долго угасает июньский день / окончание дня, которое длится слишком долго, почти бесконечно и т.д.).

Наблюдается детализация по параметру места события, позиции наблюдателя (*В тексте приведено описание берега реки / вида из окна дома / наступление сумерек летом в деревне / пейзаж июньского вечера в лесу / летнего дня в российской глуши / текст о летнем вечере, сумерках в деревне, поле / времени действия и месте сумерек, описывается, как долго июньский летний день переходит в вечер, как неохотно и какие бывают вечера близ деревень и посёлков, с их грустью и неподвижностью, тихим спокойствием и тоской души*). Определение места и времени действия связано с включением обобщающих компонентов *в деревне, в глуши, пейзаж, место, летом*, использованием множественного числа существительного *вечера* и т.д.

Обобщения осуществляются в силу результирующего характера продукта понимания. Упоминания различных мест (реки, болота и т.д.) обобщаются как описание природы, тёплого летнего вечера и ясного неба – как прекрасной погоды и т.д. Эти обобщения включены в последовательность описания явления и составляют один из её элементов (*Так как это отрывок из текста, то по нему можно сделать вывод о том, что описывается какая-то местность, а точнее, русская природа, её состояние во время летних дней / Описывается прекрасная природа погожим летним днём, когда приходят сумерки и окружающий мир тает в надвигающемся вечере / ... об атмосфере сумерек в июне, представлениях о том, как вокруг тепло, хорошо и безмятежно*). Однако приписывание субъективно выявленных по различным параметрам признаков и обобщений часто не соответствует сведениям из текста, что происходит вследствие ошибок при конкретизации / обобщения сведений о месте, времени (*Этот текст о вечере июльского дня / июльском дне / в тексте говорится об американском вечере и всех тонкостях угасания дня / ... летних сумерках в Америке / Описание обычного дня лета в Америке*).

Опора на ключевое слово *Америка* также приводит к ошибочным выводам о месте события, к использованию его как пространственного ориентира

(Описание летнего вечера: природа, далёкий луг, моховое болото – всё это так далеко, что кажется, что до них как до Америки), эмоционально-оценочных характеристиках субъективно отобранных для описания сумерек с приписыванием релевантных признаков и определённым обобщением (Сумерки начинаются с медленного угасания дня, и отдалённое место становится тающей точкой в спускающейся темноте / окружающая природа в июне красивая, и болото, находящееся далеко, назвали Америкой / о неком тихом прекрасном, волшебном месте, которое дети прозвали Америкой).

Проекции, сформированные при помощи модели минимальной опоры на ВЗ, не отличаются ярким проявлением позиции читателя, они предполагают учёт авторских перцептивно-предметных и эмоционально-оценочных характеристик и отбор наиболее значимых. Ии. демонстрируют некоторые переосмысления, а также комбинации характеристик, относимых в тексте к другому явлению (*июньский день – июньские сумерки, летний день; вечер – летний вечер / американский вечер* и т.д.). Примерами можно считать субъективное уточнение времени суток, места (*вечер как часть дня, сумерки как вечер или ночь*): *описание вечера / летнего дня / июньского дня, переходящего в вечер / летнего заката и происходящего с природой в летнюю ночь / описывается июньский день / сумерки, вечер / чем заканчивается день / об июньском дне, когда наступили уже сумерки / о ночных сумерках, что происходит в это время суток, то, что мы не видим и не слышим / о спокойном летнем вечере / тёплом летнем вечере / описание угасающего в «вечных» летних сумерках дня / описывается какое-то место, которое прозвали Америка.*

Сопереживание читателя отражено посредством субъективно приписываемой автору деятельности (*Поэт пишет о вечере июньского дня / об июньском вечере, который писатель проводит за работой / Автор наслаждается вместе с нами каждым моментом накрывающих далёкие луга и берега сумерек / Описывается июньский день и настроение автора: печаль и грусть / в тексте говорится об описании конкретного места, погоде, ощущениях, полученных рассказчиком, находящимся там / Описание наступающих сумерек,*

тёплой летней погоды, прекрасной природы. Это всё у детей Рукавишниковых оказалось похожим на Америку / Автор описывает летние сумерки, которые происходят в июне / В тексте главным, своеобразным лирическим героем является летний вечер, автор даёт ему имя устами детей – Америка / Описание местности, которая в понимании автора начинается с тонких сумерек и кончается недостойным болотом). Упоминание Америки создаёт предпосылки определения местонахождения автора (Автор описывает вид из окна своего дома в Америке, который вдохновил его на создание этого произведения / судя по всему, автор находится в Америке и наслаждается постепенным угасанием дня, далёкими лугами и т.д.).

Следовательно, данная модель характеризуется минимальным задействованием ВЗ, что ведёт к субъективной перцептивно-предметной выделенности части информации из текста и её детализации, сохранении процессуальности переживания, обобщении с использованием лексических единиц с признаком процессуальности действия (*описание, описывать, рассказывать* и т.д.), эмоционально-оценочных характеристик, параллельному с автором представлению собственной «Я–позиции» наблюдателя. Подобное выделение и комбинирование релевантных признаков, насыщение дополнительными субъективными подробностями в целом не изменяет общего представления об описываемом событии, так как основные смысловые акценты (специфика места, времени и т.д.) сохраняются. Ошибочность характеристик проистекает из неверной конкретизации места действия (*Америка*), времени (летний месяц – *июль*), что ведёт к изменениям в понимании. Таким ошибкам способствует высокий выводной потенциал прецедентного топонима *Америка*, фонетическое сходство названий летних месяцев (*июнь – июль*), а также субъективное видение деятельности автора.

«Додумывания» Ии. как итоги формирования новых смыслов являются результатом согласования внешней и внутренней посылок, что задаёт имплицитный набор релевантных признаков, отобранных под определённым ракурсом смыслового «видения» и контекстную установку их задействования. Та-

кая имплицитная контекстная среда формируется из набора функционально соотносимых компонентов (признаков), организованных с помощью ряда схем, причём, как показали итоги экспериментов, разные Ии. маркируют разные признаки в качестве наиболее значимых, оставляя «в тени» ряд других. В совокупности такие маркеры ассоциативно-смыслового поля стимула составляют экспериенциально разделяемое знание о важных характеристиках объекта и их контекстном «бытии», являющееся основанием многократных пересечений и общности «свидетельств» прежнего опыта Ии.

Так, при восстановлении пропусков в предложении о находящейся в сложном финансовом положении стране конкретизация образа потенциального референта позволяет соотнести маркеры опоры на ВЗ в ассоциативно-смысловом поле топонима *Украина* и варианты заполнения пропусков в предложении–стимуле: словосочетание *гибель невинных людей* в ассоциативно-смысловом поле имеет вариант *гибнущих людей* в предложении–стимуле; *жадность – жалко; развал, кризис, помощь – надо помочь в кризисной ситуации; беда – жди беды; Крымнаш – Крым теперь наш* и т.д.

Детальное изучение экспликации маркеров опоры на ВЗ в ответах Ии. можно продемонстрировать на примере стимула СУМЕРКИ, обозначенного А₁ (см. рис. 8 ниже). Такими, численно выделенными в свободных ассоциативных экспериментах следами, являются *темнота* (R_{1A1}), *ночь* (R_{2A1}), *вечер* (R_{3A1}), *грусть* (R_{4A1}), *погода* (R_{5A1}), *хорошо* (R_{6A1}); для стимула ВЕЧЕР (А₂) – *закат* (R_{7A2}), *темно* (R_{8A2}), *ночь* (R_{9A2}), *время суток* (R_{10A2}), *день* (R_{11A2}), *отдых* (R_{12A2}), *романтика* (R_{13A2}), *тихо* (R_{14A2}), *прогулка* (R_{15A2}); для *Америка* (А₃) – *страна* (R_{16A3}), *США* (R_{17A3}), *континент* (R_{18A3}), *путешествие* (R_{19A3}), *Б. Обама* (R_{20A3}), *агрессор* (R_{21A3}), *приятные люди* (R_{22A3}); для *место* (А₄) – *время* (R_{23A4}), *дом* (R_{24A4}), *встреча / место встречи* (R_{25A4}), *любимое место* (R_{26A4}); для *угасание* (А₅) – *смерть* (R_{27A5}), *свет* (R_{28A5}), *чувства* (R_{29A5}), *увядание* (R_{30A5}).

В конкретных ситуативных условиях опоры на ВЗ ключевые слова имплицитно маркируют маркеры, релевантные «здесь и сейчас». Среди них S_{7F4} (летние), S_{8F5} (июньский), S_{9F6} (летние сумерки), S_{11F6} (день), S_{14F7} (тающая точка), S_{15F8}

(вечность), S_{17F9} (Рукавишниковы), S_{18F9} (дети), S_{21F11} (угасание), S_{23F11} (продлевались), S_{27F12} (мычание), S_{29F12} (звук), S_{35F14} (неподвижные воды), S_{37F15} (грустный), S_{38F15} (грустнейший), S_{39F15} (томный), S_{40F16} (недосягаемый), S_{46F20} (Америка), S_{47F20} (болото), S_{48F20} (луг), S_{53F22} (далёкий луг), S_{54F22} (далёкий).

Активация потенциального примера опыта осуществляется благодаря способу (сукцессивно-дескриптивному) и схемам контекстного представления наиболее значимых признаков референта. Экспериментальные исследования позволяют задать параметры развёртывания такого контекстного «бытия»: I_{1A1} (начинание), I_{2A1} (окончание), I_{3A1} (поступательность), I_{4A1} (интенсивность), I_{5A1} (направление), I_{6A1} (охват), I_{7A1} (изменение состояния). В целом процесс понимания как динамическое согласование внешних и внутренних посылок можно представить в виде рисунка (см. рис. 9).

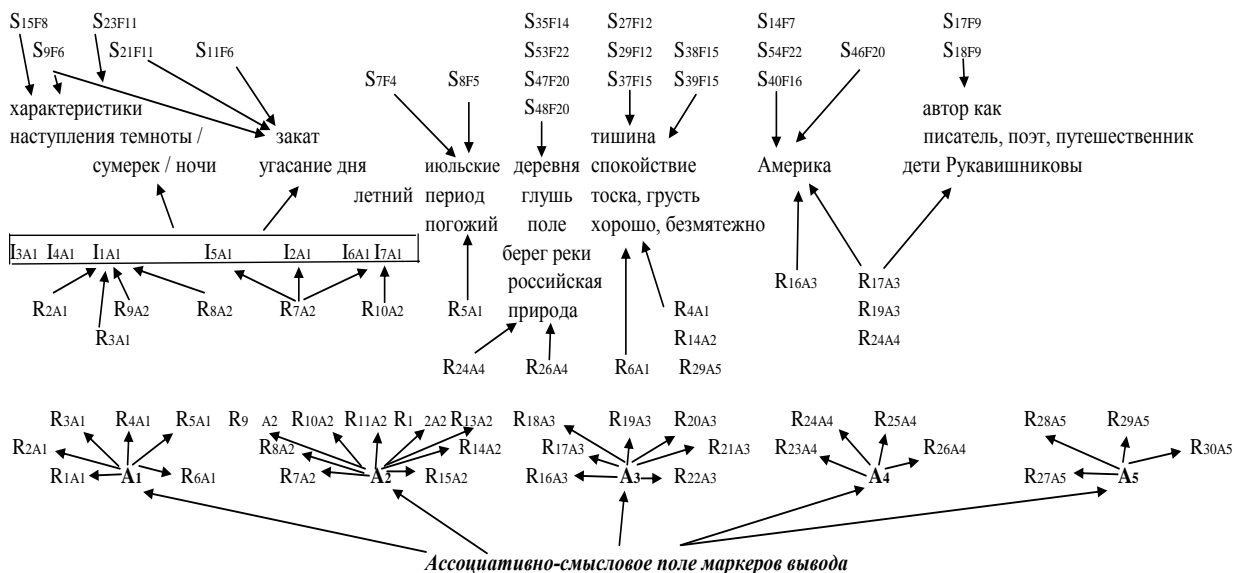

Рис. 9. Карта согласования внешней и внутренней посылок в процессе понимания с опорой на выводное знание

Взаимодействие внешних и внутренних посылок процесса понимания приводит к экспликации опоры на ВЗ, хотя в тексте нет подобных упоминаний: *сумерки / ночь наступают медленно* и т.д., *окончание / угасание дня, летний закат*, время действия трактуется как лето, летний период с уточнениями о красотах природы и погодных условиях, место конкретизируется при упоминании *деревни, поля, берега реки, природы в российской глуши* в целом, перцептивных и эмоционально-оценочных переживаний (приятные ощущение

ния, *тишина, спокойствие, тоска*). Ключевое слово *Америка* как шуточное название отдалённого места становится активатором «додумываний» о природе, погоде, летнем вечере, месте нахождения автора, который представляется *писателем, поэтом, путешественником*. В качестве потенциальных референтов рассматриваются *дети Рукавишниковы*, от лица которых ведётся рассказ, и даже *летний вечер* становится «лирическим героем». В целом графическое представление процесса смыслоформирования, данное выше, отражает все многочисленные примеры опоры на ВЗ, выявленные в ходе экспериментальных исследований.

Обращения к модели смыслового паритета (45 случаев или 29,5%) характеризуются общей тематической близостью проекций автора и читателя. Однако, если при минимальном задействовании ВЗ Ии. выделяют в качестве релевантных конкретные предметные аспекты переживаемой ситуации наступления сумерек при возможности некоторого обобщения, то в данном случае наблюдаются значительные расхождения между проекцией автора и проекциями читателя. Обобщения не сопровождаются перечислением конкретных фактов из текста, а становятся способом субъективного выдвигания наиболее релевантных смыслов. Ии. прибегают к обобщениям по ряду оснований (*сумерки* – явление природы, *летние сумерки* – лето, *Америка* – страна и т.д.) и смысловым добавлениям / изъятиям, которые, с их точки зрения, необходимы, но были «упущены» автором (о погоде, отдыхе и т.д.).

Инферирующий субъект, внося необходимые, по его мнению, коррективы обобщает некоторые детали из текста, касающиеся характеристики летнего времени года (*Текст о летнем месяце / ... об описании явлений природы, ощущениях / Описание одного из самых красивых явлений природы – летних сумерек / ... о том, что такое сумерки / Времени суток летом, природы, её видения детьми / описание лета / лета и отдыха / природы в летний вечер / в июльский вечер / вечерней природы* и т.д.); места действия (*Описание места / места (пейзажа) / определённого места в определённое время / местности, используя литературные приёмы «пафос» и «барокко»*).

Необходимо отметить, что под словом *природа* Ии. часто подразумевают окружающую среду в целом, природу как всё живое в окружающем человека конкретном пространстве (*природа и окружающий мир в летний период*), только растительный и животный мир, исключая его местоположение (*описание места и природы*), органическую и неорганическую природу отдельного региона (*описание природы Америки / в Америке*). Такие толкования не всегда соответствуют словарной дефиниции («всё существующее во вселенной, органический и неорганический мир; места вне городов (поля, леса, горы); основное свойство, сущность» [Ожегов 1963: 588]) и являются результатом субъективного опыта оперирования словом.

Более нейтральная позиция инферирующего аналитика позволяет представить основную мысль ещё более обобщённо, с помощью абстрактного существительного (*Текст о природе / атмосфере природы*), разговорного клише обобщающего характера (*О природе и погоде*), названия страны (*Этот текст об Америке / осознании Америки*). Информация из текста подвергается изменениям, которые позволяют сосуществовать «видению» автора и читателя благодаря общности прежних смысловых переживаний воспринятого. Разные детали, представленные в тексте, становятся базой для обобщений, которые формируются благодаря либо выделенности какой-либо характеристики (место действия – *Америка*, время года – *лето*), либо общности функциональной тематической области, включающей ряд предметных деталей (*луг, болото* и т.д. – *природа; место*).

Если при задействовании предыдущей модели мы отмечали ошибочность при конкретизации места, что, однако, не являлось определяющим в процессе понимания текста, то в случае модели смыслового паритета с выраженной позицией «Я – инферирующий аналитик» происходит субъективное обобщение на основе этой ошибки. Так, в тексте место действия конкретизируется за счёт географических координат, особенностей местности (*болото, речное низовье, луга* и т.д.). В ответах Ии. таким местом становится целая страна, которой по различным параметрам приписываются имеющиеся в тексте характеристики:

(недостижимость) *о далёкой стране, недостижимой* / (географические координаты) *географическом положении Америки / описание Америки с географической и художественной точек зрения* / (схожесть природных условий) *описание Америки через описание русских пейзажей в стиле экзистенциалистов / июньской погоды в Америке / описывается Америка в один из прекрасных летних июньских дней*. Такая ошибочная трактовка задаёт два направления смыслового развития: описание конкретного времени суток в конкретном месте, название части которого совпадает с названием страны, и описание природных условий в одноимённой стране.

Выделение ключевого слова *Америка* как доминантной внешней опоры ведёт к активации устойчивого социокультурного представления о месте (как стране больших городов, небоскрёбов, бескрайних просторов) с учётом пространственно-временных параметров и личности автора (*Автор живёт в Америке, его поразило прекрасный вечерний вид города / Тёплым летним днём автор описывает бескрайние просторы Америки*), демонстрации экспертных знаний об авторе (*Сам Набоков прожил часть жизни в Америке и описывает, что это за страна / Этот текст – автобиография. Автор рассказывает нам о своей жизни, пытаясь помочь увидеть его воспоминания о детстве, о тоске по Родине / Этот текст о сумерках. Я считаю, будучи уже знакомой с творчеством Набокова, этот текст имеет описательный характер. Метафоры Набокова поражают, они как живые, и может показаться, что речь идёт о чём-то непонятном. Однако он описал медленное угасание дня, период наступления темноты*). Отсюда имитация позиции автора позволяет использовать энциклопедические знания о нём, собственное «видение» его роли, сводящейся в общем виде к метафоре «текст – это автор».

Задействование модели смыслового сдвига (выявлено 36 примеров или 23,5%) происходит при фокусировке внимания читателя на результате прочтения текста, в том числе эмоционально-оценочного характера, что предполагает иной ракурс осмысления. Так, в тексте частично отражены эмоционально-оценочные характеристики, которые относятся к описанию отдельных

фрагментов (*грустное мычание коровы, грустнейший крик птицы, недостижимое болото* и т.д.), но Ии. на основе личных или социокультурных примеров эвиденциального переживания используют информацию из текста как базу для метафорического переосмысления или образного сравнения.

«Вживание» Ии. в описываемое событие предполагает замещение авторского описания ситуации сумерек собственным эмоционально-оценочным «видением» (*Грустнейший крик птицы, грусть коровы не мешает нам радоваться и любоваться природой тёплым летним вечером, когда всё как будто остановилось / Описание ощущений путешественника, волнение и трепет перед неизведанными берегами, он в шаге от достижения цели / этот текст о том, как рассказчик наслаждается пейзажем и долго ищет вдохновение (музу) в том, что его окружает / Рассказчик восхищается красотой местности, в которой находится; всё, что окружает его, наводит его на философские мысли / Человек находится далеко от Родины и, понимая это, очень грустит / Речь идёт об обстановке, которую человек не хочет покидать, ведь его всё устраивает, это его идеал*).

Избрание ключевого слова *Америка* как смыслового ориентира заставляет Ии. искать пути согласования заданных в тексте сведений и субъективных образных представлений об стране, что возможно благодаря общности эмоционально-оценочных переживаний (*По моему, в тексте показано, как невозможно далека Америка. Она недостижима / Рассуждения о недостижимости другого континента, а сумерки используются как сравнение / Америка – это тающая точка, ей требуется вечность для угасания, она недостижима*).

Реализация стратегии «Я – активный участник» в рамках данной модели ведёт к поиску причинных оснований, которые опосредованы личностью автора (*В тексте ведётся описание природы, которое зависит от эмоционального состояния автора*), переходом от предметной к устойчивому социокультурному представлению, непредметного характера, а именно:

– о загородной жизни (*Как хорошо летом в деревне / особенно вечером*);

– о времени суток, когда вечер / сумерки переживаются как часть дня (*Красота вечернего июньского дня*), как точка на бесконечной временной шкале с учётом качественных характеристик или универсальное переходное состояние (*О красоте летних сумерек в сравнении с вечностью / Понимание сумерек как бесконечного мгновения, в котором вся природа сливается*);

– о красоте как универсальной характеристике (*Великолепия июньского дня в простоте и обыденности / ... о красоте природы / мира вокруг / великолепие природы, как прекрасен мир летом*);

– о состоянии окружающей среды с детализацией по пространственно-временным параметрам (*О красоте природы вечером / Как прекрасна природа в один из моментов (в летние сумерки) / Восторг от природы России*), качеству (*Бесконечная красота окружающей природы*), качеству и количеству (*Красота всего живого и неживого, что только может быть замечено человеческим глазом и услышано человеческим ухом*), образа действия (*Долгий путь проходит природа до того, чтобы отойти ко сну. И перед тем, как спрятаться под покровом ночи, она показывает всю свою красоту*).

– о природе России и Америки (*На мой взгляд, автор описывает таким образом своё первое знакомство с новой, чужой страной – Америкой. Учитывая тот факт, что писатель по происхождению русский, он описывает разницу между очень разными странами. После холодной суровой России Америка показалась ему тёплым, «летним» местом*);

– о специфике национального мышления (*Всё отдалённое, недостижимое на Руси называют Америкой; вдали от Родины, в совершенно чужом месте, тебе всё кажется таким неродным. Здесь и природа другая, и время тянется бесконечно долго, поэтому для русских чужая сторона – это настоящие «другие берега»*).

Обобщение оценки предложенной текстом информации (красота природы) и описание личного психоэмоционального состояния позволяет осуществить переход к иному эмоционально-оценочному фону, заданному лингвокультурной универсалией (*Ностальгия / В тексте говорится о гармонии,*

спокойствии и умиротворении / ... красоте всего недостижимого для человека / Природа как осознание важного, смысла жизни). Стереотипные представления об Америке как агрессоре, враге или, наоборот, идеале переносят переживание смысла текста в сферу геополитики (Грустный и неподвижный пейзаж сравнивается с «томной», наглой Америкой / Америка – страна-«болото», страна людей-тугодумов, которые хотят править всем миром / Удивительно сравнение Америки с «моховым болотом», оно может указывать как на страх перед Америкой, так и на то, что в Америке люди теряются, «вязнут» / Как богата, прекрасна и недостижима Америка).

Отсюда модель смыслового сдвига с учётом «Я–позиции» активного субъекта-участника отражает поиск согласования внешних и внутренних условий в процессе понимания, связующим звеном в котором становятся эмоционально-оценочные итоги осмысления субъектом фактически представленной в тексте информации. Во многом это происходит потому, что опорные элементы понимания (ключевые слова) обнаруживают устойчивый эмоционально-оценочный ракурс смыслового «видения» характеристик потенциального референта (стимулы ВЕЧЕР, УГАСАНИЕ, АМЕРИКА). Наличие в тексте знаковых имён (топоним *Америка*) опосредует переход к социокультурным устойчивым представлениям с возможностью противопоставления «свой – чужой». Избрание такого элемента смысловой доминантой позволяет выйти за пределы внешнего контекста и сформировать результат на основе собственных или разделяемых в социуме переживаний (*недостижимый – Америка недостижима, моховое болото – в Америке люди «вязнут», грустное мычание – автор грустит, не мешает нам радоваться* и т.д.).

Изучение проекций респондентов подтверждает опору на ЭСП в процессе понимания текста В. Набокова. Близость проекции автора (образного ad hoc представления об описываемом референте, заданного ключевыми словами) и внутреннего «свидетельства» переживания с учётом ракурса смыслового «видения» и имплицитного функционального подтверждения его формирования позволяют Ии. в минимальной степени осуществлять опору на ВЗ.

Художественный текст Набокова содержит все предпосылки (наличие имён собственных, обилие лексических единиц конкретной семантики с признаком процессуальности, оценочно маркированных, осложнение синтаксических конструкций однородными членами, причастными оборотами, обобщением и т.д.), чтобы обеспечить близость проекций автора и читателя.

Следовательно, рассматривая модели процесса понимания как способы описания динамического процесса опоры на ВЗ при объяснении «для себя», можно утверждать, что текст как вербально заданное смысловое целое обуславливает степень необходимости активации ВЗ. Отсюда, чем больше совпадений со «свидетельствами» ЭСП значений ключевых слов и их потенциальной контекстной организации предлагает текст, тем ниже вероятность обращения к ВЗ, и, наоборот, чем меньше эксплицитных подтверждений близости, тем выше возможность смысловых сдвигов.

Модель минимальной опоры на ВЗ предполагает максимальный учёт эксплицитно заданного (функциональных значений лексики, синтаксических конструкций, функционально-стилистической специфики) и незначительных «додумываний», выражающихся в некоторой редукции этапов описания события, оптимизации / обобщения отдельных фрагментов или фокусировке на эмоционально-оценочных деталях. Как видно из экспериментов, большую востребованность она получает при понимании художественного текста, посвящённого описанию природы и психоэмоционального состояния автора.

Модель смыслового паритета приобретает значимость при определённых расхождениях вербально заданного и внутренне пережитого. Стратегия индивида как инферирующего аналитика позволяет найти точки соприкосновения через обобщение как выдвигание наиболее релевантного смысла в качестве доминантного, выхода на уровень функционально-категориального целого, эмоционально-оценочного определения роли автора как выразителя экспериментально разделяемого «видения» проблемы или собственного обобщённого мнения о значимости конкретного текста и ему подобных.

Данная модель в большей степени задействовалась при объяснении «для себя» текста по специальности, насыщенного терминами, лексикой абстрактной семантики, не всегда понятной неподготовленному читателю. Отсутствие или недостаток экспертных знаний провоцировали нежелание разбираться в заданной текстом информации и стремление сформулировать общее представление о его содержании. Перенасыщение энциклопедической информацией, передаваемой известными в социуме именами, в частности, топонимом *Украина*, социальная острота проблематики также являлись поводом к изложению собственной обобщённой позиции.

Модель смыслового сдвига становится востребованной при выделенности эмоционально-оценочных характеристик в on-line представлении образа референта. Это позволяет заместить описываемую в тексте ситуацию примером передачи личностного психоэмоционального состояния, обеспечить поиск глубинных причинных смысловых основ изложенного в тексте, представить субъективно правдоподобный прогноз смыслового развития и задать переход к новому обобщённому эмоционально-оценочному фону, репрезентированному лингвокультурной универсалией. Близость прогностической специфики, например, публицистического текста и соответствующего потенциального «свидетельства» опоры на ВЗ также даёт возможность предположить релевантность данной модели процесса понимания при изучении специфики субъективного объяснения «для себя» его содержания.

3.6. Выводы по Главе 3

Результаты проведённого экспериментального исследования могут быть представлены в виде обобщённых выводов.

1. Опора на ВЗ является объективной необходимостью для обеспечения успешности понимания как объяснения «для себя». Она представляет собой установление причинно-смысловой связи между стимулом, в том числе и вербальным, в текущей ситуации познания и общения и прошлым разнообраз-

ным опытом субъекта посредством маркера, множество которых составляет ассоциативно-смысловое поле. Подобная процедура процесса естественного смыслоформирования опирается на принцип субъективной причинности, обеспеченный способностью человека выступать активным участником процессов понимания с опорой на ВЗ, накапливать опыт в виде своеобразных «свидетельств» личной причастности, прямой / косвенной.

2. Фиксируемая посредством имплицитного маркера причинно-смысловая связь является средством выхода на формируемую в естественных условиях интегративную опору осуществления процесса понимания. Создание такой опоры обусловлено прежним опытом индивида по идентификации значения стимула и включает не только релевантные при объяснении «для себя» характеристики объекта, но и «свидетельства» их прошлых контекстных представлений. Такие «свидетельства»—примеры задают контекстное подкрепление даже при предъявлении стимула вне языкового контекста, они хранят скрытые признаки, менее значимые *ad hoc*, но в совокупности составляющие объясняющее контекстное «бытие» и иногда эксплицируемые в виде цепочки маркеров, отправной точкой которых является наиболее значимая.

3. Совокупность выделенных многими субъектами и отмеченных маркерами наиболее значимых характеристик, причинно связанных с контекстами прежнего представления, позволяет выделить определённый ракурс их смыслового «видения». Причинность устанавливаемой смысловой связи обеспечивается универсальностью причинно-следственных отношений и задается глубинным инвариантом взаимосвязи внешнего и внутреннего.

4. Прецедентный ракурс смыслового «видения» является устойчивой установкой приписывания объекту обусловленных прошлым перцептивным, когнитивным, эмоционально-оценочным опытом характеристик и отражает ведущую роль субъекта в процессе понимания с опорой на ВЗ. Признание индивида главной действенной силой, обеспечивающей осуществление процесса познания и коммуникации, позволяет предполагать, что особенности линий переработки поступающих по различным каналам знаний предопределяют

стратегии понимания с опорой на ВЗ, устойчивость задействования которых приводит к формированию определённого ракурса смыслового «видения» характеристик объекта.

5. Активная позиция индивида как непосредственного свидетеля происходящего или объясняющего «для себя» смысл с опорой на собственный опыт обуславливает устойчивую процедурную установку / способ оптимальной организации потенциального контекстного «бытия»: как переживаемого заново процесса, причинного обобщения, поиска новых объяснительных оснований. Конкретное воплощение такая установка получает посредством схем организации компонентов контекстного подкрепления.

«Свидетельства» или конкретные примеры такой организации обнаруживают ряд признаков / компонентов, находившихся до этого момента «в тени», что обеспечивает возможность пересечений ЭСП разных людей и опосредует разделяемость продуктов опыта. Такая разделяемость на основе опыта позволяет принять мнение собеседника как возможное, хотя и не всегда наилучшее ad hoc, с позиции других участников общения.

6. Модели понимания текста с опорой на ВЗ являются динамическим описанием процесса согласования внешних и внутренних причинных условий, характеризующих определённой «шкалой» близости: от минимального задействования ВЗ до смыслового сдвига, обусловленного различиями в ЭСП участников коммуникации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведённое исследование подтвердило, что назрела необходимость поиска междисциплинарных подходов к сложному феномену понимания, одним из которых является психолингвистический. В рамках данного подхода была разработана научная концепция эвиденциального смыслового переживания значения, ставшая центральным звеном теории выводного знания и позволившая по-новому взглянуть на фундаментальные причинно-следственные отношения, лежащие в основе формирования процессов и продуктов познавательной и коммуникативной деятельности субъекта. Обобщение результатов научных изысканий в ряде направлений лингвистики, психологии, логики позволило отразить специфику переработки, хранения и активации разнообразных знаний, усваиваемых индивидом в естественных условиях познания и коммуникации.

На основании исследования причинно-следственных отношений как глубинной фундаментальной основы связи знаний об объектах и явлениях окружающей действительности устанавливается, что причинность является определяющим принципом при отборе и упорядочивании поступающей информации в конкретных условиях познания и общения, её смыслового согласования с багажом уже накопленного опыта и формирования прецедентных «свидетельств» установления смысловых взаимосвязей на основе признаков и признаков признаков, которые как имплицитный «облачный сервис» активируются вербальным / невербальным стимулом в процессе понимания-объяснения «для себя». Инферирующий субъект способен причинно обосновать любое собственное умозаключение благодаря тому, что он обладает прямыми или косвенными «свидетельствами»-подтверждениями правдоподобия причинно-смысловой связи, обусловленной прежними перцептивными, когнитивными, эмоционально-оценочными переживаниями значения, что позволяет называть такое понимание-переживание эвиденциальным.

Предложенные процедурные модели процесса понимания с опорой на ВЗ и алгоритм формирования внутренней причинной опоры, т.е. задействование приобретённых в процессе познания и пережитых в событийном контексте конкретных «свидетельств», позволяют исследовать пути сохранения такого опыта. Общая тенденция к экономии когнитивных усилий даёт возможность предполагать определённую кодировку такого «свидетельства» в виде «следа» / маркера фиксации в памяти, обнаруживающего устойчивую причинно-смысловую связь со стимулом. Кумулятивный характер «свидетельств» опыта, их естественное эволюционирование в многократных актах деятельности предполагают различия в степени обобщённости, а, следовательно, уровневость структуры эвиденциальной опоры на ВЗ. Возможность спиралевидных переходов предопределяет, что каждый новый контекст задействования не может линейно соответствовать прежним. Он предстаёт «свидетельством» нового взаимодействия в рамках общей спиралевидной модели идентификации слова и понимания текста А.А. Залевской.

Создана и конструктивно разработана процедура активации интегративной опоры на «свидетельства» предшествующего опыта в процессе понимания / объяснения «для себя», позволяющая предположить, с одной стороны, их экспериенциальную разделяемость, достигаемую в процессе совместной деятельности членов социума, с другой, – уникальность продуктов речемыслительной активности индивида. Пересечения подобных прошлых примеров контекстного отбора и организации релевантных характеристик объекта, включённых в образное представление о нём, обусловлено общностью выработанных устойчивых установок «видеть» самые значимые признаки и самые эффективные способы их контекстного «бытия». Залогом такой устойчивости являются как общие пути переработки поступающей по различным каналам информации и активная позиция воспринимающего субъекта-свидетеля, так и универсальность глубинных смысловых отношений («компрессий смысла»), которые усваиваются в доязыковом опыте и выступают глубинными динамическими основами процесса познания и коммуникации.

Впервые поставлены и решены задачи научного описания процесса понимания значения слова / текста с опорой на имплицитный причинный потенциал (эвиденциальное смысловое переживание значения), которое становится определяющей интегративной опорой на предшествующий опыт индивида, «услужливо» предлагаемой памятью при понимании и объяснении «для себя» смысловых нюансов вербально переданного содержания. Решение задач стало возможным благодаря разработке метода реконструкции процесса понимания с опорой на ВЗ, что дало возможность экспериментально доказать наличие алгоритма формирования опоры на ВЗ, а также трёх моделей осуществления процесса понимания, отражающих степень совпадения данного извне и внутренне сформированного.

Сформулированные теоретические и практические обоснования разрабатываемой теории подтверждаются практическими результатами (экспериментальными данными) задействия названного выше метода и предполагают дальнейшие перспективы изучения специфики опоры на ВЗ, а также способствуют модернизации существующих моделей процесса понимания, что позволяет рассматривать слово / текст не только как «луч» (термин А.А. Залевской), открывающий релевантный фрагмент образа мира, но как многолучевой прожектор, высвечивающий опору на общее смысловое отношение, устойчивый ракурс и контекст «видения» знаний об одном и том же фрагменте образа мира инферирующим субъектом.

Таким образом, фундаментальная причинно-обусловленная природа мышления человека даёт возможность формировать опыт собственного перцептивно-когнитивно-эмоционально-оценочного «видения» образа потенциального референта, включая выводимый пример его прежнего «бытия». Научная реконструкция и установление специфики такого «свидетельства» позволяет прогнозировать будущие результаты процесса понимания индивидом передаваемого словом / текстом содержания в каждом новом акте познавательной и коммуникативной деятельности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абросова Е.В. Усвоение прототипических и непрототипических значений в онтогенезе // Материалы XXXVII Международной филологической конференции «Общее языкознание»; под ред. Н.А. Слепокуровой. – СПб.: СПбГУ, 2008. – С. 4–8.

Агарева, О.Ю., Селиванов Ю.В. Математическая логика и теория алгоритмов: учебное пособие / О. Ю. Агарева, Ю. В. Селиванов. – М.: МАТИ, 2011. – 80 с.

Алмаев Н.А. Понимание и выражение значений в речи человека: автореф. дис. ... докт. псих. наук: 19.00.01 / Н.А. Алмаев; Ин-т психологии РАН. – М., 2008. – 50 с.

Андерсон Дж.Р. Когнитивная психология / Дж.Р. Андерсон. – 5-е изд. – СПб.: Питер, 2002. – 496 с.

Анисов А.М. Современная логика / А.М. Анисов. – М.: ИФ РАН, 2002. – 273 с.

Анохина Н.В. Имплицитность как компонент структуры содержания текста и составляющая процессов его понимания: на материале научно-популярного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Н.В. Анохина; Башкир. гос. ун-т. – Уфа, 2010. – 23 с.

Апресян В.Ю. Семантическая структура слова и его взаимодействие с отрицанием // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: материалы международной конференции «Диалог 2010». – 2010. – Вып. 9(16). – С. 13–19.

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика / Ю.Д. Апресян // Избранные труды. – Т. I: Синонимические средства языка. – М.: Языки русской культуры, 1995. – С. 3–69.

Апресян Ю.Д. Исследования по семантике и лексикографии / Ю.Д. Апресян. – Т. I: Парадигматика. – М.: Языки славянских культур, 2009. – 568 с.

Арнольд И.В. Стилистика. Современный английский язык: учебник для вузов / И.В. Арнольд. – 4-е изд., испр. и доп. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл: логико-семантические проблемы / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1976. – 384 с.

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений / Оценка, событие, факт / Н.Д. Арутюнова; отв. ред. Г.В. Степанов; АН СССР, Ин-т языкознания. – М.: Наука, 1988. – 338 с.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека / Н.Д. Арутюнова. – 2-е изд. испр. – М.: «Языки русской культуры», 1999. – 896 с.

Арутюнова Н.Д. Наивные размышления о наивной картине мира / Н.Д. Арутюнова // Язык о языке. – М.: ЯРК, 2000. – С. 7–19.

Астахова Т.Н. Полевая структура эвиденциальности в немецком медиадискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Т.Н. Астахова; САФУ. – Архангельск, 2015. – 25 с.

Аткинсон Р.Л., Аткинсон Р.С., Смит Э., Беем Д., Нолен-Хоэксема С. Введение в психологию: учебник для студентов университетов / Р.Л. Аткинсон, Р.С. Аткинсон, Э. Смит, Д. Беем, С. Нолен-Хоэксема [Электронный ресурс]. – 2000. – изд. 13. – Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Vuks/Psihol/atkin/08.php.

Баранов А.Н. Лингвистическая экспертиза текста: теория и практика: учебное пособие / А.Н. Баранов. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 592 с.

Барсук Л.В. Категоризация как психолингвистическая модель установления референции / Л.В. Барсук // Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека: коллективная монография; под ред. А.А. Залевской. – Тверь: ТвГУ, 1999. – С. 21–55.

Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук / М.М. Бахтин. – СПб: Азбука, 2000. – 336 с.

Богословская И.В. Специфика понимания текста смешанного типа и формализация его сложности: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / И.В. Богословская; МГЛУ. – Уфа, 2014. – 42 с.

Болдырев Н.Н. Концептуальная основа языка / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Концептуализация мира в языке: коллективная монография. – М: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – Вып. IV. – С. 25–77.

Болдырев Н.Н. Интерпретирующая функция языка / Н.Н. Болдырев // Вестник Челябинского государственного университета. – 2011. – № 33 (248). Филология. Искусствоведение. – Вып. 60. – С. 11–16.

Болдырев Н.Н. Категориальная система языка / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка. Категоризация мира в языке: коллективная монография. – М: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2012. – Вып. X. – С. 17–120.

Болдырев Н.Н. Концептуально-тематические области языковой картины мира и их интерпретирующая функция / Н.Н. Болдырев // Когнитивные исследования языка: сборник научных трудов. – Вып. XVII: Актуальные проблемы взаимодействия мыслительных и языковых структур. – М: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – С. 33–39.

Бондарко А.В. Лингвистика текста в системе функциональной грамматики / А.В. Бондарко // Текст. Структура и семантика: доклады VIII международной конференции; под ред. Е.И. Дибровой. – М.: Изд-во МГОПУ, 2001. – Т. I. – С. 4–13.

Булыгина Т.В., Шмелёв А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики): монография / Т.В. Булыгина, А.Д. Шмелёв. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 576 с.

Василюк Ф.Е. Структура образа / Ф.Е. Василюк // Вопросы психологии. – 1993. – № 5. – С.5–19.

Васюков В.Л. Проблема сознания с точки зрения логического функционализма / В.Л. Васюков // Философия науки. – М.: ИФ РАН, 2006. – Вып. 12: Феномен сознания. – С. 154–172.

Веккер Л.М. Психика и реальность: единая теория психических процессов / Л.М. Веккер. – М.: Смысл, 1998. – 685 с.

Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. / Б.М. Величковский. – Т.1. – М.: Смысл: Изд. центр «Академия», 2006а. – 448 с.

Величковский Б.М. Когнитивная наука: Основы психологии познания: в 2 т. / Б.М. Величковский. – М.: Смысл: Изд. центр «Академия», 2006б. – Т.2. – 432 с.

Винникова Т.А. Моделирование понимания кинотекста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Т.А. Винникова; Алт. гос. ун-т. – Барнаул, 2010. – 21 с.

Водоватова Т.Е. Инференциальный смысл высказываний с пониженной и повышенной информационной ёмкостью: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Т.Е. Водоватова; Волгогр. гос. пед. ун-т. – Волгоград, 2007. – 32 с.

Войшвилло Е.К., Дегтярев М.Г. Логика: учебник для вузов / Е.К. Войшвилло, М.Г. Дегтярев. – М.: ВЛАДОС-ПРЕСС ИМПЭ, 2001. – 528 с.

Выготский Л.С. Психология / Л.С. Выготский; пред. Н.Е. Веракс. – М.: Апрель Пресс: Эксмо-Пресс, 2002. – 1007 с.

Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Х.-Г. Гадамер; пер. с нем., общ. ред. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. – 704 с.

Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / И.Р. Гальперин. – 14-е изд., стереотип. – М.: КомКнига, 2006. – 144 с.

Голубева Н.А. Функциональная этимология в свете когнитивной грамматики / Н.А. Голубева // Когнитивные исследования языка: сборник научных трудов. – Вып. XVII: Актуальные проблемы взаимодействия мыслительных и языковых структур. – М: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – С. 48–54.

Губанов Н.И. Чувственное отражение: (анализ проблем в свете современной науки) / Н.И. Губанов. – М.: Мысль, 1986. – 239 с.

Гудков Д.Б. Теория и практика межкультурной коммуникации / Д.Б. Гудков. – М.: ИТДГК Гнозис, 2003. – 288 с.

Дашинимаева П.П. Теория значимости как основа психонейролингвистической концепции непереводаемости: автореф. дис. ... докт. философ. наук : 10.02.19 / П.П. Дашинимаева; Иркут. гос. лингв. ун-т. – Иркутск, 2010. – 46 с.

Дейк Т.А. ван, Кинч В. Стратегии понимания связного текста / Т.А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике; ред. В.В. Петрова, В.И. Герасимова. – М.: Прогресс, 1988. – Вып. XIII: Когнитивные аспекты языка. – С. 153–211.

Дейк Т.А. ван Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк; пер. с англ.; сост. В.В. Петрова; под ред. В.И. Герасимова; вступ.ст. Ю.Н. Караулова, В.В. Петрова. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.

Демьянков В.З. Интерпретация, понятия и лингвистические аспекты их моделирования на ЭВМ. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1989. – 172с.

Демьянков В.З. Теория прототипов в семантике и прагматике языка / В.З. Демьянков // Структуры представления знаний в языке; отв. ред. Е.С. Кубрякова. – М.: ИНИОН РАН, 1994. – С. 32–86.

Демьянков В.З. О когнитивном манипулировании / В.З. Демьянков // Когнитивные исследования языка: сборник научных трудов. – Вып. XVII: Актуальные проблемы взаимодействия мыслительных и языковых структур. – М.: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2014. – С. 55–60.

Дилтс Р. А. Эйнштейн / Р. Дилтс // Стратегии гениев: в 3 т.; пер. Н.Е. Ивановой. – М.: Независимая фирма «Класс», 1998. – Т.2. – 192 с.

Дильтей В. Сущность философии / В. Дильтей. – М.: Интрада, 2001. – 159 с.

Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблемы семиосоциопсихологии Т.М. Дридзе. – М.: Наука, 1984. – 268 с.

Душечкина Е.В. Культурная история имени «Светлана» / Е.В. Душечкина // Имя: Семантическая аура: сборник научных статей; отв. ред. Т.М. Николаева. – М.: Языки славянских культур, 2007. – С. 323–360.

Жинкин Н.И. Язык. – Речь. – Творчество: избранные труды / Н.И. Жинкин; под ред. С.И. Гиндиной. – М.: Изд-во «Лабиринт», 1998. – 368 с.

Зайцев Д.В. Обобщённая релевантная логика и модели рассуждений: автореф. дис. ... докт. философ. наук: 09.00.07 / Д.В. Зайцев. – М., 2012. – 49 с.

Залевская А.А. Слово в лексиконе человека: Психолингвистические исследования / А.А. Залевская. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1990. – 206 с.

Залевская А.А. Индивидуальное знание: Специфика и принципы функционирования: монография / А.А. Залевская. – Тверь: Изд-во ТвГУ, 1992. – 134 с.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику: учебник для студентов / А.А. Залевская. – М.: Изд-во РГГУ, 1999. – 382 с.

Залевская А.А. Психолингвистические исследования. Слово. Текст: избранные труды / А.А. Залевская. – М.: Гнозис, 2005. – 542 с.

Залевская А.А. Динамика общенаучных подходов к проблеме знания и некоторые задачи психолингвистических исследований / А.А. Залевская // Теоретические проблемы психолингвистики. – 2007а. – № 5. – С. 4–12.

Залевская А.А. Введение в психолингвистику: учебник / А.А. Залевская. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Российск. гос. гуманит. ун-т, 2007б. – 560 с.

Залевская А.А. Двойная жизнь значения слова. Теоретическое и экспериментальное исследование: монография / А.А. Залевская. – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2012. – 278 с.

Залевская А.А. Топы как смысловые инварианты высказываний: роль в познании и общении / А.А. Залевская // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология». – 2013а. – № 5. – Вып. 2: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – С. 38–45.

Залевская А.А. Значение слова и «живой поликодовый гипертекст» / А.А. Залевская // Вопросы психолингвистики. – 2013б. – № 1(17). – С. 8–19.

Залевская А.А. Значение слова и метафора «живой поликодовый гипертекст» / А.А. Залевская // GISAP: Philological Sciences [Электронный ресурс]. – 2013в. – № 1. – Р. 22–25. – Режим доступа: http://gisap.eu/sites/default/files/files/pdf/philological_sciences_gisap1.indd_pdf.

Залевская А.А. Принципы навигации в живом поликодовом гипертексте / А.А. Залевская // В начале было слово: история и актуальные вопросы филологии и языковедения: I этап Открытого Европейско-Азиатского первенства по научной аналитике (филологические науки) [Электронный ресурс]. – Лондон, 2013г. – Режим доступа: <http://gisap.eu/ru/node/16694>.

Залевская А.А. Абстракция, эмпирия, воображение и эмоция в научном исследовании и в обыденном знании / А.А. Залевская // LV Международная научно-практическая конференция «Проблемы и парадоксы исторической науки в контексте развития философской мысли» [Электронный ресурс]. – Лондон, 2013д. – Режим доступа: <http://gisap.eu/ru/node/23507>.

Залевская А.А. Что там – за словом? Вопросы интерфейсной теории значения слова: монография / А.А. Залевская. – М.–Берлин: Директ-Медиа, 2014а. – 328 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.directmedia.ru.

Залевская А.А. Интерфейсная теория значения слова: психолингвистический подход / А.А. Залевская. – IASHE: Лондон, 2014б. – 179 с.

Залевская А.А. Понимание текста: Процессы и продукты (Реферативный обзор) // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 6 «Языкознание»; РЖ / РАН ИНИОН. Центр гуманитарных научно-информационных исследований. Отдел языкознания. – М., 2015а. – № 1. – С. 53–98.

Залевская А.А. «Рефлексия» и «языковое сознание»: вопросы терминологии / А.А. Залевская // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология». – 2015б. – № 4. – С. 38–43.

Залевская А.А. Вопросы теории самоконтроля в свете моделирования речемыслительной деятельности / А.А. Залевская // Слово и текст: психолингвистический подход: сборник научных трудов; под общ. ред. А.А. Залевской. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2015в. – Вып. 15. – С. 19–35.

Запольская Н.Н. Рефлексия над именем собственным в пространстве времени и культуры // Имя: Семантическая аура: сборник научных статей; отв. ред. Т.М. Николаева. – М.: Языки славянских культур, 2007. – С. 133–150.

Звегинцев В.А. Предложение и его отношение к языку и речи / В.А. Звегинцев. – М.: Изд-во Московского ун-та, 1976. – 306 с.

Зимняя И.А. Лингвопсихология речевой деятельности / И.А. Зимняя. – М.: Московский психолого-социальный ин-т; Воронеж: «МОДЭК», 2001. – 432 с.

Зинченко В.П., Вегрилес Н.Ю. Формирование зрительного образа (исследование деятельности зрительной системы) / В.П. Зинченко, Н.Ю. Вегрилес. – М.: Изд-во МГУ, 1969. – 106 с.

Зинченко В.П. Миры сознания и структура сознания / В.П. Зинченко // Вопросы психологии. – 1991. – № 2. – С. 15–36.

Золотова Н.О. Ядро ментального лексикона человека как естественный метаязык: автореф. дис. ... докт. филолог. наук: 10.02.19 / Н.О. Золотова; Тверской гос. ун-т. – Тверь, 2005. – 40 с.

Иванова В.И. Системно-антропоцентрическая лингвистика / В.И. Иванова // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология». – 2016. – № 2. – С. 14–17.

Ивин А.А. Импликации и модальности / А.А. Ивин. – М.: ИФ РАН, 2004. – 126 с.

Ирисханова О.К. О понятии креативности и его роли в метаязыке лингвистических описаний / О.К. Ирисханова // Когнитивные исследования языка: сборник научных трудов. – Вып. V: Исследования познавательных процессов в языке. – М: Ин-т языкознания РАН; Тамбов: Изд. дом ТГУ им. Г.Р. Державина, 2009. – С.158–171.

Ищук М.А. Специфика понимания иноязычного гетерогенного текста по специальности: автореф. дис. ... канд. филолог. наук: 10.02.19 / М.А. Ищук; Тверской гос. ун-т. – Тверь, 2009. – 20 с.

Карасик В.И. Языковая матрица культуры / В.И. Карасик. – М.: Гнозис, 2013. – 320 с.

Караулов Ю.Н., Филиппович Ю.Н. Лингвокультурное сознание русской языковой личности. Моделирование состояния и функционирования / Ю.Н. Караулов, Ю.Н. Филиппович. – М.: Изд. центр «Азбуковник», 2009. – 336 с.

Ким Л.Г. Вариативно-интерпретационное функционирование текста: теоретико-экспериментальное исследование: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Л.Г. Ким; Кемер. гос. ун-т. – Кемерово, 2010. – 50 с.

Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: лекционный курс / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.

Крипке С. Тождество и необходимость / С. Крипке // Новое в зарубежной лингвистике; под ред. Н.Д. Арутюновой. – М.: Наука, 1982. – С. 340–376.

Крипке С. Загадка контекстов мнения / С. Крипке // Новое в зарубежной лингвистике. – М.: Прогресс, 1986. – Вып. XVIII: Логический анализ естественного языка; общ. ред. В.В. Петрова. – С. 194–241.

Кружилина Т.В. Понимание текста детьми дошкольного возраста с учётом факторов социального окружения ребёнка (экспериментальное исследование): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Т.В. Кружилина; Тверской гос. ун-т. – Тверь, 2014. – 171 с.

Крюкова Н.Ф. Понимание – шаг навстречу / Н.Ф. Крюкова // Слово и текст: психоллингвистический подход: сборник научных трудов; под общ. ред. А.А. Залевской. – Тверь: Твер. гос. ун-т, 2014. – Вып. 14. – С. 117–119.

Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения: Роль языка в познании мира / Е.С. Кубрякова. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560с.

Кубрякова Е.С., Ирисханова О.К. Языковое абстрагирование в наименованиях категорий / Е.С. Кубрякова, О.К. Ирисханова // Известия РАН. Серия «Литературы и языка». – 2007. – Т. 66. – № 2. – С. 3–12.

Курганова Н.И. Роль и место смыслового поля при моделировании структурных и операциональных параметров значения слова: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Н.И. Курганова; Тверской гос. ун-т. – Тверь, 2012. – 46 с.

Куриленко И.Е. О применении метрической временной логики при построении механизма вывода на основе прецедентов / И.Е. Куриленко // Сборник материалов XIII национальной конференции по искусственному интеллекту. – Белгород: Изд-во БГТУ, 2012. – Т. 1. – С. 25–33.

Лакофф Дж. Женщины, огонь и опасные вещи: Что категории языка говорят нам о мышлении / Дж. Лакофф; пер. с англ. – М.: «Языки славянской культуры», 2004. – 792 с.

Лебедева С.В. Близость значения слов в индивидуальном сознании: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / С.В. Лебедева; Тверской гос. ун-т. – Тверь, 2001. – 311 с.

Леонтьев А.А. Психология общения: учебное пособие для вузов / А.А. Леонтьев. – 2-е изд. доп. – М.: Смысл, 1997. – 363 с.

Леонтьев А.А. Деятельный ум: деятельность, знак, личность / А.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2001. – 380 с.

Леонтьев А.А. Прикладная психолингвистика речевого общения и массовой коммуникации / А.А. Леонтьев; под ред. А.С. Маркосян, Д.А. Леонтьева, Ю.А. Сорокина. – М.: Смысл, 2008. – 271 с.

Ломов Б.Ф. Проблема образа в психологии / Б.Ф. Ломов // Вестник АН СССР. – 1985. – № 6. – С. 85–92.

Лотман Ю.М. Текстовые и внетекстовые структуры / Ю.М. Лотман // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста: антология; под ред. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 209–212.

Лукьянова Н.А. Коммуникативно-семиотическое моделирование социокультурных изменений: автореф. дис. ... докт. философ. наук: 24.00.01 / Н. А. Лукьянова. – Великий Новгород, 2009. – 37 с.

Лурия А.Р. Язык и сознание / А.Р. Лурия. – Ростов н/Д: Феникс, 1998. – 413 с.

Макаров М.Л. Основы теории дискурса / М.Л. Макаров. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.

Матурана У. Биология познания / У. Матурана // Язык и интеллект: Сборник; сост. и вступ. ст. В.В. Петрова; под общ. ред. В.И. Герасимова, В.П. Нерознака; пер. с англ. и нем. – М. Изд. группа «Прогресс», 1995. – С. 95–142.

Медведева И.Л. Психолингвистические проблемы функционирования лексики неродного языка: автореф. дис. ... докт. философ. наук: 10.02.19 / И.Л. Медведева; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 1999. – 37 с.

Миловидов В.А. Диалектика художественного и эстетического в художественном переводе / В.А. Миловидов // Вестник Тверского государственного университета. – Серия «Филология». – 2016. – № 2. – С. 289–295.

Моррис Ч.У. Основания теории знаков / Ч.У. Моррис // Семиотика: Антология; общ. ред. и сост. Ю.С. Степанов. – 2 изд. испр. и доп. – М.: Академический проспект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С.45–97.

Мохамед Н.В. Психолингвистическое исследование процессов понимания текста: дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Н.В. Мохаммед. – Уфа, 2000. – 346 с.

Найссер У. Понимание и реальность: Смысл и принципы когнитивной психологии / У. Найссер; пер.с англ. В.В. Лучкова; вступ.ст., общ. ред. Б.М. Величковского. – М.: Прогресс, 1981. – 230 с.

Нестеров А.Ю. Онтологические границы семиозиса в процедурах коммуникации, познания и понимания автореф. дис. ... докт. философ. наук: 09.00.01 / А.Ю. Нестеров; Самар. гос. ун-т. – Самара, 2010. – 41 с.

Носуленко В.Н. Психофизика восприятия естественной среды: Проблемы воспринимаемого качества / В.Н. Носуленко. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2007. – 400 с.

Олдер Г., Хэзер Б. Нейролингвистическое программирование. Вводный курс. Полное практическое руководство / Г. Олдер, Б. Хэзер; пер. с англ. К. Семенова; под ред. М. Добровольского, М. Неволина. – Киев: «София», 2000. – 224 с.

Панасенко Л.А. Интерпретирующий потенциал лексических категорий: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.04; 10.02.19 / Л.А. Панасенко; Тамб. гос. ун-т. – Тамбов, 2014. – 42 с.

Павилёнис Р.И. Проблема смысла: современный логико-философский анализ языка / Р.И. Павилёнис. – М.: Мысль, 1983. – 286 с.

Падучева Е.В. Динамические модели в семантике лексики / Е.В. Падучева. – М.: ЯСК, 2004. – 607 с.

Падучева Е.В. Эффекты снятой утвердительности: глобальное отрицание / Е.В. Падучева // Русский язык в научном освещении. – 2005. – № 2(10). – С. 17–42.

Петренко В.Ф. Основы психосемантики / В.Ф. Петренко. – 2-е изд., доп. – СПб.: Питер, 2005. – 480 с.

Пиаже Ж. Генезис восприятия / Ж. Пиаже // Экспериментальная психология; ред. П. Фресс, Ж. Пиаже; пер. с франц. – М.: Прогресс, 1978. – Вып. VI. – С. 13–87.

Пиаже Ж. Психогенез знаний и его эпистемологическое значение / Ж. Пиаже // Семиотика: Антология; общ. ред. и сост. Ю.С. Степанов. – 2-е изд. испр. и доп. – М.: Академический проспект; Екатеринбург: Деловая книга, 2001. – С. 98–110.

Пирс Ч.С. Логические основания теории знаков / Ч.С. Пирс; пер. с англ. В.В. Кирющенко, М.В. Колопотина. – СПб.: Лаборатория метафизических исследований. Философский фак-т СПбГУ: Алетейя, 2000. – 352 с.

Пирс Ч.С. Принципы философии: в 2 т. / Ч.С. Пирс; пер. с англ. В.В. Кирющенко, М.В. Колопотина. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001а. – Т. I. – 224 с.

Пирс Ч.С. Принципы философии: в 2 т. / Ч.С. Пирс; пер. с англ. В.В. Кирющенко, М.В. Колопотина. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001б. – Т. II. – 320 с.

Пищальникова В.А. История и теория психолингвистики: курс лекций / В.А. Пищальникова. – М.: Ин-т языкознания РАН; МГЛУ, 2005. – 296 с.

Плунгян В.А. Общая морфология: Введение в проблематику: учебное пособие / В.А. Плунгян. – М.: Эдиториал УРСС, 2000. – 384 с.

Потебня А.А. Мысль и язык / А.А. Потебня. – 3-е изд. доп. – Киев: СИНТО, 1993. – 192 с.

Прохоров А.В. Обусловленность процессов инференции импликатурами рекламного дискурса: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / А.В. Прохоров; Тамб. гос. ун-т. – Тамбов, 2006. – 20 с.

Рассел Б. Человеческое познание: его сфера и границы / Б. Рассел; общ. ред. А.Ф. Грязнова. – М.: Terra – Книжный клуб: республика, 2000. – 464 с.

Рогожникова Т.М. Психолингвистические проблемы функционирования полисемантического слова: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Т.М. Рогожникова; Уфим. гос. авиацион.техн. ун-т. – Уфа, 2000. – 42 с.

Рузавин Г.И. Логика и аргументация: учебное пособие для вузов / Г.И. Рузавин. – М.: Культура и спорт, ЮНИТИ, 1997. – 351 с.

Рузавин Г.И. Методология научного исследования: учебное пособие для вузов / Г.И. Рузавин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 1999. – 317 с.

Рузавин Г.И. Методология научного познания: учебное пособие для вузов / Г.И. Рузавин. – М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2012. – 287 с.

Рябцева Н.К. Язык и естественный интеллект / Н.К. Рябцева. – М.: Academia, 2005. – 639 с.

Садикова В.А. Топика как система структурно-смысловых моделей (типология инвариантов высказывания): автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / В.А. Садикова; Твер. гос. ун-т. – Тверь, 2012. – 43 с.

Сазонова Т.Ю. Психолингвистическое исследование процессов идентификации слова: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Т.Ю. Сазонова; Твер. гос. ун-т. – М., 2000. – 46 с.

Сеченов И.М. Избранные произведения / И.М. Сеченов. – М.: Учпедгиз, 1953. – 333 с.

Слышкин Г.Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе / Г.Г. Слышкин. – М.: Academia, 2000. – 128 с.

Соловьёв А.Н. Моделирование процессов понимания речи с использованием латентно-семантического анализа: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.21 / А.Н. Соловьёв; С-Петербур. гос. ун-т. – СПб., 2008. – 20 с.

Солсо Р.Л. Когнитивная психология / Р.Л. Солсо; общ. ред. В.П. Зинченко; пер. с англ. – М.: «Тривола»; М.: «Либерия», 2002. – 600 с.

Сонин А.Г. Моделирование механизмов понимания поликодовых текстов: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / А.Г. Сонин; Моск. гос. лингв. ун-т. – М., 2006. – 42 с.

Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая плёнка цивилизации / Ю.С. Степанов. – М.: «Языки славянских культур», 2007. – 246 с.

Стернин И.А. Проблема инвентаризации ментальных схем понимания скрытых смыслов текста / И.А. Стернин // Слово и текст: психолингвистический подход: сборник научных трудов; общ. ред. А.А. Залевской. – Тверь: Тверской гос. ун-т, 2014. – Вып. 14. – С. 130–134.

Суперанская А.В. Общая теория имен собственных / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1973. – 366 с.

Суперанская А.В. Ники и псевдонимы / А.В. Суперанская // Non Multum, sed Multa: Немного о многом. У когнитивных истоков современной терминологии: сборник научных трудов в честь В.Ф. Новодрановой. – М.: Авторская академия, 2010. – С. 429–434.

Супрун В.И. Ономастическое поле русского языка и его художественно-эстетический потенциал: монография / В.И. Супрун. – Волгоград: Перемена, 2000. – 172 с.

Тогоева С.И. Новое слово: подходы и проблемы / С.И. Тогоева // Психолингвистические проблемы функционирования слова в лексиконе человека: коллективная монография; под ред. А.А. Залевской. – Тверь: ТвГУ, 1999. – С. 75–101.

Топоров В.Н. От имени к тексту / В.Н. Топоров // Имя: семантическая аура: сборник статей; РАН, Ин-т славяноведения; отв. ред. Т.М. Николаева. – М.: Языки славянских культур, 2007. – С. 15–27.

Федорова О.В. Экспериментальный анализ дискурса: теория и практика: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / О.В. Федорова; Моск. гос. ун-т. – М., 2013. – 45 с.

Финн В.К. Индуктивные методы Д.С. Милля в системах искусственного интеллекта / В.К. Финн // Искусственный интеллект и принятие решений. – 2010а. – Ч.І. – № 3. – С. 3–21.

Финн В.К. Индуктивные методы Д.С. Милля в системах искусственного интеллекта / В.К. Финн // Искусственный интеллект и принятие решений, – 2010б. – Ч.ІІ.– № 4. – С. 14–40.

Финн В.К. Искусственный интеллект: методология применения, философия / В.К. Финн. – М.: КРАСАНД, 2011. – 448 с.

Флоренский П.А. Имена / П.А. Флоренский. – СПб: Авалонь: Азбука классика, 2007. – 336 с.

Фреге Г. Смысл и денотат / Г. Фреге // Семиотика и информатика, 1997. – М.: Языки русской культуры. – Вып. 35. – С. 352–379.

Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / М. Хайдеггер; пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – 447 с.

Хофман И. Активная память: Экспериментальное исследование и теории человеческой памяти / И. Хофман; пер. с нем. К.М.Шодомия; общ. ред. и предисл. Б.М. Величковского, Н.К. Корсаковой. – М.: Прогресс, 1986. – 312 с.

Чернышова М.А. Концептуально-синергетическое моделирование понимания рекламного текста: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / М.А. Чернышова; Тверской гос. ун-т. – Тверь, 2010. – 17 с.

Черняк Н.А. Онтология понимания: автореф. дис. ... докт. философ. наук: 09.00.01 / Н.А. Черняк; Сиб. федер. ун-т. – Красноярск, 2013. – 38 с.

Чугунова С.А. Концептуализация времени в различных культурах: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / С.А. Чугунова; Тверской гос. ун-т. – Тверь, 2009. – 45 с.

Шелестюк Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 / Е.В. Шелестюк; Челяб. гос. ун-т. – Челябинск, 2009. – 42 с.

Шлеймахер Ф. Герменевтика / Ф. Шлеймахер. – СПб.: «Европейский Дом», 2004. – 242 с.

Шмелёв А.Д. Пробный камень теории референции / А.Д. Шмелёв // Вопросы кибернетики. Семиотические исследования; ред. В.А. Успенского. – М.: Научный Совет АН СССР по комплексной проблеме «Кибернетика», 1989. – С. 49–80.

Щербак А.С. Когнитивные основы региональной ономастики: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19, 10.02.01 / А.С. Щербак; Тамб. гос. ун-т. – Тамбов, 2008. – 46 с.

Щирова И.А., Гончарова Е.А. Многомерность текста: понимание и интерпретация: учебное пособие / И.А. Щирова, Е.А. Гончарова. – СПб.: ООО «Книжный дом», 2007. – 472 с.

Эко У. Отсутствующая структура. Введение в семиологию / У. Эко; ред. М.Г. Ермакова. – СПб.: ТОО ТК «Петрополис», 1998. – 432 с.

Юм Д. О человеческой природе / Д. Юм; пер. с англ. С.И. Церетели. – СПб.: «Азбука», 2001. – 320 с.

Abbot В. Presuppositions as nonassertions / В. Abbot // Journal of Pragmatics. – 2000. – Vol. 32. – P. 1417–1437.

Aikhenvald A.Y. The grammar of knowledge: a cross-linguistic view of evidentials and the expression of information source / A.Y. Aikhenvald. – 2013. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://research.jcu.edu.au/lcrc/store-room/research-projects/evidentiality/folder-2-sashas-publications/the-grammar-of-knowledge>.

Allwood J. Meaning potentials and context: Some consequences for the analysis of variation in meaning / J. Allwood // *Approaches to Lexical Semantics*; H. Cuyckens, R. Dirven, J. Taylor (eds.). – Berlin / New York: Mouton de Gruyter, 2003 – P. 29–66.

Altmann G.T.M. The language machine: Psycholinguistics in review / G.T.M. Altmann // *British Journal of Psychology*. – 2001. – Vol. 92. – P. 129–170.

Anderson J.R., Bothell D., Byrne M.D., Lebiere Ch. An integrated theory of the mind / J.R. Anderson, D. Bothell, M.D. Byrne, Ch. Lebiere // *Psychological Review*. – 2004. – Vol. 111(4). – P.1036–1060.

Atlas J.D. Presupposition / J.D. Atlas // *The Handbook of Pragmatics*; L.R. Horn, G. Ward (eds.). – Cornwall: Blackwell Publishing, 2006. – P. 29–52.

Avramides A. Davidson, Grice, and the social aspects of language / A. Avramides // *Paul Grice's heritage: Proceedings from a conference held at the Centre for Semiotic & Cognitive Studies, the University of San Marino, Italy*; G. Cosenza, B. Turnhout (eds.). – Bruxelles: Brepols Publishers, 2001. – P. 115–138.

Bach K. Speaking loosely: Sentence nonliterality / K. Bach // *Midwest Studies in Philosophy*. – 2001. – Vol. 25. – P. 249–63.

Bach K. Pragmatics and the philosophy of language / K. Bach // *The Handbook of Pragmatics*; L.R. Horn, G. Ward (eds.). – Oxford: Blackwell, 2004. – P. 463–487.

Baddeley A.D. Is working memory still working / A.D. Baddeley // *European Psychologist*. – 2002. – Vol. 7(2). – P. 85–97.

Baddeley A.D., Eysenck M.W., Anderson M.C. Memory / A.D. Baddeley, M.W. Eysenck, M.C. Anderson. – NY: Psychology Press, Taylor & Francis Group, 2009. – 451 p.

Barsalou L.W. Perceptual symbol systems / L.W. Barsalou // *Behavioral and Brain Sciences*. – 1999. – Vol. 22. – P. 577–660.

Barsalou L.W. Abstraction in perceptual symbol systems / L.W. Barsalou // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. – 2003. – Vol. 358. – P. 1177–1187.

Barsalou L.W. Grounded cognition / L.W. Barsalou // *Annual Review of Psychology*. – Atlanta: Emory University, 2008. – P. 617–645.

Barsalou L.W. Simulation, situated conceptualization, and prediction / L.W. Barsalou // *Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences*. – 2009. – Vol. 364. – P. 1281–1289.

Barsalou L.W., Simmons K., Barbey A.K., Wilson C.D. Grounding conceptual knowledge in modality-specific systems / L.W. Barsalou, K. Simmons, A.K. Barbey, C.D. Wilson // *Trends in Cognitive Sciences*. – 2003. – Vol. 7(2). – P. 84–91.

Barsalou L.W., Pecher D., Zeelenberg R., Simmons W.K., Hamann S.B. Multi-Modal Simulation in Conceptual Processing / L.W. Barsalou, D. Pecher, R. Zeelenberg, W.K. Simmons, S.B. Hamann // Chapter to appear in *Categorization inside and outside the lab: Festschrift in honor of Douglas L. Medin*; W. Ahn, R. Goldstone, P. Wolff (eds.) [Электронный ресурс]. – Washington, DC: American Psychological Association, 2004. – Режим доступа: psychology.emory.edu/cognition/barslou/papers/Barsalou_chap_in_press_situated_conceptualization.pdf.

Beaver D.I., Zeevat H. Accommodation / D.I. Beaver, H Zeevat // *The Oxford Handbook of Linguistic Interfaces. Studies in Theoretical Linguistics*; G. Ramchand, Ch. Reiss (eds.). – Oxford: Oxford University Press, 2007. – P. 503–538.

Borst G., Kosslyn S.M. Visual mental imagery and visual perception: Structural equivalence revealed by scanning processes / G. Borst, S.M. Kosslyn // *Memory & Cognition*. – 2008. – Vol. 36(4). – P. 849–862.

Brighton H., Todd P.M. Situating rationality: ecologically rational decision making / H. Brighton, P.M. Todd // *The Cambridge handbook of situated cognition*; P. Robbins, M. Aydede (eds.). – Cambridge; NY: Cambridge University Press, 2009. – P. 322–346.

Byrne R.M.J. The rational imagination: How people create counterfactual alternatives to reality / R.M.J. Byrne. – Cambridge MA: MIT Press, 2005. – 254 p.

Byrne R.M.J., Johnson-Laird P.N. «If» and the problems of conditional reasoning / R.M.J. Byrne, P.N. Johnson-Laird // *Trends in Cognitive Sciences*. – 2009. – Vol. 13. – P. 282–287.

Carston R. Linguistic Meaning, Communicated Meaning and Cognitive Pragmatics / R. Carston // *Mind and Language, Special Issue on Pragmatics & Cognitive Science*. – 2002. – Vol. 17(1–2). – P. 127–148.

Carston R., Hall A. Implicature and explicature / R. Carston, A. Hall // *Cognitive pragmatics*; H-J Schmid (ed.). – Berlin-Boston: Walter de Gruyter CmbH&Co, 2012. – P. 47–84.

Chapman S. Paul Grice, Philosopher and Linguist / S. Chapman. – NY: Palgrave Macmillan Ltd., 2005. – 247 p.

Chemla E., Bott L.A. Processing presuppositions: dynamic semantics vs pragmatic enrichment / E. Chemla, L.A. Bott // *Language and Cognitive Processes*. – 2013. – Vol. 28(3). – P. 241–260.

Chemla E., Schlenker P. Incremental vs. symmetric accounts of presupposition projection. An experimental approach / E. Chemla, P. Schlenker // *Natural Language Semantics*. – 2012. – Vol. 20(2). – P. 177–226.

Chierchia G. Scalar implicatures, polarity phenomena, and the syntax / pragmatics interface / G. Chierchia // *Structures and Beyond*; A. Belletti (ed.). – Oxford University Press: Oxford, 2004. – P. 39–103.

Clark J.M., Paivio A. Dual coding theory and education / J.M. Clark, A. Paivio // *Educational Psychology Review*. – 1991. – Vol. 3(3). – P.149–210.

Connell L., Lynott D. Strength of perceptual experience predicts word / L. Connell, D. Lynott // *Cognition*. – 2012. – Vol. 125. – P. 452–465.

Croft W., Cruse D.A. *Cognitive Linguistics* / W. Croft, D.A. Cruse. – Cambridge: Cambridge University Press, 2004. – 357 p.

Dale R.E. The theory of meaning: a dissertation submitted by the Graduate Faculty in Philosophy... for the degree of Doctor of Philosophy / R.E. Dale. – The City University of NY, 1996. – 286 p.

Damasio A., Parvizi J. Consciousness and brainstem / A.R. Damasio, J. Parvizi // *Cognition*. – 2001. – Vol. 79. – P. 135–159.

Davidson J.E. Insights about insightful problem solving / J.E. Davidson // *The psychology of problem solving*; J.E. Davidson, R.J. Sternberg (eds.). – Cambridge, NY: Cambridge University Press, 2003. – P. 149–175.

Deese J. The structure of associations in language and thought / J. Deese. – Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1965. – 216 p.

Devilly G.J. Power therapies and possible threats to the science of psychology and psychiatry / G.J. Devilly // *Australian and New Zealand Journal of Psychiatry*. – 2005. – Vol. 39(6). – P. 437–445.

Devitt M., Sterelny K. Language and Reality: An Introduction to the Philosophy of Language / M. Devitt, K. Sterelny. – 2nd ed. – Oxford: MIT Press, 1999. – 366 p.

Dijk T.A. van Social Cognition and Discourse / T.A. van Dijk // *Handbook of Social Psychology and Language*. – 1990. – P. 163–183.

Dijk T.A. van Context Models in Discourse Processing / T.A. van Dijk // *The construction of mental representations during reading*; H. van Oostendorp, S. Goldman (eds.). – Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1999. – P.123–148.

Dijk T.A. van Ideology and discourse: A multidisciplinary introduction / T.A. van Dijk [Электронный ресурс]. – 2000. – Режим доступа: <http://www.discourses.org/UnpublishedArticles/Ideology%20and%20discourse.pdf>.

Dijk T.A. van Discourse and power / T.A. van Dijk. – NY: Palgrave Macmillan, 2008. – 308 p.

Evans J.St.B.T. Dual-processing accounts of reasoning, judgment, and social cognition / J.St.B.T. Evans // *Annual Review of Psychology*. – 2008. – Vol. 59. – P. 255–278.

Evans V. Lexical concepts, cognitive models and meaning-construction / V. Evans // *Cognitive Linguistics*. – 2006. – Vol. 17 (4). – P. 491–534.

Fauconnier G. Methods and generalizations / G. Fauconnier // *Cognitive Linguistics: Foundations, Scope, and Methodology*; Th.Janssen, G.Redecer (eds.). – Berlin, NY: Mouton de Gruyter, 1999. – P. 95–127.

Fillmore Ch.J., Johnson Ch.R., Petruck M.R.L. Background to Framenet / Ch.J. Fillmore, Ch.R. Johnson, M.R.L. Petruck // International Journal of Lexicography. – 2003. – Vol. 16(3). – P. 235–250.

Fillmore Ch.J., Narayanan S., Baker C.F. What can linguistics contribute to event extraction? / Ch.J. Fillmore, S. Narayanan, C.F. Baker [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа: [http://www1.icsi.berkeley.edu/~snarayan/Event Extraction.pdf](http://www1.icsi.berkeley.edu/~snarayan/Event%20Extraction.pdf).

Fintel K. von What is presupposition accommodation, again? / K. von Fintel // Philosophy of Language. – 2008. – Vol. 22. – P. 137–170.

García-Madruga J.A., Gutiérrez F., Carriedo N., Moreno S., Johnson-Laird P.N. Mental models in deductive reasoning / J.A. García-Madruga, F. Gutiérrez, N. Carriedo, S. Moreno, P.N. Johnson-Laird // The Spanish Journal of Psychology. – 2002. – Vol. 5(2). – P. 125–140.

Garoff R.J., Slotnick S.D., Schacter D.L. The neural origins of specific and general memory: the role of the fusiform cortex / R.J. Garoff, S.D. Slotnick, D.L. Schacter // Neuropsychologia. – 2005. – Vol. 43. – P. 847–859.

Geurts B., van der Sandt R. Interpreting focus / B. Geurts, R. van der Sandt // Theoretical Linguistics. – 2004. – Vol. 30(1). – P. 1–44.

Glezer L.S., Kim J., Rule J., Jiang X., Riesenhuber M. Adding Words to the Brain's Visual Dictionary: Novel Word Learning Selectively Sharpens Orthographic Representations in the VWFA / L.S. Glezer, J. Kim, J. Rule, X. Jiang, M. Riesenhuber // The Journal of Neuroscience. – 2015. – Vol. 35(12). – P. 4965–4972.

Goel V. Cognitive neuroscience of deductive reasoning / V. Goel // The Cambridge handbook of thinking and reasoning; K. Holyoak, R.G. Morrison (eds.). – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – P. 475–492.

Goldvarg E., Johnson-Laird P.N. Naive causality: a mental model theory of causal meaning and reasoning / E. Goldvarg, P.N. Johnson-Laird // Cognitive Science. – 2001. – Vol. 25. – P. 565–610.

Gooding D.C. Creative rationality: Towards an abductive model of scientific change / D.C. Gooding // Philosophica. – 1996. – Vol. 58(2). – P. 73–102.

Gooding D.C. Visualizing scientific inference / D.C. Gooding // Topics in Cognitive Science. – 2010. – Vol. 2 – P. 15–35.

Goodwin G.P., Johnson-Laird P.N. Reasoning about relations / G.P. Goodwin, P.N. Johnson-Laird // Psychological Review. – 2005. – Vol. 112(2). – P. 468–493.

Green G.M. Pragmatics and natural language understanding: Tutorials in cognitive science series / G.M. Green. – 2nd ed. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Inc., 1996. – 186 p.

Grice H.P. Personal identity / H.P. Grice // Personal Identity; J. Perry (ed.). – Berkeley: University of California Press, 1975a. – P. 73–95.

Grice H.P. Method in philosophical psychology: From the banal to the bizarre / H.P. Grice // Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association. – 1975b. – Vol. 48. – P. 23–53.

Grice H.P. Studies in the Way of Words / H.P. Grice. – Cambridge (Mass.); London: Harvard University Press, 1989. – 394 p.

Harvey St., Goudvis A. Strategies that work: Teaching comprehension for understanding and engagement / St. Harvey, A. Goudvis. – Portland: Stenhouse Publishers, 2007. – 360 p.

Haselton M.G., Bryant G.A., Wilke A., Frederick D.A., Galperin A., Frankenhuis W.E., Moore T. Adaptive rationality: An evolutionary perspective on cognitive bias / M.G. Haselton, G.A. Bryant, A. Wilke, D.A. Frederick, A. Galperin, W.E. Frankenhuis, T. Moore // Social Cognition. – 2009. – Vol. 27(5). – P. 733–763.

Hauser M.D., Chomsky N., Fitch W.T. The faculty of language: What is it, Who has it, and How did it evolve? / M.D. Hauser, N. Chomsky, W.T. Fitch // Science. – 2002. – Vol. 298. – P. 1569–1579.

Hintikka J. Inquiry as inquiry: A logic of scientific discovery / J. Hintikka // J. Hintikka selected papers. – Dordrecht; Boston: Kluwer Academic Publishers, 1999. – Vol. 5. – 289 p.

Holyoak K.J., Cheng P.W. Pragmatic reasoning with a point of view / K.J. Holyoak, P.W. Cheng // Thinking and reasoning. – 1995. – Vol. 1(4). – P. 289–313.

Holyoak K.J., Hummel J.E. Toward an understanding of analogy within a biological symbol system / K.J. Holyoak, J.E. Hummel // *The analogical mind: Perspectives from cognitive science*; D. Gentner, K.J. Holyoak, B.N. Kokinov (eds.). – Cambridge, MA: MIT Press, 2001. – P. 161–195.

Horn L.R. Implicature / L.R. Horn // *The Handbook of Pragmatics*; L.R. Horn, G. Ward (eds.). – Oxford: Blackwell, 2004. – P. 3–28.

Huang Y. Types of inference: Entailment, presupposition, and implicature / Y. Huang // *Handbooks of Pragmatics*; W. Bublitz, N.R. Norrick (eds.). – Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2011. – Vol. 1. – P. 397–421.

Hummel J.E., Holyoak K.J. A symbolic-connectionist theory of relational inference and generalization / J.E. Hummel, K.J. Holyoak // *Psychological Review*. – 2003. – Vol. 110(2). – P. 220–264.

Johnson-Laird P.N. Mental models, deductive reasoning, and the brain / P.N. Johnson-Laird // *The Cognitive Neurosciences*; M.S. Gazzaniga (eds.). – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1995. – P. 999–1008.

Johnson-Laird P.N. Deductive reasoning / P.N. Johnson-Laird // *Annual Review of Psychology*. – 1999. – Vol. 50. – P. 109–135.

Johnson-Laird P.N. The history of mental models / P.N. Johnson-Laird // *Psychology of Reasoning: Theoretical and historical perspectives*; K. Manktelow, M.C. Chung (eds.). – NY: Psychology Press, 2004. – P. 179–212.

Johnson-Laird P.N., Byrne R.M.J. Conditionals: A theory of meaning, pragmatics, and inference / P.N. Johnson-Laird, R.M.J. Byrne // *Psychological Review*. – 2002. – Vol. 109. – №. 4. – P. 646–678.

Johnson-Laird P.N., Lotstein M., Byrne R.M.J. The consistency of disjunctive assertions / P.N. Johnson-Laird, M. Lotstein, R.M.J. Byrne // *Memory & cognition*. – 2012. – Vol. 40(5). – P. 769–778.

Kahneman D., Frederick Sh. A model of heuristic judgment / D. Kahneman, Sh. Frederick // *The Cambridge handbook of thinking and reasoning*; K.J. Holyoak, R.G. Morrison (eds.). – NY: Cambridge University Press, 2005. – P. 267–293.

Kaplan D. DTHAT / D. Kaplan // *Syntax and Semantics*; P. Cole (eds.). – NY: Academic Press, 1978. – Vol. 9. – P. 212–233.

Kecskes I. Dueling contexts: A dynamic model of meaning / I. Kecskes // *Journal of Pragmatics*. – 2008. – Vol. 40. – P. 385–406.

Keene E.O., Zimmermann S. Mosaic of thought: The power of comprehension strategy instruction / E.O. Keene, S. Zimmermann. – 2nd ed. – Portsmouth, NH: Heinemann, 2007. – 292 p.

Kemmerer D. Mind, Brain and Language / D. Kemmer // *The Routledge Handbook of Linguistics*; K. Allan (ed.). – London; NY: Routledge Taylor & Francis Group, 2014. – P. 296–310.

Kintsch W. Learning and constructivism / W. Kintsch // *Constructivist Instruction: Success or failure?*; S. Tobias, T.M. Duffy (eds.). – NY: Routledge, 2009. – P. 223–241.

Kintsch W., Mangalath P. The construction of meaning / W. Kintsch, P. Mangalath // *Topics in Cognitive Science*. – 2011. – Vol. 3. – P. 346–370.

Kosslyn S.M. Mental images and the brain / S.M. Kosslyn // *Cognitive Neuropsychology*. – 2005. – Vol. 22(3/4). – P. 333–347.

Kosslyn S.M., Mast F.W. Visual mental images can be ambiguous: insights from individual differences in spatial transformation abilities / S.M. Kosslyn, F.W. Mast // *Cognition*. – 2002. – Vol. 86. – P. 57–70.

Kosslyn S.M., Rosenberg R.S. *Fundamentals of Psychology: the brain, the person, the world* / S.M. Kosslyn, R.S. Rosenberg. – 2nd ed. – Boston: Allyn & Bacon, Inc., 2004. – 656 p.

Kosslyn S.M., Thompson W.L., Ganis G. The case for mental imagery / S.M. Kosslyn, W.L. Thompson, G. Ganis. – NY: Oxford University Press, 2006. – 256 p.

Kripke S. Naming and necessity / S. Kripke. – Cambridge: Harvard University Press, 1980. – 172 p.

Langacker R.W. *Grammar and Conceptualization* / R.W. Langacker. – Berlin, NY: Mouton de Gruyter, 1999. – 427 p.

Lathrop S.D., Laird J.E. Towards incorporating visual imagery into a cognitive architecture / S.D. Lathrop, J.E. Laird // Proceedings of the 2nd Conference on artificial general intelligence [Электронный ресурс]. – Arlington, USA, 2009. – Режим доступа: <http://www.atlantis-press.com/php/paper-details.php?id=1836>.

Leech G.N. Principles of Pragmatics / G.N. Leech. – London, NY: Longman, 1983. – 257 p.

Levinson S.C. Presumptive Meanings: The theory of generalized conversational implicature / S.C. Levinson. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 2000. – 504 p.

Luque D., Flores A., Vadillo M.A. Revisiting the role of within-compound associations in cue-interaction phenomena / D. Luque, A. Flores, M.A. Vadillo // Learning & Behaviour. – 2013. – Vol. 41. – P. 61–76.

Malle B.F. Attribution theories: How people make sense of behaviour // Theories in social psychology / B.F. Malle; D. Chadee (eds.). – Oxford: Wiley-Blackwell, 2011. – P. 72–95.

Marmolejo-Ramos F., de Juan M.R.E., Gygax P., Madden C.J., Roa S.M. Reading between the lines / F. Marmolejo-Ramos, M.R.E. de Juan, P. Gygax, C.J. Madden, S.M. Roa // Pragmatics & Cognition. – 2009. – Vol. 17(1). – P. 77–107.

Martenson F., Roll M., Apt P., Horne M. Modelling the meaning of words: Neural correlates of abstract and concrete noun processing / F. Martenson, M. Roll, P. Apt, M. Horne // Acta Neurobiologiae Experimentalis. – 2011. – Vol. 71. – P. 455–478.

Menzies T. Applications of Abductions: Knowledge-level modelling / T. Menzies // International Journal of Human-Computer Studies. – 1996. – Vol. 45. – P. 305–335.

Mercier H., Sperber D. Intuitive and reflective inferences / H. Mercier, D. Sperber // In two minds: Dual processes and beyond; J.St.B.T. Evans, K. Frankish (eds.). – Oxford: Oxford University Press, 2009. – P. 149–170.

Moscovitch M., Rosenbaum R.S., Gilboa A., Addis D.R., Westmacott R., McAndrews M.P., Levine B., Black S., Winocur G., Nadel L. Functional neuroanatomy of remote episodic, semantic and spatial memory: a unified account based on

multiple trace theory / M. Moscovitch, R.S. Rosenbaum, A. Gilboa, D.R. Addis, R. Westmacott, M.P. McAndrews, B. Levine, S. Black, G. Winocur, L. Nadel // *Journal of Anatomy*. – 2005. – Vol. 207. – P. 35–66.

Neale S. Paul Grice and the Philosophy of language / S. Neale // *Linguistics and Philosophy*. – Vol. 15(5), 1992. – P. 509–559.

Norcross J.C. Five steps to realizing your goal and resolutions / J.C. Norcross. – NY: Simon & Schuster Paperback, 2012. – 259 p.

Oaksford M., Chater N. Cognition and conditionals: An Introduction / M. Oaksford, N. Chater // *Cognition and conditionals: Probability and logic in human thinking*. – Oxford: Oxford University Press, 2010. – P. 3–36.

Paivio A. Mental representations: A dual coding approach / A. Paivio. – NY: Oxford University Press, 1991. – 326 p.

Paivio A. Dual coding theory and education: Draft chapter for the conference on «Pathways to literacy achievement for high poverty children» / A. Paivio. – The University of Michigan School of Education [Электронный ресурс]. – 2006. – Режим доступа: <http://www.umich.edu/~rdytolrn/pathwaysconference/presentations/paivio.pdf>.

Paivio A. Mind and its evolution: A dual coding theoretical approach / A. Paivio. – Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum Associates Publishers, 2007. – 517 p.

Potts Ch. Presupposition and implicature / Ch. Potts // *For The Handbook of Contemporary Semantic Theory* [Электронный ресурс]. – 2nd ed. – Draft of January 5, 2013. – Режим доступа: <http://pdf.novel4.com/presupposition-and-implicature-stanford-university-w16059>.

Pretz J.E., Naples A.J, Sternberg R.J. Recognizing, defining, and representing problems / J.E. Pretz, A.J. Naples, R.J. Sternberg // *The psychology of problem solving*; J.E. Davidson, R.J. Sternberg (eds.). – Cambridge, NY: Cambridge University Press, 2003. – P. 3–30.

Ramscar M., Yarlett D. Semantic grounding in models of analogy: an environmental approach / M. Ramscar, D. Yarlett // *Cognitive Science*. – 2003. – Vol. 27. – P. 41–71.

Recanati F. Does Linguistic Communication Rest on Inference? / F. Recanati // *Mind & Language*. – 2002. – Vol. 17. – P. 105–126.

Recanati F. Embedded implicatures / F. Recanati // *Philosophical Perspectives*. – 2003. – Vol. 17. – P. 299–332.

Recanati F. Pragmatics and Semantics / F. Recanati // *The Handbook of Pragmatics*; L.R. Horn, G. Ward (eds.). – Oxford: Blackwell, 2004. – P. 442–462.

Rosch E. Principles of Categorization / E. Rosch // *Cognition and categorization*; E. Rosch, B. Lloyd (eds.). – Hillsdale, NJ: Lawrence Erlbaum, 1978. – P. 27–48.

Rosenberg R.S., Kosslyn S.M. *Abnormal psychology* / R.S. Rosenberg, S.M. Kosslyn. – NY: Worth Publishers, 2011. – 963 p.

Sandt van der R., Geurts B. Too / R. van der Sandt, B. Geurts // *Proceedings of the 13th Amsterdam colloquium*; R. van Rooy, M. Stokhof (eds.). – University of Amsterdam: ILLC, 2001. – P. 180–185.

Schacter D.L., Verfaellie M., Koutstaal W. Memory illusions in amnesic patients / D.L. Schacter, M. Verfaellie, W. Koutstaal // *Neuropsychology of memory*; L. Squire, D. Schacter (eds.). – 3rd ed. – NY: The Guilford Press, 2002. – P. 114–129.

Schlenker P. Presupposition Projection: the New Debate / P. Schlenker // *Proceedings from Semantics and Linguistic Theory*; T. Friedman, S. Ito (eds.) [Электронный ресурс]. – 2008. – Vol. 18. – P. 655–693. – Режим доступа: <http://elanguage.net/journals/salt/article/view/18.655/1924>.

Schlenker P. Local contexts / P. Schlenker // *Semantics & Pragmatics*. – 2009. – Vol. 2. – Article 3. – P. 1–78.

Schlenker P. Presuppositions and local context / P. Schlenker // *Mind*. – 2010. – Vol. 119(474). – P. 377–391.

Shah P., Miyake A. An introduction / P. Shah, A. Miyake // *Models of working memory: Mechanisms of active maintenance and executive control*; A. Miyake, P. Shah (eds.). – Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1999. – P. 1–27.

Simons M. Observations on embedding verbs, evidentiality, and presupposition / M. Simons // *Lingua*. – 2007. – Vol. 117(6) – P. 1034–1056.

- Smith E.R., Conrey F.R. The social context of cognition / E.R. Smith, F.R. Conrey // *The Cambridge handbook of situated cognition*; P. Robbins, M. Aydede (eds.). – Cambridge; NY: Cambridge University Press, 2009. – P. 454–466.
- Soams S. Reference and description: The case against two-dimensionalism / S. Soams // *Philosophy of Language*. – Oxford: Blackwell, 2005. – P. 397–426.
- Sperber D., Wilson D. Pragmatics, modularity and mind-reading / D. Sperber, D. Wilson // *Mind and Language*. – 2002. – Vol. 17. – P. 3–23.
- Sperber D., Wilson D. Pragmatics / D. Sperber, D. Wilson // *Oxford Handbook of Contemporary Analytical Philosophy*; F. Jackson, M. Smith (eds.). – Oxford: Oxford University Press, 2005. – P. 468–501.
- Stalnaker R.C. Common ground / R.C. Stalnaker // *Linguistics and Philosophy*. – 2002. – Vol. 25. – P. 701–721.
- Stanovich K.E. On the distinction between rationality and intelligence: Implications for understanding individual differences in reasoning / K.E. Stanovich // *The Oxford handbook of thinking and reasoning*; K. Holyoak, R. Morrison (eds.). – NY: Oxford University Press, 2012. – P. 343–365.
- Sternberg R.J. The theory of successful intelligence / R.J. Sternberg // *Interamerican Journal of Psychology*. – 2005. – Vol. 39(2). – P. 189–202.
- Stout S.C., Miller R.R. Sometimes competing retrieval (SOCR): A formalization of the comparator hypothesis / S.C. Stout, R.R. Miller // *Psychological Review*. – 2007. – Vol. 114. – P. 759–783.
- Thagard P. How brains make mental models / P. Thagard // *Model-based reasoning in Science & Technology: studies in Computational Intelligence*; L. Magnani et al. (eds.), 2010. – Vol. 314. – P. 447–461.
- Tulving E. Episodic memory: From mind to brain / E. Tulving // *Review of Psychology*. – Atlanta: Emory University, 2002. – Vol. 53. – P. 1–25.
- Tversky B. Spatial cognition embodied and situated / B. Tversky // *The Cambridge handbook of situated cognition*; P. Robbins, M. Aydede (eds.). – Cambridge; NY: Cambridge University Press, 2009. – P. 201–216.

Ungerer F., Schmid H-J. An introduction to cognitive linguistics / F. Ungerer, H-J. Schmid. – London, NY: Longman, 1996. – 306 p.

Vosgerau G. The perceptual nature of mental models / G. Vosgerau // *Mental models and the mind: Current developments in cognitive Psychology, Neuroscience, and Philosophy of mind*; C. Held, M. Knauff (eds.). – NY: Elsevier, 2006. – P. 255–275.

Wang Y. On cognitive models of causal inferences and causation networks / Y. Wang // *International Journal of Software Science and Computational Intelligence*. – 2011. – Vol. 3(1). – P. 50–60.

Wharton T. Paul Grice, saying and meaning / T. Wharton // *UCL Working Papers in Linguistics*, 2002. – Vol. 14. – P. 207–248.

Whitten Sh., Graesser A.C. Comprehension of text in problem solving / Sh. Whitten, A.C. Graesser // *The psychology of problem solving*; J.E. Davidson, R.J. Sternberg (eds.). – Cambridge, NY: Cambridge University Press, 2003. – P. 207–229.

Wilson D., Carston R. Metaphor, relevance and the «emergent property» issue / D. Wilson, R. Carston // *Mind & Language*. – 2006. – Vol. 21. – P. 404–433.

Wilson D., Carston R. A unitary approach to lexical pragmatics: Relevance, inference and ad hoc concepts / D. Wilson, R. Carston // *Pragmatics*; N. Burton-Roberts (ed.). – London: Palgrave, 2007. – P. 230–259.

Wilson D., Sperber D. Relevance theory / D. Wilson, D. Sperber // *The Handbook of Pragmatics*; L.R. Horn, G. Ward (eds.). – Oxford: Blackwell, 2004. – P. 607–632.

Wodak R. Critical discourse analysis: history, agenda, theory and methodology / R. Wodak // *Critical discourse analysis*; R. Wodak, M. Meyer (eds.). – 2nd ed. – London: Sage Publications Ltd., 2009. – P. 1–33.

Wolff P., Malt B.C. The Language – Thought Interface: An Introduction // *Words and the Mind: How Words Capture Human Experience*; B.C. Malt, P. Wolff (eds.). – Oxford, NY: Oxford University Press Inc., 2010. – P. 3–15.

Yen W., Barsalou L.W. The situated nature of concepts / W. Yen, L.W. Barsalou // *American Journal of Psychology*. – 2006. – Vol. 119(3). – P. 349–384.

Yule G. Pragmatics / G. Yule. – Oxford: Oxford University Press, 1996. – 152 p.

Zwaan R.A. Immersed experienter: Toward an embodied theory of language comprehension / R.A. Zwaan // The Psychology of learning and motivation; В.Н. Ross (ed.). – San Diego: Elsevier Academic Press, 2004. – P. 35–63.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И СПРАВОЧНЫХ ИЗДАНИЙ

АРФС: Англо-русский фразеологический словарь; сост. А.В. Кунин. – 4-е изд. испр. и доп. – М.: Русский язык, 1984. – 942 с.

БТПС1: Большой толковый психологический словарь: в 2 т.; пер. с англ. А. Ребер. – М.: Вече АСТ, 2000. – 2-е изд. – Т.1. – 592 с.

БТПС2: Большой толковый психологический словарь: в 2 т.; пер. с англ. А. Ребер. – М.: Вече АСТ, 2000. – 2-е изд. – Т.2. – 560 с.

Всё о русских именах; сост. Л.С. Конева. – Минск: Харвест, 2003. – 650 с.

ИЭМ: Иллюстрированная энциклопедия моды. – 3-е изд. – Прага: Арттия, 1988. – 608 с.

Кондаков Н.И. Логический словарь / Н.И. Кондаков. – М.: Изд-во «Наука», 1971. – 656 с.

Кондрашов В.А., Чекалов Д.А., Копорулина Н.В. Новейший философский словарь / В.А. Кондрашов., Д.А. Чекалов, Н.В. Копорулина; под общ. ред. А.П. Ярещенко. – Ростов н/Д: Феникс, 2005. – 672 с.

КФЭ: Краткая философская энциклопедия; ред-сост. Е.Ф. Губский, Г.В. Кораблева, В.А. Лутченко. – М.: Изд. группа «Прогресс», 1994. – 576 с.

КСКТ: Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М.: Изд-во МГУ, 1996. – 245 с.

ЛРС: Латинско-русский словарь; сост. И.Х. Дворецкий. – М.: Русский язык, 1976. – 1096 с.

Мюллер В.К. Англо-русский словарь / В.К. Мюллер. – М.: Русский язык, 1992. – 842с.

Ожегов С.И. Словарь русского языка / С.И. Ожегов. – М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1963. – 900 с.

Психология. Словарь; общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Политиздат, 1990. – 494 с.

Суперанская А.В. Словарь русских личных имён / А.В. Суперанская; Российская акад. наук; Ин-т языкознания РАН. – М.: АСТ, 1998. – 522 с.

ФЭС: Философский энциклопедический словарь; ред. кол. Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. – М.: Советская энциклопедия, 1983. – 840 с.

Хорнби А.С. Учебный словарь современного английского языка. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2001. – 1568 с.

Шейко Н.И. Русские имена и фамилии: смысл человеческого имени, справочник русских имён, отчества, имена и фамилии, в имени наша судьба / Н.И. Шейко. – М.: Вече, 2005. – 304 с.

ЯБЭС: Языкознание. Большой энциклопедический словарь; гл. ред. В.Н. Ярцева; редкол.: Н.Д. Арутюнова, В.А. Виноградов, В.Г. Гак и др. – М.: Большая Российская энциклопедия, 1998. – 685 с.

Behind the Name: the Etymology and History of First Names [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.behindthename.com>.

CDPT: Commens Dictionary of Peirce's Terms [Электронный ресурс]. – 2003. – Режим доступа: <http://www.helsinki.fi/science/commens/dictionary.html>.

Chambers J.G. Slang Dictionary. – Edinburgh: Chambers Harrap Publishers, Ltd., 2008. – 1520 p.

Hornby A.S. Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English (revised and updated). – Delhi: Oxford University Press, 1989. – 1037 p.

Kuskovskaya S. English Proverbs and Sayings. – Minsk: Vysheishaya shkola Publishers, 1987. – 253 p.

LDCE: Longman Dictionary of Contemporary English. – London: Longman, 1992. – Vol. I, II. – 1229 p.

SEP: Stanford Encyclopedia of Philosophy [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://plato.stanford.edu/entries/presupposition>.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ ФАКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛА

Для мальчиков и девочек: Книга для чтения на английском языке, III–IV классы; сост. С.М. Паевич. – М.: Просвещение, 1971. – 349с.

Набоков В.В. Другие берега / В.В. Набоков // Собрание сочинений: в 4 т. – М.: Изд-во «Правда», 1990. – Т.4. – С. 133–304.

Плющенко выписан из больницы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://news.sportbox.ru/Vidy_sporta/Figurnoe_katanie/spbnews_NI441056_Plyuschenko-vipisan-iz-bolinici/pdf.

Шаблинская О.В. Интервью с И. Глазуновым. Грядет тоталитарная демократия / О.В. Шаблинская // Аргументы и факты. – 2006. – № 6.

Carroll L. Alice in Wonderland / L. Carroll; предисл. Д. Урнова, комм. Л. Головчинской. – М.: Прогресс, 1967. – 234с.

Carroll L. Through the Looking-glass / L. Carroll; предисл. Д. Урнова, комм. О. Гавриловой. – М.: Прогресс, 1966. – 228с.

Christie A. Selected Stories / A. Christie. – Moscow: Progress Publishers, 1976. – 333 p.

Defoe D. The Life and Surprising Adventures of Robinson Crusoe / D. Defoe. – N.Y.: Burt, s.a., 1965. – 452 p.

Hardy Th. Tess of the d'Urbervilles / Th. Hardy; J. Grindle, S. Gatrell (eds.). – Oxford: Oxford University Press, 1988. – 442 p.

Huxley A. The Portrait / A. Huxley // English Stories: книга для чтения на английском языке; сост. И.К. Кочеткова. – М.: Высшая школа, 1993. – Р. 5–15.

Kipling R. Poems. Short Stories / R. Kipling. – М.: Raduga Publishers, 1983. – 457 p.

Lee J. Most Popular Baby Name Starts With M (or Is It J?) / J. Lee // New York Times. – 12.10.2007.

Reid M. Headless Horseman: A Strange Tale of Texas / M. Reid. – London: Charles H. Clark, 13 Paternoster Row, 1969. – 470 p.

Sabatini R. Captain Blood: His Odyssey / R. Sabatini. – Boston; N.Y.: Houghton Mifflin Company, 1962. – 350 p.

Show B. Pygmalion // Pygmalion. Caesar and Cleopatra: книга для чтения на английском языке / B. Show. – СПб: Аналогия, КАРО, 2006. – P. 10–81.

Tolkien J.R.R. The Lord of the Rings / J.R.R. Tolkien. – Harper Collins Publishers, 1990. – 1193 p.

Ward A.C. Illustrated History of English Literature / A.C. Ward. – Vol. I. – London: Longmans Green & Co, 1957. – 836 p.

Webster J. Daddy-Long-Legs / J. Webster. – М.: Высшая школа, 1976. – 87 p.

ria.ru/world/20150317/1053090524.html.

ru.wikipedia.org/wiki.

www.perevoding.com/?p=952

www.zelo.com